
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 9, № 4, 2017

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

SOCIETY OF RUSSIA: HISTORICAL SPACE, LINGUISTIC STRUCTURES AND PHILOSOPHICAL VALUES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 9, Number 4, 2017

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2017

Научно-Инновационный Центр

Кrasnoyarsk, 2017

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 9, № 4, 2017, 448 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Society of Russia: historical space, linguistic structures and philosophical values, Volume 9, Number 4, 2017, 448 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2017

Члены редакционной коллегии

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация).

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина» (Саратов, Российская Федерация).

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация).

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация).

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация).

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация).

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, Член Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация).

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии и истории ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация).

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация).

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация).

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры» (Москва, Российская Федерация).

Покрищук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация).

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация).

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация).

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация).

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация).

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д. С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация).

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация).

Editorial Board Members

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI "Higher school of social relationships" (Minusinsk, Russian Federation).

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department "Foreign Languages and Professional Communication", Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation).

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation).

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G.Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation).

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation).

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation).

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Member of the All-Russian Public Organization "Russian Association of Linguists and Cognitive Scientists" (St. Petersburg, Russian Federation).

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor of the Management Department, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation).

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science and History, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation).

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation).

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation).

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Anthropology, Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russian Federation).

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation).

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation).

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation).

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation).

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation).

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation).

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution "Kirov Regional Museum of Local Lore", Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions "Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen" (Kirov, Russian Federation).

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

NATIONAL HISTORY

УДК 908

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-7-21

ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950-1980-х гг. В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ

Гущин А.А.

***Цель.** Целью статьи является анализ состояния жилищно-бытовых условий и жилищно-коммунального хозяйства Пензенской области в 1950–1980-х гг., а также их отражения в исторической памяти населения.*

***Метод или методология проведения работы.** В основе исследования лежат принципы научности, объективности и историзма. Были использованы общенаучные методы: анализ, сравнение, обобщение, а также методы исторического исследования: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический.*

***Результаты.** Проведенное исследование показывает, что в 1950–1980-х гг. жилищно-бытовые условия населения в Пензенской области значительно улучшились. При этом, определенные проблемы сохранялись, в частности с качеством жилых домов, наличием водоснабжения, газа, центрального отопления, канализации. Кроме того, работа органов жилищно-коммунального хозяйства иногда вызывала нарекания. Отношение к жилищно-бытовым условиям, органам жилищно-коммунального хозяйства, сохранившееся в исторической памяти населения в целом соответствует имеющимся фактическим данным.*

***Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть использованы при разработке специальных курсов по истории России, а также в процессе преподавания дисциплины в вузе.*

Ключевые слова: СССР; история; жилищно-коммунальное хозяйство; жилищные условия; благоустройство; повседневность; историческая память; уровень жизни; Пенза.

HOUSING MAINTENANCE AND UTILITIES BOARD OF PENZA REGION IN 1950–1980 FROM THE POPULATION'S VIEW

Gushchin A.A.

Purpose. *The aim of the article is to analyze the housing conditions and housing maintenance and utilities board of Penza Region in 1950–1980, as well as their perception in population's historical memory.*

Methodology. *We've used scientific, objective and historical principles. We've used general scientific methods: analysis, comparison, generalization; as well as the historical research methods: problematic-chronological and comparative-historical.*

Results. *The research shows that in Penza region the housing conditions in 1950–1980 has become better. However, there were some same problems, e.g. the quality of housing, the availability of running water, gas, central heating, and canalization. Besides, the work of housing maintenance and utilities board gave rise to unfavorable criticism. The attitude to housing conditions, housing maintenance and utilities board, existing in population's historical memory, corresponded to the real data.*

Practical implications. *The results can be applied in special courses in Russian History, as well as in other historical disciplines.*

Keywords: *Soviet Union; history; housing maintenance and utilities board; housing conditions; beautification; daily life; historical memory; the life level; Penza.*

Жилищно-бытовые условия являются одним из важнейших показателей качества жизни населения. Проблема с благоустройством жилья до сих пор стоит достаточно остро, особенно в сельской местности. Даже в начале XXI в. привычной картиной многих го-

родов остаются неблагоустроенные деревянные дома. Кроме того, большое значение для создания комфортных условий жизни населения имеет уровень благоустройства населенного пункта: качество дорожного покрытия, развитие городского транспорта, обеспеченность улиц электрическим освещением, озеленение и санитарная очистка. Кроме того, трудно представить быстрое развитие экономики без нормально функционирующего жилищно-коммунального хозяйства. В этом контексте, изучение истории жилищно-коммунального хозяйства, жилищно-бытовых условий населения важно для объективной оценки качества жизни населения во второй половине XX в.

В СССР быстрые темпы урбанизации, связанные с индустриализацией страны, к середине XX в. резко обострили жилищный вопрос. В условиях плановой экономики государство взяло на себя задачу по обеспечению населения благоустроенным жильем, однако высокие темпы урбанизации в стране, ветхость имеющегося жилого фонда, отсутствие мощной индустриальной базы для жилищного и коммунального строительства в данный период обусловили отставание темпов возведения и благоустройства жилья от темпов роста запросов населения в жилищно-бытовой сфере.

Для того, чтобы получить объективную картину жилищно-бытовых условий жизни населения, необходимо рассматривать не только объемы возводимого жилья и степень его благоустройства, но и попытаться проследить, как население оценивало свои жилищные условия, работу органов жилищно-коммунального хозяйства, мероприятия по благоустройству.

Многие исследователи, обращаясь к изучению жилищного вопроса в СССР, рассматривали его в рамках изучения социальной политики советского государства и уровня жизни населения. При этом более полно была изучена первая половина XX века. Так, например, М.Г. Меерович, рассматривая жилищную политику СССР, видит причину плохих жилищных условий населения в целенаправленной политике советской власти, а не в социально-экономической ситуации [13], И.Б. Орлов отмечает зависимость политики в обла-

сти жилищно-коммунального хозяйства от общей модели экономического развития [18]. При изучении жилищных условий советских граждан исследователи, как правило, обращаются к вопросам обеспеченности населения жильем и его благоустройства. При этом вопросы повседневности, восприятия населением жилищных условий изучены более слабо. Однако, в последнее время исследователи начали обращать большее внимание на городскую повседневность, отношение самих жильцов к жилищно-бытовым условиям, к органам жилищно-коммунального хозяйства [1]. Например, И.В. Утехин, исследуя быт коммунальных квартир, обращает внимание на вопросы взаимоотношения соседей, сложившихся норм и традиций в коммунальной среде [24], Н.Б. Лебина рассматривает жилищные условия населения при изучении городской повседневности, вопросы влияния коммунального быта на психологию людей [11]. В целом, рассмотрение проблем повседневности в контексте изучения жилищного вопроса, жилищно-коммунального хозяйства позволяет дать более объективную характеристику жилищно-бытовым условиям населения в рассматриваемый период.

В ходе исследования было проведено анкетирование на тему жилищно-бытовых условий населения в 1950-х – начале 1980-х гг., в котором принял участие 171 респондент из Пензенской области, в том числе 41 человек 1920–1940-х гг. рождения и 130 – 1950–1975 гг. Из опрошенных в рассматриваемый период 76 проживали в сельской местности и 95 – в городской, в том числе, 77 – в областном центре [12]. Необходимо учитывать, что анкетирование проводилось по прошествии значительного периода времени, следовательно, на ответы респондентов могли повлиять как произошедшие перемены в стране, так и круг общения, текущие жилищно-бытовые условия. Исследователи отмечают, что обыденное знание о прошлом складывается из знаний, основанных на личном опыте, а также знания о прошлом социальных групп, членом которых является данный индивид [21, с. 6]. При этом реальность преломляется их сознанием, и ее образ запечатлевается в памяти людей как истинный рассказ [20, с. 6]. Анкетирование помогает проследить

как жилищно-бытовые условия, жилищно-коммунальное хозяйство населенных пунктов рассматриваемого периода отразились в исторической памяти населения. Хотя термин «историческая память» интерпретируется авторами по-разному, в контексте данной работы целесообразно рассматривать историческую память как «совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты» [21, с. 39].

В 1950–1980-е гг. в Пензенской области, как и по всей стране активно решалась жилищная проблема: возводилось огромное количество новых жилых домов, быстрыми темпами шла работа по благоустройству жилья, как в имеющихся, так и во вновь возводимых домах. Если за 1918–1940 гг. по всей стране было введено в эксплуатацию 408,9 млн. м² общей полезной площади, то только в шестой пятилетке (1956–1960 гг.) было построено 474,1 млн. м² жилой площади [15, с. 420]. Средний размер жилой площади на одного человека, проживающего в городах и рабочих поселках страны, к 1953 г. в обобществленном жилищном фонде составлял 5,6 м² [23, с. 176–178]. А к 1985 г. средняя обеспеченность жильем составила в городской местности 14,6 м² на человека и 15,6 м² в сельской [16, с. 517].

В Пензенской области за годы двух послевоенных пятилеток было построено 2531,1 тыс. м² жилой площади, в шестой пятилетке уже 3462,8 тыс. м² жилья [19, с. 340]. В последующий период сохраняются высокие темпы строительства жилых домов. За годы восьмой и девятой пятилеток было построено более 5,6 миллионов м² жилой площади [19, с. 405], в десятой – 2978 тыс. м², в одиннадцатой – 3340 тыс. м² [14, с. 249]. Несмотря на ввод в эксплуатацию значительных жилых площадей в рассматриваемый период, жилищная проблема сохраняла свою актуальность. Это нашло свое отражение и в ответах респондентов. Так, оценивали уровень благоустройства своего жилья отлично 16,9%, хорошо 30,1%, нормально 40,4%, плохо 9,6%, очень плохо 3% опрошенных [12].

Для комфортной жизни важно не только наличие благоустроенного жилья, но и бесперебойная подача электроэнергии, воды, газа. Это имело важное значение и для жизнеобеспечения городского хозяйства в целом. За рассматриваемый период уровень благоустройства жилых домов значительно вырос. Электроэнергией к 1950 г. по Пензенской области было обеспечено 95,8% обобщественного сектора и 65,3% индивидуального. Водопроводом в обобщественном секторе было оборудовано только 23,5% жилья. Даже в областном центре этот показатель составлял всего 32,5% [8, л. 10]. Во многих районных центрах области население пользовалось шахтными колодцами с водой, не отвечающей санитарным нормам [2, л. 65]. Центральным отоплением было оборудовано по г. Пензе 17% жилой площади в домах предприятий и организаций. Канализация была только в областном центре, ей было оборудовано всего 5% жилой площади города [8, л. 6]. К 1985 г. по Пензенской области обобщественный жилой фонд был обеспечен электрическим освещением на 100%, водопроводом на 77,1%, канализацией на 70,1%, центральным отоплением на 70%, газом на 90,4 %, горячей водой на 37,7% [7, л. 21–21 об.].

В условиях быстрорастущего города перебои подачи электроэнергии, водоснабжения, газа были неизбежны. Это зафиксировалось и в исторической памяти населения. При этом, об отключении газа респонденты помнят гораздо меньше, чем об отключении электроэнергии и водоснабжения. Ответы на вопрос «Как часто происходили отключения света?» показали следующее распределение респондентов: часто 12,7%, иногда 38,9%, редко 40,1%, никогда 8,3%. Про отключение горячей воды респонденты ответили следующим образом: часто 23,2%, иногда 24,6%, редко 31,9%, никогда 20,3%, про отключение холодной воды: часто 5,7%, иногда 29,3%, редко 46,3%, никогда 18,7%. Про случаи отключения газа респонденты вспоминали реже всего. Из опрошенных на этот вопрос дали ответ часто только 1,7%, иногда 5,2%, редко 37,1%, никогда 56% [12].

В рассматриваемый период значительное количество граждан переезжало из неблагоустроенного жилья в новые квартиры.

Интересно, что получившие жилье в 1950–1980-е гг. оценивали новое жилье достаточно хорошо, но далеко не всегда отлично. Такое отношение вполне вписывается в общую картину благоустройства нового жилья, при строительстве которого нередко были различные «недоделки». Так, в 1957 г. удельный вес жилых домов, принятых с хорошей оценкой по качеству составлял всего 30% [22, с. 309–310]. В 1962 г. в Пензенском обкоме КПСС отмечали, что при строительстве новых домов имеют место факты, когда «плиты поступают на стройки с неровной поверхностью, изогнутыми, слабыми по прочности, с открытой арматурой» [3, л. 37]. Несмотря на повышение качества возводимого жилья, недостатки при строительстве жилых зданий были и в последующий период. Так, постоянная комиссия по жилищно-коммунальному хозяйству при Пензенском горисполкоме отмечала в 1983 г., что «новоселов не удовлетворяет качество выполненных строительных и монтажных работ, столярные изделия, полы из дсп и линолеума. Много поступает жалоб на протечку кровли» [5, л. 107]. При этом, необходимо учитывать, что получение нового жилья, даже несмотря на различные «недоделки», воспринималось как большое радостное событие в жизни советского человека, особенно если до этого люди проживали в крайне тяжелых условиях. Из опрошенных 36,8% респондентов получали новое жилье в 1950–1980-е гг. Оценка качества полученного жилья была следующей: отличная – 15,9%, хорошая – 34,9%, нормальная – 46%, плохая – 3,2% [12].

Нужно отметить, что в определенных случаях население проживало в крайне неблагоприятных условиях, не было удовлетворено имеющимися жилищно-бытовыми условиями. Так, по данным ЦСУ СССР на 1 января 1981 г. в городах и рабочих поселках страны оставалось барачных и жилых помещений в подвалах – 5,2 млн. м², где проживало 520,3 тыс. человек [10, л. 65]. В Пензенской области в 1985 г. в обобщественном жилом фонде в ветхих домах проживало 23368 человек на площади 300,7 тыс. м², в аварийных на площади 68,8 тыс. м² проживало 5296 человек [6, л. 13]. В 1984 г. в очереди

на улучшение жилищных условий в области состояло более 41 тыс. семей [5, л. 231].

В 1950–1980-е гг. населенные пункты преобразались, особенно города. Строились дороги, мосты, разбивались парки и скверы. Была проделана значительная работа по благоустройству населенных пунктов области, особенно областного центра. При оценке уровня благоустройства населенных пунктов в 1950–1980-х гг. мнение населения разделилось. В восприятии населения это отразилось следующим образом. Благоустройство своего населенного пункта оценивали отлично 11%, хорошо 25,2%, нормально 41,7%, плохо 20,3%, очень плохо 1,8% респондентов [12]. При этом, Пензенская область к 1980-м гг. добилась значительных успехов в плане благоустройства. Так, Постановлением Совета Министров РСФСР и Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов от 12 февраля 1981 г. № 93 «Об итогах Всероссийского социалистического соревнования автономных республик, краев, областей, городов Москвы и Ленинграда за лучшее проведение работ по благоустройству и санитарное содержание населенных пунктов за второе полугодие 1980 г.» победителями (1 место) были признаны Пензенская и Ярославская области, города Москва и Ленинград с присвоением переходящего Красного Знамени и денежными премиями [9, л. 25]. Ранее Пензенская область не занимала призовых мест в данном соревновании, хотя дважды отмечалась хорошая работа по благоустройству [9, л. 28].

При проведении работ по благоустройству населенных пунктов государство активно использовало энтузиазм трудящихся. В период советской власти население часто привлекалось к выполнению общественно-полезного труда в рамках «субботников», в том числе к мероприятиям по благоустройству. 12 апреля 1969 г. состоялся первый всесоюзный субботник. Эти субботники начали проводить ежегодно [25, л. 185]. Большинство респондентов отмечали, что часто участвовали в мероприятиях по благоустройству. Примечательно, что в памяти населения закрепилось положительное отно-

шение к подобным мероприятиям. Из опрошенных участвовали в субботниках часто – 72,8%, иногда – 19,5%, редко 5,3%. Высказались по отношению к проведению субботников положительно – 65,3%, скорее положительно – 27,5%, скорее отрицательно – 4,8%, отрицательно – 2,4% респондентов [12].

Для обеспечения нормального функционирования городского хозяйства, благоустройства жилья большое значение имела работа органов жилищно-коммунального хозяйства. Население часто обращалось в данные службы, при этом редко получало отказы. Однако скорость и качество работы органов жилищно-коммунального хозяйства не всегда отвечали запросам населения. В восприятии населения сохранилась удовлетворительная оценка служб жилищно-коммунального хозяйства в 1950–1980-х гг., скорость работы этих служб оценивалась несколько хуже. Так, респонденты оценивали качество работы служб жилищно-коммунального хозяйства следующим образом: отлично 7,7%, хорошо 15,5%, нормально 57,4%, плохо 16,3%, очень плохо 3,1%. А при оценке скорости работы служб жилищно-коммунального хозяйства давали следующие ответы: отлично 9,3%, хорошо 14,4%, нормально 50,9%, плохо 20,3%, очень плохо 5,1% [12].

Из опрошенных обращались в аварийно-ремонтные службы жилищно-коммунального хозяйства в рассматриваемый период 51,5% опрошенных респондентов, из которых часто 6,8%, редко 44,3%, иногда 48,9%. При этом, на вопрос получали ли отказ респонденты отвечали часто 3,4%, редко 19,8%, иногда 19,8%, никогда 57% [12]. Очевидно, что в рассматриваемый период работа органов жилищно-коммунального хозяйства вызывала немало нареканий граждан. В случаях, когда граждане не имели возможности решить свои жилищно-бытовые проблемы, они обращались в различные инстанции. Показательно, что чаще всего население обращалось в органы власти по поводу улучшения жилищных условий. Так, в 1969 г. в Пензенский обком КПСС поступило 2328 писем, жалоб и заявлений, из которых значительная часть (474) касалась жилищных вопросов, в том числе, ремонта жилья [4, л. 23].

Несмотря на то, что в рассматриваемый период жилищная проблема так и не была решена окончательно, а деятельность служб жилищно-коммунального хозяйства нередко вызывала нарекания граждан, была проделана большая работа по решению жилищного вопроса, значительная часть населения улучшила свои жилищные условия. Население Пензенской области за рассматриваемый период, по большей части, было обеспечено электричеством и газом. Однако оставалось еще немало проблем, особенно за пределами областного центра. Прежде всего это касалось наличия водопровода, канализации и центрального отопления. Горячая вода была в домах менее половины жителей населения Пензенской области, что могло компенсироваться наличием газовых колонок. Кроме того, сохранялись проблемы с содержанием имеющегося жилого фонда и качеством строительства нового жилья. Это примерно соответствует результатам проведенного анкетирования. В Пензенской области была проделана большая работа по благоустройству и санитарному состоянию населенных пунктов, что было отмечено на республиканском уровне. Однако, это слабо отразилось в исторической памяти населения. При этом, на восприятии населением жилищно-бытовых условий не могло не повлиять увеличение уровня социальных ожиданий на протяжении второй половины XX в. В целом, несмотря на известные проблемы, имеющиеся данные позволяют говорить о том, что в памяти населения зафиксировалось достаточно позитивное отношение к жилищно-бытовым условиям, благоустройству населенных пунктов, особо стоит выделить положительное отношение населения к участию в мероприятиях по благоустройству. Значительная часть респондентов оценивала свои жилищные условия и благоустройство города нормально и хорошо, а оценка работы органов жилищно-коммунального хозяйства была скорее удовлетворительной.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Советское общество в условиях социокультурной трансформации (вторая половина 1970-х – начало 1990-х гг.)» № 16-31-00009.

Список литературы

1. Агеева В. А., Мерзляков М. П. Повседневный мир советского общества как предмет изучения отечественных исследователей // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2017. №2. С. 208–212.
2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО) Ф. П 148. Оп. 1. Д. 3123.
3. ГАПО Ф. П 148. Оп. 1. Д. 4111.
4. ГАПО Ф. П 148. Оп. 1. Д. 4860.
5. ГАПО Ф. Р 453. Оп. 1а. Д. 1355.
6. ГАПО Ф. Р 921. Оп. 12. Д. 303.
7. ГАПО Ф. Р 921. Оп. 12. Д. 304.
8. ГАПО Ф. Р 2038. Оп. 1. Д. 1998.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. А 259. Оп. 48. Д. 3200.
10. ГАРФ Ф. Р 5446. Оп. 140. Д. 1504.
11. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930-е годы. СПб.: Журнал «Нева» - ИД «Летний Сад», 1999. 320 с.
12. Материалы полевых исследований (февраль – ноябрь 2016 г.) // Отчет о промежуточных результатах НИР по проекту «Советское общество в условиях социокультурной трансформации (вторая половина 1970-х – начало 1990-х гг.)» № 16-31-00009. Протокол заседания кафедры «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета № 5 от 21.12.2016.
13. Меерович М.Г. Наказание жилищем: Жилищная политика СССР, как средство управления людьми(1917–1937 годы). М.: Российская политическая энциклопедия(РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 303 с.
14. Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. Ежегодник / ЦСУ РСФСР. М.: Финансы и статистика. 1986. 398 с.
15. Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Стат. Ежегодник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика. 1986. 655 с.
16. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. 766 с.

17. Население России за 100 лет (1897–1997): Стат.сб. / Госкомстат России. М., 1998. 222 с.
18. Орлов И.Б. Советское жилищное хозяйство в 1920–1930-е гг.: между классовой линией и самокупаемостью // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 2. С. 78–85.
19. Очерки истории Пензенской организации КПСС (изд. 2-е, дополненное и переработанное). Под редакцией Г. В. Мясникова. Саратов, 1983. 504 с.
20. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07 М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
21. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. Препринт WP6/2004/07 М.: ГУ ВШЭ, 2004. 56 с.
22. Сафонова Е.А. Жилищная проблема, пути и методы ее решения в период хрущевских преобразований (по материалам Пензенской области) // Исторические записки: Межвузовский сборник научных трудов / Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского. Пенза, 2000. С. 306–313.
23. Справка ЦСУ СССР Л.М. Кагановичу о состоянии городского жилищного фонда в 1940–1952 гг. // Советская жизнь. 1945–1953 гг. Сб. документов. М., 2003. С. 174–182.
24. Утехин И.В. Очерки коммунального быта. 2-е изд., доп. М.:ОГИ, 2004. 277 с.
25. Хакимов Р.Ш. Эксплуатация энтузиазма: советский опыт (1918–1991) // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 2 (384). Экономические науки. Вып. 52. С. 182–189.

References

1. Ageeva V.A., Merzlyakov M.P. Povsednevnyi mir sovetskogo obshchestva kak predmet izucheniya otechestvennykh issledovatelei [The everyday world of Soviet society as an object of study of domestic researchers]. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova* [Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov]. 2017. no. 2, pp. 208–212.

2. *Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti (GAPO)* [State Archive of Penza region (GAPO)] F. P 148. Op. 1. D. 3123.
3. *GAPO* F. P 148. Op. 1. D. 4111.
4. *GAPO* F. P 148. Op. 1. D. 4860.
5. *GAPO* F. R 453. Op. 1a. D. 1355.
6. *GAPO* F. R 921. Op. 12. D. 303.
7. *GAPO* F. R 921. Op. 12. D. 304.
8. *GAPO* F. R 2038. Op. 1. D. 1998.
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. A 259. Op. 48. D. 3200.
10. *GARF* F. R 5446. Op. 140. D. 1504.
11. Leбина N. B. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930-e gody* [Daily life of the Soviet city: Norms and anomalies. 1920s–1930s]. Saint Petersburg: Zhurnal “Neva” – ID “Letnii Sad” [Journal “Neva” – Publishing house “Summer Garden”], 1999. 320 p.
12. Materialy polevykh issledovaniy (fevral' – noyabr' 2016 g.) [Field research materials (February–November 2016)]. *Otchet o promezhutochnykh rezul'tatakh nauchno-issledovatel'skoy raboty po projektu «Sovetskoye obshchestvo v usloviyakh sotsiokul'turnoy transformatsii (vtoraya polovina 1970-kh – nachalo 1990-kh gg.)»* [Report on the intermediate results of research work on the project “Soviet Society in the context of socio-cultural transformation (second half of the 1970s – early 1990's.”)] № 16-31-00009. Protokol zasedaniya kafedry «Istoriya Rossii, krayevedeniye i metodika prepodavaniya istorii» Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta [Protocol of the meeting of the department “History of Russia, Local History and Methods of Teaching History” of the Penza State University] № 5 ot 21.12.2016.
13. Meerovich M.G. *Nakazanie zhilishchem: Zhilishchnaya politika SSSR, kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917–1937 gody)* [Punishment by dwelling: The housing policy of the USSR, as a means of managing people (1917–1937)]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N.El'tsin [Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation of the First President of Russia B.N. Yeltsin], 2008. 303 p.

14. *Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1985 g.: Stat. ezhegodnik/TsSU RSFSR* [The national economy of the RSFSR in 1985: Statistical Yearbook / Central Statistical Office of the RSFSR]. Moscow: Finansy i statistika [Finance and Statistics]. 1986. 398 p.
15. *Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1985 g.: Stat. ezhegodnik/TsSU SSSR* [The national economy of the SSSR in 1985: Statistical Yearbook / Central Statistical Office of the SSSR]. Moscow: Finansy i statistika [Finance and Statistics]. 1986. 655 p.
16. *Narodnoe khozyaistvo SSSR za 70 let.: Yubileinyi stat. ezhegodnik / Goskomstat SSSR* [The national economy of the USSR for 70 years: anniversary statistical yearbook / State Statistics Committee of the USSR]. Moscow: Finansy i statistika [Finance and Statistics], 1987. 766 p.
17. *Naselenie Rossii za 100 let (1897–1997): Stat.sb. / Goskomstat Rossii.* [Population of Russia for 100 years (1897–1997): Statistical Digest / State Statistics Committee of the Russia]. Moscow, 1998. 222 p.
18. Orlov I.B. Sovetskoe zhilishchnoe khozyaistvo v 1920–1930-e gg.: mezhdru klassovoi linii i samookupaemost'yu [Soviet housing in the 1920s-1930s: between the class line and self-sufficiency]. *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Modern problems of service and tourism]. 2014. no. 2, pp. 78–85.
19. *Ocherki istorii Penzenskoi organizatsii KPSS* [Essays on the history of the Penza organization of the CPSU]. [Edited by G.V. Myasnikov]. Saratov, 1983. 504 p.
20. Repina L.P. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and the problems of historiography (historiographical notes)]. Preprint WP6/2003/07 Moscow: State University of Higher School of Economics, 2003. 44 p.
21. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. *Sotsial'nye predstavleniya o proshlom: tipy i mekhanizmy formirovaniya* [Social concepts of the past: types and mechanisms of formation]. Preprint WP6/2004/07 Moscow: State University of Higher School of Economics, 2004. 56 p.
22. Safonova E.A. Zhilishchnaya problema, puti i metody ee resheniya v period khrushchevskikh preobrazovaniy (po materialam Penzenskoi oblasti) [Housing problem, ways and methods of its solution during the Khrush-

- chev reforms (based on the materials of the Penza region)]. *Istoricheskie zapiski: Mezhhuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Historical notes: Interuniversity collection of scientific papers] / Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky. Penza, 2000, pp. 306–313.
23. Spravka TsSU SSSR L.M. Kaganovichu o sostoyanii gorodskogo zhilishchnogo fonda v 1940–1952 gg. [Information of the Central Statistical Office of the USSR L.M. Kaganovich on the state of the urban housing stock in 1940–1952]. *Sovetskaya zhizn'. 1945–1953 gg. sb. dokumentov* [Soviet life. 1945–1953 Collection of documents]. Moscow, 2003, pp. 174–182.
24. Utekhin I.V. *Ocherki kommunal'nogo byta* [Essays on communal life]. [The second edition, supplemented] Moscow: OGI, 2004. 277 p.
25. Khakimov R.Sh. *Ekspluatatsiya entuziazma: sovetskii opyt (1918–1991)* [Exploitation of enthusiasm: the Soviet experience (1918–1991)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2016. no. 2 (384). Economic sciences. Issue. 52, pp. 182–189.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Гущин Александр Анатольевич, директор Музея истории педагогического образования
Пензенский государственный университет
ул. Красная, 40, г. Пенза, Пензенская область, 440026, Российская Федерация
alone-87@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Gushchin Aleksandr Anatol'evich, Director of the Museum of the History of Teacher Education
Penza State University
40, Krasnaja Str., Penza, Penza region, 440026, Russian Federation
alone-87@yandex.ru
SPIN-code: 3110-5641

УДК 94(470)

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-22-55

**УЧАСТИЕ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА
В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
И ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА:
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ФОРМЫ (1990-е – 2010-е гг.)**

Мациевский Г.О.

Целью работы является выявление и анализ основных этапов и организационно-правовых форм участия современного казачества Кубани в обеспечении региональной безопасности и охране общественного порядка в 1990-х – 2010-х гг.

Методологическая основа исследования построена на принципах историчности, объективности и системности, предполагающих подход к исследуемым явлениям и процессам как изменяющимся во времени и развивающимся во взаимодействии внутренних и внешних факторов. Наиболее оптимальным, с точки зрения решения поставленных в статье задач, представляется использование комплексного методологического междисциплинарного подхода, предполагающего сочетание как традиционных методов, так и некоторых новых методологических подходов, предполагающих использование методик «устной истории», «ситуационной истории», системологии, синергетики и, более широко, понятийно-категориального аппарата, идей и методов различных социально-гуманитарных наук.

На основании анализа архивных фондов, а также указов, распоряжений и постановлений, целевых и государственных программ федеральных и региональных органов власти делается вывод о том, что участие кубанских казаков в охране общественного порядка можно разделить на несколько этапов, каждый из которых характеризовался своими особенностями как в области самоорганизации казачества, взаимодействия его с органами местной власти,

так и в области поиска федеральной и региональной властями новых организационно-правовых форм, материально-технических и финансовых условий привлечения казаков к охране общественного порядка и региональной безопасности, в том числе, в рамках несения государственной службы.

На протяжении первого этапа (1990–1994 гг.) казаки всё чаще начинают выступать в качестве инициаторов в деле поддержания законности и порядка, посредством организации деятельности казачьих дружин, взаимодействуют с органами власти в вопросах миграционного контроля, законности купли-продажи домовладений, соблюдения правил дорожного движения и др. В это время казачьи дружины действуют, исходя из собственной инициативы, на общественных началах, без какой-либо материальной или финансовой поддержки. Второй этап (1994–1998 гг.) характеризуется тем, что государство ведёт активный поиск организационно-правовых основ участия казаков в обеспечении безопасности и порядка, прежде всего, в форме несения государственной и иной, связанной с ней, службы, путём включения их в государственный реестр казачьих обществ РФ. При этом инициативность со стороны казаков продолжает доминировать и определять характер и формы участия в охране общественного порядка. Третий этап (1998–2012 гг.) – время вхождения Кубанского казачьего войска в государственный реестр, принятия федеральных и региональных целевых программ поддержки казачьих обществ. Эти программы предполагали создание не только организационно-правовых, но и материально-финансовых форм поддержки казаков, принявших на себя обязательства по несению госслужбы. Четвёртый этап (2012 г. – настоящее время) характеризуется тем, что деятельность добровольных казачьих дружин в это время всё более отходит на второй план, а казаки-дружинники начинают участвовать в охране общественного порядка на территории муниципальных образований Краснодарского края на постоянной основе, проходя необходимую профессиональную подготовку, тесно взаимодействуя с органами правопорядка и получая за свою работу заработную плату.

Результаты работы помогут расширить представления о роли кубанского казачества в современной истории нашего государства, а также могут быть интересны представителям органов власти различного уровня, ответственным за взаимодействие с казачьими обществами. На основе исследования можно составить специальные программы обучения и повышения квалификации членов казачьих обществ, взявших на себя обязательства по несению государственной службы.

Ключевые слова: казаки; кубанское казачество; общественный порядок; преступность; государственная служба; добровольные народные дружины; казачьи дружины.

PART OF THE KUBAN COSSACKS IN ENSURING REGIONAL SECURITY AND MAINTAINING PUBLIC ORDER: THE BASIC STAGES AND FORMS (1990s – 2010s)

Matsievsky G.O.

The purpose of this article is to analyze the basic stages and legal forms of participation of the modern Kuban Cossacks in the protection of regional security and public order in the early 1990s – 2010s.

Methodological basis of research based on the principles of historicity, objectivity and consistency. An integrated interdisciplinary methodological approach, which involves a combination of traditional methods and some new methodological approaches, involving the use of techniques of “oral history”, “situational history”, systemology, synergy, etc.

Analyzed archival collections, as well as decrees, orders and regulations, the trust and the state program of Federal and regional authorities. This allows to conclude that the participation of the Kuban Cossacks in the protection of public order can be considered from the point of view of four main stages. Each stage characterized by its own features of self-organization of the Cossacks, interface with local authorities. And a search of Federal and regional authorities new legal forms, material and financial conditions to attract the Cossacks to protect public order and regional security.

During the first stage (1990-1994) the Cossacks act as initiators in the maintenance of law and order through the activities of the Cossack warriors. They interact with the authorities in matters of immigration control, the legality of the sale and purchase of houses, traffic enforcement, etc. At this time, Cossack squads act out their own initiatives, on a voluntary basis, without any material or financial support. The second stage (1994–1998) – the state conducts active search of organizational-legal bases of participation of Cossacks in ensuring security and order in the form of service. The initiative of the Cossacks continued to dominate and determine the nature and forms of participation in public order protection. The third stage (1998–2012) – Kuban Cossack army is included in the state register, are accepted by the Federal and regional program of support of Cossack societies. These programs create the organizational-legal, material, financial support of the Cossacks, who took the obligation to incur the civil service. The fourth phase (2012 – present) is characterized by the fact that the cops and the vigilantes begin to participate in the protection of public order in territory of municipal formations of the Krasnodar region on a regular basis, passing the necessary training, and closely interact with law enforcement and getting for their work wages.

The results will help to expand understanding of the role of the Kuban Cossacks in the modern history of our state. Can be interesting for representatives of authorities at various levels, responsible for interaction with the Cossack societies. Based on the study it is possible to make special programs of training and advanced training of members of the Cossack communities.

Keywords: *Cossacks; Kuban Cossacks; public order; crime; public service; voluntary people's guards; Cossack detachments.*

Механизм реформ, запущенный во второй половине 1980-х гг. «архитекторами перестройки», сыграл деструктивную роль по отношению к существовавшей политической системе и привел к её тотальному демонтажу, радикальным общественным преобразованиям и, в конечном итоге, к формационному перелому. К началу 1990-х гг. в стране сложилась специфическая ситуация устойчивого

кризиса, характеризующаяся отсутствием авторитетной легитимной власти, что привело к масштабному лавинообразному росту межнациональных, межрелигиозных, политических, социальных и иных конфликтов, экстремизму и терроризму, криминализации общества и гибели самого государства. В результате разрушения советской политико-идеологической системы наиболее социально активная часть общества раскололась на различные слои и группы, выразителями интересов которых стали различные общественные, социально-политические, национально-патриотические, религиозные и другие объединения и движения. Среди них всё больший авторитет и популярность начинает набирать движение за возрождение казачества. По оценкам экспертов [15, с. 105.], на начало 1990-х гг. в Российской Федерации насчитывалось около 5 млн. человек, считающих себя потомками казаков или причисляющих себя к ним.

Данная статья посвящена рассмотрению роли современного кубанского казачества в обеспечении региональной безопасности и охране общественного порядка. Вопросы участия казаков в обеспечении правопорядка, в той или иной степени, становились предметом осмысления различных исследователей, к которым можно отнести В.В. Добровольского [10], О.Н. Дроботенко [12], О.Д. Сафонову [22], Ю.Н. Емельянова [13], С.В. Помазан, О.Н. Рябошапко [19], П.О. Ильина [14], Р.К. Овчаренко, И.А. Поченкову [18] и др., однако анализ и выявление основных этапов и форм такого участия чаще всего оставался вне рамок научных поисков.

К октябрю 1990 г. в 30 городах и районах Кубани уже действовали различные казачьи организации. 12–14 октября 1990 г. в Краснодаре открылся Учредительный съезд казаков Кубани. На нем присутствовало 455 делегатов от 48 районов края и 197 приглашенных в качестве гостей от партийных и государственных органов, представителей казачьих обществ других регионов. На съезде было принято решение о создании общественно-патриотической организации казаков Кубани под названием Кубанская казачья Рада (ККР). Атаманом Рады был избран В.П. Громов [1, л. 69–70]. Кубанская казачья Рада и её Устав были зарегистрированы Решением

Краснодарского Совета народных депутатов № 133/546 от 4.12.90. [1, л. 81–85, 102, 119].

Съездом были также приняты «Основные принципы и направления деятельности Кубанской казачьей Рады», свидетельствующие о готовности ККР активно участвовать в политической жизни региона. Заявляя о том, что сложившаяся социально-политическая и экономическая ситуация в стране «создает угрозу социальной защищенности, экономической стабильности, сохранению и дальнейшему развитию материальной и духовной культуры Кубанского казачества», Съезд определил программу деятельности ККР, в которой, в том числе, говорилось: «...1. ККР обеспечивает свое влияние на общественную и экономическую жизнь края... через своих представителей в органах власти... Борется за широкое представительство казаков в Советах с целью формирования казачьего депутатского корпуса... 2. ...восстанавливает самобытное казачье самоуправление». В связи с этим предусматривалось: организационно объединить казаков-депутатов, «в каждом районе создать группы политической поддержки казаков-депутатов», а также «направлять наиболее подготовленных казаков для участия в советских, партийных, общественных дискуссиях, трибунах общественного мнения и «круглых столах»... с целью привлечения на свою сторону большинства населения Кубани» [1, л. 73–78].

Начиная с 1991 г., с нарастанием политической и социально-экономической дезинтеграции СССР, увеличением потока мигрантов из национальных республик, усиливающейся атрофией политической воли у центральных и региональных органов власти, кубанское казачество начинает всё более активно участвовать в обеспечении безопасности в регионе и охране общественного порядка. В Приказе № 71 от 28 мая 1991 г. «Об участии казаков в проверке прописки граждан», Атаман Кубанской казачьей Рады (ККР) В.П. Громов, отмечая, что «на Кубань продолжается приток переселенцев из Средней Азии и Закавказья», а «переселенцы проживают, как правило, без прописки, не работают, занимаются спекуляцией, совершают противоправные действия», что «вызывает справедливое

возмущение коренного населения и грозит социальным взрывом, а *Советы, как правило, бездействуют* (выделено мной – Г.М.), приказывает: «1. *Проявить инициативу в деле наведения порядка* (Г.М.) с пропиской граждан, для чего предложить руководителям Советов провести работу по выявлению всех граждан, проживающих ...без прописки. 2. Силами казачьих организаций совместно с Советами выявить всех не прописанных лиц. 3. Принять меры через Советы к выселению всех указанных лиц...» [2, л. 5]. Уже через несколько дней, в Приказе № 76 от 5 июня 1991 г., Атаман ККР, констатируя, что в г. Краснодар обостряется криминогенная обстановка, приказывает всем атаманам казачьих организаций города «сформировать казачьи дружины и утвердить на заседании правления командиров дружин из числа проверенных и надёжных казаков», а также «предоставить 1.07.91 в городской Совет атаманов списки дружинников для оформления удостоверений», при этом, «при формировании дружины особое внимание обратить на морально-волевые качества казаков и отсутствие у них судимости» [2, л. 12]. 14 июля 1991 г. в соответствии с Решением № 321 Краснодарского городского совета народных депутатов регистрируется первая казачья дружина г. Краснодара, которая начинает активно участвовать в охране общественного порядка совместно с сотрудниками милиции. Также в краевое УВД были подготовлены и направлены ряд указаний и рекомендаций, определяющих порядок участия кубанских казаков в охране общественного порядка, ежемесячную форму отчётности о проделанной работе, примерную программу обучения членов казачьих дружин и др. Постепенно налаживаются рабочие взаимоотношения милиции с атаманами казачьих обществ различных уровней и непосредственно с Атаманом ККР В.П. Громовым.

Вскоре в адрес Правления Кубанской казачьей Рады и её Атамана В.П. Громова начинают поступать данные о реализации задач по участию в обеспечении общественной безопасности и порядка. Так, атаман Полтавского районного казачьего общества (ст. Красноармейская) В. Миргородский в Донесении от 29 августа 1991 г. пишет, что «члены правления общества продолжают участвовать в работе ко-

миссий райисполкома по прописке и купле-продаже домовладений, а также в работе контроля при крайсовпрофе», кроме того, «функционирует казачья дружина, занимающаяся совместно с органами правоохранения вопросами наведения общественного порядка в вечернее и ночное время на улицах райцентра и в местах массового отдыха молодёжи, ...казачий пост постоянно дежурит в студенческом лагере “Вега”, созданном в колхозе им. Кирова» [2, л. 19–20].

Из приведённых документов явствует, что кубанское казачество с первых лет своего возрождения заявляет о себе как о силе, ориентированной на поддержание безопасности, мира и стабильности в регионе. В условиях слабости и «бездействия» местной власти и неспособности её обеспечить общественный порядок, кубанские казаки, зачастую, выступают в качестве инициатора не только «в деле наведения порядка» посредством организации деятельности казачьих дружин, но и взаимодействия с органами власти в вопросах миграционного контроля, законности купли-продажи домовладений, «работе контроля при крайсовпрофе» и др. Необходимо отметить, что казачьи дружины в это время действуют, исходя из собственной инициативы, на общественных началах, а удостоверения, которые выдаются их членам, подписаны, чаще всего, местными станичными или районными атаманами. При этом казачьи структуры не противопоставляют себя существующим органам власти, не подменяют их, а идут на тесное сотрудничество, зачастую, иницируя их активность.

К 1993 г., времени дальнейшего ухудшения криминогенной ситуации в регионе, роста незаконной миграции и межнациональных конфликтов, увеличения объёмов незаконного оборота наркотиков, казачьи организации начинают налаживать всё более тесное сотрудничество с правоохранительными органами края в деле поддержания общественного порядка и обеспечения безопасности. В Донесении от 7.09.93 г. на имя Атамана Всекубанского казачьего войска (преобразовано из ККР) В.П. Громова начальник управления по взаимодействию с правоохранительными органами Тарасюк докладывает, что «казаками ВКВ совместно с работниками ОВД края, городов и районов 27.08.93г. проведён Всеказачий [Всекубанский] рейд

Юга России по охране общественного порядка, проверке правильности прописки и проживания эмигрантов из ближнего зарубежья, возможных источников распространения наркотиков, соблюдения правил дорожного движения, правил торговли», при этом в рейде принимали участие 1248 человек от различных отделов Всекубанского казачьего войска (ВКВ) [2, л. 42]. По итогам рейда было «задержано 3,5 тыс. чел.; 1,5 тыс. чел. по 110 постановлению; 5 чел. за хранение оружия и боеприпасов; 2 преступника, находящихся в розыске. Изъято 600 кг. конопли и 510 кустов конопли. Задержано 120 пьяных водителей» [2, л. 43, 88].

Всё чаще инициаторами совместной деятельности по охране правопорядка начинают выступать и сами представители силовых структур. Так, в письме № 39/5-1236 от 26.08.93 на имя атамана Екатеринодарского отдела ВКВ Аникина А.А. старший инспектор отдела ООП УВД г. Краснодара, майор милиции Миронов А.В., просит «для участия в мероприятиях по охране общественного порядка» выделить 27.08.93г. «в распоряжение начальников РОВД следующее количество казаков: ...всего в I смену 100 казаков; ...во II смену 220 казаков» [2, л. 68].

Кроме участия в разовых совместных рейдах и мероприятиях с работниками МВД, казаки продолжали нести «добровольное ...дневное и ночное дежурство ...совместно с МВД по охране общественного порядка, выявлению лиц из ближнего зарубежья, проживающих без прописки, пресечению незаконного вывоза сельскохозяйственной продукции, скота и иных материальных ценностей...» [2, л. 63]. Однако, как отмечали некоторые атаманы станиц и районов, уже «назрела необходимость создания *мобильных подвижных групп* (Г.М.) из числа казаков и сотрудников ОВД с использованием мототехники», причём «*действия мобильных групп целесообразно узаконить и включить в единую систему* (Г.М.) патрулирования и охраны общественного порядка, безопасности дорожного движения, поддержанию стабильности...» [2, л. 63]. К сожалению, данная инициатива казаков была проигнорирована, страна продолжала скатываться в бездну крушения идей, идеалов и идеологии, непродуманных экономических и финан-

совых реформ, катастрофического обнищания масс на фоне «прихвационного» передела собственности, разрастающихся межнациональных, межрелигиозных, межрегиональных и иных конфликтов.

В конце сентября – начале октября 1993 г. противостояние между законодательной властью, в лице Верховного Совета РФ, и исполнительной властью, в лице Президента РФ, вылилось в острейший политический кризис, ввод войск в Москву и расстрел здания Верховного Совета. В этой ситуации Правление ВКВ выступило с призывом к казакам, всем политическим силам, партиям и движениям не допустить распространения «кровавых беспорядков» в регионе и воздержаться от участия в активных действиях на стороне какой-либо из сторон. В Приказе Войскового атамана ВКВ от 4 октября 1993 г. «О чрезвычайном положении в г. Москва и поддержании порядка, мира и спокойствия в Краснодарском крае» говорилось: «1. Всем атаманам взять под совместный контроль с правоохранительными органами все находящиеся на их территории государственные, административные, промышленные здания, объекты, вокзалы и другие места, тем самым усилив охрану важных объектов.

Не допускать кровопролития на местах, сохранить мир и спокойствие в регионе.

2. Исходя из анализа существующей обстановки необходимо строго выполнять свои функциональные обязанности, не создавать конфликтных ситуаций и не поддаваться на провокационные действия экстремистских элементов...

5. Командиру дружины Всекубанского казачьего Войска войсковому старшине Помогаеву Н.А. создать оперативный штаб по обеспечению охраны общественного порядка в крае совместно с УВД и МБ края. Штаб разместить в правлении Всекубанского казачьего Войска, такую же работу провести на местах...» [2, л. 72–73].

Активность и инициативность кубанского казачества в деле поддержания общественного порядка настолько возрастает, что это даже начинает беспокоить представителей правоохранительных органов. Так, в своём письме № 39/5-4сл от 31 марта 1994 г. на имя Атамана ВКВ В.П. Громова начальник УВД г. Краснодара

Т.Г. Джиджихия указывает, что «в последнее время руководству УВД города поступает информация о том, что в некоторых куренях Екатеринодарского отдела ВКВ атаманы допускают казаков к охране общественного порядка без сотрудников милиции, в то время как их дружины не оформлены в соответствии с действующим законодательством дружинниками по охране общественного порядка...», а потому необходимо, «во избежание ненужных инцидентов..., до официальной регистрации в администрации города добровольной казачьей дружины по охране общественного порядка, запретить казакам ВКВ патрулирование улиц без сотрудников милиции» [2, л. 109]. Таким образом, можно говорить о том, что к 1994 г. казачьи дружины, хотя и были созданы в структурах куренных, станичных, районных, отдельных казачьих обществ и даже при Правлении ВКВ, многие из них так и не были официально зарегистрированы в районных, городских и краевой администрациях, действовали на добровольной, безвозмездной основе, зачастую проводя самостоятельные рейды и патрулирование, без согласования с правоохранительными органами.

Для придания процессу возрождения казачества более прогнозируемого и управляемого характера 22 апреля 1994 г. принимается постановление Правительства РФ № 355 «О концепции государственной политики по отношению к казачеству», в котором, в частности, отмечалось, что с учётом «исторических традиций и современных потребностей государства..., на первом этапе возрождения казачества с учётом мобилизационных и экономических возможностей целесообразно определить следующие виды государственной службы казачества: служба в Вооружённых силах Российской Федерации; служба по охране государственной границы; ...*служба по охране общественного порядка* (Г.М.)...», [22]. С этого времени участие казаков в обеспечении безопасности и охране общественного порядка всё чаще начинает рассматриваться в логике несения ими государственной службы. Однако чёткой регламентации и законодательного оформления «службы по охране общественного порядка», как и вообще государственной службы казачества, пока ещё на федеральном уровне не сложилось. В своём Обращении к Президенту

РФ Б.Н. Ельцину атаманы казачьих войск отмечали: «Казачество России... исстари служило верой и правдой интересам государства, охраняло неприкосновенность его границ, выступало гарантом общественной стабильности. И сегодня казачество может и должно стать стабилизирующей силой в нашем Отечестве. Для этого есть все предпосылки: мы организованы, давно переросли рамки общественной организации и горячо желаем служить России... Однако на сегодняшний день ни один из законодательных актов по государственному становлению казачества не выполняется...», в связи с чем необходимо «немедленно решить следующие вопросы: ...узаконить все виды государственной службы казачества...; изменить на государственный существующий статус общественной организации, в рамках которой действуют все казачьи структуры и объединения» [3, л. 7–8]. Подписали данное Обращение Атаман Союза казаков А.Г. Мартынов, Атаман Всекубанского казачьего Войска В.П. Громов, Атаман Кавказского линейного войска П.С. Федосов и Атаман Челябинского отдела Оренбургского казачьего войска Р.Р. Бакиров.

Конец 1994–1995 гг. стали временем ещё большего обострения криминогенной, социально-экономической, политической, международной ситуаций в стране, что было связано с началом военных действий по установлению конституционного порядка в Чечне. 25 июня 1995 г. Атаманом ВКВ полковником В.П. Громовым было направлено Письмо № 549 в адрес Секретаря Совета безопасности РФ О.И. Лобова, в котором, в частности, говорилось о том, что «казачество Кубани, как и всё население, обеспокоено неблагоприятной обстановкой, сложившейся на территории Краснодарского края в связи с событиями в Будёновске, а также появлением в Республике Адыгея вертолётчиков без опознавательных знаков, созданием специальных отрядов боевиков более 300 человек, имеющих опыт боевых действий в Абхазии и Чечне, а также проживающих в крае более 55 тыс. чеченцев», в связи с чем Войсковое правительство ВКВ «убедительно просит... разрешить Краснодарскому крайвоенкомату призвать на военные сборы военнообязанных запаса *из числа казаков Всекубанского казачьего Войска* в количестве три тысячи

человек в войсковую часть 20650 с последующим привлечением их для усиления охраны объектов народного хозяйства (Г.М.)» [4, л. 6]. Из представленного документа видно, что казачество продолжало выступать в качестве основного инициатора противодействия антигосударственным и антиобщественным силам и готово было с оружием в руках защищать мир и покой в регионе.

В этой ситуации Президентом РФ подписывается Указ № 835 от 9 августа 1995 г. «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации», утвердивший «Временное положение о государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» и ставший ещё одним ключевым документом в истории отношений казачества и власти, в том числе, в области участия казачества в обеспечении безопасности и охране общественного порядка. Согласно Указу были разграничены казачьи общества, взявшие на себя обязанности государственной службы и подлежащие регистрации в Министерстве по делам национальностей и региональной политике, и казачьи общества, действующие на основании Закона РФ «Об общественных объединениях» и регистрирующиеся органами юстиции. Согласно п.3 Указа Президента РФ № 835, органам исполнительной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления рекомендовалось «исходя из государственных интересов и потребностей регионов, принять меры по созданию условий для привлечения в установленном порядке членов казачьих обществ, внесённых в указанный государственный реестр, к несению государственной службы, а также оказывать содействие в предоставлении им экономических и иных льгот в соответствии с федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации» [24]. Из текста Указа явствовало, что к участию в обеспечении безопасности и правопорядка могли привлекаться только те казачьи организации, которые вошли в государственный реестр казачьих обществ и взяли на себя обязательства по несению государственной службы. За несение такой службы государство обещало даже «оказывать содействие в предоставлении ...экономических и иных льгот». И хотя казачество так и не получило никаких льгот,

тем не менее, данный документ стал основой для выстраивания более определённых и системных отношений казачьих структур и правоохранительных органов в деле обеспечения региональной безопасности и правопорядка. Уже 24 августа для координации действий, подготовки и проведения совместных мероприятий распоряжением начальника ГУВД края и Атамана ВКВ была создана рабочая группа, в которую вошли представители милиции и казачества. В Отчётном докладе о деятельности Войскового Правительства за 1992–1995 гг. Войсковой атаман ВКВ привёл данные, согласно которым в крае ещё с 1993 г. действовали казачьи дружины общей численностью свыше 4 тысяч человек, проводились Всекубанские рейды и рейды казачьих дружин Юга России. Однако, по мнению атамана, эта работа «была бы более результативна, если бы мы имели правовую базу» [5, л. 16].

Следующим документом, ориентированном на создание правовой базы государственной службы казачества, стал Указ Президента РФ от 16 апреля 1996 г. № 563 «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе», утвердивший Положение о привлечении членов казачьих обществ к государственной и иной службе, в котором, в частности, говорилось: «Привлечение государством членов казачьих обществ к государственной и иной службе (далее именуется – служба) не преследует никаких политических целей и направлено на возрождение традиционных для казачества форм хозяйствования, реализацию и защиту гражданских, экономических, социальных и культурных прав и свобод членов казачьих обществ, развитие их активности, повышение престижности военной службы, военно-патриотическое воспитание членов казачьих обществ, осуществление культурно-оздоровительной и спортивной работы и иной деятельности, предусмотренной федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации» [25]. В Положении определялись и виды службы, к которым привлекаются члены казачьих обществ: «6. Члены казачьих обществ ...могут привлекаться к: *охране общественного порядка* (Г.М.); охране объектов, находящихся в государственной и муниципаль-

ной собственности, а также сопровождению грузов; участию в мероприятиях, связанных с ликвидацией последствий стихийных бедствий и оказанием помощи пострадавшим; участию в таможенной охране в составе таможенных органов Российской Федерации; участию в егерской, природоохранной и экологической службе, а также контролю за использованием и охраной земель; охране лесов от пожаров и защите их от вредителей и болезней; производству, закупке и поставке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для федеральных и региональных нужд; охране объектов обеспечения жизнедеятельности населения» [25].

5 августа 1997 г. между Главным управлением внутренних дел Краснодарского края и Всекубанским казачьим Войском был заключён Договор об участии казаков в охране общественного порядка на территории Краснодарского края на пятилетний срок. В нём, в частности, говорилось, что стороны приступают к совместной работе по охране общественного порядка, охране объектов государственной и муниципальной собственности на территории Краснодарского края. При этом ВКВ обязалось: сформировать из казаков подразделения по охране общественного порядка; активно участвовать в проведении разъяснительной работы среди населения, направленной на воспитание уважения к законам России, Краснодарского края, правам и интересам жителей Кубани, в привлечении граждан к совместной работе по борьбе с преступностью и усилению правопорядка на территории Кубани; вести работу по подбору и направлению казачьей молодежи на службу в органы МВД РФ; принимать активное участие в разработке совместных планов и мероприятий по укреплению законности и правопорядка на территории региона и т.д. ГУВД, в свою очередь, обязалось: оказывать всемерную помощь и поддержку казачьим подразделениям в выполнении возложенных на них задач по охране правопорядка; обеспечивать необходимой информацией о правонарушениях; организовывать обучение членов казачьих подразделений формам и методам несения службы по охране общественного порядка; оказывать методическую помощь в планировании и учёте работы; обеспечивать оперативное руковод-

ство проводимых совместно с казачьими обществами мероприятий по охране общественного порядка и т.д. [19, с. 287–288].

Указом Президента РФ от 24 апреля 1998 г. № 448 «Об утверждении Устава Кубанского войскового казачьего общества» утверждался сам Устав, а основной целью деятельности Кубанского казачьего войска (ККВ) заявлялось «объединение граждан Российской Федерации, взявших на себя обязательства по несению государственной и иной службы...» [21]. В целях реализации планов по несению кубанским казачеством государственной службы, Постановлением Главы Администрации Краснодарского края от 25 июня 1998 г. было принято Положение «О создании межведомственной комиссии по вопросам организации государственной и иной службы членов казачьих обществ, вошедших в Государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации». Комиссия была создана на постоянной основе и стала основным координирующим органом администрации края по вопросам привлечения членов казачьих обществ к несению государственной службы.

Однако, не смотря на то, что организационно-правовая база участия казачества в обеспечении безопасности и охране общественного порядка в рамках несения государственной и иной службы продолжала уточняться и совершенствоваться, в реальности, вся служба продолжала оставаться общественно-добровольной и держалась лишь на инициативе самих казаков. В Обращении атаманов войсковых казачьих обществ, внесённых в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, к Президенту РФ Б.Н. Ельцину от 14.09.99 г., подписанном, в том числе, Атаманом ККВ В.П. Громовым, говорилось о том, что «за последние годы Россия утрачивает военную и экономическую безопасность, в стране снижается производство, ухудшается экология, падает уровень нравственности и культуры, народ бедствует. Преступность захлестнула страну, криминал рвётся к власти» и в этой «критической ситуации казачество заявляет о своей готовности вместе с государством решать эти проблемы. Однако мы отмечаем, что *добровольно приняв на себя обязательства по несению государствен-*

ной и иной службы в соответствии с Указами Президента Российской Федерации, *казаки исполняют её на общественных началах, без краевой и бюджетной поддержки* (Г.М.)» [6, л. 1–2]. Видимо отсутствие этой реальной «краевой и бюджетной поддержки» и предопределило срыв планов федеральных властей по привлечению казачества к несению государственной службы. Так, согласно сводной таблице «Организация государственной и иной службы казачества. По состоянию на 13 мая 1999 г.», подготовленной Управлением по делам казачества при Администрации Президента РФ, всего по стране планировалось задействовать в различных видах государственной службы 121122 человека, а по факту было задействовано лишь 28995 человек. По Кубанскому казачьему войску в государственной службе планировалось задействовать 25614 человек, фактическая же цифра привлеченных к государственной и иной службе составила лишь 6098 человек [16, с. 233].

Постановлением Правительства РФ от 21 июля 1999 г. № 839 «О Федеральной целевой программе государственной поддержки казачьих обществ на 1999–2001 годы» была утверждена сама Программа. Во Введении к ней говорилось, что её мероприятия направлены на «обеспечение привлечения в интересах государства казачьих обществ и их членов к несению государственной и иной службы...» [26]. Отмечалось, что именно исторический опыт российского казачества, «оцениваемый с учётом сложившихся в настоящее время политической и экономической обстановки», позволит решить многие проблемы в сфере «безопасности государства и охраны государственных границ, улучшить криминогенную обстановку в районах расположения казачьих обществ (Г.М.)», а также «окажет положительное влияние на социально-экономическую стабильность в регионах (Г.М.) и решение проблем продовольственной и экологической безопасности...» [26]. Основными целями Программы заявлялись: «привлечение к выполнению в интересах государства обязательств по несению государственной и иной службы наибольшего числа членов казачьих обществ» и «придание движению за возрождение российского казачества целенаправленного и организованного харак-

тера» [26]. Для претворения в жизнь данной Программы были определены суммы и источники финансирования. Планировалось, что общий объём финансирования составит 1653,7 млн. рублей (в ценах 1998 г.), в том числе за счет средств федерального бюджета – 155,4 млн. рублей; средств бюджетов субъектов Российской Федерации и других источников – 1498,3 млн. рублей [26]. Ожидалось, что конечным результатом реализации Программы станет: привлечение к концу 2001 г. к «выполнению в интересах государства обязательств по несению государственной и иной службы не менее 180 тыс. граждан Российской Федерации, являющихся членами казачьих обществ», придание движению за возрождение российского казачества «целенаправленного организованного характера» и «стабилизация социально-экономического положения и межнациональных отношений в отдельных регионах Российской Федерации» [26].

Однако, как отмечалось в «Информации о реализации мероприятий Федеральной целевой программы поддержки казачьих обществ в 2000 году» № 04/7-808 от 02.02.2001 г., подготовленной руководителем департамента Минфедерации России Н.Ф. Бугаем, «общая сумма ассигнований из бюджетов субъектов Российской Федерации составила по предварительным данным более 46 млн. рублей...» [9, л. 42]. А по данным замминистра Минфедерации А.А. Томтосова, из предусмотренных в 2000 г. на реализацию программных мероприятий 84 млн. рублей из федерального бюджета и 780 млн. рублей из бюджетов субъектов РФ, «Федеральным законом "О федеральном бюджете на 2000 год" запланировано выделить только 12,4 млн. рублей, из которых... фактически профинансировано только 3,9 млн. рублей» [9, л. 14–15]. В этой связи Начальник Управления Президента РФ по вопросам казачества П. Дейнекин отмечал, что «невыполнение первоочередных мероприятий Программы негативно отражается на умонастроениях казачества и снижает авторитет федеральных органов исполнительной власти...» [9, л. 9]. Руководитель Миннаца России А.В. Блохин в своём Письме № 04-1354 от 25.08.2000, направленном в адрес Правительства РФ, писал: «Ожидалось, что оказание существенной разносторонней поддержки,

прежде всего финансовой, казачьим обществам, принявшим на себя определённые обязательства по несению государственной и иной службы, станет весомым стимулом к росту численности реестровых войск казачьих обществ за счёт притока членов общественных казачьих объединений... Однако длительная задержка со стороны Минфина России открытия финансирования указанной Программы [Федеральная целевая программа государственной поддержки казачьих обществ на 1999–2001 годы], как следствие, отсутствие каких-либо практических результатов по её реализации, сводят на нет все усилия по достижению намеченных целей» [9, л. 93].

Тем не менее, на Кубани казачество продолжает расширять спектр взаимодействия с краевой администрацией по обеспечению региональной безопасности и охране общественного порядка. Согласно решению Федеральной службы лесного хозяйства от 11 июня 1998 г. № Д-5-64/273 «О проведении эксперимента по отработке механизмов взаимодействия с казачьими обществами» и договору от 19 мая 1999 г. между Кубанским казачьим войском и Краснодарским краевым управлением лесами «О несении государственной службы по охране лесов Краснодарского края членами Кубанского казачьего войска» на территории трех лесхозов с 1999 г. в охране лесов принимали участие патрульные казачьи группы. В соответствии с Постановлениями Главы администрации Краснодарского края № 233 от 7 апреля 1999 г. и № 864 от 20 ноября 2000 г. «О состоянии и мерах по обеспечению сохранности сельскохозяйственных животных в Краснодарском крае» члены казачьих обществ в составе подвижных групп ОВД привлекались также к охране животноводческих комплексов и ферм.

В 2000 г. по инициативе комитета Законодательного собрания Краснодарского края по вопросам местного самоуправления, делам казачества межнациональным отношениям и миграционной политике на средства, выделяемые их бюджета края, в некоторых районах были созданы казачьи охранные предприятия. 29 мая 2002 г. Законодательным собранием края были приняты, разработанные Кубанским казачьим войском и согласованные с ГУВД края, краевые целевые программы «Казачество против наркотиков» и «Участие казачества

в охране общественного порядка и проведении мероприятий по пресечению незаконной миграции на территории Краснодарского края». В соответствии с последней программой, «в шести казачьих отделах и Черноморском казачьем округе *созданы штатные подразделения по охране общественного порядка и предупреждению незаконной миграции* (Г.М.) общей численностью 150 человек», на организацию работы которых «*в бюджете края предусмотрено финансирование в сумме 2 000 000 рублей* (Г.М.)», причём «сметой расходов бюджетных средств предусмотрено на 150 человек приобрести форменную казачью одежду..., *выплатить зарплату командирам этих подразделений и казакам за каждый выход на дежурство* (Г.М.), компенсировать расходы на ГСМ, приобрести средства связи и защиты, учебно-методическую литературу» [7, л. 9]. Приведённые данные могут говорить о том, что с этого времени краевые власти не только готовы идти на тесное сотрудничество с казаками в деле поддержания безопасности и правопорядка, но и делать это на основе краевых целевых программ, финансируемых из регионального бюджета.

В муниципальных образованиях также продолжает совершенствоваться организационная и нормативно-правовая база по привлечению казачества к обеспечению безопасности и охране общественного порядка. В Постановлении Главы администрации г. Краснодар № 1242 от 5 августа 2002 г. «О совершенствовании деятельности добровольных народных дружин по охране общественного порядка на территории города Краснодара» формулировались основные задачи, стоящие перед ДНД: содействие правоохранительным органам; участие в предупреждении и пресечении правонарушений; участие в деятельности по охране общественного порядка и защите всех форм собственности; содействие органам внутренних дел в распространении правовых знаний и проведении профилактической работы по предупреждению правонарушений и др. Для координации деятельности органов внутренних дел и добровольных народных дружин по охране общественного порядка в городских округах вводилась должность помощника главы администрации по общественной безопасности, в обязанности которого, в том числе,

входило непосредственное участие в формировании добровольных народных дружин и организации их работы. При этом необходимо отметить, что такие ДНД формировались, прежде всего и преимущественно, из членов казачьих обществ. 5 ноября Заксобранием Краснодарского края был принят закон № 539-КЗ «О привлечении к государственной и иной службе членов казачьих обществ Кубанского казачьего войска в Краснодарском крае», который осуществлял правовое регулирование отношений, возникающих при привлечении к государственной и иной службе членов казачьих обществ.

В логике развития тенденций, заложенных краевыми целевыми программами, 4 ноября 2002 г. был пролонгирован сроком на 5 лет договор с ГУВД Краснодарского края «Об участии Кубанского казачества в охране общественного порядка на территории Краснодарского края». Главным принципиальным отличием от предшествующего договора 1998 г. стало то условие, что нижестоящие органы внутренних дел теперь обязаны были заключать договоры с казачьими обществами Кубанского казачьего войска при наличии соответствующей инициативы последних. В указанных договорах определялись конкретные права и обязанности сторон по охране общественного порядка, охране объектов государственной и муниципальной собственности на их территории. При этом в новом договоре отсутствовало «такое понятие как *добровольные казачьи дружины, оно было заменено на подразделения по охране общественного порядка* (Г.М.)...» [7, л. 10], что, видимо, должно было свидетельствовать о постепенном переходе от неоплачиваемой добровольно-инициативной деятельности казаков в составе добровольных казачьих дружин к профессиональной работе в специально созданных и подчиняющихся правоохранительным органам подразделениях.

В этой связи интересен Отчёт станичного казачьего общества «Заречье» Адлерского района г. Сочи о проделанной работе и исполнении обязательств государственной и иной службы за 2002 г. В нём, в частности, отмечалось, что «государственная и иная служба членов казачьего общества “Заречье” включает в себя следующие основные направления, выведенные в подразделы:

1.1. Несение военной службы в порядке, установленном федеральным законодательством по призыву, контракту и мобилизации...

1.2. Привлечение к охране государственной границы РФ...

1.3. Охрана общественного порядка...» [8, л. 3–4]. При этом указывалось и материально-техническое обеспечение казачьей дружины: «1. Автомашина ГАЗ-66 – 1.

2. Автомашина УАЗ-469 – 1.

3. Стационарная радиостанция “Сокол-МЗ” – 1.

4. Переносные радиостанции Р-392 – 4.

5. Фонари – 8...» [8, л. 4].

В Отчёте также говорилось о том, что в 2002 г. «ДНД СКО “Заречье” совместно и под руководством ГОМ-1 Адлерского РОВД г. Сочи проведено 103 совместных рейдовых мероприятия по поддержанию общественного порядка, выявлению лиц без гражданства, ведущих антиобщественный образ жизни, работе с неблагополучными семьями... Охранялась средняя школа № 28 Адлерского района г. Сочи...», а «в июле 2002 г. из состава ДНД СКО “Заречье” приказом Атамана создана Мобильная группа добровольной дружины для организации работы по выполнению программы “Казачество против наркотиков” в соответствии с постановлением Законодательного собрания Краснодарского края № 15-35П от 29.05.2002» [8, л. 5–6].

Согласно Отчёту Атамана ККВ на Войсковом сборе 1 декабря 2002 г. в охране общественного порядка «принимали участие 236 казачьих дружин общей численностью 4671 человек, из них: 607 являются внештатными сотрудниками милиции. Совместно с органами внутренних дел края проведено 897 мероприятий, раскрыты 236 преступлений, разыскан 71 человек, находящийся в розыске за ранее совершённые преступления, к административной ответственности привлечено 16690 человек...» [7, л. 9]. Более того, положительный опыт реализации краевой целевой программы «Участие казачества в охране общественного порядка и проведении мероприятий по пресечению незаконной миграции на территории Краснодарского края» в 2002 г. дал возможность утвердить новую редакцию данной программы на 2003 г., согласно которой было «выделено финансирование в

объёме 2 500 000 рублей», и предусматривалось «создание дополнительно в Кавказском отделе на базе Кропоткинского ГКО штатной казачьей дружины в количестве 20 человек», благодаря чему «общая численность штатных казачьих дружин в 2003 г. достигала 170 человек», что давало возможность, по мнению Атамана ККВ, «выйти на качественно новый уровень организации работы по охране общественного порядка и пресечению незаконной миграции в крае», в том числе, посредством «тесного взаимовыгодного сотрудничества Кубанского казачьего войска с органами внутренних дел..., создания специализированных подразделений, в т.ч. и по предупреждению террористических актов (Г.М.)» [7, л. 10].

В последующие годы продолжалось дальнейшее совершенствование организационно-правовой базы участия кубанского казачества в обеспечении региональной безопасности и участия в охране общественного порядка. Так, в 2007 г. был принят Закон № 1267-КЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка в Краснодарском крае», который определял полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления по обеспечению участия граждан в охране общественного порядка, а также регулировал деятельность добровольных народных дружин и координирующих органов – организационных центров, созданных в целях взаимодействия и координации деятельности народных дружин, органов государственной власти Краснодарского края и органов местного самоуправления по охране общественного порядка. В Постановлении Заксобрания Краснодарского края от 2011 г. «Об утверждении концепции государственной политики Краснодарского края в отношении кубанского казачества» говорилось о том, что казахи общества Кубани могут оказывать содействие органам государственной власти и органам местного самоуправления «...в охране общественного порядка, борьбе с распространением наркотических средств и психотропных веществ и наркоманией, обеспечении экологической и пожарной безопасности, охране государственной границы Российской Федерации, противодействии терроризму...» [20].

В 2014 г. появляется Федеральный закон № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» [27], Статья 23 которого была посвящена особенностям создания и деятельности народных дружин из числа членов казачьих обществ, внесённых в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации. В этой статье, в частности, говорилось, что «Положения настоящего Федерального закона распространяются на деятельность народных дружин из числа членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации..., с учётом особенностей, указанных в настоящей статье и Федеральном законе от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» [27]. С вступлением в силу настоящего Закона, все казачьи общества Кубани получили «Свидетельства о внесении народных дружин по участию в охране общественного порядка из числа членов районных казачьих обществ в региональный Реестр народных дружин или общественных объединений правоохранительной направленности».

Для реализации данной работы на местах издаётся совместный приказ ГУ МВД России по Краснодарскому краю и Кубанского войскового казачьего общества № 908/114/1 от 29 июня 2012 г. «О взаимодействии территориальных органов МВД России на районном уровне Краснодарского края и казачьих обществ Кубанского войскового казачьего общества в охране общественного порядка на территории края» и приказ ГУ МВД России по Краснодарскому краю № 1104 от 9 августа 2012 г. «О проведении отбора и первоначальной профессиональной подготовки членов казачьих дружин Кубанского войскового казачьего общества». А со следующего года Постановлением Главы администрации (губернатора) Краснодарского края № 1107 от 02 октября 2013 г. была утверждена государственная программа Краснодарского края «Казачество Кубани» на 2014–2017 гг. одной из задач которой являлась финансовая поддержка социально ориентированных казачьих обществ на осуществление их деятельности по охране общественного порядка, защите государственной границы, по предупреждению и ликвидации

чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий, охране окружающей среды и защите животных. Объём финансирования программы за счёт средств краевого бюджета составлял 4236752,4 тысячи рублей, т.е. более 1 миллиарда рублей в год. При этом финансовая поддержка «социально ориентированных казачьих обществ на осуществление деятельности: по участию в охране общественного порядка на территории муниципальных образований Краснодарского края на постоянной основе, а также в сфере военно-патриотического воспитания граждан Российской Федерации» составляла «всего 2269656,4 тысячи рублей», т.е. по 563289,1 тысячи рублей ежегодно [17]. Число казаков-дружинников в районных казачьих дружинах, участвующих в охране общественно порядка на постоянной основе ежегодно планировалось привлекать 1302 человека; число казаков-дружинников в казачьих дружинах Кубанского войскового казачьего общества по участию в охране общественного порядка в предвыходные, выходные, предпраздничные и праздничные дни – от 874 до 995 человек каждый год [17]. И хотя данная программа ежегодно уточнялась, корректировалась и изменялась, тем не менее, финансирование деятельности казачьих дружин по охране общественного порядка постепенно приходило в систему, как и сама деятельность казачьих дружин в масштабах всего края.

Согласно Докладу о ходе реализации государственной программы Краснодарского края «Казачество Кубани» в 2016 г., подготовленному временно исполняющим обязанности руководителя департамента по делам казачества и военным вопросам Краснодарского края В.И. Коночевским, общий объём бюджетного финансирования за счёт краевого бюджета был предусмотрен в сумме 983024,8 тыс. рублей. В том числе, оказана финансовая поддержка социально ориентированным казачьим обществам (районным казачьим обществам Кубанского войскового казачьего общества, Кубанскому войсковому казачьему обществу) [11]. В результате, в районных казачьих обществах организовано и обеспечено участие казаков-дружинников «в охране общественного порядка на территории муниципальных образований Краснодарского края на

постоянной основе (с 1 января 2016 года участвуют 1302 казака, 48 специалистов; выявлено и пресечено 956 преступлений и 96098 административных нарушений, задержано 237 лиц, находящихся в розыске) [11]. В результате чего, «согласно расчётам оценки эффективности реализации государственной программы Краснодарского края эффективность реализации государственной программы признавалась высокой» [11].

Приведённые материалы дают возможность сделать вывод о том, что по сравнению с 2002 г. численность дружинников хотя и существенно снизилась (с 4671 человека в 2002 г. до 1302 человек в 2016 г.), тем не менее, результаты их деятельности были более ощутимы: так в 2002 г. было раскрыто 236 преступлений, в 2016 г. – уже 956; в 2002 г. задержан 71 человек, находящийся в розыске, а в 2016 г. – 237; в 2002 г. к административной ответственности привлечено 16690 человек, а в 2016 г. – выявлено и пресечено 956 преступлений и 96098 административных нарушений. Всё это позволяет говорить о том, что к настоящему времени в крае выстроена достаточно работоспособная и результативная система привлечения членов казачьих обществ различного уровня к обеспечению региональной безопасности и участию в охране общественного порядка. Её работоспособность и результативность связана как с традиционным стремлением кубанского казачества «активно влиять на происходящие процессы, в том числе и негативные, участвовать в охране общественного порядка и пресекать незаконную миграцию, бороться с преступностью во всех её проявлениях» [7, л. 9], так и целенаправленной политикой краевой законодательной и исполнительной властей по обеспечению использования потенциала кубанского казачества в интересах государства и региона посредством создания организационно-правовой базы такой работы, налаживания тесного взаимодействия казачества с органами правопорядка, а также материально-технического и финансового обеспечения деятельности казачьих дружин.

Таким образом, исходя из приведённого материала, участие кубанского казачества в обеспечении региональной безопасности и

охране общественного порядка с начала 1990-х гг. до настоящего времени можно рассматривать с точки зрения нескольких основных этапов, каждый из которых характеризовался своими особенностями как в области самоорганизации казачества, взаимодействия его с органами местной власти, в том числе, правоохранительной, так и в области поиска федеральной и региональными властями новых организационно-правовых форм, материально-технических и финансовых условий привлечения казаков к государственной и иной службе.

Первый этап (1990–1994 гг.) характеризуется тем, что в условиях развала страны, увеличения потока мигрантов, обострения криминальной обстановки, нарастания общественно-политического и экономического хаоса, усугубляющегося атрофией политической воли у центральных и местных властей, в различных регионах страны, в том числе на Кубани, всё ярче начинают заявлять о себе силы, стремящиеся к самоорганизации и обеспечению безопасности и правопорядка. К таким силам, вне всякого сомнения, необходимо отнести возрождающееся казачество. Кубанские казаки в этот период выступают в качестве инициаторов не только в деле поддержания законности и порядка, посредством организации деятельности казачьих дружин, но и активно идут на взаимодействие с органами власти в вопросах миграционного контроля, законности купли-продажи домовладений, соблюдения правил дорожного движения и др. Постепенно складываются рабочие контакты между милицией и казаками. При этом необходимо отметить, что казачьи дружины в это время действуют, исходя из собственной инициативы, на общественных началах, без какой-либо материальной или финансовой поддержки.

В течение второго этапа (1994–1998 гг.) государство, признав в казачестве достаточно влиятельную общественно-политическую силу, способную к самоорганизации, начинает поиск организационно-правовых основ участия казаков в обеспечении региональной безопасности и общественного порядка в форме несения государственной службы. В течение нескольких лет на федеральном,

региональном и местном уровнях издаются различные правоустанавливающие документы, подписываются договоры и соглашения, призванные обеспечить возможность казачества участвовать в государственной и иной, связанной с ней, службе. Однако, в реальности, вся эта служба продолжала оставаться общественно-добровольной и держалась лишь на инициативе самих казаков, готовых и дальше активно противодействовать антигосударственным и антиобщественным силам и даже с оружием в руках защищать мир и покой в регионе.

Третий этап (1998–2012 гг.) – время, когда Кубанское казачье войско входит в государственный реестр казачьих обществ РФ, тем самым подтверждая своё стремление участвовать в несении государственной службы, а Атаману ККВ Указом Президента РФ присваивается чин казачьего генерала. Вскоре Правительством РФ принимается Федеральная целевая программа государственной поддержки казачьих обществ на 1999-2001 гг., направленная на обеспечение привлечения в интересах государства казачьих обществ и их членов к несению государственной и иной службы, в том числе, в форме деятельности казачьих дружин по обеспечению общественного порядка. Данная программа предполагала создание не только организационно-правовых, но и материально-финансовых форм поддержки казачьих обществ, принявших на себя обязательства по несению госслужбы. И хотя большая часть положений Программы реализовано не было, финансирование многих мероприятий сорвано, тем не менее, сама тенденция, ориентированная на комплексное решение вопросов, связанных с привлечением казачества к госслужбе, была заложена. В качестве развития данной тенденции в 2002 г. уже на региональном уровне принимаются разработанные Кубанским казачьим войском и согласованные с ГУВД Краснодарского края краевые целевые программы «Казачество против наркотиков» и «Участие казачества в охране общественного порядка и проведении мероприятий по пресечению незаконной миграции на территории Краснодарского края», которые предполагали создание штатных подразделений по охране общественного порядка и

предупреждению незаконной миграции, а также финансирование их деятельности за счёт краевого бюджета. Апробируются в этот период и новые формы участия казаков в обеспечении региональной безопасности и правопорядка, в том числе, в виде патрульных казачьих групп по охране лесов, совместных с ОВД подвижных групп по охране животноводческих комплексов и ферм, мобильных групп казачьих добровольных дружин и др. Постепенно начинает создаваться и материально-техническая база казачьих подразделений, принимающих участие в несении государственной службы.

Четвёртый этап (2012 г. – настоящее время) характеризуется тем, что в 2014 г. издаётся Федеральный закон № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», Статья 23 которого была посвящена особенностям создания и деятельности народных дружин из числа членов казачьих обществ, внесённых в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации. При вступлении его в силу все районные казачьи общества Кубани получили «Свидетельства о внесении народных дружин по участию в охране общественного порядка из числа членов районных казачьих обществ в региональный Реестр народных дружин или общественных объединений правоохранительной направленности». С этого же года вступает в действие государственная программа Краснодарского края «Казачество Кубани», одной из задач которой являлась финансовая поддержка социально ориентированных казачьих обществ на осуществление их деятельности по охране общественного порядка, защите государственной границы, по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий, охране окружающей среды и защите животных. Деятельность добровольных казачьих дружин постепенно отходит на второй план, а казаки-дружинники участвуют теперь в охране общественного порядка на территории муниципальных образований Краснодарского края на постоянной основе, проходя необходимую профессиональную подготовку, тесно взаимодействия с органами правопорядка и получая за свою работу заработную плату и «полный соцпакет». И хотя количество казаков-дружинников существенно сокращается,

тем не менее, результативность их деятельности становится более высокой и разноплановой.

В итоге можно говорить о том, что к сегодняшнему дню в крае выстроена достаточно работоспособная и результативная система привлечения членов казачьих обществ различного уровня к обеспечению региональной безопасности и участию в охране общественного порядка.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 16-11-23008.

Список литературы

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 1843. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 66.
3. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 89.
4. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 112.
5. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 71.
6. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 213.
7. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 302.
8. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 304.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10156. Оп. 1. Д. 192а.
10. Добровольский В.В. История участия казачьих объединений в защите общественного порядка и региональной безопасности на Северном Кавказе // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2011. № 2. С. 5–10.
11. Доклад о ходе реализации государственной программы Краснодарского края «Казачество Кубани» в 2016 году [электронный ресурс] // Департамент по делам казачества и военным вопросам Краснодарского края. Официальный сайт. URL : <http://ddk-kk.ru/upload/iblock/6e4/6e4479307333b84cf3e88d6df6c23655.pdf> (дата обращения 20.10.2017).

12. Дроботенко О.Н. Кубанское казачество как фактор национальной безопасности Юга России // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2016. № 4 (72). С. 19–22.
13. Емельянов Ю.Н. Проблемы перехода современного казачества от общественной деятельности к государственной службе (на примере Краснодарского края) // Ресурсы региона: культурно-историческое развитие в контексте науки и образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции (16–18 сентября 2016 г.). Славянск-на-Кубани, 2016. С. 124–129.
14. Ильин П.О. Формы совестной деятельности полиции и казачества по обеспечению общественного порядка и безопасности // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 17–19.
15. Казаки России. Прошлое, настоящее, будущее. М., 1992. 131 с.
16. Мациевский Г.О. Казачество современной России: история политической жизни: Монография. Старый Оскол, 2012. 402 с.
17. О государственной программе Краснодарского края «Казачество Кубани» [электронный ресурс] // КОДЕКС: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/424061102> (дата обращения 20.10.2017).
18. Овчаренко Р.К., Поченкова И.А. Роль казачества в обеспечении общественной безопасности на региональном уровне (на материалах Ростовской области) // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС. 2015. № 3. С. 221–225.
19. Помазан С.В., Рябошапка О.Н. Об участии граждан в обеспечении общественной безопасности (на примере Краснодарского края) // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС. 2015. № 3. С. 285–289.
20. Постановление Законодательного собрания Краснодарского края от 2011 г. «Об утверждении концепции государственной политики Краснодарского края в отношении кубанского казачества» [электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Краснодарского края. URL: <http://admkrain.krasnodar.ru/content/492/show/315316/> (дата обращения 20.10.2017).
21. Российская газета. 1998. 5 мая. № 85.

22. Сафонова О.Д. Казачество: общественно-политическая сила в поиске идентичности // Политический анализ. 2011. № 11. С. 109–117.
23. Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 3. Ст. 210.
24. Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 18. Ст. 1660.
25. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17. Ст. 1954.
26. Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 30. Ст. 3788.
27. Федеральный закон № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» [электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/70627294/#help#ixzz4NL5ONaKB> (дата обращения 20.10.2017).

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State archive of the Krasnodar region]. F. 1843. Inv. 1. D. 2.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State archive of the Krasnodar region]. F. 1843. Inv. 1. D. 66.
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State archive of the Krasnodar region]. F. 1843. Inv. 1. D. 89.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State archive of the Krasnodar region]. F. 1843. Inv. 1. D. 112.
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State archive of the Krasnodar region]. F. 1843. Inv. 1. D. 71.
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State archive of the Krasnodar region]. F. 1843. Inv. 1. D. 213.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State archive of the Krasnodar region]. F. 1843. Inv. 1. D. 302.
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State archive of the Krasnodar region]. F. 1843. Inv. 1. D. 304.
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State archive of the Russian Federation]. F. 10156. Inv. 1. D. 192a.
10. Dobrovol'skiy V.V. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* [Locus: people, society, culture, meanings]. no 2 (2011): 5–10.

11. *Departament po delam kazachestva i voennym voprosam Krasnodarskogo kraya* [The Department for the Cossacks and military Affairs in Krasnodar region]. <http://ddk-kk.ru/upload/iblock/6e4/6e4479307333b-84cf3e88d6df6c23655.pdf> (accessed October 20, 2017).
12. Drobotenko O.N. *Ekonomika. Pravo. Pechat'. Vestnik KSEI* [Economy. Right. Print. Bulletin of Kuban Social and Economic Institute]. no 4 (2016): 19-22.
13. Emel'yanov Yu.N. *Resursy regiona: kul'turno-istoricheskoe razvitie v kontekste nauki i obrazovaniya: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* ["The resources of the region: cultural-historical development in the context of science and education": materials of all-Russian scientific-practical conference]. Slavyansk-na-Kubani, 2016, pp. 124–129.
14. Il'in P.O. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* [The gaps in the Russian legislation]. no 3 (2016): 17–19.
15. *Kazaki Rossii (proshloe, nastoyashchee, budushchee)* [The Cossacks of Russia (past, present, future)]. Moscow, 1992. 131 p.
16. Matsievskiy G.O. *Kazachestvo sovremennoy Rossii: istoriya politicheskoy zhizni* [The Cossacks in modern Russia: the history of the political life]. Staryy Oskol, 2012. 402 p.
17. *KODEKS: Elektronnyy fond pravovoy i normativno-tekhnicheskoy dokumentatsii* [CODE: Electronic Fund of legal and normative-technical documentation]. <http://docs.cntd.ru/document/424061102> (accessed October 20, 2017).
18. Ovcharenko R.K., Pochenkova I.A. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS* [State and municipal management. Proceedings of the North-Caucasian Academy of the state service]. no 3 (2015): 221–225.
19. Pomazan S.V., Ryaboshapko O.N. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS* [State and municipal management. Proceedings of the North-Caucasian Academy of the state service]. no 3 (2015): 285–289.
20. *Ofitsial'nyy sayt Administratsii Krasnodarskogo kraya* [Official site of administration of Krasnodar region]. <http://admkrain.krasnodar.ru/content/492/show/315316/> (accessed October 20, 2017).

21. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. no 85 (1998). May 5.
22. Safonova O.D. *Politicheskiy analiz* [Political analysis]. no 11 (2011): 109–117.
23. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected legislation of the Russian Federation]. 1994. no 3. st. 210.
24. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected legislation of the Russian Federation]. 1995. no 18. st. 1660.
25. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected legislation of the Russian Federation]. 1996. no 17. st. 1954.
26. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected legislation of the Russian Federation]. 1999. no 30. st. 3788.
27. *Sistema GARANT* [The GARANT]. <http://base.garant.ru/70627294/#help#ixzz4NL5ONaKB> (accessed October 20, 2017).

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Мацевский Герман Олегович, профессор кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций, доктор исторических наук, доцент
Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма
ул. Буденного, 161, г. Краснодар, Краснодарский край, 350015, Российская Федерация
matsievski2004@mail.ru
SPIN-код в SCIENCE INDEX: 9043-4704

DATA ABOUT THE AUTHOR

Matsievsky German Olegovich, Professor of Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Kuban State University of Physical Culture, Sport and Tourism
161, Budennogo Str., Krasnodar, Krasnodar Region, 350015, Russian Federation
matsievski2004@mail.ru

**РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ.
ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ****REGIONAL AND LOCAL HISTORY.
REGIONAL STUDIES THROUGH HISTORY**

УДК 9 (908)

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-56-64

**Н.М. ЯДРИНЦЕВ И АЛТАЙ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПУБЛИЦИСТА И ЕГО РОЛЬ
В РАЗВИТИИ АЛТАЙСКОЙ ПЕРИОДИКИ***Антипова И.В.*

Цель. Целью статьи является изучение роли Николая Михайловича Ядринцева в развитии алтайской периодической печати и его исследовательская и статистическая деятельности на Алтае.

Метод или методология проведения работы. При написании статьи использовались такие общенаучные методы исследования, как анализ, сравнение, обобщение.

Результаты. Автор проанализировал исследовательскую, этнографическую и статистическую деятельность Николая Михайловича Ядринцева на Алтае. Посетив с исследовательской миссией Алтай, Н.М. Ядринцев опубликовал грандиозные сочинения и статьи не только об этнографической стороне алтайских «инородцах», но и смог подарить его жителям карту местности и подробное описание метеорологических наблюдений.

В статье рассматривается роль Н.М. Ядринцева в развитии алтайской периодики и дается общая характеристика газеты «Восточное обозрение» под его руководством. Несмотря на то, что публикаций от имени Н. М. Ядринцева на Алтае не сохранилось, за исключением небольшого четверостишья, он сумел поднять провинциальную периодику совершенно на новый уровень. Он, совместно с сибирскими кор-

респондентами, смог вдохновить целое поколение, в результате чего стали развиваться по городам Сибири университеты, музеи и многочисленные сибирские издательства. С приходом Николая Михайловича на Алтай, периодическая печать заметно развилась и окрепла.

Область применения результатов. *Статья может быть использована на занятиях по краеведению, истории России и российской журналистики.*

Ключевые слова: *периодическая печать; Алтай; Сибирь; этнография; статистика; Н.М. Ядринцев.*

N.M. JADRINTSEV AND ALTAI: RESEARCH ACTIVITIES OF THE PUBLICIST AND HIS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF ALTAI PERIODICALS

Antipova I.V.

Purpose. *The purpose of this article is to study the role of Nikolai Mikhailovich Yadrinseva in the course of development of the Altai periodicals and its research and statistical activities in the Altai.*

Methodology. *When writing the article were used General scientific methods like analysis, comparison, generalization.*

Results. *As a result, the author analyzed the research, ethnographic and statistical activities of Nikolai Mikhailovich Yadrinseva in the Altai. Visiting with the research mission Altai, N.M. Yadrinseva published grandiose essays and articles not only about the ethnographic side of the Altaian “aliens”, but also was able to give his inhabitants a map of the locality and a detailed description of meteorological observations. The role of N.M. Yadrinseva in the development of the Altai periodicals and gives a general description of the newspaper “Eastern Review” under his leadership. Despite the fact that publications on behalf of N.M. Yadrinseva in the Altai were not preserved, with the exception of a small quatrain, he managed to raise the provincial periodicals to a completely new level. Together with Siberian correspondents, he was able to*

inspire a whole generation, as a result of which universities, museums and numerous Siberian publishing houses began to develop in the cities of Siberia. With the arrival of Nikolai Mikhailovich in the Altai, the periodical press noticeably developed and strengthened.

Practical implications. *The article can be used in the teaching of local history, the history of Russia and Russian journalism.*

Keywords: *periodic printing; Altai; Siberia; ethnographystatistics; N.M. Yadrintsev.*

Жизнь и деятельность Н.М. Ядринцева уже не первое десятилетие вызывает интерес у многих исследователей Сибири. Один из сюжетов, который является малоизученным и заслуживает самостоятельного изучения – роль Н.М. Ядринцева в развитии периодической печати на Алтае.

В периодической печати наибольшее количество упоминаний и обращений к личности Н.М. Ядринцева приходится именно на год его смерти (1894 г.) [2]. В 1910 г. «Алтайская газета» опубликовала статью А. Семенова «Панихида по Н.М. Ядринцеву», а в 1914 г. в газете «Жизнь Алтая» напечатаны две статьи: «Памяти Н.М. Ядринцева» и «Сибирский патриот» [8].

В середине XIX – начале XX в. почти в каждом регионе страны происходит бурное развитие периодической печати. И Алтайский горный округ не был исключением в этом процессе. На этот счет у Н.М. Ядринцева было особое отношение к провинциальной издательской деятельности. Развитие периодики он рассматривал как вклад в общественно-научное развитие края. Он был одним из первых ученых, который поставил вопрос о значимости периодической печати в регионах. О нем писал лидер областного движения Г.Н. Потанин: «настоящая сибирская пресса начинается только с Ядринцева» [5, с. 122].

Так, в газете «Восточное обозрение», издаваемой в Петербурге, особое внимание уделялось проблемам сибирского региона. Над ее выпуском трудились сибирские корреспонденты во главе с А.С. Поповым и Н.М. Ядринцевым, который сразу обозначил профиль га-

зеты: «Газета еженедельная, без предварительной цензуры, посвященная преимущественно Сибири, Азиатскому Востоку, а также интересам окраин и русских областей» [12, с. 76]. Газета «Восточное обозрение» в основном содержала публикации Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, А.М. Позднеева и др., то есть непосредственно работы тех авторов, которые прямо или косвенно касались изучения Сибири [11]. В 1885 г. в «Сибирском сборнике» была опубликована статья Н.М. Ядринцева «Начало печати в Сибири», в которой отдельное внимание уделяется губернским ведомостям, а также оценивается уровень областных изданий [13].

Г.Н. Потанин писал «Когда он начал издавать свой журнал «Восточное обозрение, то стал владеть своим подписчиком безраздельно» [6, с. 33], отмечая особую роль Н.М. Ядринцева в формировании и развитии сибирской периодики. Н.М. Ядринцев считал вполне возможным и необходимым «разрабатывать общественные нужды путем печати» [11, с. 35]. «Восточное обозрение» В.М. Крутовский определял, как сильнейший рычаг формирования общественного мнения [4]. Эта газета, ко всему прочему, освещала и злободневные вопросы, от чего популярность публицистической и издательской деятельности Ядринцева значительно возрастала.

Н.М. Ядринцев сыграл значительную роль не только в исследовательской деятельности Алтая. Обнаружено, что в процессе подготовки отчета о ходе статистических работ по исследованию Томской губернии от 1894 г., который был составлен С.П. Швецовым, программа исследования, принятая и утвержденная В.К. Болдыревым, оказывается была предложена Н.М. Ядринцевым. Правда за основу была взята программа статистического бюро Иркутска, местами ему пришлось ее скорректировать под местные особенности, а именно в вопросах землепользования [10]. К тому же, Н.М. Ядринцев составил подворную карточку, которую, прибыв в Барнаул, он начал использовать при определении арендного и заимочного хозяйств. Исходя из чего можно сказать, что основа научно-методической работы по статистическим исследованиям в Алтайском округе была выполнена именно Н.М. Ядринцевым [9].

В результате выстраивания новых социально-политических и экономических отношений между Центральной Россией и Сибирью, у Н.М. Ядринцева сформировалась собственная позиция по отношению к политике и обществу [3]. В связи с чем, Н.М. Ядринцев пытался приблизить Алтайский округ к уровню жизни европейской части страны, что в свою очередь подтолкнуло сибирскую интеллигенцию активизироваться, в результате чего стало образовываться ранее областничество, а Н.М. Ядринцев стал выступать в качестве одного из идеологов нового движения [1].

Благодаря поручению Русского географического общества, в 1878 г. Н.М. Ядринцев впервые посетил с исследовательской миссией Алтай [9]. Эта поездка принесла ему награду в виде малой золотой медали. Алтайский горный округ получил не только материал для публикаций, но и карту местности, ее подробное описание и метеорологические наблюдения. Позже Н.М. Ядринцев был снова направлен на Алтай, но уже с целью собрать сведения о кочевых «инородцах». В результате в 1882 г. была опубликована работа Н.М. Ядринцева «Алтайцы и чернявые татары», в которой было представлено исследование этнографической стороны жизни инородцев Алтая [12]. От лица редактора «Томских губернских ведомостей» в 1882 г. была опубликована новость о выходе грандиозной статьи «Поездка по Сибири и в Алтайский горный округ» и нового содержательного сочинения Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония», где исследователь особое внимание уделяет природным богатствам Алтая и Сибири в целом.

Отдавая дань провинциальной периодике, Николай Михайлович просил обратить внимание на тот факт, что важно в местных изданиях освещать вопросы не государственные, а именно областнические. Иными словами, местной периодике не стоит перепечатывать материалы столичных изданий, достаточно это делать губернским газетам. При этом не стоит гнаться за уровнем столичного выпуска, пытаться конкурировать, освещая на своих страницах «все задачи». Достаточно раскрывать провинциальные вопросы в местных изданиях, тем самым давая возможность правительству окунуться, и, возможно, решить назревшие в области проблемы [10].

Таким образом, в дореволюционной периодической печати образ Н.М. Ядринцева занял довольно прочное место. Несмотря на то, что центральное место в воспоминаниях о Н.М. Ядринцеве в основном связано с его областнической деятельностью, тем не менее, поднятые им вопросы о взаимоотношениях центра и отдельных регионов, охране природных богатств и самоуправления, а также вопросы по межнациональным отношениям и противоречиям актуальны и в настоящее время. Н.М. Ядринцев являлся не только общественным деятелем, публицистом, историком и этнографом, но и географом. Его исследовательская миссия на Алтай приносила не только новую информацию об алтайских «инородцах», но и давала совершенно новые географические сведения в имевшихся представлениях об исследуемых ранее территориях Алтая. Во время своих экспедиций на Алтай исследователь, помимо составления подробных карт местности, отмечал и вновь возникшие населённые пункты. В результате своих экспедиций Н.М. Ядринцеву удавалось рассеивать массу своих статей по периодическим изданиям Сибири, где он с удовольствием, начиная с 1864 г. и до самой смерти сотрудничал с газетами и журналами. Его статьи печатались во многих газетах и журналах – «Русская жизнь», «Отечественные записки», «Томские губернские ведомости» и «Сибирская Жизнь». Немалую часть составляют статьи о проблемах провинциальной печати. Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, Н.И. Наумов, Шашков, Омудевский, Вагин и многие другие, выступают своего рода «отцами» сибирской журналистики [7]. Они смогли вдохновить целое поколение, которое разбрелось по городам Сибири, развивая университеты, музеи, многочисленные сибирские газеты. С приходом Н.М. Ядринцева на Алтай окрепла и развилась периодическая печать [7].

Список литературы

1. Головинов А.В. Культурфилософская концепция сибирского областничества: этносоциальные и ценностные основания: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Барнаул, 2010. URL: <http://cheloveknauka.com/kulturfilosofskaya-kontsepsiya-sibirskogo->

- oblastnichestva-etnosotsialnye-i-tsennostnye-osnovaniya#3 (дата обращения: 14.08.2017).
2. Гольдфарб С. Н.М. Ядринцев // *Весь Иркутск*. Иркутск, 1992. С. 166–169.
 3. Коржавин В.К. Общественно-политические и исторические взгляды Н.М. Ядринцева, (60–90-е годы XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. URL: <http://search.rsl.ru/ru/record/01007409951> (дата обращения: 05.06.2017).
 4. Крутовский Вл.М. Ученые труды Николая Михайловича Ядринцева // *Сиб. записки*. 1919. № 2.
 5. Письма Г.Н. Потанина: в 5 т. Иркутск, 1987–1992. См. именной указатель. Ядринцев Н.М. (1842–1894) // *Литературная Сибирь. Писатели Восточной Сибири* / сост. В.П.Трушкин. Иркутск, 1971.
 6. Потанин Г. Н. Воспоминания // *Сибирская жизнь*. 1913. № 109.
 7. *Сибирский листок, 1890–1894* : [Избр. материалы из газ.:Из фондов Тобол. гос. ист.-архитектур. музея-заповедника] / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). Тюмень: Мандрика, 2003 (Курган: Зауралье).
 8. Фарафонтова Т. Из бумаг сибирского патриота // *Восточное обозрение*. 1902. № 188.
 9. Фонд № 3 Опись Архива Николая Михайловича Ядринцева (материалы 1860–1906) // ТГУ. Научная библиотека. Отдел рукописей и книжных памятников. Томск, 2010 URL: <http://www.lib.tsu.ru/win/dokument/ork/jadrinzev2010.pdf> (дата обращения: 15.09.2017).
 10. Чередниченко И.Г. Николай Михайлович Ядринцев – публицист, теоретик и организатор провинциальной печати. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 1999.
 11. Чиканова Н.А. Образ Н.М. Ядринцева в дореволюционной периодической печати // *Омский научный вестник*. 2015. № 3 (139). С. 34–38.
 12. Ядринцев Н.М. Сборник избранных статей, стихотворений и фелетонов. Красноярск, 1919.
 13. Ядринцев Николай Михайлович. Октябрьский округ 60 лет. / Сост. Михеева Р.Г. Иркутск, 2001.

References

1. Golovinov A.V. *Kul'turfilosofskaya kontseptsiya sibirskogo oblastnichestva: etnosotsial'nye i tsennostnye osnovaniya*: [The cultural and philosophical concept of Siberian regionalism: social and value foundations]. <http://cheloveknauka.com/kulturfilosofskaya-kontseptsiya-sibirskogo-oblastnichestva-etnosotsialnye-i-tsennostnye-osnovaniya#3> (accessed August 14, 2017).
2. Goldfarb S. N.M. *Jadrintsev* [N.M. Yadrintsev] All Irkutsk. Irkutsk. 1992.
3. Korzhavin V.K. *Obshchestvenno-politicheskie i istoricheskie vzglyady N.M. Yadrintseva, (60–90-e gody XIX v.)* [Socio-political and historical views N.M. yadrintseva, (60-90-ies of the XIX century)]. <http://search.rsl.ru/ru/record/01007409951> (accessed June 05, 2017).
4. Krutovskaya VL. M. *Uchenye trudy Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva* [Scientific Works of Nikolai Mikhailovich Yadrintseva]. Sib. zapiski. 1919. No. 2.
5. *Letters To G.N. Potanin: 5. t Irkutsk, 1987–1992*. [Pis'ma G.N. Potanina: v 5. t. Irkutsk, 1987–1992.]. Literary Siberia. Writers of East Siberia. V.P. Trushkin. Irkutsk, 1971.
6. Potanin G.N. *Vospominaniya Memories* [Memories]. *Siberian life*. 1913. No. 109.
7. *Sibirskiy listok, 1890–1894* [Siberian leaf, 1890–1894]. Comp. V. Beloborodov (with the participation of Yu Mandrake). Tyumen: Mandrika, 2003.
8. Farafontova T. *Iz bumag sibirskogo patriota* [Of the securities of the Siberian patriot]. Eastern Outlook. 1902. No. 188.
9. *Fond № 3 Opis' Arhiva Nikolaja Mihajlovicha Jadrinceva (materialy 1860–1906)* [Fund No. 3 Inventory of the Archive of Nikolai Mikhailovich Yadrintseva (materials 1860–1906)]. <http://www.lib.tsu.ru/win/dokument/ork/jadrincev2010.pdf> (accessed September 15, 2017).
10. Cherednichenko I. G. *Nikolaj Mihajlovich Jadrincev – publicist, teoretik i organizator provincial'noj pechati* [N.M. Yadrintsev – writer, theorist and organizer of provincial printing]. G. Cherednichenko, M. and professional education of the Russian Federation Irkut. GOS. tehn. Univ. of Illinois. Irkutsk: Publishing house Irgtu, 1999.

11. *Chikanova N.A. Obraz N.M. Jadrinceva v dorevoljucionnoj periodicheskoj pechati.* [The Image N.M. Yadrintseva in pre-revolutionary periodicals]. Omsk scientific Bulletin. 2015. № 3 (139).
12. *Yadrintsev N.M. Sbornik izbrannyh statej, stihotvorenij i fel'etonov.* [Collection of selected articles, poems and satires]. Krasnoyarsk, 1919.
13. *Yadrintsev Nikolai Mikhailovich. Oktjabr'skij okrug 60 let.* [Oktyabrsky Okrug 60 years]. comp. Mikheeva, R. G. Irkutsk, 2001.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Антипова Инесса Валерьевна, преподаватель, аспирант

*Алтайская академия гостеприимства; Алтайский государственный педагогический университет
ул. Юрина, 170, г. Барнаул, Алтайский край, 656050, Российская Федерация; ул. Молодежная, 55, г. Барнаул, Алтайский край, 656031, Российская Федерация
Inessa.a-a2@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Antipova Inessa Valerevna, Teacher, Graduate Student

*Altai Academy of Hospitality; Altai State Pedagogical University
170, Yurin Str., Barnaul, Altai Territory, 656050, Russian Federation; 55, Molodezhnaya Str., Barnaul, Altai Territory, 656031, Russian Federation
Inessa.a-a2@yandex.ru*

УДК 947.084(636)

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-65-77

ПЛЕМЕННОЕ ЖИВОТНОВОДСТВО ЗАУРАЛЬЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И НЭПА (1919–1928 гг.)

Иваненко В.Е.

Цель. Раскрыть историю организации племенной работы в Зауралье в годы гражданской войны и НЭПа.

Метод и методология работы. Основу исследования составляют: принцип объективности и историзма. Используются общенаучные методы: исторический, логический, индукции, дедукции и др., и собственно исторические: нарративный, ретроспективный, компаративный и др.

Результаты: в статье дана характеристика породности скота накануне 1920-х годов, отмечены его достоинства и недостатки, указаны причины упадка (гражданская война, иностранная интервенция и засуха 1921 г.) и подъема в отрасли (НЭП), показаны основные направления племенного дела: 1919 г. – организация племенных рассадников, частных случных пунктов; 1920 г. – создание племхозов; 1924 г. – децентрализация племенного дела, создание сети случных пунктов; 1925 г. – организация товариществ (контрольных, конных). Это было начало животноводческой кооперации в регионе. Показана работа по улучшению качества животных в 1919–1928 гг. и ее результаты.

Область применения: результаты исследования можно использовать зоотехникам при организации племенной работы и как дополнительный материал на семинарских занятиях для студентов-зооинженеров по курсам: «Аграрная политика России на современном этапе» и «История».

Ключевые слова: племенное животноводство; новая экономическая политика; породы животных; племхозы; случные пункты; племенные фермы; Зауралье; гражданская война.

LIVESTOCK BREEDING OF THE TRANSURALS REGION IN THE YEARS OF THE CIVIL WAR AND THE NEW ECONOMIC POLICY (1919–1928)

Ivanenko V.E.

Purpose. *Uncover the history of the organization of breeding work in the Urals during the civil war and the new economic policy.*

Methodology. *Research basis is made: principle of objectivity and historical method. Scientific methods are used: historical, logical, inductions, deductions of and other, and actually historical: narrative, retrospective, comparative to and other.*

Results. *In the article the characteristics of livestock breeds on the eve of the 1920th, marked its advantages and disadvantages, identifies the causes of decline (civil war, foreign intervention and the drought of 1921) and rise in the industry (New Economic Policy), the basic directions of breeding: 1919 – organization of breeding nurseries, private breeding stations; 1920 – establishment of the breeding; 1924 – decentralization of breeding, the creation of a network of breeding stations; 1925 – organization of associations (control and horse). It was the beginning of livestock cooperatives in the region. Shown work to improve the quality of animals in the years 1919–1928 and its results.*

Application domain: *research results it can draw on to the animal technicians during organization of tribal work and as additional material on seminar employments for students-animal technicians on courses: “Agrarian politics of Russia on the modern stage” and “History”.*

Keywords: *live-stock breeding; new economic policy; breeds of animals; племяхозы; points for crossing animals; tribal farms; transurals region; civil war.*

Актуальность темы не вызывает сомнений. Во-первых, она мало изучена, во-вторых, современное состояние животноводства таково, что требует быстрого восстановления поголовья и здесь племен-

ному животноводству отводится важная роль. Опыт 1920-х годов может быть использован в решении этой проблемы.

Хронологические рамки исследования охватывают 1919–1928 гг. В августе 1919 г. территория Зауралья была освобождена от колчаковской армии и установлена советская власть, но гражданская война продолжалась. В 1921 г. была принята новая экономическая политика, хотя до 1922 г. она не работала. В 1928 г. НЭП практически прекратила свое существование.

Автор ставит задачу рассмотреть основные направления племенной работы указанного периода, указать причины упадка в годы гражданской войны и иностранной интервенции и подъема отрасли в годы НЭПа.

Население Зауралья с незапамятных времен разводило разные виды животных местной сибирской породы, но к началу XX века все они были метизированы другими породами. Лошади – орловским и русским рысаками, казахской и тавдинской породами. На севере разводили приобскую лошадь. Занимались и разведением чистопородных рысистых лошадей.

Наряду с местной сибирской породой крупного рогатого скота (КРС) встречались: тавдинское отродье великорусского скота, голландский скот, метисы симментала, кровные симменталы, метисы ярославской, холмогорской, швицкой пород. Чистопородный иностранный рогатый скот разводили в частновладельческих хозяйствах: А.Ф. Памфилова в Тюменском уезде и Л.Д. Смолина – в Курганском [13, с. 101].

Овцы были небольших размеров, имели длинную, прочную, негрубую шерсть, но продуктивность их была невелика. «Культурные» породы: рамбулье, негретти, курдючные встречались изредка.

В Зауралье было положено начало метизации свиней. Здесь разводили, наряду с местной сибирской породой, свиней бекширской и йоркширской пород, которые имели высокую продуктивность и хорошее качество мяса.

Местный сибирский скот отличался неприхотливостью к корму и содержанию, выносливостью, но имел и недостатки: лоша-

ди были невысокого роста и малосильны; КРС отличался низким ростом и удоями, но высокой жирномолочностью и имел ценное свойство: отвечал повышением молочности и живого веса при улучшении содержания. Это давало основания улучшать местный молочный скот, не прибегая к дороговому способу метизации другими породами.

В Тюменской губернии имелись благоприятные условия для развития животноводства: обильные сенокосы, хорошие выпасы, климат.

Стремление к улучшению домашних животных у крестьян появилось еще до первой мировой войны, однако не каждый крестьянин мог себе это позволить. Улучшение коневодства велось лишь зажиточными и кулацкими слоями населения, так как за случку кобылицы со средним по качеству жеребцом частные коннозаводчики брали до 300 и более рублей [18, с. 41].

Положение в племенной работе изменилось в советское время. Глава советского правительства В.И. Ленин 13 июля 1918 г. подписал декрет «О племенном животноводстве», который положил начало организации племенного дела в стране. На Народный Комиссариат Земледелия (НКЗ) возложили организацию племенных хозяйств, конезаводов, рассадников. В августе – сентябре 1919 г. создали Тюменский губернский Земельный отдел, а при губернском и уездных управлениях – отделы по животноводству. Их работа заключалась в регистрации племенных животных и организации случки с зарегистрированными животными. Учета кровных и полукровных животных в губернии с 1918 до осени 1919 г. не проводили, так как шли военные действия, и заниматься племенной работой было невозможно.

Осенью 1919 г. при губземотделе образовали чрезвычайную зоотехническую комиссию для сохранения племенного скота от расхищения и истребления путём устройства рассадников племенных животных. По решению губземотдела 10 декабря 1919 г. в Тюмени открыли опорный конный завод Губземуправления на 50 лошадей [12, с. 48].

В 1920 г. начали учет племенных животных. По Тюменскому уезду в 1920 г. зарегистрировали 1490 племенных лошадей, 1390 племенных коров, по Ишимскому – 514 лошадей и 2010 коров, по Тобольскому – 183 лошади, по Ялуторовскому – 1088 быков и коров. На лошадей выдали в губернии 2187 охранных свидетельств. При регистрации племенных животных, мелкому животноводству внимания уделяли мало. В 1920 г. зарегистрировали только 20 породистых свиней и 4 овцы. Из-за отсутствия специалистов регистрацию племенного скота не закончили [12, с. 49, 81].

С февраля 1920 г. в губернии ввели предварительную продрозверстку на зерно, во время сбора которой часто крестьянам, имеющим охранные свидетельства на племенных животных, не оставляли корма, что вело к гибели животных или вынужденному забою. Многие племенные животные были взяты в счет разверстки, это нанесло большой урон племенному делу.

Мероприятия по массовому улучшению скота провести в эти годы было невозможно, так как нужно было полное его обследование, а специалистов было очень мало. К решению этой проблемы приняли другой подход – создали племхозы. Из существующих совхозов выделили госплемхозы; коллективные рассадники, коммуны и проч., могущие взять на себя задачи госплемхозов [8, л. 7–12]. Например, в Тобольском уезде в 1920 г. при местной сельскохозяйственной школе имелось племенное хозяйство и был совхоз с племенными животными, расположенный на трех заимках – Парфеновке, Кривцовке и Ершовке; племсовхоз «Черная речка» Тюменского уезда; кое-где сохранились частные случные пункты. В племхозах занимались изучением разных пород КРС, овец и свиней [12, с. 73].

Обстановка в животноводстве ещё больше ухудшилась в 1921–1922 гг. в связи с засухой и крестьянским восстанием 1921 г. Численность быков-производителей по Тюменской губернии за 1921 г. уменьшилась на 82% [1, л. 97], погибло много племенных лошадей, на них воевали. Почти все племенные свиньи были уничтожены, рассадники разорены, пострадало и овцеводство. В Ишимском уезде не осталось ни случных пунктов, ни рассадников.

Работа зоотехнической комиссии за 1920 г. по племенному делу свелась к нулю, а о новой работе в губернском масштабе не приходилось и думать, так как не было прочной политической обстановки. Катастрофическая убыль и снижение качества скота указывали на необходимость сохранности поголовья и улучшение его качества. На эти же задачи указал Всероссийский съезд по опытному делу, проходивший в 1921 г. в Москве [14, л. 2].

Новая экономическая политика, принятая в марте 1921 г., создавала материальную заинтересованность в развитии личных крестьянских хозяйств. Введение прогрессивного налога на скот вызывало потребность крестьян в более продуктивных животных, чем они имели. Рост посевных площадей после неурожайного 1921 и голодного 1922 г. вызвал потребность в более выносливых и сильных лошадях. Этого можно было достичь улучшением племенной работы.

Основную роль в решении этой задачи в коневодстве должен был сыграть Тюменский конный завод, единственный в губернии рассадник рысистых лошадей, однако работал он слабо. Ощущался острый недостаток жеребцов-производителей, особенно в Ялуторовском и Ишимском уездах. Здесь на одного жеребца приходилось по 320 маток [9, л. 41].

Восстановление поголовья могло идти только естественным путем. Это дало толчок к развитию племенной работы. Производственным планом развития животноводства в 1923/24 г. в губернии предусматривалось упорядочение регистрации одобренных животных, введение искусственного оплодотворения кобыл, для этого предполагалось возродить зоотехнические комиссии, обращалось внимание на качество производителей [15, л. 9–10].

В 1923 г. Губотдел животноводства провел регистрацию племенных животных. Всего по губернии выдали 3142 охранных свидетельства на племенных жеребцов и кобыл, 204 – на быков и 823 – на коров. Регистрация была частичной. Так, в Ялуторовском уезде числилось 1049 гол. племенного скота, а свидетельства выдали только на 29 гол., племенных овец числилось 3470, но охранных

свидетельств они не имели, на 1096 племенных хряков и маток имелось одно свидетельство. В 1923 г. в губернии насчитывалось 184 частных случных пункта и 5 государственных [10, л. 3об].

Племенное животноводство губернии в 1923 г. было сосредоточено, главным образом в племхозах (совхозах). В Тюменском округе насчитывалось 8 племенных хозяйств: Червишевский совхоз, «Чёрная речка», «Ульяновский», Чернореченский, Заимка Туринского уезда, Борки, Рафайловский совхоз и др., «Подгорный» в Ишимском округе, Жуково, Парфеновка и др. в Тобольском округе. Несмотря на тяжёлое экономическое положение, в племхозах вели племенную работу по улучшению качества разных видов и пород животных. Изучали кормление, содержание и разведение животных: выбор быка-производителя, ручная случка, подбор и браковка молодняка; учёт племенного материала и продуктивности: племенная запись по наследственности, индивидуальным надоям, химическому анализу молока и т.д. Всего в совхозах было 10 племенных быков пород: симметальской, голландской, местной сибирской, ярославской и др., 34 коровы, 22 гол. молодняка; 19 племенных баранов пород рамбулье, рамбулье-негретти, курдючных и 49 овец; 13 свиней и 6 хряков бекширской и йоркширской пород [12, с. 185].

Несмотря на принятые меры, количество племенного скота было невелико. Племенные хозяйства, имея ограниченное число производителей, не могли удовлетворить повышенный спрос крестьян на породистый скот.

В 1924 г., была предпринята децентрализация племенного дела, определена сеть случных пунктов, увеличено их количество. Для этого создали окружные и районные зоокомиссии, которые проводили кампании по одобрению производителей, они же контролировали случные кампании, регистрировали племенных животных. Так, по Тюменскому округу зарегистрировали 567 голов племенного скота, одобрили еще 5413 жеребцов и маток, зарегистрировали 11 племенных овец; 15 племенных хряков и 53 свињи йоркширской породы. Животных использовали на случных пунктах, число которых увеличилось. Зоокомиссия в 1924 г. организовала в округе 10

конских случных пунктов с 14 производителями, до этого племенные производители были сосредоточены только в Тюмени. Открыли пункт искусственного осеменения кобыл. Позднее такие пункты были открыты и для осеменения КРС [12, с. 110, 138].

В 1924 г. в округе было 3 случных бараньих пункта, а в 1925 г. – 24 пункта. Племенные животные относились к породам: романовской, курдючной, рамбулье и северной короткохвостой [6, л. 15]. Племенная работа велась не только в Тюменском, но и в Ишимском и Тобольском округах, но хозяйства работали еще плохо и не удовлетворяли спроса населения.

В 1925 г. для улучшения породности крестьянских лошадей, на смену частным заводам и в помощь Окрконзаводу организовали коневодные товарищества, через них проводили основные мероприятия по коневодству. Это было начало развития коневодческой кооперации в Зауралье. В Тюменском округе первые товарищества появились в 1925 г.: Сорокинское и Новозаимское. В 1927 г. их было 19, в 1928 г. – 32 (всего по области 55), они объединяли 1200 хозяйств и до 2500 племенных лошадей [18, с. 41]. В Ишимском и Тобольском округах товарищества появились позднее.

Однако не все районы были обеспечены племенными животными, не везде еще создали коневодные товарищества, не хватало специалистов по коневодству. Чтобы преодолеть эти недостатки, организовали Тюменское окружное общество содействия развитию коневодства и коннозаводства. Оно должно было способствовать росту коневодства и коннозаводства и планировало объединить все товарищества в союз [4, л. 145].

В 1928 г. в Армизонском районе организовали первую племенную коневодческую ферму в коммуне «Красные орлы» [16, с. 7].

В 1925 г. появились контрольные товарищества КРС, в 1926 г. в Тюменском округе работали 13 товариществ в них входили 195 человек, имевших 786 коров [5, л. 102–103]. Под руководством окружного зоотехника, специалистов и местных органов власти они проводили племенную работу, улучшенное кормление, содержание коров, выращивание телят, учитывали продуктивность животных,

оплату кормов и т.д. Средняя продуктивность коров у членов контрольных товариществ была в 1,5–2,0 раза выше. Товарищества практически руководили животноводческой политикой в деревне.

Главная их заслуга состояла в том, что они показали ценные качества местного сибирского КРС и определили место его в молочном животноводстве Зауралья. Доказали, что продуктивность сибирского молочного скота может быть высокой, и зависит она от лучшего кормления и содержания, поэтому сибирский скот был поставлен на положение единственно желательной породы для разведения в единоличных крестьянских хозяйствах Зауралья.

В овцеводческой и свиноводческой отраслях животноводства не было товариществ, но в виду их важности планировали создание в 1929 г. Число случных пунктов, племрассадников и множительных гнезд увеличивалось из года в год. В 1925 г. в Тюменском округе было 23 племенных хозяйства, свиных случных пунктов было 30, в 1926 г. – 42, племрассадников – 35. В 1928 г. создали еще 5 племрассадников, 19 множительных гнезд и 26 случных пунктов [12, с. 187–190]. В Ишимском округе в 1926 г. было 40 свиных случных пунктов [2, л. 282], в 1927 г. организовали еще 41, сформировали 4 племрассадника и 45 множительных гнезд [3, л. 236].

Областное зоотехническое совещание в 1928 г. наметило мероприятия по укреплению овцеводческой отрасли: организацию базисных племовчарен для размножения улучшенного племматериала; создание коллективных рассадников, сети случных пунктов [11, л. 38]. В 1928 г. племенной рассадник Шатровских коммун организовал 8 племенных рассадников, 11 случных пунктов и 10 множительных гнёзд со 100 романовскими овцами [12, с. 169].

В 1925 г. в Тюменском округе было 19 бычьих случных пунктов, в 1926 г. организовали еще 21 пункт. В 1928 г. организовали 54 случных пункта и 9 пунктов искусственного осеменения КРС [12, с. 140].

С целью выявления лучших экземпляров животных, их породности, выносливости, молочности и продуктивности устраивались ежегодные районные и окружные выставки и выводки. Проводились конкурсы для выявления молочности, по заносу молока на

маслозаводы, его качеству. Выдержавших конкурс коров заносили в книгу племенных животных. Отбор проводили по происхождению и экстерьеру [17].

Перевод скота в теплые скотные дворы, применение правильного кормления давали около 60% раздоя местных крестьянских коров, поэтому крестьяне в 1927/28 г. стали утеплять помещения. В некоторых районах процент утепленных помещений достигал 70 [7, л. 12 об.-13].

К концу 1920-х гг. местный сибирский скот стал более продуктивным. В конском составе большое распространение получил орловский рысак, метизация им позволила увеличить массу лошадей и их работоспособность. Улучшилась продуктивность КРС: увеличились надои и вес животных местной породы. В 1924 г. надои племенных коров составляли 50-190 пуд. в год, в 1927 г. – 44,5–256 пуд. Породный состав КРС на 94% состоял из местного сибирского скота. Появились новые породы: тагильская, красно-немецкая.

В свиноводстве вновь стали разводить йоркширскую породу. По своим качествам она значительно превосходила местных свиней: йоркширы достигали 25–30 пуд. живого веса, тогда как местные – только 4–5 пуд. Появились новые породы овец: романовская, шленка, кулундинские и др., более продуктивные. Они давали больше шерсти и мяса.

Таким образом, племенная работа в годы иностранной интервенции и гражданской войны была затруднена, а порой становилась невозможной (во время крестьянского восстания и засухи 1921 г.).

Развитию племенного дела способствовала новая экономическая политика, которая давала крестьянам возможность развивать личные хозяйства, а введение прогрессивного налога, в том числе и на скот, вызывало потребность крестьян в более продуктивных животных, чем они имели.

Крестьяне приняли активное участие в активизации племенной работы, вступали в товарищества, которые занимались племенной работой, участвовали в животноводческих выставках, выводах, конкурсах молочности и т.д. В результате улучшилось качество и продуктивность скота, что было связано с введением рациональ-

ного кормления животных, улучшением содержания, постройкой теплых скотных дворов, разведением новых пород всех видов скота и др. Продолжался завоз племенных животных всех видов из других регионов.

Список литературы

1. Государственный архив общественно-политических организаций Тюменской области (ГАОПОТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 429.
2. ГАОПОТО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 246.
3. ГАОПОТО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 724.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-310. Оп. 3. Д. 99.
5. ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 3. Д. 91.
6. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. р-239. Оп. 1. Д. 189.
7. ГАСО. Ф. р-239. Оп. 1. Д. 931.
8. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 251. Оп. 1. Д. 514.
9. ГАТО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 171.
10. ГАТО. Ф. 251. Оп. 1. Д. 466.
11. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 305.
12. Иваненко В.Е. История развития животноводства в годы «военного коммунизма» и НЭПа в Зауралье. Тюмень, 2005. 236 с.
13. Лейрих Э. Отродья уральского рогатого скота и значение их для области // Хозяйство Урала. 1928. № 7. С. 84–102.
14. Российский Государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 5. Д. 1835. Л. 2.
15. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 221. Л. 9–10.
16. Сидоренко В. Армизонские коневоды. Тюмень, 1952. 55 с.
17. Смирнов П.Е. Продуктивность скота Зауралья и дальнейший метод его улучшения // Вестник животноводства. 1928. №№ 9–10. С. 61–65.
18. Смирнов П.Е. Работа по улучшению коневодства и коннозаводства в Тюменском округе Уральской области // Вестник животноводства. 1928. №3. С. 41–43.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv obshestvenno-politicheskikh organizatsiy Tyumenskoi oblasti. (GAOPOTO)* [State archive of socio-political organizations of the Tyumen region]. F. 1. Inv. 1. D. 429.
2. *GAOPOTO*. F. 46. Inv.1. D. 246.
3. *GAOPOTO*. F. 46. Inv. 1. D. 724.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State archive of the Russian Federation]. F. A-310. Inv. 3. D. 99.
5. *GARF*. F. A-310. Inv. 3. D. 91.
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoi oblasti (GASO)* [The state archive of Sverdlovsk region]. F. R-239. Inv. 1. D. 189.
7. *GASO*. F. R-239. Inv. 1. D. 931.
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Tyumenskoi oblasti (GATO)* [The state archive of Tyumen region]. F. 251. Inv. 1. D. 514.
9. *GATO*. F. 605. Inv. 1. D. 171.
10. *GATO*. F. 251. Inv.1. D. 466.
11. *GATO*. F. 160. Inv.1. D. 305.
12. Ivanenko V.E. *Istoriya razvitiya zhivotnovodstva v gody «voennogo kommunizma» i NEPa v Zaural'ye* [History of livestock development in the years of “war communism” and the new economic policy in the Urals]. Tyumen, 2005. 236 p.
13. Leyrikh E. *Otrod'ya ural'skogo rogatogo skota i znachenie ikh dlya oblasti* [Ural Offspring of cattle and their importance for the region]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals] 1928. No. 7, pp. 84–102.
14. *Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE)* [Russian State archive of economy]. F. 478. Inv. 5. D. 1835.
15. *RGAE*. F. 478. Inv.2. D. 221.
16. Sidorenko V. *Armizonskie konevody* [Breeders of Armisonskoe region]. Tyumen, 1952. 55 p.
17. Smirnov P.E. *Produktivnost' skota Zaural'ya i dal'neyshiy metod ego uluchsheniya* [Productivity of livestock Urals and further the method of its improvement]. *Vestnik zhivotnovodstva* [Bulletin of the livestock]. 1928. No. 9–10, pp. 61–65.

18. Smirnov P.E. Rabota po uluchsheniyu konevodstva i konnozavodstva v Tyumenskom okruge Ural'skoy oblasti [Work to improve horse breeding and horse breeding in the Tyumen district of the Ural region]. *Vestnik zhivotnovodstva* [Bulletin of animal husbandry]. 1928. No. 3, pp. 41–43.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Иваненко Валентина Евгеньевна, доцент кафедры философии и гуманитарных наук, кандидат исторических наук
*Государственный аграрный университет Северного Зауралья
ул. Республики, 7, г. Тюмень, Тюменская область, 625003, Рос-
сийская Федерация
ivanenkove@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ivanenko Valentina Evgenevna, Docent of Chair of Philosophy and Humanities Sciences, Candidate of Historical Sciences
*State agrarian university Northern Zauralye
7, Respubliki street, Tyumen, Tyumen region, 625003, Russian
Federation
ivanenkove@mail.ru*

УДК 94(47).084.1

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-78-91

**ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ОРГАНОВ,
СНАБЖАЮЩИХ АРМИЮ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ,
В ПЕРИОД ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
(НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Субботина И.А.

***Цель.** Целью исследования является рассмотрение на основе архивных материалов и опубликованных источников вопроса организации работы органов, ответственных за снабжение армии продовольствием в условиях Первой мировой войны, в период деятельности Временного правительства (на примере одной из центральных губерний, Нижегородской) как одного из направлений работы власти, сложившейся после победы Февральской революции 1917 г. в России.*

***Метод или методология проведения работ.** Основу исследования образуют анализ и синтез материала, историко-системный метод, а также принципы научной объективности и историзма.*

***Результаты.** Автор характеризует систему работы ответственных лиц за снабжение армии продовольствием в период деятельности Временного правительства, делает акцент на обязанностях уполномоченных лиц, заключающихся главным образом в выполнении выданных нарядов в срок, что в Нижегородской губернии достигалось не всегда. Рассмотрена и охарактеризована система работы органов, основанная на поручениях и назначениях (при наличии исключений), проанализированы основные документы в деятельности: делопроизводственные бумаги и балансовые счета.*

***Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть применены в сфере изучения политической и экономической истории XX в. и могут быть использованы при разработке курсов по краеведению.*

Ключевые слова: *Временное правительство; Нижегородская губерния; снабжение армии; Губернский комиссар; уполномоченный Министерства.*

WORK ORGANIZATION OF AUTHORITIES SUPPLYING RATIONS FOR THE ARMY DURING THE PROVISIONAL GOVERNMENT PERIOD (ON THE EXAMPLE OF NIZHNY NOVGOROD PROVINCE)

Subbotina I.A.

Purpose. *The aim of the study is consideration of work organizations of authorities responsible for the army rations supplying in the World War I time during the provisional government activity (for example in one of the Central regions, Nizhny Novgorod) as one of direction of the authority, established after victory of the February revolution in 1917 in Russia. Consideration based on archival materials and published sources.*

Methodology. *The bases of the study are analysis and synthesis of material, historical and systematic methods, as well as the principles of scientific objectivity and historicism.*

Results. *The author characterizes the process of work organizing of authorities responsible for the army ration supplying in time during the provisional government activity. The author accents duties of authorized persons mainly incurred in fulfillment of issued orders on time, which was not always achieved in Nizhnii Novgorod province. The work system of authorities based on assignments and appointment (in the presence of exceptions) is considered and characterized. The main documents, such as office papers and balance sheets are analyzed.*

Practical implications. *The research results can be applied in the study of political and economical history in XX century. The research results also may be used in the development of local history courses.*

Keywords: *Provisional Government; the province of Nizhni Novgorod; the supply of the army; Provincial Commissioner; the Commissioner of the Ministry.*

Введение

Тема деятельности органов власти Временного правительства во многих сферах долгое время оставалась мало изученной. При рассмотрении проблем исследуемого периода взгляды историков были обращены главным образом на деятельность большевистской партии, Советов и других общественных организаций разных уровней. Современная историческая наука начинает объективное и детальное изучение деятельности органов власти Временного правительства (в том числе и на местных уровнях), на основе чего можно сделать выводы о плюсах и минусах его политики. Эта картина будет неполной без анализа материалов Нижегородской губернии. Научная новизна исследования состоит в том, что на основе анализа источников проводится изучение процесса организации работы органов, снабжающих армию продовольствием в период Временного правительства (на примере одного из центральных территориальных образований государства, Нижегородской губернии), основные направления их деятельности. Тем самым определена возможность проведения дальнейших аналогичных региональных исследований.

Объектом настоящего исследования являются нижегородские органы, снабжающие армию продовольствием, в период власти Временного правительства.

В обзоре использованной в работе литературы следует упомянуть труды М.Т. Лихачева [1] и И.П. Лейберова [2] как представителей советской школы науки с соответствующей духу времени предвзятостью, и современного исследователя М.В. Оськина [3], который не уделяет пристального внимания Нижегородской губернии.

Целью исследования является рассмотрение на основе архивных материалов и опубликованных источников вопроса организации работы органов, ответственных за снабжение армии продовольствием в Нижегородской губернии. Для достижения поставленной цели необходимо решить задачи: описать органы, ответственных за снабжение армии; определить обязанности и возможности их деятельности; проследить ход делопроизводства.

Материалы и методы

Использованные источники представлены следующим образом: опубликованные документы органов власти [4] и материалы архивного хранения. В работе были использованы материалы Центрального архива Нижегородской области, в частности, фондов Уполномоченных Министерством Земледелия лиц в Нижегородской губернии: 2144 – уполномоченный Демидов по закупке хлеба для армии; 843 – Уполномоченный по хранению продуктов для армии Салазкин; 844 – Уполномоченный по заготовке мясного продовольствия для армии в Нижегородской губернии Сазонов; 239 - Уполномоченный Министерства Земледелия Гольцгауэр при Нижегородской Губернской Продовольственной Управе.

В своей работе автор стремится следовать принципам научной объективности и историзма. Ее предмет предопределил выбор историко-системного подхода в качестве основного при изучении вопроса организации работы органов, ответственных за снабжение армии продовольствием, в период деятельности Временного правительства. В исследовании применяются как специально-исторические, так и общенаучные методы: анализ и синтез при изучении материалов архивного хранения.

Результаты и обсуждение

Первая Мировая война поставила Россию в сложное положение. На алтарь победы были брошены все резервы и возможности государства. Важную роль в деле снабжения армии были призваны сыграть местные органы власти. В целях изучения процесса снабжения армии органами власти Временного правительства автор ставит несколько задач: определить ответственных лиц за процесс снабжения, показать механизм работы, выявить достоинства и недостатки работы в деле заготовок сырья для армии.

Начало организации продовольственного снабжения армии было положено решением Совета министров от 30 июля 1914 г. о прямых государственных закупках хлеба. Отдельная роль отводилась местным организациям. В губерниях назначались уполномоченные лица

под руководством Главного управления земледелия и государственных имуществ, в дальнейшем – Министерства земледелия. К марту 1917 года система была уже поставлена на прочные рельсы, дело обеспечения армии продовольствием для многих уполномоченных стало понятным и привычным, поскольку многие из них стабильно занимали свои места в течение нескольких лет.

Аппарат уполномоченных по снабжению армии в Нижегородской губернии, по примеру многих других регионов, к 1917 году был укомплектован чиновниками со стажем. Перемена власти в стране не упразднила системы; режим Временного правительства привнес в механизм снабжения армии лишь новые лица губернского и столичного уровней, которым уполномоченные подчинялись. Среди губернских чиновников на первое место вышел Губернский Комиссар (далее по тексту Гуком), осуществлявший на местном уровне контроль за качеством работы всех должностных лиц региона, в том числе и уполномоченных по заготовке и хранению продуктов для армии.

К 1917 году в Нижегородской губернии выполняли свои обязанности следующие уполномоченные по обеспечению армии: уполномоченный Министерства Земледелия по хранению продуктов для армии, Салазкин; уполномоченный Министерства Земледелия по заготовке мясного продовольствия для армии, Сазонов; уполномоченный Министерства Земледелия при Нижегородской Губернской Продовольственной Управе, Гольцгауэр; уполномоченный Министерства Земледелия по заготовкам продовольствия и фуража для армии, Минков; уполномоченный Министерства Земледелия по Средней Волге по закупке мочал, рогож для армии, Сироткин; уполномоченный Министерства Земледелия по закупке хлеба для армии, Демидов [5, с. 160]. Обо всех передвижениях на таких постах в рамках уездов или волостей было необходимо письменно заявить как Губернскому Комиссару, так и главному уполномоченному с тем, чтобы все последующие операции велись без участия снятого. Примером таких докладов является документ, присланный Салазкину, который гласит: «Постановлением Продовольственной Комиссии при Волостной Управе от 11 декабря полномочия по ве-

дению продовольственного дела в Сормовском Волосном Земстве с гр. Константина Петровича Козак сняты. Сообщая об этом, Волостная Управа просит выданные гражданину Козак...полномочия считать недействительными и дел по продовольствию (особенно денежные) по Сормовскому Земству с ним не вести» [9, л. 365].

К сложностям работы уполномоченного следует отнести необходимость иметь дело с материальными ресурсами. Каждый из них имел текущий счет, идентифицированный кодом, на который перечислялись необходимые средства. При смене личности на посту счет также менял владельца как, например, в случае прихода к власти Гольцгауэра: «Ввиду передачи мною всех дел по мясным заготовкам вновь назначенному Уполномоченному Ф.Ф. Гольцгауэру прошу перевести на него текущий счет за № 43425» [6, л. 79].

Процесс делопроизводства в системе уполномоченных был схож с подобным делом у Комиссаров Временного правительства. Неизменным остается линейный принцип соподчиненности губернских чиновников столичным и уездных губернским начальникам. Несмотря на разделение комплекса заготовительных работ по отраслевому принципу среди нескольких уполномоченных лиц, высокой эффективности в процессе заготовки продуктов в уездах и волостях не достигалось. Даже при самой высокой работоспособности человек не смог бы отследить все нюансы сдачи товара в приемные пункты, учитывая территориальный состав Нижегородской губернии, включавшей в себя 11 уездов (волостей было значительно больше). Кроме того, следует учитывать и большой поток корреспонденции, приходившей на имя уполномоченного. При таком объеме работ единственным решением поставленной задачи могло стать наличие помощников у губернских уполномоченных. Должность помощников у местных снабженцев существовала, более того, они имели доступ и к материальным ценностям, что подтверждается документальным свидетельством: «Настоящим сообщаю, что в случае необходимости можете выдавать Вашим помощникам для закупки мяса авансы до 25000 рублей» [6, л. 243]. Нельзя говорить, что средства, выдаваемые в качестве аванса, не подвергались ревизии, при этом

имелась оговорка, что «в полученных авансах Ваши помощники отчитываются перед Вами» [6, л. 243].

В рамках рассматриваемого вопроса интересен случай договора подряда-найма на покупку «на комиссионных началах овса, ржи, гречи и гречневой крупы... в районе Пьянского Перевоза Княгининского уезда» [14, л. 31], который составили и подписали уполномоченный Министерства Земледелия по закупке хлеба для армии в Нижегородской губернии Д.В. Сироткин и крестьяне села Базина Княгининского уезда Бутурлинской волости: Василий Васильевич Панкратов и заштатный города Пьянского Перевоза того же уезда Танайковской волости Степан Михайлович Киселев. Представленный договор – единичный обнаруженный документ, что придает ему уникальность. Документ составлен на юридической основе, рассматриваются все возможные варианты исполнения и нарушения договора, штрафные санкции, система поощрения. Главной обязанностью Панкратова и Киселева являлась покупка хлеба в течение полугода, при этом они «обязуются в это время в пределах Нижегородской губернии ни для кого другого... покупки хлеба не производить» [14, л. 31]. Договор ставил существенным условием о том, чтобы «покупаемый... хлеб удовлетворял кондициям на их покупку», и Панкратов, и Киселев «несут ответственность за качество хлеба до момента вывозки его из амбаров Уполномоченным» [14, л. 31об.]. При всей самостоятельности подрядчики были «обязаны еженедельно сообщать по субботам срочной почтой сведения о количестве всех закупленных за последнюю неделю хлебных продуктов и стоимости их уборки» [14, л. 31об.], что подразумевало увеличение ответственности и точности исполнения порученного им дела. Договор предусматривал случай несвоевременного вывоза закупленного сырья по вине Сироткина, что влекло за собой выплату неустойки в процентном отношении за каждый просроченный день; при всем этом в документе четко говорится, что все приобретения делаются Панкратовым и Киселевым исключительно на собственные средства с последующей компенсацией. Условия сделки были выгодны обеим сторонам, поскольку Сироткин получал своевременную и качественную заготовку хлеба в Княгининском уезде, а крестьяне, подписавшие договор, «комиссионное вознаграждение... по поручению Уполномоченного... по

пять (5) копеек с каждого купленного пуда хлеба, каковое вознаграждение уплачивается Панкратову и Киселеву по проверке отчета и по сдаче ими всего хлеба» [14, л. 32]. Оценивая договор, можно отметить высокую степень грамотности составления, довольно современную его структуру, не свойственную времени исследования, предусмотрительность в разделе возможных исходов и результатов, а также четкость ведения финансовых взаимоотношений между подрядчиками и уполномоченным. По иным косвенным свидетельствам можно говорить о том, что договоры с населением о закупке продовольствия для уполномоченных применялись на практике, о чем свидетельствует телеграмма от крестьянина П.А. Матяева, направленная уполномоченному П.А. Демидову. Она повествует об одностороннем разрыве ранее заключенного договора и последующем расчете по проделанным мероприятиям: «Ввиду окончания дел по закупке продуктов и сдаче их по нарядам покорнейше прошу считать договор со мной законченным и от дальнейших закупок освободить вследствие моего отъезда из с. Спасскаго. Закупленные мною продукты сданы полностью. . . Расчет за комиссию может быть произведен по моем приезде» [15, л. 169].

Наряду с договорной основой передачи полномочий по запасам продовольствия для уполномоченных применялась и практика поручений и назначений. Объектом для передачи поручения могли быть как конкретные лица, так и общественные организации. При этом не всегда обговаривалась процедура оплаты труда или вознаграждения. В качестве примера можно привести доклад, сделанный чиновником Самохваловым П.А. Демидову: «Быковская продовольственная управа приемку хлеба поручает кооперативам. Киреева освободил» [15, л. 227].

Губернские уполномоченные были связующим звеном между населением региона и столичным Министерством Земледелия в деле заготовок продуктов для армии. Связь с вышестоящими органами осуществлялась с помощью телеграфа. Циркуляр от 11 июля, пришедший на имя Салазкина, определял назначение всех грузов и говорил, что «на основании циркулярной телеграммы Министра Земледелия за № 2886, все операции. . . переданы в ведение Московского Городского Продовольственного Комитета.» На этом основа-

нии предлагалось «описи отправоочным документам, уведомления и всю корреспонденцию, связанную с отправками грузов Городскому Продовольственному Комитету адресовать ему же следующим порядком: Москва, Воскресенская пл., д. Лобачева» [8, л. 32]. Такие инструкции выдавались не случайно, поскольку были факты путаницы в документации не только между чиновниками внутри губернии, но и между уполномоченными разных регионов. На этот счет также имелись указания от Московского Городского Продовольственного Комитета, который просил своих подчиненных, чтобы «все расчеты за отправленные в ваш адрес продукты производились только с Вами, с Уполномоченными же других губерний за продукты, отправленные хотя бы и для Московского Губернского Комитета, но предварительно в Ваш адрес, расчеты будете производить Вы» [9, л. 233]. Несмотря на это, в обязанности уполномоченных входило общение с коллегами из других регионов, что практиковалось: «Пшеничной муки не имеем, обратитесь [с] просьбой [к] Уполномоченному Министерства Салазину [в] Нижний Новгород, [в] обязанности которого лежит отпуск муки воинским частям, хлеба. [Об] этом телеграфировали Губернпродком Кочергин» [8, л. 35].

Операции, осуществляемые ответственными чиновниками по заготовке продовольствия для армии, подразумевали под собой большое количество делопроизводственной документации, относящейся к ведомству Временного правительства. Циркуляры Министерства Продовольствия предписывали учет всей документации за временной промежуток в год, например, «за третий операционный год (за время с 1 июля 1916 по 30 июня 1917 года включительно)» [13, л. 288]. При этом обговаривалось, что «весь операционный год должен быть разбит на два периода: а) с 1 июля по 31 декабря 1916 г. и б) с 1 января 1917 по 30 июня 1917 г. включительно» [13, л. 288]. Циркуляр упрощал составление финансовых отчетов, предписывая заполнение графы «Остаток к концу отчетного года» и «О заготовительной стоимости продуктов с указанием: а) стоимости основной (без накладных расходов), б) тары на пуд или ведро и в) всех прочих кроме тары расходов» [13, л. 289]; кроме того, документ предусматривал количественный учет заготовлен-

ных товаров, а именно: «продуктов, определяемых весом... в пудах нетто; в отдельных случаях, когда нетто осталось невыясненным... – в брутто. Количество яиц определяется числом ящиков в 1440 шт., количество вина и уксуса – числом ведер» [13, л. 289].

Вопреки предписаниям о необходимости срочной делопроизводительной отчетности, нижегородские снабженцы уже в середине марта были предупреждены о некачественном выполнении своих обязанностей, отмеченном в телеграмме главноуполномоченного Мельникова: «Вопреки циркуляру № 618 наблюдается крайнее запоздание высылки уполномоченными документов, что особенно недопустимо при отправках продуктов в адрес уполномоченных Карпова, Воронцова» [11, л. 218]. Телеграмма предупреждала о необходимости соблюдения предписанных правил и предлагала «срочно выслать все недосланные документы и не запаздывать [с] их отсылкой» [11, л. 218]. Оправданием уполномоченным в неспешности отправки документов мог служить большой объем работ по заготовкам и поставкам продуктов и мануфактуры. В подтверждение этому можно привести график работ в выходные дни, присланный Кульжным Сазонову: «Прошу приложить все старания, чтобы [в] предстоящие праздники погрузка [и] отправка заготавливаемых Вами продуктов отнюдь не сократилась против данных Вам нарядов на март, каковые наряды продлены на апрель» [12, л. 168].

Главной обязанностью уполномоченных министерства было выполнение выданных нарядов в срок. Дело заключалось в покупке продовольствия у населения или каких-либо организаций (например, при приобретении обуви) по установленным ценам и последующей передаче в определенные магазины, подведомственные правительству с тем, чтобы военные учреждения могли отовариваться по накладным. Другим каналом сбыта заготовленного были центральные организации по снабжению армии, либо подобные конторы, находящиеся в других регионах. Путиами транспортировки выбирались железная дорога либо пароходство, учитывая географическое положение пункта назначения. Кроме того, являясь городом центральной части России, Нижний Новгород зачастую становился своего рода перевалочным пунктом в системе передачи продуктов из восточных регионов страны в столицу.

В связи с этим нижегородский порт и железнодорожная станция были обязаны не только принимать и отправлять товары, но и вести большое количество бумаг, которые находились под контролем у уполномоченного, который представлял отчетность в Министерство.

Одним из самых сложных и распространенных видов учета являлись документы балансового типа. Зачастую такие бумаги указывали количество прибывших продуктов с пометками об отправителе (указывался регион, где продукт был приобретен), владельце судна и точные цифры выгруженного сырья. Список обязательно имел под собой подпись ответственного за разгрузку и учитывал также количество полученного продукта нижегородским портом в определенный период [7, лл. 1–7].

Дальнейшая процедура заключалась в выполнении нарядов, данных губернии особоуполномоченным или другими ответственными лицами. В телеграмме, полученной третьего сентября Салазкиным, четко определялись объемы необходимых продуктов с указанием мест назначения: «Прошу выслать мукой сто тысяч; из них [в] Рязанский магазин пятнадцать, [во] Владимирский десять, Костромской пять, Московский семьдесят, остальное рожью [в] Брянское интендантское заведение» [10, л. 12]. Приоритетным направлением была указана Рязань; и содержалась просьба «[о] каждой отправке... телеграфировать указанием станции отправления накладных, дабы... оказать содействие скорейшему продвижению [по] назначению, также телеграфировать, [в] какой срок можно рассчитывать [на] высылку всего этого количества» [10, л. 13]. Нужно отметить, что плановые и фактические цифры нарядов совпадали редко, второй показатель был значительно ниже, тем не менее, задания руководства, выраженные в плановых графах, старались выполнить в максимальном объеме с указанием реальных поставок и соблюдением процедуры отчетности: «28 августа погружено со станции Н. Новгород от уполномоченного Салазкина [в] счет наряда №48155 ржи [в] Вязники, Ковров, Орехово один вагон» [10, л. 20].

Главной причиной неполного выполнения нарядов было отсутствие излишков продовольствия у населения после неурожая 1916 г. В связи с этим в 1917 г. « в мае было заготовлено 56% зерна от плана,

в июне – 25, в июле – 46, а в августе – только 28 %» [1, с. 55]. Другая точка зрения гласит, что Временное правительство не смогло провести такого важнейшего практического мероприятия, каким являлся учет имевшихся хлебных запасов к весне 1917 г. Поэтому «за восемь месяцев пребывания у власти Временным правительством было заготовлено 360 млн. пудов хлеба, на 5 млн. пудов меньше, чем за последние восемь месяцев существования царизма. Заготовки февраля – октября не достигли и половины (48%) потребности страны» [2, с. 113].

К концу октября 1917 года министерство продовольствия поставило вопрос о передаче дела снабжения армии вновь образованным органам местного самоуправления. 4 ноября 1917 года был издан циркуляр о передаче на местах продовольственных дел волостным земствам, который в течение первой половины ноября был разослан в волости Нижегородской губернии. В связи с этим деятельность низовых органов, снабжавших армию продовольствием в период Временного правительства, прекратилась.

Заключение

Анализ материалов, посвященных организации снабжения армии в Нижегородской губернии, показывает, что ответственными за это лицами были уполномоченные Временного правительства, отвечавшие за разные направления заготовок, однако общее руководство оставалось за Гукомом. Общая практика работы уполномоченных базировалась на системе поручений и назначений, однако наблюдались случаи и договорной основы; основными документами в деятельности были делопроизводственные бумаги и балансовые счета. Главной обязанностью уполномоченных министерства было выполнение выданных нарядов в срок, однако в связи с отсутствием излишков продовольствия у населения Нижегородской губернии эта задача решалась не всегда.

Список литературы

1. Лихачев М.Т. Банкротство буржуазного реформизма в России (февраль – октябрь 1917 г). М.: Знание, 1979. 64 с.
2. Лейберов И.П. Революция и хлеб. М.: Мысль, 1990. 222 с.

3. Оськин М.В. Продовольственный вопрос в России в 1917 году: слабое место новой власти // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. Т. 34. № 7. С. 164–171.
4. Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Сборник документов. Горький, 1957. 602 с.
5. Субботина И.А. Организация и деятельность местных органов власти Временного правительства в Нижегородской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Н.Новгород, 2005. 225 с.
6. Центральный Архив Нижегородской области (далее по тексту ГКУ ЦАНО). Ф.239. Оп.1. Д.15.
7. ГКУ ЦАНО. Ф.843. Оп.1744. Д.29. ЛЛ.1-7
8. ГКУ ЦАНО. Ф.843. Оп.1744а. Д.3.
9. ГКУ ЦАНО. Ф.843. Оп. 1744а. Д.4.
10. ГКУ ЦАНО. Ф.843. Оп.1744а. Д.5.
11. ГКУ ЦАНО. Ф.844. Оп.1853а. Д.7.
12. ГКУ ЦАНО. Ф.844. Оп.1853а. Д.8.
13. ГКУ ЦАНО. Ф.844. Оп.1853а. Д.13.
14. ГКУ ЦАНО. Ф.2144. Оп.1742. Д.17.
15. ГКУ ЦАНО. Ф. 2144. Оп. 1742. Д.30.

References

1. Lihachev M.T. *Bankrotstvo burzhuaznogo reformizma v Rossii (fevral' – oktyabr' 1917 g)* [The bankruptcy of bourgeois reformism in Russia (February – October 1917)]. Moscow: Znanie, 1979. 64 p.
2. Lejberov I.P. *Revoluciya i hleb* [Revolution and bread]. Moscow: Mysl', 1990. 222 p.
3. Os'kin M.V. *Prodovol'stvennyj vopros v Rossii v 1917 godu: slaboe mesto novej vlasti* [The food question in Russia in 1917: the weak point of the new government]. *Bulletin of Belgorod state University. Series: History. Political science*. 2015. V. 34. № 7, pp. 164–171.
4. *Pobeda Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii v Nizhegorodskoj gubernii* [The victory of the October Socialist Revolution in the Nizhny Novgorod region. Collection of documents]. Gorky, 1957. 602 p.

5. Subbotina I.A. *Organizacija i dejatel'nost' mestnyh organov vlasti Vremennogo pravitel'stva v Nizhegorodskoj gubernii* [The organization and activities of local authorities of the Provisional Government in Nizhny Novgorod province]: Dissertation of PhD degree in history. Nizhny Novgorod, 2005. 225 p.
6. *Central'nyj Arhiv Nizhegorodskoj oblasti* [The Central Archive of the Nizhny Novgorod region, next GKU CANO]. F.239. Op. 1. D.15.
7. *GKU CANO*. F.843. Op. 1744. D.29
8. *GKU CANO*. F.843. Op. 1744a. D.3.
9. *GKU CANO*. F.843. Op. 1744a. D.4.
10. *GKU CANO*. F.843. Op. 1744a. D.5.
11. *GKU CANO*. F.844. Op. 1853a. D 7.
12. *GKU CANO*. F.844. Op. 1853a. D.8.
13. *GKU CANO*. F.844. Op. 1853a. D.13.
14. *GKU CANO*. F. 2144. Op.1742. D.17.
15. *GKU CANO*. F.2144. Op.1742. D.30.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Субботина Ирина Александровна, доцент кафедры экономики и управления в машиностроении, кандидат исторических наук
Арзамасский политехнический институт (филиал) Нижегородского государственного технического университета
ул. Калинина, 19, г. Арзамас, Нижегородская область, 607220, Российская Федерация
subbotina.irina.alex@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Subbotina Irina Alexandrovna, Associate Professor, Department of Economics and Management in Mechanical Engineering, Ph. D. in History
Nizhni Novgorod State Technical University (Arzamas Branch)
19, Kalinin Str., Arzamas, Nizhegorodsky region, 607220, Russian Federation
subbotina.irina.alex@yandex.ru
SPIN-code: 2050-6315
ORCID: 0000-0003-3579-2696

УДК 94(470.56)

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-92-106

МЛАДЕНЧЕСКАЯ СМЕРТНОСТЬ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1930-е гг.

Хисамутдинова Р.Р., Ажигулова А.И.

Цель. Целью статьи является изучение младенческой смертности на Южном Урале в 1930-е годы и установление её причин. Актуальность исследуемой проблемы связана с трудностями решения демографических проблем в стране и с политикой государства по защите материнства и детства.

Метод и методология проведения работы. Основу исследования составляют историко-сравнительный и историко-системный методы, а также критический анализ.

Результаты. Младенческая смертность является самым существенным признаком демографического спада среди населения. Рассматриваемый период стал одним из самых сложных в истории нашего народа, так как сопровождался крупными экономическими, социальными и политическими процессами, повлиявшими на снижение естественного прироста среди населения. На основе анализа материалов центральных и местных архивов, статистических сведений смертности 1930-х гг. в регионе авторы составили погодную динамику численности смертей среди детей до 1 года и пришли к выводу, что причинами высокой смертности в начале 1930-х гг. стали не только политические процессы в обществе, а в первую очередь голод 1932–1933 гг. Авторами доказано, что для населения Южного Урала в 1930-е гг. уровень смертности детей до 1 года был высоким не только по отношению к численности населения региона, но и для страны в целом. По количеству младенческих смертей в рассматриваемом регионе лидировала Челябинская область, особенно среди городского населения. Это было связано с высоким уровнем численности населения, преобладанием город-

ского населения над сельским, потребностями индустриализации, т.е. тяжелым физическим трудом женщин, недостаточно развитой системой здравоохранения.

В результате исследования установлены и раскрыты основные причины высокой младенческой смертности в 1930-е гг. на Южном Урале. Несмотря на меры, предпринятые государством по поддержке материнства и детства, младенческая смертность на Южном Урале продолжает оставаться на высоком уровне, растет количество нелегальных аборт, инфекционных заболеваний в летние месяцы, не хватает медицинских специалистов.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены при решении современных проблем младенческой смертности, органами учета и статистики.*

Ключевые слова: *младенческая смертность; детородный возраст; естественный прирост; демографический спад.*

INFANT MORTALITY IN THE SOUTHERN URALS IN THE 1930 YEARS

Khisamutdinova R.R., Azhigulova A.I.

Purpose. *The purpose of this paper is to study infant mortality in the southern Urals in the 1930 years and the establishment of its causes. The relevance of the researched problem is connected with difficulties of solving demographic problems in the country and the policy of the state to protect motherhood and childhood.*

Methodology. *Basis of research is historical and comparative and methodological and systematic methods and critical analysis.*

Results. *Infant mortality is the most significant symptom of demographic decline among the population. This period has been one of the most difficult in the history of our nation, as it was accompanied by major economic, social and political processes that influenced the decline of natural increase among the population. Based on the analysis of Central and local archives, statistical information of mortality of the*

1930 years in the region, the authors made the weather dynamics of the number of deaths among children under 1 year and came to the conclusion that the causes of high mortality in the early 1930 years were not only the political processes in society, and especially the famine of 1932–1933 years. The authors have proved that the population of the southern Urals in the 1930 years the mortality rate of children under 1 year was high, not only in relation to the population of the region but for the country as a whole. The number of child deaths in the region was the leader Chelyabinsk region, especially among the urban population. This was due to the high level of population, the predominance of urban population over the rural, the needs of industrialization, that is heavy physical labour of women, weak health care system. By the middle of the period under review, despite the measures taken by the state for the support of motherhood and childhood, the infant mortality rate in the southern Urals remains at a high level, increasing the number of illegal abortions, infectious diseases in the summer months, not enough health care professionals.

The study established and revealed the main reasons for high infant mortality in the 1930 years in the southern Urals. Despite the measures taken by the state for the support of motherhood and childhood, the infant mortality rate in the southern Urals remains at a high level, increasing the number of illegal abortions, infectious diseases in the summer months, not enough health care professionals.

Practical implications. *The results of the study can be applied in solving contemporary problems of infant mortality, bodies of accounting and statistics.*

Keywords: *infant mortality; child-bearing age; natural increase; and demographic decline.*

Среди всех общественно-значимых проблем на сегодняшний день наиболее актуальна проблема демографического роста. Важным для современного общества является поддержание и укрепление существующих семейных ценностей, стимуляция детородного поколения к увеличению рождаемости. Дети – основа будущего

любого государства. На протяжении истории нашей страны многодетная семья была хорошей традицией, со временем новый виток в развитии политического устройства повлек за собой новые события в экономике, культуре, обществе, которые стали разрушающим фактором для патриархальной семьи. Данный виток в истории принадлежит XX веку, смене политического устройства, переходу нашего общества от аграрного к индустриальному. Начало 1930-х гг. сопровождалось коренными изменениями в жизни общества, новому государству требовались новые города и заводы, а также рабочие, способные отстроить все это. Утечка трудовых ресурсов в город сопровождалась разрушением традиционной семьи, пересмотром ценностей. Большая часть молодежи детородного возраста покинула деревню, ради получения образования, профессии, новой работы это сказалось на изменении естественного движения в стране. Конечно же, не только перечисленные события стали причиной уменьшения естественного прироста в 1930-е гг. К ним относятся голод 1932–1933 гг., модернизация страны и ряд других социально-экономических факторов.

Снижение естественного прироста населения напрямую зависит от уровня младенческой смертности. Для населения Южного Урала в 1930-е гг. уровень смертности детей до 1 года был высоким не только по отношению к численности населения региона, но и для страны в целом.

Младенческая смертность – смертность детей в возрасте до года. Она относится к числу ведущих индикаторов не только здоровья населения, но и в целом уровня жизни, а также качества работы системы здравоохранения. Даже в современных обществах младенческая смертность значительно превышает смертность во всех последующих возрастных группах вплоть до пожилых возрастов [3, с. 181].

Начало 1930-х гг. связано с трудным периодом для населения всей страны – голодом 1932–1933 гг., который оказал глубокое отрицательное влияние на многие последующие поколения людей, став причиной изменений возрастно-половой пирамиды и нарушив демографические процессы в обществе. Именно пережитый голод

стал главной причиной роста младенческой смертности. Голод и его последствия имели долгосрочный характер и сказались на росте младенческих смертей [15, с. 105].

Об этом свидетельствует увеличение смертности младенцев от пороков внутриутробного развития и врожденной слабости детей. Они погибли, не успев появиться на свет, от диспепсии и истощения, что было связано с неокрепшим организмом от недавнего голодания и истощения самой матери. Самые ослабленные дети рождались в деревне весной. Причиной выступали истощение от недоедания и витаминное голодание матери в последние месяцы беременности и в первые месяцы кормления [4, с. 22]. Часто будущим матерям было нечем питаться, кроме отходов, получаемых при сортировке семян, лебеды, желудей, смешанных с просом, почек от орешника [16, л. 27–29]. Среди детей были распространены острозаразные, инфекционные заболевания, такие как малярия, дизентерия, дифтерия, коклюш, корь. Например, с 1933 по 1935 гг. в Чкаловской области, количество заболевших малярией в 1933 г. составляло 75 717, в 1935 г. – уже 175 939 человек, т.е. увеличилось в 2,3 раза, дизентерией – соответственно 2 569 и 4 570, в 1,8 раза, дифтерией – 1 025 и 1 469 человек, в 1,4 раза, коклюшем – 2 284 и 6 320 человек, в 2,8 раза [2, л. 10]. Высокие показатели этих заболеваний свидетельствуют о низкой работоспособности иммунной системы вследствие голода, употребления в пищу непригодных продуктов. Факт роста младенческой смертности говорит о том, что последствия голода еще долго сказывались на демографической ситуации. Организм матери, находясь, долгое время, в состоянии голодного истощения, нуждался в лечении, витаминном обеспечении, ограничении от тяжелого труда, что трудно было обеспечить, учитывая проводимую государством коллективизацию деревни. Несмотря на весь комплекс мер, которые государство приняло для охраны материнства, трудности деревенского уклада жизни требовали от женщины максимального вложения сил в хозяйственную жизнь.

Как считает В.Б. Жиромская, для населения сельской местности, где рождаемость характеризуется традиционно высоким уровнем,

показатели значительно снижены. Это объясняется тем, что во второй половине 1932 г. и в первые месяцы 1933 г. реализовывались зачатия первой половины 1932 г. Затем истощение и «болезни голода» привели к устойчивому и практически повсеместному понижению рождаемости. Но даже эта, в принципе невысокая рождаемость была в значительной степени аннулирована мертворождениями и высокой младенческой смертностью [5, с. 80].

Еще одним важным показателем роста младенческой смертности является искусственное прерывание беременности или вмешательство во внутриутробное развитие – аборт. Конечно же, вмешательство извне на зарождающийся организм отрицательно сказывалось на здоровье последующего поколения и на здоровье матери. За 1932 г. число аборт в городах Уральской области достигло 35 513, в селе 2 592, разница между городом и деревней значительна [7, л. 5]. Это объясняется тем, что в данной области в рассматриваемый период доля городского населения превышала сельское, к тому же в городах лучше была налажена система здравоохранения и более четко работала система учета, сельская же местность продолжает в большинстве оставаться традиционной. По Башкирской АССР в городах было проведено 3 849 абортов, в селах 3 006, здесь также лидирует город, хотя разница между ним и деревней незначительна. По Средне-Волжскому краю в городах было сделано 21 730 абортов, в селах 26 558, здесь лидирует деревня, так как данный регион традиционно считался аграрным [7, л. 5].

Тем не менее, количество рождений превышает в рассматриваемый период количество абортов, так в 1933 г. в городах Уральской области количество абортов равнялось 36 536, а рождений 70 712, в селах – 4 686 и 171 173, в Башкирии – соответственно 5 152, 8 217, 3 196, 89 878, в Средне-Волжском крае – 44 699, а рождений несколько меньше – 32 381, 18 276 абортов в сельской местности, 167 061 рождений в сельской местности [7, л. 5]. Данные результаты свидетельствуют о еще сохранившейся традиционной семье, не налаженной системе здравоохранения, особенно в деревне, страхом за собственное здоровье среди матерей, к тому же нужно учитывать

материальную составляющую данной операции, у многих просто могло не быть денег. Легально аборт проводился только в случае угрозы жизни матери, стоимость абортов могла составлять от 20 до 300 рублей.

Сама по себе младенческая смертность является наиболее ярким показателем уровня смертности. Она характеризует в первую очередь здоровье двух поколений (родителей и детей), работу государства по сохранению и социальной защите населения. К середине 1930-х гг. голод был преодолен практически повсеместно, но его результаты еще долго сказывались на рождаемости и смертности.

Таблица 1.

Младенческая смертность за 1935 г. по Южному Уралу

Название	В возрасте до 1 года			Суточное число умерших в возрасте до 1 года		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
Башкирская АССР	2 203	17 048	19 251	6	46	52
Оренбургская область	1 928	6 027	7 955	5	17	22
Челябинская область	7 147	13 908	21 055	20	38	58

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 39. Л. 31,40.

Из приведенной таблицы следует, что к середине 1930-х гг. младенческая смертность оставалась довольно высокой, причем в сельской местности ее порог превышает 50%. Лидирует по количеству детских смертей Челябинская область, в селах 66%, что почти вдвое больше чем в городах – 34%. Челябинская область в рассматриваемый период характеризуется как развивающийся индустриальный центр, где большинство населения было задействовано в масштабных работах заводов и их строительства. Тяжелый физический труд, сопровождающий, в том числе, женское население, сказывался на здоровье матери. Вслед за Челябинской областью по количеству младенческих смертей идет Башкирская АССР. Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что в сельской местности количество смертей составляет 88,6%, в городской местности – 11,4%. Оренбургская область находится на послед-

нем месте в регионе по количеству смертей: по сельской местности количество смертей составляет 75,8%, по городам 24,2%, Оренбуржье традиционно считается аграрным регионом с преобладанием сельского населения над городским. Таким образом, к середине 1930-х гг. младенческая смертность на Южном Урале была довольно высокой. Суточное число умерших младенцев колеблется от 58 до 22 в зависимости от количества населения в рассматриваемых регионах.

Если проследить динамику количества младенческих смертей на Южном Урале отдельно по каждой административно-территориальной единице и по национальностям, то получится, что в 1935 г. в БАССР умерло до 1 года всего 19 017¹, среди них русских 8 794, татар 4 077, башкир 3 094. Из всего числа количество умерших мальчиков больше девочек на 1 635 [8, л. 98, 98(об)]. В Оренбургской области в 1935 г. умерло всего 7 955, среди них русских 5 693, татар 592, украинцев 587, мордвы 569. Среди умерших мальчиков больше девочек на 539 [8, л. 101]. В Челябинской области в 1935 г. всего умерло до 1 года 21 055, среди них русских 19 386, татар 512, башкир 286, украинцев 232. Из числа умерших детей количество мальчиков больше, чем девочек на 1837 [8, л. 107, 107(об)].

Уже к 1936 году в Оренбургской области количество умерших до 1 года достигло 14 133, среди них русских 9 851, татар 1 098, мордва 1 075, украинцы 1 055. Всего мальчиков умерло больше, чем девочек на 1 481 [9, л. 46], т.е. показатели возросли в два раза, как по количественному признаку, так и по национальному, по половому признаку цифра увеличилась почти в три раза.

В Башкирии в 1936 году всего умерло до 1 года 28 834, среди них русских 12 241, татар 6 743, башкир 5 436. Всего мальчиков умерло больше, чем девочек на 3 084 [9, л. 103, 103(об)]. В данном случае

¹ (Приведенные данные несколько расходятся с вышеуказанной таблицей, так как мной рассматриваются два разных дела из одного фонда и описи, то, скорее всего, в таблице (дело 39) приводятся цифры с дополнительными данными, а в деле 44 без дополнений, в любом случае приводимые цифры не сильно разнятся, поэтому, в целом, не повлияют на результаты).

общее количество увеличилось почти на треть по всем признакам, по половому признаку в три раза больше умерших мальчиков.

В Челябинской области в 1936 году умерло всего до 1 года 33 271, среди них русских 29 988, татар 1 217, украинцев 349. Из общего числа количество умерших мальчиков больше девочек на 2 871 [9, л. 109, 109(об)].

Такая существенная разница между показателями всего за два года, учитывая, что ко второй половине 1930-х гг. уровень жизни и системы здравоохранения несколько улучшился, свидетельствует о результатах введения закона о запрете аборт. Возрастает число незаконных, так называемых «подпольных» аборт.

К 1937 г. в Оренбургской области умерло младенцев 12 855, среди них русских 8 918, мордвы 1073, татар 930, украинцев 905. Количество умерших мальчиков больше девочек на 1 155 [10, л. 115]. Как видно, теперь показатели младенческой смертности несколько снизились. В Челябинской области в 1937 г. умерло детей до 1 года 34 087, среди них русских 30 982, татар 1 198, башкир 649, украинцев 259. Мальчиков умерло больше девочек на 2 535 [10, л. 160]. Здесь общее количество умерших младенцев возросло, особенно среди русского населения, по остальным национальностям показатели незначительно ниже, по половому признаку также цифры несколько ниже. В Башкирии в 1937 г. умерло младенцев 26 473, среди них русских 11 659, татар 6 083, башкир 4 682. Мальчиков умерло больше, чем девочек на 2 591. [10, л. 176]. В данном регионе наблюдается снижение показателей по всем признакам, кроме полового, количество умерших мальчиков заметно увеличилось.

Введение закона о запрете аборт и ответственности во вмешательство во внутриутробное развитие ребенка дает в первые годы искусственный рост числа рождений, а затем заметный спад, незначительно компенсируя смертность, но все-таки закон внес и моральную составляющую. Одновременно с этим законом были приняты меры по материальной поддержке материнства и детства, увеличению числа больниц и родильных коек в системах здравоохранения.

В 1938 г. по Челябинской области умерло детей до 1 года 22 883, среди них русских 20 277, татар 1 158, башкир 589, украинцев 251.

Число умерших мальчиков больше девочек на 2 471 [11, л. 132]. Общее число умерших младенцев значительно меньше. В Чкаловской области в 1938 г. умерло 12 116 младенцев, число практически не отличается от предыдущего года. Среди них русских 8 511, мордвы 885, украинцы 836, татары 834, казахи 482. Количество умерших мальчиков больше девочек на 1266 [11, л. 142]. Таким образом, 1937 и 1938 гг. в Чкаловской области давали стабильные результаты. В Башкирии в 1938 г. всего умерло 22 419 младенцев, среди них татар 5 375, русских 4 557, башкир 4 216, чуваша 901. Среди умерших мальчиков больше девочек на 2165 [11, л. 154]. Как видно, Башкирская АССР дает положительные результаты, общее количество смертей заметно снизилось, а по национальному признаку на первом месте оказались татары.

К концу рассматриваемого периода в 1939 году по числу младенческих смертей на Южном Урале лидирует Челябинская область – 32 498, на втором месте Башкирия 28 036 и затем Оренбургская область 12 636. По численности детей, умерших до 1 года среди городского населения, первое место по Южному Уралу занимает Челябинская область – 11 028, среди сельского населения, умершего до 1 года на первом месте Башкирия – 23 751 [12, л. 71, 77]. Анализ помесечных данных смертности младенческого населения в 1939 году дает следующие результаты: наибольшее количество смертей приходится на летние и осенние месяцы июль, август, сентябрь [12, л. 71, 77]. Рост младенческой смертности в эти месяцы вызван подъемом инфекционных болезней летом и в начале осени. По среднесуточному числу умерших в 1939 году в возрасте до 1 года в Челябинской области 89 младенцев, в Башкирии 77, в Чкаловской области 35. Самый пик детских смертей приходился на летние месяцы (июль, август), в это время среднесуточное количество смертей за указанные месяцы превышает количество смертей в среднем в сутки за год. Так в июле 1939 года в Челябинской области умерло 187 младенцев, в августе 167, в Башкирии количество смертей среди младенцев 127, в августе 173, в Чкаловской области в июле число умерших детей до 1 года 76, в августе 59 [12, л. 99, 105].

Таблица 2.

**Отношение числа умерших в возрасте до 1 года к числу родившихся
в 1939 г. на 1000 родившихся**

Регион и номер по счету	Всего ²	Город	Село
46 Чкаловская область	166,8	193,4	159,9
54 Башкирская АССР	185,1	200,6	182,6
79 Челябинская область	253,0	218,4	274,2

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 151А. Л. 4, 5, 6.

Как видно, из приведенной таблицы по Челябинской области показатели движения особенно неблагоприятны. Челябинская область вообще на протяжении 1930х гг. регулярно лидировала по количеству детских и младенческих смертей не только по РСФСР, но по СССР. Так, к примеру, в 1939 г. при росте числа родившихся на 1,7%, число умерших выросло на 28,4% по сравнению с 1938 г. Число умерших детей до 1 года в 1939 г. возросло на 44,3% по сравнению с 1938 г. Ухудшение произошло, главным образом, за счет села. На селе Челябинской области общее число умерших выросло по сравнению с 1938 годом на 46,8% и это все за счет резкого увеличения детской смертности. Число умерших детей в возрасте до 1 года в сельских местностях Челябинской области, по сравнению с 1938 годом резко увеличилось на – 71,5% в 1939 г.

В 1939 г. соотношение числа умерших детей в возрасте до 1 года с числом родившихся составило в целом по Челябинской области 253,0, в том числе по городу 218,4, по селу 274,2 на тысячу населения, эти показатели являются весьма неблагоприятными, они далеко превышают средний союзный уровень.

Неблагоприятны по младенческой смертности показатели движения населения по Башкирской АССР, в основном такие показатели за счет сезонных летних желудочно-кишечных заболеваний [13, л. 2].

Таким образом, на протяжении 1930-х гг. показатели младенческой смертности на Южном Урале менялись, то в меньшую, то в большую сторону, оставаясь при этом на высоком уровне. Неболь-

² Помещенные в конце списка дают особо неблагоприятные показатели.

шое снижение младенческой смертности наблюдается сразу после принятия закона о запрете абортс и введении ответственности за незаконное их проведение.

Особенно высокие показатели младенческой смертности давала Челябинская область, что было связано с большой численностью населения в этом регионе, индустриальным ростом городов и соответственно тяжелым физическим трудом, только начавшей развиваться системой здравоохранения. Особенно высокая смертность среди детей до 1 года была в летние месяцы, т.е. период распространения инфекционных заболеваний.

Со стороны государства был предпринят ряд мер по уменьшению числа младенческих смертей, в частности: увеличено число больниц и родильных отделений, возросло материальное пособие за рождение ребенка. Младенческая смертность является одним из главных показателей смертности населения в целом, характеризует его здоровье и благосостояние. Учитывая, что 1930-е гг. были сложным периодом, как для государства, так и для народа, неудивительно, что самой уязвимой стороной этого времени стала младенческая смертность.

Статья издается при финансовой поддержке гранта Правительства Оренбургской области в сфере научной и научно-технической деятельности в 2017 г.

Список литературы

1. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. материалов / Сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. 372 с.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 1003. Оп. 3. Д. 865.
3. Демографический понятийный словарь / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. 352 с.
4. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 280 с.

5. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих России, 2012. 318 с.
6. Клочкова М. С. Демография. М., 2006. 184 с.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ).Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41.
8. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 44.
9. РГАЭ.Ф. 1562. Оп. 2. Д. 60.
10. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 85.
11. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 124.
12. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 149.
13. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 151А.
14. Сакевич В. Аборт – кривое зеркало демографической политики// Демоскоп. 2003. №123. С. 120–127.
15. Хисамутдинова Р.Р., Ажигулова А.И. Численность и состав сельского населения Оренбургского края в 1930-е годы [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014. № 1 (9). С. 105–111. URL: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/17_9_2014.pdf
16. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДН ИОО). Ф. 1258. Оп. 2. Д. 56.

References

1. *Vsesoyuznaya perepis naseleniya SSSR 1939 goda: Uralskiy region* [The General census of the Soviet population in 1939: the Urals] : sat. materials. V. P. Motrevich. Ekaterinburg, 2002. 372 p.
2. *Gosudarstvennyy arhiv Orenburgskoy oblasti (GAOO). F. 1003. Op. 3. D. 865.* [State archive Orenburg region]. F. 1003. Op. 3. D. 865.
3. *Demograficheskiy ponjatijnyj slovar* [Demographic conceptual dictionary]. Under the editorship of Professor L.L. Rybakovsky]. Moscow: CSP, 2003. 352 p.
4. Zhiromskaya V.B. Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzgl'yad v neizvestnoe [Demographic history of Russia in the 1930s.

- A sight into the unknown]. *Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya* [Russian political encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 280 p.
5. Klochkova M.S. Demografiya [Klochkova M. S. Demography] Moscow, 2006. 184 p.
 6. Zhiromskaya V.B. *Osnovnye tendencii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke*. [Main trends of demographic development of Russia in the XX century] Moscow: Kuchkovo pole; the Union of families of servicemen of Russia, 2012. 318 p.
 7. *Rosiyjskiy gosudarstvennyy arhiv ehkonomiki (RGAE).F. 1562. Op. 20. D. 41*. [Russian state archive of economy (RGAE)]. F. 1562. Op. 20. D. 41.
 8. *RGAE*. F. 1562. Op. 20. D. 44.
 9. *RGAE*. F. 1562. Op. 2. D. 60.
 10. *RGAE*. F. 1562. Op. 20. D. 85.
 11. *RGAE*. F. 1562. Op. 20. D. 124.
 12. *RGAE*. F. 1562. Op. 20. D. 149.
 13. *RGAE*. F. 1562. Op. 20. D. 151A.
 14. Sakevich V. Abort – krivoie zerkalo demograficheskoy politiki [Abortion – distorting mirror of the demographic policy]. *Demoskop*. [Demoscope] 2003. №123, pp. 120–127.
 15. Hisamutdinova R.R., Azhigulova A.I. Chislennost' i sostav sel'skogo naselenija Orenburgskogo kraja v 1930-e gody. Jelektronnyj resurs [The size and composition of the rural population of Orenburg region in the 1930-ies. Electronic resource.] *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg state pedagogical University]. 2014. № 1 (9), pp. 105–111. URL: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/17_9_2014.pdf
 16. *Tsentr dokumentacii noveishei istorii Orenburgskoi oblasti. (TsDNIOO)*. [Documentation Center of the Modern History of the Orenburg region.] F. 1258. Op. 2. D. 56.

ДАНИЕ ОБ АВТОРАХ

Хисамутдинова Равиля Рахияновна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания

*Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, 19, г. Оренбург, 460014, Российская Федерация
hisamutdinova@inbox.ru*

Ажигулова Альбина Исламовна, аспирант кафедры Всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания
*Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, 19, г. Оренбург, 460014, Российская Федерация
azhigylova@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Khislamutdinova Ravilya Rakhimyanovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief at the Department of General History and Teaching Methods of History and Social Science
*Orenburg State of Pedagogical University
19, Sovetskaya Str., Orenburg, 460014, Russian Federation
hisamutdinova@inbox.ru*

Albina Islamovna Azhigulova, Postgraduate Student of the Department of General History and Teaching Methods of History and Social Science
*Orenburg State of Pedagogical University
19, Sovetskaya Str., Orenburg, 460014, Russian Federation
azhigylova@mail.ru*

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ARCHAEOLOGY, ETHNOLOGY, ETHNIC STUDIES AND HISTORICAL ANTHROPOLOGY

УДК 391.4

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-107-118

ЖЕНСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР «ЧУХТА» И ЕГО РАЗНОВИДНОСТИ У АВАРЦЕВ

Мусаева М.К., Гимбатова М.Б.

Цель. Статья посвящена одному из самых некогда распространенных, а в настоящее время практически исчезнувшему, виду женского головного убора в Дагестане – чухте. Авторы ставят целью описать разновидности чухты у аварцев и народов аварской группы.

Метод или методология проведения работы. В основе исследования лежит историко-сравнительный метод, метод включенного наблюдения, а также принцип историко-культурной реконструкции.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что авторы зафиксировали один из важных этнознаковых элементов материальной культуры – женский головной убор – «чухта». Чухта, в различных ее модификациях, всегда считалась наиболее информативным элементом костюмного комплекса аварок. На основе описаний дореволюционных исследователей и полевого этнографического материала, собранного авторами в различные годы в горной Аварии, выделяются несколько видов чухты (по форме, по виду, по способу ношения, по декоративным элементам, цвету и качеству ткани), по которым можно было определить какое общество представляет женщина, ее социальный статус, материальное положение и возраст. Чухта и детали ее декора являлись

предметом гордости каждой горянки, сорвать ее с головы, было равносильно оскорблению.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены работниками образования и культуры, а также использованы в региональном контенте для экспозиции «Национальный костюм» в музее традиционной культуры и мультимедийном историческом парке «Россия – моя история».*

Ключевые слова: *Дагестан; материальная культура; национальный костюм; женский головной убор; чуххта; аварка.*

FEMALE HEAD-DRESS 'CHUKHTA' AND ITS KINDS AMONG THE AVARS

Musaeva M.K., Gimbatova M.B.

Purpose. *The article deals with the 'chukhta' – in the past one of the most common Dagestan kinds of female head-dress, which nowadays is practically extinct. The goal of the work is to describe the varieties of the chukhta of the Avars and peoples of the Avar group.*

Methodology. *The research is based on the historical-comparative method, the method of involved observation, as well as the principle of historical and cultural reconstruction.*

Results. *The result of the work is the fact that the authors have recorded an important ethno-symbolic element of material culture – the female head-dress 'chukhta'. The chukhta in its various modifications has always been considered the most informative element of the costume of the Avar woman. Basing on the works of pre-revolutionary researchers and field ethnographic material collected by the authors in Mountainous Avariya at different times, the authors distinguish several kinds of chukhta (according to its form, way of wearing, decorative elements, color and quality of the fabric), which reflected the society the woman belonged to, her social status, financial standing and age. The chukhta and details of its decoration were the pride of the woman and to tear it from her head was equivalent to an insult.*

Practical implications. *The results of the research can be applied by education and cultural workers and can also be used in the regional content for the exposition “National costume” in the museum of traditional culture and the multimedia historical park “Russia is My History”.*

Keywords: *Dagestan; material culture; national costume; female head-dress; chukhta; Avar woman.*

Дагестан – уникальный регион, состоящий из четырех основных физико-географических зон (низменной, предгорной, горной и высокогорной) с соответствующими климатическими условиями. Такое разнообразие климатических условий не могло не отразиться и на комплексе одежды. Если на равнине и в предгорье в традиционном женском костюме отсутствовали овчинная шуба, штаны и вязанные сапоги, то в горах и в высокогорье эти элементы одежды были обязательны. Необходимо также отметить, что национальный костюм принадлежит к числу тех элементов культуры в целом, и материальной культуры в частности, в котором наиболее ярко находит отражение самобытность народа, его культурные традиции, эстетические вкусы, в то же время он в наибольшей степени подвержен этническим влияниям и веяниям моды.

Традиционная одежда многочисленных народов Дагестана (более 36 народностей) имела как общедагестанские, так и этноспецифические признаки, по которым можно было безошибочно определить к какому народу, обществу принадлежит носитель данного костюма. В этом плане наиболее показателен женский национальный наряд, особенно головные уборы.

Головные уборы дагестанских женщин можно подразделить на четыре группы: чухта, платок, покрывало и чалма. В данной статье мы остановимся на самом, на наш взгляд, уникальном и исчезающем виде женского головного убора – чухта.

Чухта – тип мешочка или же чепчика с мешочком для кос, либо просто чепчик с пришитой к нему полосой ткани, прикрывающей косы сверху. В Дагестане большинство сельских женщин носило чухту до середины XX века. Кстати, в некоторых высокогорных

селах и сегодня можно встретить пожилую женщину в чухте. Как правило, национальная одежда, куда входит и чухта, традиционно хранится в сундуках и передается из поколения в поколение. Данное обстоятельство позволило нам детально описать этот вид женского головного убора. К сожалению, некоторые виды чухты безвозвратно исчезли и сохранились только на старых фотографиях и в описаниях дореволюционных путешественников.

Интерес к чухте вызван, прежде всего, тем, что материальная культура народов Дагестана, а одежда является одним из ее элементов, не допускает промедления в изучении. Если элементы духовной культуры, даже не функционирующие, в быту не сохранившиеся, могут существовать пассивно, в памяти народа, в изустной передаче, то предметы материальной культуры, потеряв свое функциональное значение, приходят в негодность, физически исчезают и более уже по ненадобности не восстанавливаются. Такой процесс происходит повсеместно по всей стране под натиском урбанизации, процессов межэтнической интеграции, глобализации и других последствий цивилизационного разлома XXI столетия, что делает особенно полезными любые изыскания в области изучения и фиксации исчезающих элементов материальной культуры.

Прежде всего, надо отметить, что чухта, которую носили все без исключения женщины и девочки с 7–8 лет до самой старости, не был отдельным, самостоятельным головным убором. В ней, без поверх него надетого покрывала или платка, нельзя было ходить вне дома. Исключение составляли девочки до 12 лет. Просто платок или покрывало без чухты на улице также не носили.

Чухта указывала на возрастные и социальные различия по цветовой гамме, по количеству и изысканности украшений, по качеству ткани. Женщины заплетали косы и укладывали их в специальный мешочек – накосник, находящийся в нижней части головного убора и спускающийся на спину. Чухта приводила в изумление многих писателей, ученых и путешественников. Так, В. Вильер де Лиль-Адам, посетивший Дагестан в 70-х годах XIX века, сравнил головные уборы горянок с повязками «древних египетских женщин» [3, с. 12].

Чухту носили как в горах, так и на равнине. Наши полевые исследования показали, что наибольшей вариативность отличалась чухта горянок, в частности аварок. Каждое аварское общество имело свой тип головного убора, по которому горцы с легкостью определяли принадлежность женщины к тому или иному обществу, именно по нему можно было сразу определить из какого селения эта женщина. Пребывание в Западном Дагестане позволило нам констатировать, что в этом регионе, в котором проживают 15 народов аваро-андо-дидойской языковой группы, чухта отличается особой сложностью, обилием составных частей, многообразием форм и способов ношения, оригинальностью украшений и, главное, узнаваемостью. Конструктивно полный головной убор женщины состоял из чухты, надевавшейся непосредственно на волосы, так, чтобы они были абсолютно прикрыты (на лоб могли спадать только декоративные элементы чухты – монеты, цепочки), и различного рода покрывал, повязок, платков, которые носили с чухтой в разных сочетаниях.

Нами также установлено, что чухта имела многочисленные локальные особенности на всей территории проживания аварцев и почти идентичные названия. В частности, чухта бежтинок состояла из чепца для волос и мешочка для кос, пришитых друг к другу. Чепец украшали по краю серебряной цепочкой и монетами разного достоинства. Этот вид чухты бежтинок идентичен по форме головному убору, представлявшему собой колпак из ткани и кожи, покрытый бусами и бронзовыми украшениями, найденному в Бежтинском могильнике, датируемом VIII–IX вв. н.э. [2, с. 113]. Видимо, не только исламские традиции требовали тщательного прикрытия волос, поскольку на этой территории ислам в данный исторический период еще не был утвержден. Известно, что у бежтин бытовал еще один короткий вид чухты – «думча», как предполагают, заимствованный из Азербайджана [9, с. 245]. Головной убор представлял собой треугольную повязку, сплошь покрытую серебряными бляхами. Концы повязки завязывались под подбородком.

Как выяснилось, дидойки носили еще более оригинальный головной убор, состоявший из плотно облегавшего голову кожаного

чепца-шлема с пришитыми к нему кожаными лопастями, которые спускались по спине до пояса или вдоль щек до груди, матерчатого мешка, пришитого к чепцу, куска полотна, тоже прикрепленного к чепцу. Кожаный чепец и лопасти украшали серебром и бляхами, а кусок полотна, как свидетельствуют те, кто в конце XIX и в самом начале XX века побывали у дидойцев, напоминал кумачовый плащ, т.к. он по длине доходил до нижнего края туникообразной рубахи и таким образом покрывал все тело женщины-дидойки [5, с. 240].

В отличие от дидойской, чухта гунзибок состояла из матерчатого чепца, плотно облегавшего голову, и пришитого к нему мешочка (накосника) для волос. Длина накосника была не ниже пояса. К чепцу с обеих сторон были пришиты тесемки, которыми обматывали подбородочную и теменную часть головы. К теменной части в несколько рядов пришивали монеты разного достоинства. При этом крупные и «дорогие» монеты пришивались ближе к лобной части, а остальные – по убыванию.

Очень своеобразный головной убор нами зафиксирован у ботлихцев – «рогатая чухта» под названием «кIамбалъи кIашта». Он представлял собой род простеганного чепца, туго набитого спереди шерстью, образующего высокий припухлый корпус с хорошо выраженными углами (рогами), поднимающимися поверх лба. Чепец обшивали шелком и парчой, а сзади он имел длинную до 1 м полосу ткани шириной около 20 см. Внутренняя сторона чепца была с подкладкой из более дешевой, но прочной ткани. К подкладке были пришиты небольшие карманы для хранения иголок, ниток и других мелких предметов женского обихода. Наши сведения дополняют литературные источники, из которых известно, что к концам чепца, которые напоминали рога, были приделаны огромные висячие кольца [6, с. 225].

«Рогатую» ботлихскую чухту носили и годоберинки, но в отличие от ботлихской, годоберинская «букIуру кIашта» обязательно украшалась серебряными монетами и по бокам также имела крупные и тяжелые нашивные кольца [7, с. 228]. Чухта андийки, также, несмотря на то, что чепец имел полукруглую форму, можно считать рогатой, поскольку предполагаемые рога были сглажены или

покато согнуты вниз. Среднюю часть корпуса обшивали лиловым шелком, а боковые – красным [1, с. 148]. Некоторые исследователи замечают сходство андийской, ботлихской, годоберинской чухты с отдельными головными уборами («кичкой» и «сороками») русских, украинских, белорусских женщин [8, с. 669–675].

Визуальные наблюдения позволили нам описать тиндинскую чухту, представлявшую собой чепец, приборенный на лбу, с кожаной планочкой на темени для удержания височных колец, которые попарно пришивались одно в другое. Пространство внутри колец по контуру заполнялось монетами или серебряными украшениями (пуговицами, бляшками, обрывками цепочек). Сзади комбинированная, яркая ткань свисала чуть ниже пояса, как русская фата. Тиндинская чухта по своей конструкции очень напоминала багулальскую, которую мы наблюдали в сел. Хуштада. По этой причине их можно объединить в один тип, однако сшит чепец багулальской чухты был из кожи.

У хваршин бытовали два вида чухты. Первый вид «чохтурус» был по покрою подобен тиндинской чухте. Крупные височные кольца («магыба чухтурус») на концах не смыкались и имели утолщения. Люди пожилые пришивали к чухте одно кольцо, а молодые – от 2 до 5 колец, одно в другое, т.е. количество колец на чухте у хваршин зависело от возраста [10, с. 61; 11, с. 73–78]. Отличалась она от тиндинской тем, что ее заднюю, свисавшую свободно часть, не делали комбинированной, а предпочитали однотонные яркие материи и, к тому же, «чухтурус» не имела характерного для тиндинской и багулальской чухты кармашка с внутренней стороны чепца, для хранения мелких женских предметов, представлявших для женщины определенную ценность, а также вещи, которые необходимо было иметь всегда под рукой, но в недоступном для детей месте – наперсток, иглы, нитки. Налобная часть украшалась монетами.

Мы бы еще выделяли, как оригинальную, чухту арчинцев – одного из малочисленных народов аварской группы. Крой ее был стандартным – чепчик из плотной ткани, со спадающим по спине хлопчатобумажным мешочком для волос. Но украшали его очень богато серебряными монетами, стеклярусом, жемчугом и кораллами, причем ассиметрично, в связи с тем, что к чепцу была пришита ссужаю-

щаяся слева направо полоса ткани, обрамлявшая лицо и подбородок так, что закрывалась левая щека. По поводу украшения левой щеки у арчинок существуют различные объяснения (от библейской легенды о создании женщины из левого ребра мужчины, до уважения к мужу). Одно бесспорно, все украшения не только на этом, но и на всех чухту народов Дагестана, служили оберегом для женщин. Известно, что арчинки очень дорожили специальной цепью, которая соединяла покрывало и чухту. Потерять ее было равносильно потере чести. Особенно берегли цепь во время женских ссор, которые в прошлом, как выяснилось, на бытовой почве возникали довольно часто. Снявшая эту цепь побеждала даже, если была сильно побита.

Нами обнаружен и самый упрощенный вид чухты (мешкообразный накосник) носили ахвахцы и каратины. Конец чухты, свисавший по спине, по низу украшали тремя полосками яркой ткани, ленточек или трехцветной строчкой. Такие простые накосники многие женщины в Западном Дагестане носили как домашний головной убор. Следует отметить также, что с конца XIX века такого упрощенного фасона чухта, одновременно с традиционной для каждого из многочисленных народов Дагестана, имела бытование почти повсеместно. По всей видимости, этот вид чухты был заимствован. Некоторые исследователи считают, что мешкообразная чухта до проникновения в горы первоначально имела ограниченную область бытования – равнинный Дагестан [4, с. 105].

Чухта женщин аварского с. Корода также отличалась своей формой и способом ношения. Она напоминала накидку с капюшоном, покрывавший голову и спину, сшитую из прямой полосы ткани (длиною 107–110 см, шириною 45–50 см). Уголок, образующийся на макушке, как у башлыка, подворачивался и пришивался к убору. Таким образом, создавалась форма капора или чепца. Этот тип чухты имел много вариантов, среди которых мы бы выделили большую чухту из с. Кюяда, имевшая вид накидки с капюшоном. Как выяснилось, чухта кородинского и кюядинского образца имела бытование и в селах Андалалского общества. В отличие от вышеописанных, она представляла собой островерхий капюшон с пришитой к нему полосой ткани, спускающейся по всей спине в виде накосника. В Андалалском об-

ществе более распространен был другой вид чухты – круглый чепец, соединенный с пришитым к нему полотнищем из нарядной ткани на подкладке. Эта чухта андалалок в налобной части собиралась на узкую тесьму и завязывалась лентами на затылке. Поверх чухты повсеместно надевали большие платки или покрывала из различного качества тканей как привозных, типа «дарай», «зархарай», шелка, парчи, так и местного производства, в зависимости от ситуации.

Итак, чухта аварских женщин в своей основе имела практически единый покрой – состояла из чепчика и пришитого к нему полотнища – накосника. Наиболее древним видом чухты можно считать островерхий головной убор типа капюшона с накосником.

Обычная мешкообразная чухта, интенсивно проникавшая в горы в XIX – начале XX в., первоначально имея весьма ограниченную область бытования – равнинный Дагестан, стала очень популярной практически у всех аварок.

Локальные виды чухты имели свое бытование вплоть до 60-х годов XX в., а у отдельных аварок (гидатлинок) мы и сегодня можем встретить пожилую женщину в чухте с височными кольцами, что демонстрирует уникальность и неповторимость горного Дагестана.

Исследование показало, что чухта аварок не являлась самостоятельным головным убором, а использовалась вместе со специальным покрывалом или платком.

Накосник был лишь двух конструкций – мешкообразный и в виде «фаты», прикрывающей косы. Чепец же имел различные модификации, ставшие для женщин разных обществ этнознаковым элементом национального костюма.

Этнознаковость определялась следующими характеристиками: по виду (круглая в виде колпака, присборенного на лбу чепца; капора; шлема; треугольная повязка; мешкообразная; рогатая), по способу ношения (с завязками на затылке; с завязками спереди), по декоративным элементам и месту их расположения (монеты; жемчуг; кораллы; кольца; бляхи; цепочки в теменной, на лобной, височной и подбородочной частях головы), по качеству ткани (хлопчатобумажная, шелковая, парчовая, из кожи).

Список литературы

1. Агларов М.А. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Изд-во Юпитер, 2002. 304 с.
2. Агаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. 252 с.
3. Вилльер де Лиль-Адам В. Две недели в даргинском округе. Путевые заметки // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1875. Вып. VIII. Отд. II. С. 1–25.
4. Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. М.: Наука, 1981. 152 с.
5. Ганн К.Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 года) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Управление Кавказского учебного округа, 1902. Вып. XXXI. Отд. II. С. 4996.
6. Ганн К.Ф. Экскурсия в Нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 г. // Изв. Кавказского отдела имп. Рус. географического об-ва. Тифлис, 1902. Т. 15. № 4. С. 211–242.
7. Сергеева Г.А. Об одежде аварской группы народов Дагестана // Хозяйственная и материальная культура народов Кавказа в XIX–XX вв.: Материалы к «Кавказскому историко-этнографическому атласу») / Отв. ред. В.К. Гарданов; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1971. С. 224–240.
8. Маслова Г. Народная одежда русских, украинцев, белорусов // Труды Института этнографии АН СССР. М., 1956. Т. 30. С. 581–795.
9. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. 304 с.
10. Мусаева М.К. Хваршины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995. 215 с.
11. Мусаева М.К. Традиционная материальная культура малочисленных народов Западного Дагестана (Панорамный обзор). Махачкала: Народы Дагестана, 2003. 128 с.

References

1. Aglarov M.A. *Andijcy: Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie* [Andians: Historical and ethnographic research]. Mahachkala: Izd-vo Jupiter, 2002. 304 p.

2. Ataev D.M. *Nagornyy Dagestan v rannem srednevekov'e* [Mountainous Dagestan in the early Middle Ages]. Mahachkala, 1963. 252 p.
3. Vill'er de Lil'-Adam V. Dve nedeli v darginskom okruge. Putevye zametki [Two weeks in the Darginsky district. Travel notes]. *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah* [Collection of information about the Caucasian mountaineers]. Tiflis, 1875. Vyp. VIII. Otd. II, pp. 1–25.
4. Gadzhieva S.Sh. *Odezhda narodov Dagestana* [Clothes of the peoples of Dagestan]. M.: Nauka, 1981. 152 p.
5. Gann K.F. Puteshestvie v Kahetiju i Dagestan (letom 1898 goda) [Journey to Kakheti and Dagestan (in the summer of 1898)]. *Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza* [Collection of materials for the description of localities and tribes of the Caucasus]. Tiflis: Upravlenie Kavkazskogo uchebnogo okruga, 1902. Vyp. XXXI. Otd. II, pp. 49–96.
6. Gann K.F. *Jekskursija v Nagornuju Chechnju i Zapadnyj Dagestan letom 1901 g.* [An excursion to Chechnya and Western Dagestan in the summer of 1901]. *Izv. Kavkazskogo otdela imp. Rus. geograficheskogo ob-va*. Tiflis, 1902. V. 15. № 4, pp. 211–242.
7. Sergeeva G.A. Ob odezhde avarskoj gruppy narodov Dagestan [On the clothes of the Avar group of the peoples of Dagestan]. *Hozjajstvennaja i material'naja kul'tura narodov Kavkaza v XIX–XX vv.: Materialy k «Kavkazskomu istoriko-jetnograficheskomu atlasu»* [Economic and material culture of the peoples of the Caucasus in the XIX–XX centuries: Materials for the “Caucasian Historical and Ethnographic Atlas”] / ed. V.K. Gardanov; AN SSSR. In-t jetnografii im. N.N. Mikluho-Maklaja. M.: Nauka, 1971, pp. 224–240.
8. Maslova G. Narodnaja odezhda ruskikh, ukraincev, belorusov [Folk clothes of Russians, Ukrainians, Byelorussians]. *Trudy Instituta jetnografii AN SSSR*. M., 1956. V. 30, pp. 581–795.
9. *Material'naja kul'tura avarcev* [Material culture of the Avars]. Mahachkala, 1967. 304 p.
10. Musaeva M.K. *Hvarshiny. XIX – nachalo XX v. Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie* [Hvarshins. XIX – the beginning of the twentieth century. Historical and ethnographic research]. Mahachkala, 1995. 215 p.
11. Musaeva M.K. *Tradicionnaja material'naja kul'tura malochislennyh narodov Zapadnogo Dagestana (Panoramnyj obzor)* [Traditional ma-

terial culture of the small peoples of Western Dagestan (Panoramic Review)]. Mahachkala: Narody Dagestana, 2003. 128 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мусаева Майсарат Камиловна, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
научного центра РАН*
ул. Ярагского, 75, Махачкала, Дагестан, 367030, Российская
Федерация
majsarat@yandex.ru

Гимбатова Мадина Багавутдиновна, доктор исторических наук,
доцент, ведущий научный сотрудник
*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
научного центра РАН*
ул. Ярагского, 75, Махачкала, Дагестан, 367030, Российская
Федерация
gimbatova@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Musaeva Maysarat Kamilovna, Candidate of Historical Sciences, Senior
Researcher
*Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*
75, Yaragsky Str., Makhachkala, Dagestan, 367030, Russian Federation
majsarat@yandex.ru

Gimbatova Madina Bagavutdinovna, Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor, Leading Researcher
*Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*
75, Yaragsky Str., Makhachkala, Dagestan, 367030, Russian Federation
gimbatova@list.ru

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ, НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ

HISTORIOGRAPHY. HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY. SOURCE STUDIES

УДК 123.1

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-119-131

ПРОБЛЕМА ТЕОДИЦЕИ И СВОБОДЫ ВОЛИ ЧЕЛОВЕКА В РАННЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ: ОТ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ К МЕТАФИЗИКЕ ВЕРЫ

Ерохин А.К.

Цель. Вопрос о свободе воли и ее основаниях – один из самых запутанных вопросов философии, в связи с чем интерес к нему не угасает на протяжении многих столетий, придавая ему непреходящую актуальность. Значимость данной проблемы вызвана представлением о личности как субъекте творческой и нравственной деятельности. Целью статьи является освещение проблемы свободы воли в ранней средневековой философии. Проблемное поле исследования связано с представлением о теодицее как ограничителе свободы.

Метод или методология исследования. Основу исследования составляют принципы и способы изучения свободы воли и теодицеи, реализуемых при помощи герменевтического метода прочтения трудов средневековых философов и историко-философской реконструкции.

Результаты исследования. Выявлена специфика рациональной теодицеи Средневековья. Делается вывод о дуалистической интерпретации феномена свободы в трактатах средневековых богословов, раскрываемый ими с позиций теологии.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при теоретическом анализе различных

аспектов этической трактовки свободы воли. Практическая ценность исследования заключается в возможности включения результатов исследования в курсы лекций по истории философии, культурологии, религиоведения.

Ключевые слова: свобода; теодицея; духовность; добро и зло; грех.

PROBLEM OF THEODICY AND PERSONAL FREE WILL IN THE EARLY MEDIEVAL PHILOSOPHY: FROM METAPHYSICAL INTELLECTUALIZATION TO METAPHYSICS OF FAITH

Erokhin A.K.

Purpose. *Free will and its bases – one of the most tangled philosophical question. The interest to this issue does not die away throughout many centuries, giving it enduring relevance. The importance of this problem is caused by idea of the personality as the subject of creative and moral activity. This article targets to illuminate a problem of free will in early medieval philosophy. The problem field of a research is connected with idea of theodicy as freedom limiter.*

Methodology. *The research based on principles and methods of free will and theodicy study, implemented by hermeneutical approach of reading of medieval philosophers treatise as well as method historical-philosophical reconstruction.*

Results. *The specifics features of Middle Ages rational theodicy were revealed. The author comes to conclusion about dualistic interpretation of phenomenon of freedom by medieval theologians, opened by them in treatises from theology positions.*

Practical implication. *Results of a research can be used in the theoretical analysis of various aspects of ethical interpretation of free will. The practical value of a research consists in a possibility of inclusion of results of a research in courses of lectures on philosophy history, cultural and religious studies.*

Keywords: *freedom; theodicy; spirituality; good and evil; sin.*

Доктрина теодицеи имеет глубокие исторические религиозные и философские корни. Она складывалась как попытка согласования бытия добра и зла, которая, в конечном итоге привела философию к идее оправдания разумного управления миром со стороны космических божеств перед лицом «темных» сторон бытия.

История философии знает немало примеров, когда обращение к теодицее приводило к созданию самостоятельных оригинальных систем нахождения природы в самом Боге. Таковы философские системы Я. Бёме, Ф. Шеллинга и Вл. Соловьева. Эти вопросы интересуют и многих современных российских исследователей. Наиболее представительная коллекция их работ представлена в сборнике «Проблема зла и теодицеи» [7]. Исследователи пытаются осмыслить, прежде всего, взгляды средневековых философов, которые, в свою очередь, отталкивались от доктрины происхождения и природы зла ранней христианской Церкви. Объяснение и обоснование зла порождали принципиальные различия в концепциях, которые сводились, как считают некоторые современные авторы, к объяснению, обоснованию, а, следовательно, к оправданию его наличия [15]. Является ли ошибочной такая точка зрения – предстоит выяснить в настоящей работе.

В данной статье обращается внимание на сочинения первых церковных апологетов, таких как Ориген, Тертуллиан, Августин, свт. Григорий Нисский, которых объединяет стремление создания цельного понимания свободы воли и теодицеи.

Исторически эта проблема имела разные формы: справедливо-го распределения наград и наказаний согласно родовым нормам в греко-римской и индийской мифологии, орфической эсхатологии с ее индивидуальной ответственностью и, наконец, христианского предопределения. И в рамках каждой из этих форм очевидны два центральных вопроса: ответственность Бога (или божеств) за бытие мира и границы свободы воли человека.

Особый смысл эта антиномия приобрела в философии и религиозной литературе эпохи Средневековья. Как и все другие проблемы, – социальные, политические, личностные, – она замыкалась на

идее Бога, как на единственной творческой силе, создающей мир и являющейся его животворной сущностью.

Логика античной европейской философии идеализма ограничивала ответственность Бога как мирового разума наличием косной, но независимо существующей материи, сопротивляющейся принципам гармонии и рационального порядка. Собственно материя и несла отпечаток зла и для его исправления, в силу вступал закон космического воздаяния. Он, как пишет А.П. Скрипник, этот закон выступал в облике рока или судьбы, «выражал идею имперсональной компенсаторной справедливости» [12]. Но по мере проникновения идей христианства в философию и утверждения его как мировоззрения, такая логика теряет смысл. Ответственность Бога-творца, создавшего мир из ничего, становится безграничной. Сотворив мир, Бог становится его неизменным управителем, определяющим историю своего творения в целом и каждого его отдельного элемента, каковым является и человек.

Бог одновременно является и высшей целью мира и его смыслом. В Послании апостола Павла римлянам прямо говорится о том, что все что ни создает бог, он создает для себя, ибо «все из него, им, и к нему» [Рим., 11:36]. Бог как Абсолют включает в себе причину, норму и цель своей деятельности. Все остальные создания лишены автономности и существуют благодаря Богу. Эту мысль впервые озвучил Ориген на заре христианства и продолжили ее наиболее влиятельные богословы эпох патристики и схоластики Аврелий Августин и Фома Аквинский.

Кем бы я был без тебя, Господи, – вопрошает Августин. «Господи, Боже мой! Ужели есть во мне нечто, что может вместить Тебя? Разве небо и земля, которые Ты создал и на которой создал и меня, вмещают Тебя? Но без Тебя не было бы ничего, что существует, – значит все, что существует, вмещает Тебя? Но ведь и я существую, зачем прошу я Тебя прийти ко мне: меня бы не было, если бы Ты не был во мне» [1, с. 5].

Созданный по образу и подобию Бога человек, как его понимают средневековые философы, – существо привилегированное, обладающее относительной властью над миром, ибо он богоподобен. Его

богоподобие выражается в том, что он свободен и служение Богу, в котором заключено истинное добро, истинная справедливость, высшее блаженство, является высшей целью земного существования человека, по заверению Августина. Эта задача выступает для человека как долженствование, решаемое им самим. Исходя из меры, в рамках которой человек способен не грешить, подчинить себя Богу, – в той мере он подобен Богу как абсолютной личности, но не в действительности, а в возможности, в сущности, в назначении и не более того.

Человек подобен Богу, но не равен ему, ибо он принадлежит двум мирам – божественному духовному и социальному чувственному. Второй мир, в котором существует человек, является формой отпадения от Бога, выражением его греховности. В своей реальной жизни он не таков, каким должен быть по назначению. Преодоление этой двойственности составляет, по мнению средневековых философов, содержание земной жизни человека и смысл его свободы воли и моральной ответственности. Весь вопрос заключается в том, чтобы найти опору в преодолении греха. И в этом вопросе первоначальная и поздняя христианская философия расходятся.

Первоначальный поиск теодицеи и осмысления своеволия основывался на аристотелевской традиции принимать разум как нечто «свободное и самовластное». В частности, она обнаруживается в рефлексии Оригена, апеллировавшего не столько к вере, сколько к коллективному разуму человечества, изначально пребывавшему в единстве, но по причине свободного выбора отдельных индивидов разделенному, как это ни печально, на три состояния бытия: ангельское, человеческое или демоническое. Примечательно, что выбор, сделанный в пользу греха, т.е. отпадения от Бога, не сводится к чувственному влечению, как полагают многие. Грехопадение свершилось еще до начала жизни первых людей. Для того, чтобы снять с Бога обвинения в несправедливости, Ориген пишет специальный трактат «О началах», в котором создает «мир предсуществования», населенный разумными духовными существами, созданными Богом в полном равенстве друг с другом [5, с. 29]. И, вот здесь свершается главное, по замечанию А.В. Серегина: «в этом-то идеальном

предсуществовании каждым из них и было принято свободное решение, обусловившее их теперешнее разнообразное и совсем не идеальное состояние и являющееся единственной причиной существующего зла» [10, с. 29]. Рассуждения Оригена сводятся к тому, что «...от Него они получили способность к разумению и знанию, и, собственно, уже вложенный внутрь их разум производит в них различие добра и зла. Поэтому если они делают зло, уже сознавши, что оно такое, то они делаются повинными в грехе» [5, с. 26]. И поскольку причина грехопадения человека заключается в его свободе выбора, то и спасение зависит от него самого. Ориген пишет: «Вести добрую жизнь – это наше дело, и бог требует этого от нас – не так как будто зависит от него, или от судьбы, но требует именно как нашего дела» [5, с. 54]. Но долженствование «добротолубия»¹ приходит не сразу. Ориген, по-видимому, предполагает, отмечает П. Сержантов, что «переоценка неразумного греховного выбора исторически произойдет позже, в момент апокатастасиса (восстановления падшей твари)». И только тогда, «все без исключения разумные творения осознают ошибочность своих метафизических установок и рано или поздно восстановят свое единство» [11, с. 20].

Таким образом, Ориген, давая человечеству шанс на отдаленную возможность личного спасения, создает, в то же время аргументацию, снимающую с Бога ответственность за нарушение созданной им гармонии бытия человека в мире и возникновение вселенского зла. Связывая зло со свободной волей, Ориген формулирует важнейший принцип христианской теодицеи: Бог не может отвечать за присутствие зла в мире, поскольку само его существование – уже свидетельство высшего блага.

Античная традиция рационализировать любую идею, выраженную в теодицее, созданной Оригеном, была отвергнута последующими философами, как излишне интеллектуализированная в его стараниях понять рациональные основания христианской морали и мотивов веры. В первую очередь за содержащееся в его теодицее

¹ Из сочинений Оригена был составлен первый сборник «Добротолубия», название которого впоследствии стало знаковым для христианской духовности.

противоречие между верой и разумом. Как пишет А.А. Гусейнов «если религиозного рвения достаточно для спасения, то для чего оно должно подкрепляться интеллектуальным напряжением и поиском?» [4, с. 220]. Такого рода вопрос ставил под сомнение приоритет религии над философией, что не могли не осознать апологеты христианства, а в последующем и отцы церкви.

Развеять сомнения взялся апологет Тертуллиан. В противоположность Оригену он утверждает, что сотворенный способным к добру, человек должен бы стать таковым по требованию своей природы. Бог дал человеку свободу выбора зла и добра, которой он и воспользовался, чтобы не избегать зла, а напротив, идти к нему. Но человек, однако, уклонился от свободного выбора и впал в грех. От Бога не могло произойти зла, а свобода человека показывает, что скорее человек виновен в том, что сам совершил [13, с. 7–8]. Неправильное употребление воли, а точнее своеволие является следствием земного, чувственного существования человека и причиной вселенского зла. Все происходит от Бога, кроме греха. Грех демонстрирует не только непричастность Бога ко всему, что мы называем злом, но и божественную справедливость. Бог демонстрирует ее, нещадно наказывая человека за грехи и принуждая последнего жить в вечном страхе перед наказанием и поиске выхода из сложившегося противоречия между земной греховностью и божественной справедливостью. Но это не жестокость, это скорее благость и справедливость Бога, который указывает путь к исправлению и наказывает человека для его же блага [14, с. 23–28]. С точки зрения Тертуллиана единственный правильный выбор, который может сделать человек, – отказаться от земных радостей и вступить на путь аскетизма и смирения перед Богом. Вслед за этим осуществляется и выбор надлежащих добродетелей: вера, любовь, страх перед Богом, надежда, терпение и страдание, целомудрие и др. Указанные качества не требуют размышлений и интеллектуальной поддержки. На смену разуму должна прийти глубочайшая вера, выраженная в формуле «верую, потому что это абсурдно».

Но и фанатичная вера, и жесткое противопоставление свободы воли и божественного провидения не спасли Тертуллиана от после-

дующей критики, предпринятой влиятельнейшим христианским философом Августином.

В целом Августин согласен с установками Оригена и Тертуллиана о происхождении добра и зла, но при этом попытался найти взвешенное решение теодицеи, принимая принцип веры, но и не отрицая принцип античной рациональности.

В трактатах «О благодати и свободном решении», «Исповедь», «Два града», Августин доказывает, что всякое сотворенное Богом бытие есть добро. Созданная Богом природа иерархична, на ее вершине находится человек. Осознание своего положения должно подвести человека к выбору руководствоваться не собственным масштабом, определяя нечто как добро и зло, а подходить ко всему с точки зрения общего. При таком подходе оказывается, что Бог не исключает добро даже в низших проявлениях природы, включая и человеческое тело, хотя оно ниже по степени красоты и блага, чем духовные качества. Зло, при таком подходе теряет свою субстанциональность и предстает как дефект, нарушение всеобщности добра. Может существовать абсолютное добро, но не может существовать абсолютного зла [2].

Зло заключается в воле, отворачивающейся от высшего в пользу низшего. Оно есть свойство ангелов и людей, которые отклонились от воли Бога и сосредоточились на собственном бытии. Не низшее само по себе является злом, утверждает Августин, а отклонение от высшего к низшему. Иерархия бытия является, в таком виде, иерархией благ, т.е. добра. Грех, т.е. различного рода проявления зла есть в таком случае не субстанция, противопоставленная добру, а момент гармонии, подчеркивающий красоту и правоту добра. «Сами Божественные заповеди никакой пользы не приносили бы человеку, если бы не было у него свободного решения воли, с помощью которого, исполняя их, он может достигнуть обещанной награды» [2]. Грех – это доказательство в пользу свободы воли. Если бы грех совершался принудительно, то наказание грешника было бы бессмысленным и несправедливым. Однако грех совершается добровольно, а это как раз подчеркивает наличие свободы воли.

Свобода связана с альтернативностью выбора линии поведения и находится в воле человека. Суверенность человеческой воли, способной выбирать между добром и злом, и в то же время отказаться от одного или другого, независимость субъекта от внешних обстоятельств является элементом свободы и ответственности.

Так Августин создает классическую теодицею, основанную на идее рационалистически понимаемого мирового порядка, в котором отвечает за добро, а человек несет ответственность за настоящее и потенциальное зло, единственным источником которого является индивидуальная воля. Подлинная мораль рождается в добровольном следовании нравственному долгу, освобожденному от внешних, в том числе и сверхъестественных причин.

В дальнейшем схему августиновской теодицеи воспроизводили в разных вариантах П. Абеляр, А. Кентерберийский, Б. Клервоский, И. Скот Эриугена и ряд других средневековых мыслителей периода ранней схоластики. Отличие состоит лишь в том, что в философии А. Кентерберийского, П. Абеляра, Ф. Аквинского и других философов усиливается стремление рационального сочетания вопросов свободы воли и божественной сущности добра. Ф. Аквинский прямо указывает на разум как на основу человеческой свободы. И человек становится свободным по мере того, как правильное суждение он делает основой своих поступков. Разум человека, конечно, ограничен; ему недоступен ряд божественных истин и замыслов, являющихся предметом веры. Но в пределах земной жизни разум имеет приоритет над верой. Что же касается зла, то оно, происходит от ослабления контроля разума над помыслами и поступками человека, но не имеет отношения к Богу [8, с. 5 – 6]. Почему? На это может быть дан онтологический ответ святого Григория Нисского: для человека пребывание во зле равносильно стремлению к небытию. Зло, в отличие от добра, не имеет бытийного статуса. Если человек захочет очиститься от зла – он будет совершать поступательное движение к Богу [9, с. 175].

В современной богословии возникла неожиданная интерпретация теодицеи Августина. Так, патриарх Питирим (Нечаев) считает, например, что Августин стремился не столько разрешить проблему зла

для мироздания, сколько решить загадку человеческого поведения: почему человек творит злое? разве он хочет зла? а если хочет, то почему он «наслаждается преступлением»? И находит ответ в привычке. Привыкнув к злу, «наслаждаясь преступлением», человек теряет способность поступать хорошо: он может сознательно выбрать доброе и не сможет его осуществить, потому что его прежние поступки выковали цепь «привычек», и он, «никем не скованный, находится в оковах собственной воли». Прошлое живет в настоящем. Люди отличаются друг от друга именно потому, что разный опыт прошлого по-разному образовал их волю [10, с 15]. Блаженный Августин борется не с силами ада, а «с властной привычкой». Такой угол зрения на теодицею Августина совпадает с понятием христианского оптимизма, который может быть охарактеризован словами М.К. Мамардашвили, как «обоюдно заинтересованная встреча Бога и человека во имя спасения человечества» [11, с. 3].

Подводя итог сказанному, можно с высоты современности попытаться понять, зачем нужны были такие сложные конструкции в христианской философии. Представляется, что христианское мировоззрение находит не только теоретический самосогласованный, освященный Библией подход к проблеме зла и его последствиях, в виде человеческих страстей и страданий, но и оказывает практическую помощь в том, как конструктивно жить со злом и страданием и противодействовать ему. Ведь согласно христианству, окончательный ответ проблеме зла и страдания находится не в теоретических построениях теодицей, а в действенном искуплении, аскезе, разумной вере и разумном отношении к неведомому.

Оценивая средневековую теодицею А.А. Гусейнов отмечает: «Когда философ... аморальность мира обращает в аргумент для доказательства моральной сущности его творца, то это в такой же мере свидетельствует о логической утонченности его мышления, в какой и об идеологической скованности» [6, с. 218].

Список литературы

1. Августин Аврелий. Исповедь. М.: Эксмо, 2006. 488 с.

2. Августин Аврелий. О благодати и свободном решении. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-blagodati-i-svobodnom-reshenii/2 (дата доступа 12 мая 2017).
3. Аквинский Ф. Сумма теологии. Киев: Эльга, Ника-Центр; Москва: Элькор-МК, 2002. 560 с.
4. Гусейнов А.А., Иррлитц Г. Краткая история этики. М.: Мысль, 1987. 589 с.
5. Ориген. О началах. На основе издания Казанской духовной академии, 1899 г. СПб.: ЗАО ТИД «Амфора», 2007. 484 с.
6. Питирим, арх. Волоколамский. О блаженном Августине. URL: http://www.odinblago.ru/o_avgustine (дата доступа 17 марта 2017).
7. Проблема зла и теодицеи: Материалы междунар. конф. Москва, 6-9 июня 2005 г. / под ред. В. К. Шохина. М.: Изд-во ИФ РАН, 2006. 326 с.
8. Святитель Григорий Нисский. Большое огласительное слово // Антология. Восточные отцы и учителя Церкви IV века. В 3-х т. Т. II. Долгопрудный: МФТИ, 1999. С. 173–217.
9. Сенокосова Ю.П. Призвание философа (вместо предисловия) // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 1–12.
10. Серёгин А.В. Гипотеза множественности миров в трактате Оригена «О началах». М.: Институт философии АН РАН, 2005. 200 с.
11. Сержантов П. Исихастская антропология о временном и вечном. М.: Православный паломник, 2010. 320 с.
12. Скрипник А.П. Свобода воли // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Интернет-версия издания / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд. М.: АН РАН, 2010. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01fe0f08825aa0b5a92b1bfd> (дата доступа 5 октября 2017).
13. Тертуллиан. Против Маркиона // Творения Тертуллиана, христианского писателя в конце второго и в начале третьего века / Пер. [и предисл.] Е. Карнеева. В 4 частях. Ч. 4. СПб.: типография морского кадетского корпуса, 1850. С. 1–29.
14. Фокин А.Р. Ранняя версия христианской теодицеи: Тертуллиан о происхождении и природе зла // Проблема зла и теодицеи: Матери-

алы междунар. конф. Москва, 6-9 июня 2005 г. / Под ред. В.К. Шохина. М.: Изд-во ИФ РАН, 2006. С. 202–213.

15. Plantinga A. *God, Freedom and Evil*. New York: Harper & Row, 2002. 112 p.

References

1. Aurelius Augustinus. *Isповед'* [Confessioness]. Moscow: ECSMO. 488 p.
2. Aurelius Augustinus. *O blagodati i svobodnom reshenii* [On Grace and Free Will. https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-blagodati-i-svobodnom-reshenii/2 (accessed May 12 2017).
3. Thomas Aquinas. *Summa teologii* [Summa Theologica]. Kiev: Elga, Nika Center; Moscow: Elkor-MK, 2002. 560 p.
4. Gusejnov A.A., Irrlitc G. *Kratkaya istoriya ehtiki* [Short History of Ethics]. Moscow: Misl, 1987. 589 p.
5. Origen. *O nachalah* [The Beginning]. Sankt-Peterburg: ZAO TID «Amfora», 2007. 484 p.
6. Pitirim, arh. Volokolamskij. *O blazhenom Avgustine*. [About blessed Augustine]. http://www.odinblago.ru/o_avgustine (accessed March 17. 2017)
7. *Problema zla i teodicei* [Problem of the evil and theodicy]. Ed. by: V.K. Shohin]. M.: Izd-vo IF RAN, 2006. 326 p.
6. St. Gregory of Nyssa. *Bol'shoe oglasitel'noe slovo* [Big Announce Word]. *Antologiya. Vostochnye otcy i uchitelya Cerkvi IV veka* [Anthology. East fathers and teachers of Church of the 4th century]. Dolgoprudnyj: MFTI, 1999, pp. 173–217.
9. Senokosova Yu.P. *Prizvanie filosofa (vmesto predisloviya)* [Calling of the Philosopher (Instead of the Preface)]. Mamardashvili M. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [As I understand philosophy]. M.: Misl, 1990, pp. 1–12.
10. Seryogin A. V. *Gipoteza mnozhestvennosti mirov v traktate Origena «O nachalah»* [Hypothesis of plurality of the worlds in the Origena's treatise "About the beginnings"]. Moscow: Institut Filosofii AN RAN, 2005. 200 p.
11. Serzhantov P. *Isihastskaya antropologiya o vremennom i vechnom* [Isikhastsky anthropology about temporary and eternal]. M.: Misl, 2010. 320 p.
12. Skripnik A.P. *Svoboda voli* [Free Will]. *Novaya filosofskaya ehnciklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Moscow.: AN RAN, 2010.

- <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01fe0f08825aa0b5a92b1bfd> (accessed October 05, 2017).
13. Tertullian. Protiv Markiona [Against Markion]. *Tvoreniya Tertuliana, hristianskago pisatelya v konce vtorago i v nachale tretyago veka*. [Creations of Tertullian, Christian writer at the end of II and beginning III centuries]. Part 4. Sankt-Peterburg: tipografiya morskago kadetskago korpusa, 1850, pp. 1–29.
 14. Fokin A.R. Rannyaya versiya hristianskoj teodicei: Tertullian o proiskhozhdenii i prirode zla [Early version of Christian theodicy: Tertullian about Origin and the Nature of the Evil]. *Problema zla i teodicei* [Problem of the Evil and Theodicy]. Ed. by: V. K. Shohin. M.: Izd-vo IF RAN, 2006, pp. 202–213.
 15. Plantinga A. *God, Freedom and Evil*. New York: Harper & Row, 2002. 112 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ерохин Алексей Константинович, к.филос.н., старший научный сотрудник
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса – филиал в г. Артеме
ул. Кооперативная, 6, г. Артем, Приморский край, 692760, Российская Федерация
alker.@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Erokhin Alexey Konstantinovich, Ph.D in Philosophy, Senior Researcher
Vladivostok State University of Economics and Service – branch in Artyom
6, Kooperativnaya Str., Artyom, Primorsky Krai, 692760, Russian Federation
alker.@list.ru
ORCID: 0000-0001-6420-3040
SPIN-code: 1465-3623

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

SOCIAL PHILOSOPHY

УДК 123.1

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-132-144

ДИЛЕММА ЦЕЛЕЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИИ*Ерохин А.К., Власенко А.А.*

***Цель.** Реформа образования служит предметом многочисленных дискуссий ее сторонников и противников. Однако научно обоснованные предложения разработаны лишь по немногим вопросам. Предмет анализа – цели высшего образования, изменяющие свою направленность в современных условиях. Цель статьи – выявить причины противоречивого характера целей современного высшего образования.*

***Методология и методы.** Обращение к философскому осмыслению целей современного высшего образования рассматривается на основе сопоставления национальных систем образования с использованием компаративистского и социально-феноменологического подхода; используются методы структурного анализа и философской рефлексии.*

***Результаты.** Опираясь на указанные подходы и методы, автор выявляет общие проблемы постановки целей современного высшего образования, конструируемых на разных уровнях. Цели конструируются без учета многоуровневой системной деятельности институтов высшего образования, в условиях быстро расширяющегося и фрагментируемого знания, рождающего новые понятия, смыслы и утверждения, но затрудняющих постановку четко определенных целей. Анализ данной проблемы приводит к выводу необходимости сочетания глобальных целей высшего образования и операциональных целей конкретных организаций, входящих в эту систему.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены при создании учебных курсов по философии образования, в сфере управления образованием.*

Ключевые слова: *высшее образование; философия образования; цели высшего образования.*

DILEMMA OF OBJECTIVES OF HIGHER EDUCATION IN PHILOSOPHICAL MEASUREMENT

Erokhin A.K., Vlasenko A.A.

The reform of education is the subject of numerous discussions. However, scientifically based proposals have been developed only on a few issues. Subject of the analysis is the purposes of higher education that change their orientation in modern conditions. Article purpose is to reveal the reasons of contradictory character of the modern higher education purposes.

Methodology and methods. *The appeal to philosophical judgment of the purposes of modern higher education is considered on the basis of national education systems comparison with using of comparative and phenomenological approach; methods of the structural analysis and a philosophical reflection are used.*

Results. *The author reveals common problems in statement of the purposes of modern higher education designed at the different levels. The purposes are designed without multilevel system activity of higher education institutes, in conditions of quickly extending and fragmented knowledge which is giving rise to new concepts, meanings and statements, but complicating statement of accurately definite purposes. The analysis of this problem leads to conclusion it is need to combine the global purposes of the higher education and the operational purposes of the concrete organizations entering this system.*

Practical implication. *Results of research can be applied for development courses on philosophy of education and for management in the sphere of education.*

Keywords: *higher education; philosophy of education; goals of higher education.*

Введение

Научное изучение модернизации управления системой высшего обусловлено объективными потребностями формирования ее эффективной деятельности, отвечающей стратегическим целям социально-экономического, духовно-культурного, социально-политического развития России. Это необходимое условие для перехода к инновационным университетам и в целом к укреплению собственной национальной модели образования, отвечающей требованиям социального и культурного контекста страны, ее внутренним структурным преобразованиям и новым жизненным стратегиям молодежи.

С этих позиций совершенствование образовательного процесса превращает его в эффективный инструмент целей производства и воспроизводства знаний [1; 2; 3, 4]. В то же время, стремительное развитие науки и техники входит в противоречие с традиционными целями высшего образования, которые современные исследователи пытаются осмыслить в устоявшихся терминах философии образования.

Дискуссии о целях образования

Целью образования в разных национальных системах высшего образования объявляются: развитие сущностной природы индивида, составляющей суть человеческого бытия [5]; обучение методам решения проблем с помощью опыта [6]; формирование личности, трезво и даже прагматично осознающей реалии материального мира [7]; «снижение уровня невежества» [8] и т.п.

В России положение не лучше. В Национальной доктрине образования Российской Федерации до 2025 г. в качестве целей высшего образования указываются «непрерывность и преемственность процесса образования», содействие духовному развитию России, «воспитание патриотизма и высокой нравственности, формирование у детей и молодежи целостного миропонимания» [9].

Однако такие цели слишком широки. Лишь немногие исследователи пытаются изменить эту неопределенность целей. Как заявляют

Майкл Д. Коэн и Джеймс Г. Марч: «Почти каждый образованный человек мог бы прочитать лекцию под названием «Цель университета». Но практически никто не будет слушать лекцию добровольно. Главным образом, такие лекции и сопровождающие их материалы полны благонамеренных упражнений в социальной риторике, с небольшим операционным содержанием. Усилия по созданию нормативных определений целей университета приводят к производству бессмысленных или сомнительных целей» [10, p. 195].

Цели настолько широки и неоднозначны, что университетам или системам не остается никаких шансов, чтобы их выполнить. Может быть поэтому, экзистенциалисты провозглашали ложность большинства систем образования, построенных на дихотомии практики и духовности. Они подвергали резкой критике образование, считая, что оно посягает на свободу человека. Любая общезначимая норма, по его мнению, это нивелировка личности, а любой институт – косность и подавление. Нет способов, с помощью которых можно было бы оценить степень достижения целей. Никто даже не знает, утверждают М. Коэн и Дж. Марч, приняты ли каждая или все заявленные цели основными группами в системе, и с какими приоритетами [10, с. 195–196].

Дилемма достаточно ясная и жестокая. Ни один из философов не обошел вниманием высокие цели образования. Всегда, заявляли они, можно объяснить для чего создается университет и почему, в конечном итоге, преподаватели делают то, что они делают. Более того, пояснял позже Р. Декарт, университеты помогают индивиду в поиске истинных начал, «на основе которых можно было бы объяснить все доступное для познания». Но он, как и многие его современники, предшественники и последователи вынужден был признать, что пока никому «не удалось счастливое разрешение этой задачи», поскольку содержание знания расширяется и фрагментируется [11]. А это значит, что сами преподаватели и ученые ищут подтверждение своей деятельности в создаваемых ими же понятиях, формулируют цели и предположения, обещающие реформы или изменения и обеспечивающие новое значение перемен. Таким

образом, мы являемся свидетелями устойчивого потока смыслообразования новых утверждений, которые при некотором изменении фраз становятся подобными «старому вину в новых сосудах»: с помощью образования происходит постоянное, повторяющееся обучение трудовых ресурсов, и/или передача культурных ценностей, и/или индивидуальное развитие, и вечное обращение к учености, исследованию и общественному служению.

Но с другой стороны, все эти повторяющиеся утверждения подчеркивают два важных обстоятельства. Во-первых, они указывают на глобальный характер высшего образования, которое не может быть исключительно национальным, замкнутым в рамках одной системы; во-вторых, постановка предельно широких целей высшего образования снимает с него ответственность за производство материальных ценностей, создание условий благосостояния и т.п., даже при том, что, в целом, оно имеет определенное отношение к каждому из перечисленных видов деятельности.

Высшее образования в условиях глобального рынка труда

Серьезная проблема универсальных определений целей высшего образования в том, что они часто не оправдывают ожиданий общества и выпускников вузов, сталкивающихся с суровой практикой поиска работы и трудоустройства. Особенно ясными становятся последствия данного расхождения при столкновении должного и действительного. Именно поэтому, еще в середине XX века американский исследователь Р.М. Хатчинс доказывал, что цели высшего образования должны быть предельно ясными, но в современных университетах профессиональная подготовка и специализированные дисциплинарные исследования не соответствуют друг другу, так как они, в основном, ни интеллектуально, ни практически не связаны в достаточной степени друг с другом [12].

У истоков «приземления» университетской деятельности стоял, как это не выглядит странно, Гегель. Он исследовал роль общественных институтов, созданных и поддержанных человеческой волей и разумом, но отличных от государственных. В них

индивидуумы появляются не как граждане, действующие от имени универсума, а как частные индивиды и субъекты, наделенные самосознанием и преследующие их собственные частные интересы. Гегелевская концепция гражданского общества основана на том, что мы называем рыночной экономикой, а Гегель называл «системой потребностей» [13, с. 234, 246]. Потребности стимулируют общество к строительству социального дома, а функция образования в современном государстве, как ее рассматривает Гегель, состоит в образовании индивидов или, точнее, в воспитании культуры гражданского духа [13, с. 274–278].

Общая философия приведенных точек зрения ясна: широкие заявления о целях высшего образования, их сущность и истинная природа не могут в настоящее время претендовать на руководство к действию, каковыми они служили длительное время. Согласно нашим выводам, системы образования в настоящее время ориентированы на подготовку специалистов, готовых к новым технологическим и управленческим решениям. Эта задача одновременно сопряжена и с другой задачей – подготовкой квалифицированных потребителей современных технологий, подходов, знаний [14].

Учитывая объективно необходимый характер глобализации и интеграции системы открытого образования можно с уверенностью признать, что основная цель университетов состоит в приближении образования к рынку труда.

Системные цели образования

Как, в таком случае соотносятся цели с практикой университетов, колледжей, и больших академических систем? Современные философы используют богатый набор метафор для описания управления большими организациями в ситуациях выбора действий. Рассматривая деятельность высших учебных заведений, они заявляют об «организованной анархии», в которой цели и средства плохо определены и плохо связаны; сравнивают ситуации, складывающиеся в высшем образовании с «мусорным ящиком», в который беспорядочно сбрасываются проекты, проблемы и решения; уподобляют

«области действий» с футбольным полем, ограниченным со всех сторон целями; указывают на использование «глупых технологий», противоположных технологиям традиционной «рациональности», требующих целеполагания, предшествующего действию. Но по замечанию М. Коэна и Дж. Марча, в повседневной деятельности людей их цели очень часто не предшествуют действию, более того, действия не нуждаются в целях, последовательности, интуиции, традициях, вере как важных основах выбора. «Людьми и организациям иногда необходимы пути достижения вещей, для которых не нужны особые причины. Они сначала действуют, а потом думают» [10, p. 23; 23].

Учреждения высшего образования создают свободно соединенные организованные системы, в которых используются мягкие технологии, работа часто фрагментируется, участники не закреплены жестко за одним видом деятельности, а переходят от одной работы к другой, из одной системы в другую и от одной цели к другой. Таким образом, сама система порождает некую неопределенность, ее контуры и ее структурная организация размываются. Такого рода организация была возможной и ценной при наличии большого разрыва между традиционными моделями принятия решений и реальной деятельностью академических организаций. «В большой степени, обсуждение всех организационных целей или полновесных организационных долгосрочных планов есть ни что иное, как классические первоклассные емкости. Они доступны настолько, насколько их можно приспособить под что-нибудь необходимое; они социально определяются как чрезвычайно важные; они обращены к достаточно значительному количеству различных проблем, чтобы укрепить их важность. Деятельный индивид всегда будет стремиться к обсуждению великих планов, в частности для того, чтобы убрать мусор с ежедневной арены его конкретных задач» [10, p. 211].

Признанный авторитет в области исследования проблем высшего образования Б. Кларк полагает, что цели высшего образования и всего академического сообщества должны концентрироваться во-

круг содержания знания, а сами эти цели вырастают из отношений между организацией как сообществом преподавателей, ученых и студентов и организацией знания. В свою очередь эта общая цель создает предпосылки для иерархии целей: факультеты, департаменты, отделы, кафедры имеют собственные цели, которые, в свою очередь, в совокупности представляют собою операционные цели больших систем. Так, преподавание в вузе обязательно совмещается с научной работой, без которой немислима эффективная преподавательская деятельность и прогресс дисциплины [15]. При этом от качества преподавания и уровня научной работы зависит престиж кафедры, ее положение и место в структуре университета. Таким образом, цели могут быть различными, когда речь заходит о реальной деятельности вузов, не в пример высоким заявлениям о должных целях и общих характеристиках высшего образования. Особенно, возрастает различие в целях в условиях создания предпринимательских вузов, которые привлекают студентов не только высоким уровнем знаний и научных исследований, но и возможностями апробирования и внедрения научных открытий, изобретений, новых технологий в практику еще на стадии обучения [16]. Но традиция такова, что вместо определения конкретных операционных целей, которые ставит перед собою любой преподаватель или руководитель низовых звеньев системы управления программных документах министерств и ведомств излагаются общие утверждения о целях и задачах высшего образования.

Административные работники вузов, конечно же, всегда знали различие между номинальной и операционной целью. Теория организации пришла к этой идее в 1960-х гг. Но тогда почему происходит путаница между этими целями? Возможно она кроется в невидимости, неосвязаемости знания. Даже в немецком высшем образовании XIX в. системная организация претендовала на всеобщность и универсальность, которой никогда не существовало в действительности, но которая всегда была идеалом долженствования. В XXI в. масштабность и новые ориентиры высшего образования подвигают теоретиков и практиков искать иные пути его развития.

Первичные цели системы высшего образования всегда находятся в движении, они варьируются в зависимости от форм, уровней, региональных особенностей высших учебных заведений. Цели высшего образования на государственном и национальном уровнях всегда слишком широки и неопределенны и охватывают широчайший диапазон операционных действий. Заявляемые глобальные цели легитимизируют частные цели вузов, включая их в широкий мир взглядов, принципов, ценностей. Это и есть причина, по которой философия продолжает настаивать на них.

Любой индивид, любой институт могут использовать предельно широкие цели. «Обучение, исследование, и служение обществу» являются, лучшими принципами философии образования, охватывающими все другие цели. Но не следует ожидать, что эти цели определяют выбор или регулируют поведение. Формальные цели придают значение общему характеру системы. Как объединение мифов, – замечает Б. Кларк, – они могут быть благом для морали и могут помочь сохранить согласие между группами при определении роли образования в обществе и личной жизни, но они едва ли они могут дать ключ к определению конкретных действий [15].

Заключение

Анализ целей высшего образования позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, дискуссии о целях высшего образования имеют длительную историю. Определение этих целей во многом зависит от востребованности и практической значимости образования, государственной поддержки национальной системы образования, от точки зрения исследователей и практиков от образования.

Во-вторых, уходит в прошлое «чистые цели» образования, т.е. образование ради образования. Высшее образование и его цели все сильнее зависят от рынка требуемых специалистов, от практических задач, стоящих перед экономикой и обществом и духовной сферой.

В-третьих, подвижность целей высшего образования позволяет сделать вывод о дилемме, встающей перед высшим образованием: следовать традиционным курсом подготовки высококлассных, ши-

роко образованных специалистов или сужать цели образования до овладения профессиональными навыками и практическими знаниями. Ни одна, ныне существующая национальная система образования, не готова сформулировать окончательную, четко обозначенную цель своей деятельности. По мнению автора нужно отойти от попыток глобализировать цели высшего образования и сосредоточиться на анализе целей отдельных его областей и структур.

Список литературы

1. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1998. 284 с.
2. Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
3. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, Сибирский хронограф. 2002. 1280 с.
4. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. 688 с.
5. Маритен Жак. Знание и мудрость. М. Научный мир, 1999. 244 с.
6. Дьюи Дж. Демократия и образование, Опыт и образование «Педагогика-Пресс», 2000. 384 с.
7. Скиннер Б.Ф. Наука и человеческое поведение. Новосибирск: НГУ, 2015. 461 с.
8. Baldrige V. Internationalization of Universities: A University Culture-Based Framework // Higher Education. 2003. Vol. 45. No 1, pp. 43–70.
9. Национальная доктрина образования в Российской Федерации, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 4 октября 2000. Федеральный Закон Российской Федерации «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22.08.1996. № 125-ФЗ. Гл. I.: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-22081996-n-125-fz-s/> (дата доступа 12.12.2016).
10. Cohen M. and March J. Leadership and Ambiguity: American College President. NY: McGraw-Hill, 1974. 230 p.
11. Декарт Р. Письмо автора к французскому переводчику «Первоначал философии», уместное здесь как предисловие // Декарт Р. Соч. в 2-х т. Т.1. М.: Мысль, 1989. С. 77–153.

12. Hutchins Robert M. *The University of Utopia*. Chicago: The University of Chicago Press, 1953. 103 p.
13. Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. 524 с.
14. Ерохин А.К. Социокультурные контексты управления высшим образованием // *Социология образования*. 2009. № 5. С. 61–68.
15. Кларк Б.Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 360 с.
16. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 240 с.

References

1. Boudon R. *Mesto besporjadka. Kritika teorij social'nyh izmenenij* [Theories of Social Change: A Critical Appraisal]. М.: Aspekt-Press, 1998. 284 p.
2. Bourdieu Pierre. *Nachala* [Choses dites]. М.: Socio-Logos, 1994. 288 p.
3. Collins Randall. *Sociologiya filosofij: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change]. Novosibirsk, Sibirskij hronograf. 2002. 1280, p. 7.
4. Smelser N. *Sociologiya* [Sociology] М.: Feniks, 1994. 688, p. 13.
5. Maritain J. *Znanie i mudrost'* [Distinguish to Unite or the Degrees of Knowledge]. М.: Nauchnyj mir, 1999. 244 p.
6. Dewey John. *Demokratiya i obrazovanie, Opyt i obrazovanie* [Democracy and Education]. Novosibirsk: «Pedagogika-Press», 2000. 384 p.
7. Skinner B.F. *Nauka i chelovecheskoe povedenie* [Science and Human Behavior]. Novosibirsk: NGU, 2015. 461 p.
8. Baldrige V. Internationalization of Universities: A University Culture-Based Framework. *Higher Education*. 2003. Vol. 45. No 1, pp. 43–70.
9. *Nacional'naya doktrina obrazovaniya v Rossijskoj Federacii, utverzhennaya Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 4 oktyabrya 2000. Federal'nyj Zakon Rossijskoj Federacii «O vysshem i poslevuzovskom professional'nom obrazovanii» ot 22.08.1996. № 125-fz. Gl. I.* [The National

- Doctrine of Education in the Russian Federation, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of October 4, 2000. The Federal Law of the Russian Federation “On Higher and Postgraduate Professional Education” 22.08.1996. № 125-fl. Part I]: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-22081996-n-125-fz-s/> (accessed December 12, 201).
10. Cohen M. and March J. Leadership and Ambiguity: American College President. NY: McGraw-Hill, 1974. 230 p.
 11. Descartes R. *Pis'mo avtora k francuzskomu perevodchiku «Pervonachal filosofii», umestnoe zdes' kak predislovie* [Letter from the author to the French translator “The First Principle of Philosophy”, relevant here as a preface]. In Descartes R. Compositions in 2 volumes. Vol.1. M.: Mysl', 1989, pp. 77–153.
 12. Hutchins Robert M. The University of Utopia. Chicago: The University of Chicago Press, 1953. 103 p.
 13. Hegel G.V.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. M.: Thought, 1990. 524 p.
 14. Erokhin A.K. *Sociokul'turnye konteksty upravleniya vysshim obrazovaniem* [Social and Cultural Contexts of Higher Education Management]. In Sociology of Education. 2009. № 5, pp. 61–68.
 15. Clark R. Burton. The Higher Education System: Academic Organization in Cross-National Perspective. University of California Press, 1986. 330 p.
 16. Clark R. Burton. Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. IAU Press, 1998. 163 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Ерохин Алексей Константинович, к.филос.н., старший научный сотрудник

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса – филиал в г. Артеме

ул. Кооперативная, 6, г. Артем, Приморский край, 692760,

Российская Федерация

alker.@list.ru

Власенко Альбина Алексеевна, к.э.н., директор

*филиала Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса в г. Артеме*

*Vladivostok State University of Economics and Service – branch
in Artyom*

*6, Kooperativnaya Str., Artyom, Primorsky Krai, 692760, Russian
Federation*

alker.@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Erokhin Alexey Konstantinovich, Ph.D in Philosophy, Senior Re-
searcher

*Vladivostok State University of Economics and Service – branch
in Artyom*

*6, Kooperativnaya Str., Artyom, Primorsky Krai, 692760, Russian
Federation*

alker.@list.ru

ORCID: 0000-0001-6420-3040

SPIN-code: 1465-3623

Vlasenko Albina Alekseevna, Candidate of Economic Sciences, Di-
rector

*Vladivostok State University of Economics and Service – branch
in Artyom*

*6, Kooperativnaya Str., Artyom, Primorsky Krai, 692760, Russian
Federation*

alker.@list.ru

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

LITERARY THEORY. TEXTOLOGY. FOLKLORE STUDIES

УДК 821.511:142

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-145-159

РЕЦЕПЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ГОРОДА В ПРОЗЕ Е.Д. АЙПИНА (К ВОПРОСУ ОБ УРБАНИСТИЧЕСКОМ КОДЕ ХАНТЫЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Косинцева Е.В.

Цель. Статья посвящена актуальной в условиях современно-го финно-угорского литературоведения теме городского текста. Предметом анализа выступает рецепция европейских топосов в произведениях ведущего хантыйского прозаика Е.Д. Айпина. Автор ставит целью раскрыть формирование урбанистического кода в хантыйской литературе на примере творчества Е.Д. Айпина.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют историко-культурный и сопоставительный методы, а также современные подходы к выборочному анализу художественного текста.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что автор осмысливает процессы формирования урбанистического кода в творчестве писателя и в национальной литературе ханты. Исследование подтверждает выявленную ранее особенность идиости-ля Е.Д. Айпина. Автор утверждает, что выбранный хантыйским прозаиком подход – взгляд на европейский город глазами путешественника – вполне гармонично позволяет представить и сам то-пос, и проследить процесс формирования метатекста в художе-ственном произведении.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере литературоведческих и междисциплинарных гуманитарных исследований.

Ключевые слова: хантыйская литература; Е.Д. Айпин; образ города; городской текст; метатекст; Европа; урбанистический код.

RECEPTION OF THE EUROPEAN CITY IN THE PROSE BY E.D. AIPIN (CONCERNING THE URBAN CODE OF THE KHANTY LITERATURE)

Kosintseva E.V.

Purpose. *The article is devoted to the issue of the urban text, being quite topical in the modern Finno-Ugric philology. The subject of analysis is the reception of the European topos in the works by a leading Khanty writer E.D. Aipin. The author aims to reveal the formation of the urban code in the Khanty literature as based on the example of the works by E.D. Aipin.*

Method or methodology of the work. *The basis of the research are the historical-cultural and comparative methods, as well as modern approaches to a selective sample analysis of a literary text.*

Results. *The results of the work lie in the fact that the author interprets the processes of formation of the urban code in the writer's work of art as well as in national literature of the Khanty people. The research confirms a feature of E.D. Aipin's idiostyle that was revealed earlier. The author claims the approach that the Khanty writer selected, i.e. the view at a European city through the eyes of a traveler, quite harmoniously represents both the topos and process of metatext formation in the literary work.*

Field of practical application of the results. *The results of the research can be applied in the field of literary and interdisciplinary humanitarian studies.*

Keywords: *Khanty literature; E.D. Aipin; image of the city; city text; metatext; Europe; urban code.*

Введение

Городской текст вызывает неизменные дискуссии в среде ученых, которые предлагают разные подходы к его осмыслению. Первые попытки теоретического осмысления текстов, отражающих специфику локуса, восходят к работам Н.П. Анциферова о Петербурге [1], к трудам участников тартуско-московской семиотической школы. Важными для осмысления городского текста стали труды В.Н. Топорова [10; 11], М.Ю. Лотмана [7], Н.Е. Меднис [9], а также работы современных исследователей (Н.А. Белова [2], Е.Г. Бураго [3], Л.В. Гаврилина [4], Е.Ш. Галимова [5], Е.В. Кузнецова [6], А.Г. Лошаков [8], Е.Г. Трубецкова [12], О.В. Шиндина [13], О.С. Шурупова [14] Э.В. Щербакова [15] и другие). В финно-угорском литературоведении городской образ вызвал интерес у А.А. Арзамасова, С.П. Гудковой, С.С. Динисламовой, С.А. Ивановой, которые постарались осмыслить его на материале художественных текстов писателей – представителей мансийской, удмуртской и мордовской литератур.

В данной работе рассматривается способ представления северо-европейского города в рассказах хантыйского прозаика Еремея Даниловича Айпина. Обратившись к городскому тексту в хантыйской литературе, видим, что Е.Д. Айпин – один из немногих авторов, кто создает образ города в своих произведениях.

Материалом исследования послужили рассказы Е.Д. Айпина «Моя княжна» и «Ночь Маэстро», в ходе осмысления которых мы будем опираться на историко-культурный и сопоставительный методы, а также современные подходы к выборочному анализу художественного текста.

В рассказе «Моя княжна», созданном в октябре 1993 года в норвежском Трондхейме, автор в начале произведения знакомит нас с городом в Северной Норвегии или, как он сам уточняет, в Лапландии. Знакомство со страной представлено через взгляд иностранного гостя, в данном случае, жителя Севера России. Первое восприятие места дано через слуховое ощущение. Панорамное зрительное восприятие транслируется через окно, в которое герой смотрит на мир. Городского ландшафта пока еще нет, но его заменяет природ-

ный: «По утрам я рано просыпался. И подолгу лежал в постели, прислушиваясь к тишине. А тишина была изумительной... Потом поднимался и шел к окну, смотревшему в полдень. За окном, в низинке под горой, протекала небольшая речка. На ее дне и берегах светились круглые камни-голыши, а через нее вытянулся неширокий мост, прикрытый белой известковой пылью. По нему и по петляющей на склоне дороге мы выбирались в «мир».

Дорога, уходя вдаль, связывала оба берега с белобокими валунами, обросшими оленьим мхом. Но основательно объединяла все легкая предрассветная дымка, висевшая в небе ранней осени. Она приподнимала и камни на склонах, и вершины гор с ельником, и белый ягель, и воду горной речки, и наш дом. И я, мне кажется, был нерасторжимо связан со всем этим вечным на земле» [16, с. 21]. Дом оленевода как бы вписан в окружающий природный ландшафт. Повествуя о действиях героев, их распорядке дня, автор вводит в текст описание дома, его внутреннего убранства: уютный холл на втором этаже, столик, кресла и диван. «Ты жила на втором этаже, а я на первом. И у каждого на этаже, начиная с сауны, было все, что нужно для нормальной жизни. Словом, это дворец, а не дом. В первые дни я часто плутал по разным лесенкам и площадкам в поисках своей спальни» [там же, с. 29].

Хозяин дома показывает гостям свои владения в горах и здесь возникает сравнение с Россией (достаточно часто встречающийся прием в прозе Е.Д. Айпина). Оценив возможности оленеводов в Северной Европе и в России, автор заключает – «нашим оленеводам такое и не снилось»: «Ведь здесь многое в хозяйстве было не так, как у нас в России. Оленеводы спешили на пастбище на легковых автомобилях по асфальту. Переговаривались между собой по радиотелефонам. В случае надобности могли позвонить домой. Да что домой, в любую точку планеты, где есть телефон... Стада загоняла в кораль не быстроногая лайка, а легкий вертолет...» [там же, с. 23]. Даже сравнивая осенний климат Лапландии с сибирским Севером на Оби, автор подчеркивает, что в Норвегии теплее, так как называется «дыхание Гольфстрима».

Небольшой городок – это то, что объединяет норвежских оленеводов, живущих в домах, расположенных в горах. Знакомство с таким безымянным городком начинается с бара, куда вечерами после ужина заезжают жители и гости для обмена новостями. Первое, что отмечает гость, – это чистоту, уют помещения и доброжелательную атмосферу: «Выпивали здесь понемножку. За весь вечер посетитель обычно обходился одной-двумя кружками пива. Или парой бокалов вина, рюмкой коньяка. Впрочем, крепкие напитки разрешались строго до определенного часа. То ли до десяти, то ли до одиннадцати. Да и приезжали сюда не выпивать, а пообщаться, обменяться новостями, взглянуть друг на друга. Ведь у каждого в доме, включая нашего хозяина, есть набор самых разнообразных вин и напитков» [там же, с. 24–25]. Подчеркивает Е.Д. Айпин и те черты характера, которые свойственны норвежцам – деликатность, дружелюбие и гостеприимность.

Начав повествование о Северной Норвегии, автор отправляет героя в конце рассказа в ее южную часть, сообщая, что там осень длиннее. Но это путешествие уже не приносит радости открытия, поскольку нет компании и нет женщины, которая вызвала гамму сложных чувств в душе героя: «Но ничто не радовало меня. Ни жизнь в охотничьем домике на берегу живописнейшего озера в горах. Ни удачная охота на лосей в горных распадках. Ни заманчивая ловля рыбы во фьордах. Ни теплые солнечные дни» [там же, с. 29]. Так циклично завершилась природной презентацией рецепция северной страны в рассказе хантыйского прозаика. Обратившись к культурологической, психологической составляющим города, дополнив их элементами территориальной и экономической составляющих (последняя видна в сравнениях), Е.Д. Айпин показал сложную структуру текста во взаимосвязи всех компонентов.

Еще одна презентация северной страны есть в рассказе Е.Д. Айпина «Ночь Маэстро», написанном 14 мая 1998 года в Нижневартовске и Москве. В произведении автор не указывает на конкретную номинацию, только использует сочетание «Северная Страна». Писатель вновь обращается к повествованию о судьбе русской ин-

теллигенции за границей. Создавая образ Маэстро, он применяет достаточно типичные атрибуты образа художника (берет, очки). Характеризуя Маэстро, гость подчеркивает, что все «мгновения жизни» он отдает двум делам: пишет картины и ловит рыбу. Именно в природе он находит отдохновение и черпает вдохновение для новых работ. Объясняет и причины отъезда Маэстро в чужую страну отсутствием условий для творчества. И здесь снова возникает ставшая уже традиционной для айпиновской прозы модель «здесь – там», «Россия – Европа». В этой модели возникает образ провинциального города, пространство которого концентрируется жизнью художника – квартира и Дом культуры: «Жил он на Севере, в маленьком провинциальном городке, в старой хрущевке. В одной комнате поставил станок для печати графических работ. Тут же на стеллажах хранились картины в подрамниках. Большие полотна писал в актовом зале местного Дома культуры, ибо в квартире просто невозможно развернуть холст – не хватало места, не хватало стены. Там же в подвалах, как в хранилищах, оставлял и свои новые работы. Мастерской не было» [там же, с. 79]. Картины свои Маэстро продавал «редко и неохотно», только когда нужда заставляла, предпочитая дарить.

Маэстро – не типичный представитель богемы, он любит жизнь «тихую, уединенную, незаметную». Даже пришедшая известность и слава не изменили привычный уклад жизни. «Он жил в своем маленьком городке, в своей тесной квартирке. И все так же избегал шумных сборищ, тяготясь вниманием толпы. <...> И по-прежнему редко и неохотно выезжал из дома» [там же, с. 19]. Одиночество героя усиливается замкнутостью пространства, указанием на его небольшие размеры, подчеркнутые эпитетами «маленький», «тесный». Автор открыто говорит о предпочтениях художника северянина: «Он любил Север и одиночество» [там же, с. 80], даже предложение жить и работать на юге Франции после длительных раздумий (полгода) оказывается отвергнутым. Принятие такого решения объясняется просто: «<...> истинный северянин не особенно почитает юг» [там же, с. 81].

Рассказывая об условиях, в которых жил Маэстро в России, Е.Д. Айпин называет и причины, по которым он покинул Родину, перебравшись в Северную Страну. И окружение Маэстро понимает его решение: «А потом его выставка приехала в эту Северную Страну. Хозяева увидели картины и сказали: вот вам тихий живописный городок, вот мастерская, живите и работайте. Без всяких условий. И он, подумав, согласился: попробую. Я понимаю его. Там, дома, Север и нет мастерской. А здесь тот же Север и есть мастерская. <...> Мастерская – мечта каждого художника. Дома, в маленьком городке, в глухомани вряд у него появится своя мастерская» [там же, с. 80]. За границей художника понимали и ценили больше, чем на родине. Писатель констатирует: «В тысячу первый раз оправдывается истина: нет пророков в своем Отечестве» [там же, с. 81]. Так Маэстро становится пророком, и то, что это было в нем всегда, не вызывает сомнений у знакомого, ведь в картинах он создает свой «таинственный и малопонятный» мир. Подчеркивается это и чертами характера Маэстро: мягкостью, скромностью, застенчивостью, не желанием ничего ни от кого не требовать, не принятие суеты и многословия, и образом жизни отшельника. Первое, что поражает при знакомстве с Маэстро, – это всепонимание и всеобъяснение всего, с чем он соприкасался. Маэстро стал для знакомого источником жизненной энергии: «Устав от беспорядочной жизни, вконец измотавшись, я приезжал к Маэстро. <...> Так я заряжался новой жизненной энергией. <...> Очистившись от жизненной скверны, как бы заново родившись, снова начинал работать. Потом, со временем возвращался к богомному образу жизни и постепенно опять изматывался. И ощущал острую необходимость очищения. И в такие критические минуты, на грани истощения духовных и физических сил, разыскивал Маэстро. И ехал к нему. И слушал, слушал, пока не возвращался ко мне вкус к жизни... Он мне все чаще и чаще напоминал Иисуса Христа» [там же, с. 81]. Объединяет Маэстро и гостя родная земля и река Обь, на разных берегах которой они родились (в тексте фиксируются притоки Оби – реки Салым и Аган).

Встреча героев происходит в кафе на набережной, поэтому и описание его переплетается с изображением фьорда и пирса, оживленных днем и уснувших ночью: «Мы сидели в кафе в одной Северной Стране, за столиком у окна, на втором этаже. Почти прямо под нами пирс с деревянными поручнями, покрытыми густой темно-коричневой пропиткой. Совсем рядом, казалось, в двух саженях, колыхалась вода задумчиво дремлющего фьорда. По нему изредка почти бесшумно проплывали небольшие белые суда с ватерлиниями, почему-то прочерченными красной краской. Напротив, в полутора-двух километрах вдоль фьорда тянулся высокий горный хребет с крутым, чуть выпуклым склоном, поросшим зеленым кустарником и лесом, у подножья омываемый водой. <...> Кафе было уютным и тихим. В глубине зала потрескивал огонь в камине, да бармен изредка звякал бокалами. В приглушенную музыку вплетался тихий говор немногочисленных ранних посетителей. Когда за столом молчишь, слышно, как вода колыхнется за окном да накатывает легкая волна на пирс после проплывшего мимо судна. Впрочем, к ночи жизнь во фьорде почти замирает до утра. Суда одиноко дремлют у полупустого причала» [там же, с. 77–78]. Вид из кафе рождает в сознании героя ассоциацию с домом, возникает параллель вод северного фьорда со средним течением Оби: «Если бы не эта высокая гора с каменистыми залысынами наверху, можно было подумать, что тут протекает Обь в среднем течении, в районе Сургута, и мы сидим у себя на родине, любуясь обскими водами» [там же, с. 78]. Стены кафе, в котором встретились давние знакомые, украшены картинами в добротных рамах. Беседа о России, о доме, об искусстве, о знакомых проходит за бокалом французского вина. Автор вскользь, ненавязчиво рассказывает о правилах продажи алкоголя в Северной Стране, где после нуля часов строго запрещено продавать крепкие спиртные напитки. В беседе за столиком кафе возникает вопрос об отношении к русским за границей. Как единственный выходец из России в том европейском городе, о котором идет речь в рассказе, Маэстро чувствует это «всей шкурой» и «нутром тоже», хотя подчеркивает, что не русский, а остяк. И здесь

появляется мысль о том, что «в жизни землян России уготована роль духовника». Деликатный бармен ненавязчиво дает понять гостям, что рабочее время заведения подходит к концу (кафе работает до двух часов). Перед тем как попрощаться с барменом и покинуть заведение, старые друзья последний бокал выпили «за духовную основу своей страны и Севера».

В рассказе автор рисует ландшафт города, подчеркивая, что плохо в нем ориентируется, хотя городок небольшой. «На довольно узкой равнине возле фьорда располагался центр, от него террасами высоко в гору уходили улицы с разноцветными, словно игрушечными, домиками. Днем на склоне преобладали теплые тона: коричневый, красный, оранжевый, коричневый с различными оттенками. Смотрелось хорошо. Глаз радовался необычным формам строений и обилию цветов, как-то непостижимо грациозно связанных воедино, в одно целое. Мастерская у Маэстро находилась где-то около середины горы, в конце улицы» [там же, с. 93]. Стоит обратить внимание на пространство, горизонтальную замкнутость которого с одной стороны создает гора, а с другой стороны его безграничность подчеркивают воды фьорда. Та же гора определяет и вертикальное пространство города, ведь город располагается террасами на ее склонах. Спонтанно принятое решение вернуться в Россию заставляет героев рассказа идти в гору, поддерживать друг друга в этом подъеме, и, заплутав среди темных улочек города, упереться в каменную стену, образующую тупик. Эта каменная, обтесанная скала контрастна «игрушечно-нарядным» домикам с темными окнами. Не случайно возникает эпитет «игрушечно-нарядные», так как за внешней праздничностью и красотой скрывается равнодушные. Это же позволяет автору еще раз подчеркнуть ментальные отличия русских и европейцев: «Если бы это было в России, в таком же небольшом городке или селе, постучали бы в любой дом. В ночь-заполночь. Мол, заблудились, дорогу укажите или пустите до утра. Хозяин поворчал бы и открыл. Видя, что путники продрогли, чайком бы угостил. А потом выставил бы на стол поллитровку для сугрева. Сам бы рюмку принял. А после, поведав о своем житье-

быть, обняв незваных гостей как лучших друзей, до утра пел бы с ними задушевные русские песни. А здесь такое не принято. Мы оба понимали, что это в лучшем случае назвали бы посягательством на частную собственность и личную жизнь» [там же, с. 94].

В рассказе Е.Д. Айпин дает и панорамный вид сверху на город, перечисляя все то, что видит Маэстро: дома, улицы и фьорд. С первыми лучами солнца художник принимает судьбоносное решение – вернуться в Россию, объясняя, что «для художника здесь слишком хорошо»: «– Все, возвращаюсь домой <...> На свой Север. В Россию. Растаскиваемую, разоряемую, терзаемую, но – Россию! <...> И мы повернулись, и от обросшей лишайником скалы-тупика направились вниз, туда, где можно было взять машину и, не теряя времени, пуститься в путь, ведущий к нашим исконным корням» [там же, с. 96]. И это путь возвращения к корням символически подчеркивается в рассказе восхождением на гору, которое заканчивается тупиком, и спуском с нее. Вновь автор создает сложный по структуре текст, где есть взаимодействие разных компонентов.

Заключение

Как видим, в двух рассказах, созданных с интервалом в пять лет, хантыйский прозаик ввел в художественное повествование городской текст. Обратившись к небольшим городкам северной Европы, Е.Д. Айпин оставил их без номинации. Взгляд на город дан глазами путешественника из России. При этом в тексте определились те черты топоса, которые не привычны для жителя российского Севера. Панорама города дает возможность представить его пространство. Концентрированность на деталях помогает автору проводить параллели, сравнивая два города, два государства, два народа, две культурные традиции. Писатель осознанно не обращается к мегаполисам при создании североευропейского городского текста. Фокус его внимания сосредоточен на маленьких провинциальных городках и их жителях. Пространство города неизменно в прозе Е.Д. Айпина связано с природным компонентом (будь то залив, фьорд, океан или горы). Полифония разных компонентов свидетельствует о сложно-

сти текста. Все это в комплексе усиливает урбанистический код, создаваемый Е.Д. Айпиным в хантыйской литературе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры в рамках научного проекта № 17-14-86002.

Список литературы

1. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. М., 1991. URL: <http://e-libra.ru/read/178951-dusha-peterburga.html> (дата обращения: 25.02.2016).
2. Белова Н.А. «Парижский текст» в русской литературе первой половины XIX века (к постановке проблемы) // Вестник Югорского государственного университета, 2011. Вып. 1 (20). С. 71–77.
3. Бураго Е.Г. Семиотика города: Киев как текст культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiotika-goroda-kiev-kak-tekst-kultury> (дата обращения: 25.09.2017).
4. Гаврилина Л.В. Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kaliningradskiy-tekst-v-semioticheskom-prostranstve-kultury> (дата обращения: 15.11.2017).
5. Галимова Е.Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального сверткста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. С. 212-129. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18082293> (дата обращения: 5.11.2017).
6. Кузнецова Е.В. Парижский текст Гайто Газданова // Гуманитарные исследования. 2012. № 2 (42). С. 223–229.
7. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 208–220.
8. Лошаков А.Г. Сверткст как словесно-концептуальный феномен. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2007. 344 с.

9. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?1835> (дата обращения: 25.02.2016).
10. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы // Избранные труды. СПб.: Искусство, 2003. 614 с.
11. Топоров В.Н. Петербургские тексты и Петербургские мифы (Заметки из серии) // Миф. Ритуал, Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 368–399.
12. Трубцекова Е.Г. «Текст в тексте» в русском романе 1930-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 25 с.
13. Шиндина, О.В. Образ города в романе Каверина «Два капитана»: общий взгляд // Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего. Материалы международной научно-практической конференции 15–17 апреля 2003 года / Под ред. проф. Т.П. Фокиной. Саратов, 2003. С. 116–119.
14. Шурупова О.С. Основные особенности Провинциального текста английской литературы // Концепт. 2013. № 10 (октябрь) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-osobennosti-provintsialnogo-teksta-angliyskoj-literatury> (дата обращения: 02.11.2017).
15. Щербакова Э.В. К проблеме определения понятия «город» // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований: сборник материалов 17-й международной науч.-практ. конф., 17 апреля 2016 г. Махачкала: ООО «Апробация», 2016. С. 41.
16. Айпин Е.Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов. СПб.: ООО «МИРАЛЛ», 2007. 208 с.

References

1. Antsiferov N.P. *Dusha Peterburga* [The Soul of St. Petersburg]. (In Russ.) Available at: <http://e-libra.ru/read/178951-dusha-peterburga.html> (accessed February 25, 2016)
2. Belova N.A. «Parizhskiy tekst» v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka (k postanovke problemy) [“Paris text” in Russian literature of first half of XIX century (to the problem statement)]. *Vestnik Yugorsko-*

- go gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Yugra State University], 2011, no. 1 (20), pp. 71–77.
3. Burago E.G. Semiotika goroda: Kiev kak tekst kul'tury [Semiotics of a city: Kyiv as a text of culture]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2016* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2016]. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiotika-goroda-kiev-kak-tekst-kultury> (accessed September 25, 2017).
 4. Gavrilina L.V. Kaliningradskiy tekst v semioticheskom prostranstve kul'tury [Kaliningrad text in the semiotic space of culture]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki, 2011* [Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social Sciences, 2011]. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kaliningradskiy-tekst-v-semioticheskom-prostranstve-kultury> (accessed November 15, 2017).
 5. Galimova E.Sh. Spetsifika severnogo teksta russkoy literatury kak lokal'nogo sverkhteksta [The specificity of the Northern text of Russian literature as local super-text]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social Sciences], 2012, pp. 212–129. (In Russ.) Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18082293> (accessed November, 05, 2017).
 6. Kuznetsova E.V. Parizhskiy tekst Gayto Gazdanova [Paris text of Gayto Gazdanov]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian studies], 2012, no. 2 (42), pp. 223–229.
 7. Lotman Yu.M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [The symbolism of St. Petersburg and the problem of semiotics of the city]. *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and typology of Russian culture]. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ., 2002. pp. 208–220.
 8. Loshakov A.G. *Sverkhstekst kak slovesno-kontseptual'nyy fenomen* [Context as verbal-conceptual phenomenon]. Arkhangel'sk: Pomorskiy gos. un-t im. M.V. Lomonosova Publ., 2007. 344 p.

9. Mednis N.E. *Sverkh teksty v russkoy literature* [Super-texts in Russian literature]. (In Russ.) Available at: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?1835> (accessed February 25, 2016).
10. Toporov V.N. Peterburgskiy tekst russkoy literatury [The Petersburg text of Russian literature]. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Saint-Petersburg: Iskustvo Publ., 2003. 614 p.
11. Toporov V.N. Peterburgskie teksty i Peterburgskie mify (Zametki iz serii) [Petersburg texts and Petersburg myths (notes from the series)]. *Mif. Ritual, Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual, Symbol. Image. Research in the field of mythopoetic]. Moscow: izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Kul'tura» Publ., 1995, pp. 368–399.
12. Trubetskova E.G. «Tekst v tekste» v russkom romane 1930-kh godov [“Text in text” in Russian novel of the 1930-ies]. Saratov, 1999. 25 p.
13. Shindina, O. V. Obraz goroda v romane Kaverina «Dva kapitana»: obshchiy vzglyad [The image of the city in the novel of Kaverin “Two Captains”: common view]. *Goroda regiona: kul'turno-simvolicheskoe nasledie kak gumanitarnyy resurs budushchego. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 15–17 aprelya 2003 goda* [Cities of the region: cultural and symbolic heritage as a humanitarian resource of the future. Materials of international scientific-practical conference on April 15–17, 2003]. Ed. by prof. T.P. Fokina. Saratov, 2003, pp. 116–119. (In Russian).
14. Shurupova O. S. Osnovnye osobennosti Provintsial'nogo teksta angliyskoy literatury [The main features of the Provincial text of English literature]. *Kontsept* [Concept], 2013, no. 10 (October). (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-osobennosti-provintsialnogo-teksta-angliyskoy-literatury> (accessed November 02, 2017).
15. Shcherbakova E.V. K probleme opredeleniya ponyatiya «gorod» [To the issue of the definition of the “city” notion]. *Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvovedeniya v svete sovremennykh issledovaniy: sbornik materialov 17-y mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konf., 17 aprelya 2016 g.* [Problems of Philology, Culturology and Art criticism in the light of modern research: proceedings of the 17th international scientific.-pract. conf.. April 17, 2016]. Makhachkala, 2016, p. 41.

16. Аупин Е.Д. *Reka-v-Yanvare* [The River-in-January]. *Sbornik rasskazov* [Collection of stories]. Saint-Petersburg: ООО «MIRALL» Publ., 2007. 208 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Косинцева Елена Викторовна, заместитель директора по научной работе, доктор филологических наук, доцент
БУ ХМАО-Югры Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
ул. Мира, д.14А, г. Ханты-Мансийск, Тюменская область, 628011, Российская Федерация
Kosintseva_elen@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6695-0218

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kosintseva Elena Viktorovna, Deputy Director on scientific work, doctor of philological Sciences, associate Professor
BU HMAO-Yugry Ob-Ugric Institute of applied research and development
14A, Mira str., Khanty-Mansiysk, Tyumen oblast, 628011, Russian Federation
Kosintseva_elen@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6695-0218

УДК 811.1

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-160-170

**РОЛЬ СИМВОЛА «СУДЬБА» В РАСКРЫТИИ
РОМАНТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ГЕРОЯ РОМАНА
Г. РОБЕРТС «ШАНТАРАМ»**

Кудинова О.А., Кудинова В.И.

Цель. *Статья посвящена анализу символа «судьба» в выразительных средствах языка. Проблема рассматривается в рамках образности художественного произведения.*

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования составляют лингвостилистический метод, метод сплошной выборки примеров, моделирование понятийного потенциала термина «символ», включающий в себя компонентный анализ определений.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что автор выявляет способы реализации категории символа на материале используемого романа, определяет символическую систему художественного текста, функционирующую в виде тропов. Автор делает предположение, что символизм образов в романе неразрывно связан с мировоззрением героев и проявлением романтизма в творчестве автора романа, являясь одним из основных художественных приемов, реализуемых им.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в сфере лингвостилистического анализа и интерпретации текста.*

Ключевые слова: *символ; судьба; удача; роман; средства выразительности; символ; романтический образ героя.*

**ROLE OF THE SYMBOL “FATE” IN REVEALING
THE ROMANTIC IMAGE OF THE MAIN CHARACTER
IN SHANTARAM, THE NOVEL BY G.D. ROBERTS**

Kudinova O.A., Kudinova V.I.

Purpose. *The article is devoted to the analysis of the symbol “fate” in the figures of speech. The issue is considered in terms of figurative content on the literary work.*

Methodology. *The basis of the research is the linguo-stylistic method, continuous sampling method, as well as modeling of the “symbol” conceptual notion, which includes the componential analysis of notions.*

Results. *The results of the study are as follows: on the basis of the novel under consideration the author explicates the ways of realization of the category of symbol, based on the novel as well as defines the symbolic system of the literary work, expressed by the tropes. The author supposes that the symbolism of images is inseparably linked with the characters’ world outlook and the display of the romanticism in the author’s work, being one of the main literary device.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the sphere of linguo-stylistic analysis and text interpretation.*

Keywords: *symbol; fate; destiny; luck; novel; figures of speech; symbol; romantic character.*

Взаимоотношение символа и художественного образа всегда привлекало внимание исследователей. По мнению А.Ф. Лосева, художественный образ уже является символом: «Всякий символ есть образ (и всякий образ есть, хотя бы в некоторой мере, символ); но если категория образа предполагает предметное тождество самому себе, то категория символа делает акцент на другой стороне той же сути – на выхождении образа за собственные пределы, на присутствии некоего смысла, интимно слитого с образом, но ему не тождественного» [цит. по: 1, с. 155].

Целью данной работы является выявление и анализ способов реализации категории символа на материале романа Грегори Робертс «Шантарам» на основе лингвостилистического метода и метода сплошной выборки и анализа примеров при общем структурном подходе к изучению языковых явлений.

Символ в романе – нерасторжимый синтез идеи и образа, которые только и могут существовать в слитном единстве [4, с. 571]. Символ (от греч. σύμβολον – «(условный) знак, сигнал») – знак, примета, один из видов тропов, то есть слов, которые получают в художественном тексте кроме основных (словарных, предметных)

значений еще и новые (переносные) [5, с. 9]. Внутри основного символа писатели разрабатывают свою частичную символическую систему (систему метаобразов). Одним из самых интересных символов в художественной литературе является судьба. Этому символу посвящен и роман Г. Робертс «Шантарам». Это страшный и трогательный роман, книга-учитель. Приключения главного героя уводят за собой и отпускают только по желанию самого рассказчика, а именно тогда, когда заканчиваются символы на последней странице произведения. Главным же в романе является символ «судьбы», который передает видение автором всего земного как отражение небесного предначертания. Отпечаток судьбы прослеживается в каждом действии героя – его встречи с людьми, которые заменяют ему семью; город, ставший домом; дружба с мафией, гарантирующая защиту; любовь, дающая надежду и смысл жизни; привязанность к дону мафии, выступающему в роли защитника, пробуждающая сыновьи чувства. Судьба в романе – это своего рода внешняя сила, являющаяся причиной событий, которые предопределены и не поддаются человеческому контролю. Судьба несет в себе признаки окончательности, смерти, разрушения (fate, doom), будущего, последовательности (fate), а также случайности (fortune, luck, chance). Читая роман, мы улавливаем мотивы предсказания, свободы выбора и активности человека, судьбы – удачливости, везения и случая, возможности искупления и перерождения человека.

Главного героя с полной уверенностью можно назвать романтичным. Автор противопоставляет его реальному миру и рисует отверженным и одиноким, бунтующим и отстаивающим свою свободу. Поднимая в своем творчестве мировоззренческие вопросы, романтики вынуждены были прибегать к символической, которая одновременно служила для выражения принципа двоемирия. Символизм – это один из основных художественных приемов, используемых романтизмом. Судьба направляет главного героя, заставляет его задуматься о жизни. Образ судьбы достаточно сложный. Это образ-символ.

Главный герой на протяжении всего романа задается вопросами: неизбежна ли судьба или же ее можно избежать и оставаться

свободным: «It took me a long time and most of the world to learn what I know about love and fate and the choices we make ... I realised, somehow, ... that even in that shackled, bloody helplessness, I was still free: free to hate the men who were torturing me, or to forgive them. ... And the choice you make, between hating and forgiving, can become the story of your life» [7, с. 10]. Рассуждая о роли судьбы в своей жизни, главный герой приходит к выводу, что мы сами творим свое счастье и судьбу. У нас всегда есть выбор. При этом мы испытываем два важных чувства – ненависть и прощение.

Понемногу автор раскрывает нам историю главного героя. Мы узнаем, что он сбежал из тюрьмы и это наложило отпечаток на его будущее. Главный герой стремится к свободе, поэтому мысль о тюрьме ему невыносима. Он признает все свои ошибки и грехи, поэтому хочет стать мирным и счастливым человеком, но одновременно он понимает, что прошлое не забыть, не изменить и не стереть. Прошлое всегда будет его преследовать и расплата неизбежна: «I carried crime and punishment with me in every hour of my life. The same fate that helped me to escape from prison had clamped its claws on my future. Sooner or later, if they looked hard enough and long enough, the people would see those claws in my eyes. Sooner or later, there would be a reckoning. I'd passed myself off as a free man, a peaceful man, and for a little while I'd known real happiness in the village, but my soul wasn't clean» [там же, с. 147]. В данном отрывке можно отметить анафору *sooner or later* и лексический повтор слова *man*, сопровождающийся эпитетами *free*, *peaceful*, которые выражают душевное стремление главного героя стать свободным и мирным человеком, антитезу «The same fate that helped me to escape from prison had clamped its claws on my future». В дословном переводе данной фразы (... судьба ... сомкнула когти/тиски на моем будущем) судьба предстает перед нами в образе животного или могущественного существа, которое может управлять нашими жизнями. С помощью данного олицетворения мы видим отношение главного героя к своей жизни, к своей судьбе.

Смирившись со своей участью на войне, с уходом человека, которого главный герой принимал за отца, Шантарам принимая свою

судьбу, наконец-то чувствует спокойствие и на место страха приходит надежда: «I accepted my fate, and even welcomed it. At last, I thought, I'm gonna get what I deserve. Somehow, that thought left me clean and clear. What I felt, instead of fear, was hope that he would live. It was over, and finished, and I never wanted to see him again; but as I watched him ride into that valley of white shadows I hoped he would live. I prayed he would be safe. I prayed my heartbreak into him, and I loved him. I loved him» [там же, с. 740]. В отрывке присутствуют лексический и синтаксический повторы, анафора (I prayed he would be safe. I prayed my heartbreak into him, and I loved him. I loved him) приводящие к градации. С помощью глаголов прошедшего времени чувства и переживания героя как бы нанизываются одно на другое, одно событие сменяется другим. Повторяющиеся элементы активизируют восприятие читателя и создают эмоциональный эффект. Как будто мы переживаем вместе с героем его чувства и видим, как его страх перерастает в надежду, надежду на жизнь и осознание любви.

Судьба преподносит людям сюрпризы, в том числе и главному герою. В один день главный герой снова обретает названного брата, считавшегося погибшим и прощается с названным отцом. Прощание с прежней жизнью Лина и прощение близких людей сравнивается с закатом солнца, который и олицетворяет для главного героя начало новой жизни и новой борьбы: «The setting sun, that funeral fire in the sky, seared my eyes, and I looked away to follow the last flares of cerise and magenta streaming out and fading in the ocean-mirrored sapphire of the evening. And staring out across the rille and ruffle of the bay...» [там же, с. 851]. Похороны отца означают окончание важного этапа в жизни героя. Лин сдается и дает волю чувствам. Читатель вместе с героем погружается в романтический конфликт, построенный на столкновении идей внутреннего мира героя с внешним.

Невероятно красочное описание природы – закат, сравниваемый с небесным погребальным костром, вечер как драгоценный камень сапфир, который отражается в океане как в зеркале. Но это описание является символичным. Оно полностью отражает чувства главного героя. «I cut the last mooring rope of grief», говорит герой. И мы по-

нимаем, что он прощается со своим отцом и прощает его. Поэтому погребальный костер, с которым автор сравнивает закат солнца, является не просто описанием неба, но и чувств героя. И снова герой отдается на волю судьбе, судьбе на этот раз сравниваемой с придающей силы волной океана (*surrendered to the all-sustaining tide of destiny*). Далее дается следующее сравнение: «*I let my heart break on my father's love, like the tall waves beside me that hurled their chests against the wall, and bled onto the wide, white path*» [там же, с. 851]. Сердце Лина разрывается от любви к отцу, как высокие волны разбиваются о стену, стекая на парапет. Любовь к отцу подобна бушующим и всепоглощающим волнам океана. Однако сами волны приобретают через олицетворение человеческие черты: *hurled their chests, bled*. Они разбивают свою грудь, истекают кровью, страдают как люди.

Фраза «*the silent endlessness of sky*» является ярким примером синекдохи. Благодаря переносу со зрительного восприятия на чувственное мы можем четко представить себе эффект ночного неба.

Присутствие большого числа примеров аллитерации является средством дополнительного эмоционального воздействия на читателя и рассматривается как мощное средство выражения чувств и эмоций главного героя, тем самым выявляя его настроение и позволяя читателю сопереживать ему: *The setting sun seared my eyes / As the stars slowly reappeared in the silent endlessness of sky / I said the words, the sacred words* (повторение *s*), *that funeral fire in the sky* (повторение *f*), *And staring out across the rile and ruffle of the bay* (повторение *r*), *handsome head* (повторение *h*). Аллитерация присутствует и в рассуждениях героя об имени. Это повтор согласной *s*, что придает повествованию мягкость и размеренность: *as good a name as any, less false, since the escape, as surely as the lost, secret name*.

При помощи анафоры во втором абзаце (*In my heart*) и синтаксических повторов (*And it was good. And it was right. I let the tears fall. I let my heart break*) автор придает повествованию стихотворную форму, увеличивая эмоциональное воздействие на читателя.

У каждого романтического героя есть маска. На протяжении всего романа автор называет его Лин или Шантарам, тогда как настоя-

щее имя до конца остается нераскрытым. Mr. Lindsay – это имя под которым герой приезжает в Индию. Однако его новому индийскому другу, Прабакеру, оно не нравится и тот сокращает его до «Lin» или «Linbaba». Момент, когда Прабакер адаптирует имя для индийской действительности, главный герой считает поворотным моментом в своей жизни, судьбоносным. Как будто это имя всегда принадлежало ему или было предначертано и именно под этим именем раскрылся его настоящий характер.

Судьба повсюду преследует главного героя. Даже при выборе имен: «...I'd found myself reacting with a quirky fatalism to the new names I was forced to adopt, in one place or another, and to the new names that others gave me. Lin (=the Son of Light). ... I heard the voodoo echo of something ordained, fated: a name that instantly belonged to me, as surely as the lost, secret name with which I was born, and under which I'd been sentenced to twenty years in prison» [там же, с. 17]. Лин упоминает причудливую веру в неотвратимость судьбы и магическое эхо чего-то духовного, предначертанного. Таким образом, в данных примерах судьба выступает в роли сверхъестественного существа, которому доступна любая религия.

Говоря о поворотном моменте в своей жизни, рассказчик употребляет метафору «fate needs accomplices». Оглядываясь назад на свою жизнь, Лин понимает, что судьба часто дает нам подсказки, знаки, которые мы либо замечаем, либо нет. Это могут быть и имена. У Лина их было несколько, но самым верным, соответствующим его внутренней природе стало имя Линбаба.

Второе имя (Шантарам) в романе употребляется редко. Это имя герою дала мать Прабакера, когда Лин отправился с другом в центр Индии погостить у его родителей и приобщиться к культуре страны, увидеть, как живут в деревнях коренные жители: «It was Shantaram, which means man of peace, or man of God's peace. ... those farmers ... knew the place in me where the river stopped, and they marked it with a new name. Shantaram Kishan Kharre. ... Whatever the case, whether they discovered that peace or created it, the truth is that the man I am was born in those moments, as I stood near the flood sticks with my face

lifted to the chrismal rain. Shantaram. The better man that, slowly, and much too late, I began to be» [там же, с. 95].

Шантарам при переводе с языка маратхи означает «мирный человек» или «человек, которому Бог даровал мирную судьбу». Таким он на самом деле не был, но к этому стремился всю жизнь, об этом и книга. Возможно это имя, вера людей, давших это судьбоносное имя, помогли главному герою понять себя и поверить в себя, а главное – найти свое место в новой жизни на пути к обретению мира и любви.

Судьба не может контролировать наши желания и не умеет лгать. «Fate cannot control our free will, and fate cannot lie. Men lie, to themselves more than to others, and to others more often than they tell the truth. But fate does not lie. Do you see?» [там же, с. 195]. Данное определение наталкивает на размышления. Чем же судьба тогда отличается от совести? У каждого человека есть совесть, но все ли прислушиваются к ней?

Удача, желание/сила воли и судьба – это то, что движет человеком на протяжении всей его жизни. Жизнь человека меняется в зависимости от того, как он их использует и прислушивается к ним. «I know now that there are beginnings, turning points, many of them, in every life; questions of luck and will and fate» [там же, с. 198].

На последних страницах романа, главный герой подводит итог, рассказывая нам о своем жизненном опыте.

Главным для человека выступают любовь и желание, стремление жить. На пути к свету и искуплению, к новой жизни у Шантарамы было много серьезных испытаний, которые преподносила ему судьба, однако он все сумел пережить. «For this is what we do. Put one foot forward and then the other. Lift our eyes to the snarl and smile of the world once more. Think. Act. Feel. ... For so long as fate keeps waiting, we live on. God help us. God forgive us. We live on» [там же, с. 933].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что судьба у Г.Д. Робертс многогранна и переменчива, и она играет с нами. Мы можем стать счастливы, если найдем гармонию с ней, или можем страдать, если будем противиться ей и не обращать внимания на знаки, которые она посылает.

В данной статье мы раскрыли понятие символа в художественном тексте и его взаимоотношение с художественными образами романа, систематизировали существующие определения категории символа, получили представление о создании и функционировании символической системы романа как системы метаобразов. Так, судьба представлена как сила, предопределяющая течение событий. При этом она мыслится как живое существо – fate, destiny, fortune. Эта сила вступает в отношения с главным героем, помогает и противостоит ему, дает и лишает чего-то, направляет, оценивается героем позитивно и негативно: *it warns, beats, puts us together with people, loads the dice, reserves a moment, abandons*. Одновременно судьба мыслится как предмет, объект, вещество, субстанция (fate, destiny, luck, fortune, chance) и встречается человеку в определенный момент. Он ищет ее или избегает, либо уже принадлежит ей. Судьба подвергается воздействию и со стороны человека: *I struggle, avoid, accept, tempt, welcome, fell into my fate*.

Человек у Г. Робертс растет не постепенно, а как бы толчками. Каждое событие, происходящее с главным героем откладывает неизгладимый отпечаток на его жизнь, судьбу и суждения. Будучи беглым преступником, он живет только настоящей минутой и не может предугадать, что с ним случится в следующий момент. А судьба через череду испытаний, встреч, любовь и расставания, смерть, бегства и страдания преподносит ему уроки жизни, заставляет его рассуждать, анализировать, подводя к выводу, что так или иначе человеку предначертаны те или иные встречи, испытания и перемены в жизни.

Как показало проведенное исследование, данный роман глубоко символичен. Символ «судьбы» пронизывает всю ткань романа. Большое количество тропов свидетельствует о нерасторжимом синтезе идеи и образа, а также о богатом литературном языке романа Г. Робертс. Все это является проявлением не просто образности художественного произведения, но и его в высшей степени многогранности и глубокой передаче символики через мировоззрение главного героя.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. 2-е, испр. изд. К.: Дух і Літера, 2001. 912 с.
2. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993. 176 с.
3. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С. 3–16.
4. Ковалев Ю.В. Готорн // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, Т.6, 1989. С. 567–571.
5. Кудинова О.А., Кудинова В.И. К вопросу о символической природе слова // Электронный научно-практический журнал Культура и образование. 2014. № 6 (10). С. 9. (Дата обращения: 15.10.2017).
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
7. Gregory David Roberts. Shantaram. London: Abacus, 2003. 933 p.

References

1. Averintsev S.S. *Sofiya-Logos. Slovar* [Sofiya-Logos. Dictionary]. Kiev: Duh i Litera, 2001. 912 p.
2. Arutyunova N.D. Vvedenie [Introduction]. *Logicheskii analiz yazyka: Mentalnye deystviya* [Logical analysis of the language: Mental actions]. Moscow: Nauka, 1993. 176 p.
3. Karasik V.I. O kategoriyakh lingvokulturologii [On the categories of the linguocultural studies]. *Yazykovaya lichnost: problemy kommunikativnoy deyatelnosti* [Linguistic personality: problems of communicative activity]. Volgograd, 2001, pp. 3–16.
4. Kovalev Yu.V. Gotorn [Hawthorne]. *Istoriya vsemirnoy literatury* [History of World Literature]: In 8 volumes. Moscow: Nauka, 1989. V.6, pp. 567–571.
5. Kudinova O.A., Kudinova V.I. K voprosu o simvolicheskoy prirode slova [On the symbolic nature of the word]. *Kultura I obrazovanie*. 2014. № 6 (10). P. 9. (accessed October 15, 2017).
6. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar russkoy kultury: opyt issledovaniya* [Constants. The dictionary of the Russian culture: the ex-

perience of research]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kultury», 1997. 824 p.

7. Gregory David Roberts. Shantaram. London: Abacus, 2003. 933 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кудинова Ольга Андреевна, ассистент кафедры английского языка, магистр
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
пр. Ленина 125, г. Тула, Тульская область, 300026, Российская Федерация
walwow@bk.ru

Кудинова Валентина Иосифовна, заведующий кафедрой немецкого языка, кандидат филологических наук, доцент
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого пр. Ленина 125, г. Тула, Тульская область, 300026, Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kudinova Olga Andreyevna, Assistant, Department of the English language, Master
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
125, Lenin Ave., Tula, Tula Region, 300026, Russian Federation
walwow@bk.ru
SPIN-code: 1297-4253
ORCID: 0000-0001-9731-8389

Kudinova Valentina Iosifovna, Head of the Department of the German Language, Candidate of Philology, Associate Professor
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
125, Lenin Ave., Tula, Tula Region, 300026, Russian Federation
SPIN-code: 4411-1630
ORCID: 0000-0001-8725-7527
Researcher ID: C-2262-2015

УДК 821.161.1

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-171-180

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОМПОЗИЦИИ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ИДИОСТИЛЕ ПИСАТЕЛЯ

Мартазанов А.М.

Цель. В статье рассматриваются композиционные особенности прозаических произведений писателей, одновременно являющихся и поэтами. Актуальность исследования состоит в изучении своеобразия структуры литературы национальных писателей, в том числе и русскоязычных, определении разнообразия стилистических средств при создании художественных образов, характера повествования. Речь автора и речь персонажа рассматриваются в качестве двух самостоятельных типов изложения, так как различаются в композиционных, содержательных и формальных признаках. На материале художественных произведений современных писателей показано, что авторская позиция наиболее эксплицитно проявляется в собственных высказываниях, а точка зрения персонажа – в его речи, которая имеет языковые различия на всех уровнях.

Метод или методология проведения работы. При исследовании применялись описательный и сопоставительный методы.

Результаты. Результаты исследования уточняют вопросы формирования своеобразия нарративного дискурса и узнаваемого идиостиля писателя национальной литературы.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены при изучении композиционных особенностей художественного произведения северокавказских литератур в вузе и школе.

Ключевые слова: проза; композиция; стилистические средства; язык художественного произведения.

ON THE COMPOSITION PECULIARITIES OF THE WRITER'S PROSE AND INDIVIDUAL STYLE

Martazanov A.M.

Purpose. *The article deals with compositional features of prose works of writers, who are also poets. The relevance of the research is to study the peculiarities of the structure of the national writers' works, including Russian-speaking ones, to determine the diversity of stylistic means in the creation of artistic images and the nature of the narrative. The author's speech and the character's speech are considered as two separate types of presentation, as they differ in compositional, content and formal features. Based on the material of the works of contemporary writers, it is shown that the author's position is most explicitly expressed in their own statements, and the point of view of the character is in their speech, which has linguistic differences at all levels.*

Methodology. *The study used descriptive and comparative methods.*

Results. *The results of the study clarify the issues of identity formation in narrative discourse and recognizable style of the writer of the national literature.*

Practical implications. *The results of the study can be used to study compositional features of works of art of the North Caucasian literatures in the University and the school.*

Keywords: *prose; composition; stylistic means; language of the work of art.*

Наиболее неоднозначно трактуемым понятием из всех доминантных терминов науки о литературе, до настоящего времени не получившимодносложной и недвусмысленной дефиниции в филологических исследованиях,представляет собой композиция, под которой, в зависимости от преобладающей точки зрения, понимают или структурные характеристики литературного произведения, или последовательность описания деталей и персонажей, или элементы лингвистического описания художественного текста и т.д.

Прозаические произведения писателей, которые наряду с этим пишут и стихи, отличаются особым характером нарративного дискурса

и своеобразными способами формирования узнаваемого идиостиля писателя. Так, например, М. Цветаева свои прозаические произведения относил к работе поэта, подчеркивая неразрывную связь стиха и прозы в своем творчестве. Данная особенность обусловлена спецификой поэтического мышления писателя, который даже в прозаическую речь переносит приемы стихотворной организации.

Писатель выстраивает композицию произведения с учетом собственных ассоциативных связей между структурными частями, иногда спешно меняя событийную канву и переходя на фрагментарное изложение сюжетной линии, что делает ритмически своеобразным и узнаваемым язык и стиль автора.

Разбивая свой текст на главы, писатель должен, очевидно, задумываться о его органичности, о жанре, в котором написано произведение, над оригинальностью формы (хотя это в меньшей степени, чем два других), о супрасегментных единицах, влияющих каким-нибудь образом на ритмику текста, и на многое другое (как в сценарии сериала, учитывая временной отрезок, место действия, участников нарративного дискурса и т.д.). В таких случаях автор не берет во внимание, по большей части, размер отрывка, выделяемого в отдельный раздел, поэтому текст может состоять даже из нескольких предложений.

В качестве примера, подтверждающего данную гипотезу, приведем выдержки из произведений некоторых писателей-поэтов Северного Кавказа. В осетинской литературе ярким примером доминирования ритмики поэтического характера в прозаическом произведении может служить роман С. Хугаева «Нарт Фарнаг», в котором певучесть и ритмичность намеренно акцентируются для того, чтобы придать произведению характерный для эпического повествования «стихотворный» размер: «Ноджы цыдæр æнахуыр парахат худт кодта Уастырджи, цыма фыдæнæн афтæ худти, уый-ау йæ урс-урсид даргъ дæндæгтæн сæ рæбынтæ дæр разындысты суанг» – «Да еще как-то необычно широко улыбался Уастырджи, как будто назло смеялся так, что верхушки его белых-белых зубов показались даже» (перевод наш – А.М.) [13, с. 78].

В этом предложении использована инверсия, без применения которой это был бы обычный повествовательный ритм, какой характерен для любого другого прозаического текста, об оригинальности такого текста не было бы и речи [2, 7].

В романе мы видим множество повторов однокоренных лексических единиц, создающих такой же особый ритм. По мнению Л.Б. Гацаловой и Л.К. Парсиевой, «повтор является не только одним из средств организации ретроспекции и проспекции в тексте, но и способом выражения субъективной модальности. Эстетический и экспрессивный эффект повтора значительно возрастает при использовании разных видов дублирования: фонетико-фонологического, лексического, морфемно-морфологического, семантического и синтаксического. Характер повторов и их функциональная нагруженность напрямую зависят от жанровой разновидности текста художественного произведения. В авторском тексте повествовательно-рассуждающего характера они в основном выполняют модально-экспрессивную функцию, а в текстах описательного характера выражают субъективно-авторское отношение к изображаемому» [1, с. 101].

Творческий «багаж» поэта, система эмоционально-экспрессивных средств, имеющихся в его арсенале, непосредственно влияет на характер композиционных составляющих художественного прозаического произведения. Так, отмечается использование «поэтических» средств в прозе русскоязычного осетинского писателя-поэта И. Хугаева (к примеру, в его повести «Изгой»): «Куда бы ты ни шёл – ты идёшь к своей могиле. Ты идёшь к ней, даже когда сидишь на месте, в своей пещере. В пространстве нет пути, есть только суетное перемещение; время и есть истинный путь; здесь нельзя ни свернуть, ни вернуться.

Есть только ты и твоё время, твой путь. Не ты идёшь своим путём: твой путь проходит через тебя. Как нить, вдетая в игольное ушко, скользит сквозь тебя твой путь, твоё время [11, с. 23].

В данной повести такой поэтический этюд, выделенный в отдельный раздел, – не единичное явление, не вкрапление в основной сюжет; из таких этюдов автор и строит свое произведение, которое обладает, благодаря особой поэтической ритмике, совершенно неповторимым идиостилем.

Общепринятое суждение о ритме хорошо сформулировано в высказывании: «В каждом образе присутствует то, что можно назвать «ритмом», «пропорцией» и «гармонией». Ритм возникает из более или менее размеренного повторения звуков, цветов, форм и движений. Пропорция – это такое воплощение замысла художника, которое кажется нам правильным, выраженным в соизмеримых частях. Гармония заключается в естественном соответствии различных частей образа друг другу» [10, с. 9]. Действительно, ритм и гармония прозы писателя, который одновременно является еще и поэтом, схожи с музыкальным ритмом и гармонией, без которых не может существовать композиция. То есть, одна из основ композиции художественного произведения – это его ритм, соединенный с гармонией, даже если это прозаическое произведение. Как в романе уже получившего признание современного чеченского писателя С. Яшуркаева «Ях. Дневник чеченского писателя»: «У чеченцев есть слово из двух букв: «ях». Оно означает и героизм, и гордость, и честь, и благородство, и силу, и дерзость, и еще что-то, что легко понимает семилетней ребенок в самом глухом чеченском ауле, но трудно понять тем, кто сбрасывает сейчас бомбы на этого ребенка. Особое состояние не только души, но и тела: глубоко сознательная, радостная готовность претерпеть все, но совершить то, что должно быть совершено. Все высшие человеческие качества уложены в этом слове. Каждый день вижу парней с оружием – одни идут в бой, другие выходят из боя. На их лицах улыбки, и эти улыбки не показные и не вымученные. Они в состоянии ях. Ях – путь человека от рождения до подвига и достойной смерти, до высшей точки духовного и физического подъема. Триста спартанцев у Фермопил, безусловно, были в состоянии “ях”» [16].

Изобилие фигур речи, вполне уместных в данном фрагменте, особая структура предложений, создающие своеобразный стихотворный ритм, являются «визитной карточкой» индивидуального стиля С. Яшуркаева не только в его первом литературном опыте, но и в последующих, например, в романе «Царапины на осколках»: «Пришедшую мысль – гонишь, ушедшую – ищешь. Как сорвавшаяся с цепи собака, убежала очередная. Спыхватываешься догнать ее.

Затерявшись в джунглях одеревеневшей головы, она становится важной, что-то решающей. Воображаешь, что в поисках ее вынул из себя душу и ищешь в ее потемках. Душа оказалась и не “потемками”, и не яркой – небольшой слабо просвечивающий ком, похожий на уменьшенную луну, когда смотришь на нее в перевернутый бинокль, с такими же темноватыми пятнами, расплзшимися по поверхности. Кладешь на ком ладонь и мягким глиняным шариком катаешь его по клетчатой клеенке кухонного стола. Он не то шуршит каким-то липучим шепотом, похожим на стон пожелтевшей листвы, угнетаемой осенним ветром, не то издает скрипучие звуки старого дерева, раскачиваемого тем же ветром. Катая этот не холодный, но давно и не горячий предмет, пытаешься вспомнить, зачем вынимал его. Мысль нашлась, “привязал” ее. Оказалась ничего не решающей, ничем не мудрой, все той же – вести записи, как и в прошлую войну. Ком под ладонью сжался и куда-то провалился – участвовать в этом он не желает» [15].

Здесь можно вспомнить о прозе турецкого писателя А.Х. Танпынара, которую также отличает стихотворная эстетика: «На его творчестве как прозаика постоянно отражались занятия поэзией», – пишет А.И. Пылев [9, с. 54].

Очевидно, что, даже когда в произведении писателя, который одновременно является автором поэтических текстов, затрагиваются общественно значимые и актуальные для современного социума проблемы, его слог не становится менее образным, никуда не уходит и привычная стихотворная ритмика, и обилие тропов, потому что на первый план такие писатели выдвигают эстетику как основу искусства слова. Именно это и отличает композицию и архитектуру прозы мастеров поэтического жанра.

Список литературы

1. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Повтор как выразительное средство языка художественного произведения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 11 (176). С. 101–104.
2. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Современный русско-осетинский раз-

- говорник. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2013. 143 с.
3. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Социально-аксиологические ориентиры современного российского общества // В мире научных открытий. 2013. № 11.6 (47). С. 28–31.
 4. Мартазанов А.М., Мартазанова Х.М. Становление жанра повести в ингушской прозе 1950-х–1960-х годов // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4 (59). С. 203–205.
 5. Мартазанова Х.М. Осмысление судьбы творческой личности в художественном мире И. Базоркина // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4 (53). С. 318–320.
 6. Мартазанова Х.М. Повесть А. Бокова «Буран» как значительное явление ингушской прозы 60-х годов XX века // Научное мнение. 2015. № 11-1. С. 152–155.
 7. Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. Производные междометия: к вопросу о вербализации эмоций // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 66–68.
 8. Пастушкова Н.А. Риторико-стилистические особенности испанских сентиментальных повестей: от поэзии к прозе // В-к РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 11 (54). С. 90–96.
 9. Пылев А.И. Ахмед Хамди Танпынар и его роман «Спокойствие». О некоторых стилистических особенностях формы и содержания произведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2011. № 4. С. 51–65.
 10. Ситников В.П., Шалаева Г.П., Ситникова Е.В. Кто есть кто в мире искусства / Под общ. ред. В.П. Ситникова. М.: АСТ, СЛОВО, 2010. 237 с.
 11. Хугаев И.С. Изгой // Дарьял. 2011. № 3. С. 14–51.
 12. Хугаев И.С. Осетинская русскоязычная литература: генезис и становление. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Владикавказ, 2010. 49 с.
 13. Хугаев С.З. Нарты Фарнаг // Нарты Фарнаг: роман, радзырдтæ. Дзауджыхъæу: Ир, 2005. С. 5–335.
 14. Шабликова Н.П. Жанровые и стилистические особенности современного американского рассказа // Вестник Костромского университета. 2007. Т. 13. № 4. С. 160–164.
 15. Яшуркаев С. Царапины на осколках // Дружба народов, 2010. №6./ <http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/6/ia12.html> (дата обращения

- 16.01.2018).
16. Яшуркаев С.Ях. Дневник чеченского писателя / <http://tululu.org/read53046/4/>. (Дата обращения 16.01.2018).
 17. Gureeva A.A., Novikova E.Y., Mityagina V.A. Guide-interpreter's slang uageidentityasanexcursiondiscoursefactor. // *XLinguae*. 2016. Т. 9. № 2. С. 90–102.
 18. Leontovich O.A. Word and image in search of each other: intersemiotic translation of narratives from an intercultural perspective. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. Т. 200. С. 289–295.
 19. Leontovich O.A. Where angels fear to tread: communication strategies in an intercultural family. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Т. 164. С. 286–291.
 20. Novozhilova A.A., Korolkova S.A., Gureeva A.A., Shovgenina E.A., Mityagina V.A. Creating information retrieval competence of future translators: an integrative approach. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Т. 6. № 6. С. 79–84.

References

1. Gatsalova L.B., Parsieva L.K. Povtor kak vyrazitel'noe sredstvo yazyka khudozhestvennogo proizvedeniya [Repetition as an expressive means of the literary work]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2016. № 11 (176), pp. 101–104.
2. Gatsalova L.B., Parsieva L.K. *Sovremennyy russko-osetinskij razgovornik* [Contemporary Russian-Ossetian phrasebook]. Vladikavkaz: SOIGSI, 2013. 143 p.
3. Gacalova L.B., Parsieva L.K. Social'no-aksiologicheskie orientiry sovremennogo rossijskogo obshhestva [Social-axiological values of contemporary Russian society]. *V mire nauchnyh otkrytij*. 2013. № 11.6 (47), pp. 28–31.
4. Martazanov A.M., Martazanova Kh.M. Stanovlenie zhanra povesti v ingushskoj proze 1950-kh–1960-kh godov [Formation of the short novel genre of the Ingush prose 1950–1960s]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2016. № 4 (59), pp. 203–205.
5. Martazanova Kh.M. Osmyslenie sud'by tvorcheskoj lichnosti v

- khudozhestvennom mire I. Bazorkina [Interpretation of the creative personality's destiny in the artistic world of I. Bazorkin]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2015. № 4 (53), pp. 318–320.
6. Martazanova Kh.M. Povest' A. Bokova «Buran» kak znachitel'noe yavlenie ingushskoj prozy 60-kh godov XX veka [The novel *Buran* by A. Bolov as a significant achievement of the Ingush prose of the 1960s]. *Nauchnoe mnenie*. 2015. № 11-1, pp. 152–155.
 7. Parsieva L.K., Gatsalova L.B. Proizvodnye mezhdometiya: k voprosu o verbalizatsii ehmotzij [Derived interjections: on emotions verbalization]. *Baltiyskij gumanitarnyj zhurnal*. 2016. V. 5. № 3 (16), pp. 66–68.
 8. Pastushkova N.A. Ritoriko-stilisticheskie osobennosti ispanskikh sentimental'nykh povestey: ot poehzii k proze [Rhetoric-stylistic features of the Spanish sentimental short novels: from poetry to prose]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 2010. № 11 (54), pp. 90–96.
 9. Pylev A.I. Ahmet Hamdi Tanpinar i ego roman «Spokojstvie». O nekotorykh stilisticheskikh osobennostyakh formy i sodержaniya proizvedeniya [Ahmet Hamdi Tanpinar and his novel *Tranquility*. On certain stylistic features of the form and content of the work]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie. Afrikanistika*. 2011. № 4, pp. 51–65.
 10. Sitnikov V.P., Shalaeva G.P., Sitnikova E.V. *Kto est' kto v mire iskusstva* [Who is who in the world of art]. / ed. V.P. Sitnikov. M.: AST, SLOVO, 2010. 237 p.
 11. Khugaev I.S. Izgoj [The outcast]. *Dar'yal*. 2011. № 3, pp. 14–51.
 12. Khugaev I.S. *Osetinskaya russkoyazychnaya literatura: genesis i stanovlenie* [Ossetian Russian-language literature: genesis and formation]. Vladikavkaz, 2010. 49 p.
 13. Khugaev S.Z. Narty Farnæg [Narty Farnæg]. *Narty Farnæg: roman, radzyrdæ*. Dzæudzhykhæu: Ir, 2005, pp. 5–335.
 14. Shablikova N.P. Zhanrovye i stilisticheskie osobennosti sovremen-nogo amerikanskogo rasskaza [Genre and stylistic features of the modern American story]. *Vestnik Kostromskogo universiteta*. 2007. V. 13. № 4, pp. 160–164.

15. Yashurkaev S. Tsarapiny na oskolkakh [Scratches on the shards]. *Druzhba narodov*, 2010. №6. <http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/6/ia12.html>.
16. Yashurkaev S. *Yakh. Dnevnik chechenskogo pisatelya* [Yakh. Diary of a Chechen writer]. <http://tululu.org/read53046/4/>
17. Gureeva A.A., Novikova E.Y., Mityagina V.A. Guide-interpreter's language identity as an excursion discourse factor. *XLinguae*. 2016. V. 9. № 2, pp. 90–102.
18. Leontovich O.A. Word and image in search of each other: intersemiotic translation of narratives from an intercultural perspective. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2015. V. 200, pp. 289–295.
19. Leontovich O.A. Where angels fear to tread: communication strategies in an intercultural family. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. V. 164, pp. 286–291.
20. Novozhilova A.A., Korolkova S.A., Gureeva A.A., Shovgenina E.A., Mityagina V.A. Creating information retrieval competence of future translators: an integrative approach. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. V. 6. № 6, pp. 79–84.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мартазанов Арсамак Магомедович, доктор филологических наук, ректор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Ингушский государственный университет
проспект И.Б. Язикова, 7, г. Магас, Республика Ингушетия,
386001, Россия
ing_gu@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Martazanov Arsamak Magomedovich, Doctor of Philological Sciences, Rector, Professor, Department of Russian and Foreign Literature
Ingush State University
7, I. B. Zyazikov Prospekt, Magas, 386001, The Republic of Ingushetia, Russia
ing_gu@mail.ru
SPIN-code: 2341-8939

ЖУРНАЛИСТИКА

JOURNALISM

УДК 070:001.12/18

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-181-197

ТИПОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКИХ МАСС-МЕДИА)

Гуськова С.В.

В статье предпринята попытка типологизировать современные региональные средства массовой информации, основываясь на их тематических характеристиках. Важным представляется определение понятий «типология масс-медиа» и близкого к нему «классификация средств массовой информации».

***Цель.** Статья посвящена изучению особенностей типологического деления региональных средств массовой информации. Проведено исследование особенностей функционирования масс-медиа Тамбовской области и их тематических характеристик с целью представить типологическое деление региональных средств массовой информации, основываясь на специфике функционирования масс-медиа Тамбовской области, их тематических и других ключевых характеристик.*

***Метод или методология проведения работы.** В ходе разработки темы получили применение следующие методы:*

– метод контент-анализа, использованный при анализе контента электронных и печатных средств массовой информации Тамбовской области;

– метод сплошной выборки, нашедший применение при отборе материалов масс-медиа с целью уточнения приоритетной тематики и проблематики;

– метод сопоставительного анализа, использованный при сопоставлении типологических характеристик печатных и электронных масс-медиа.

Результаты. Представлено обоснованное типологическое деление современных региональных печатных и электронных средств массовой информации, основанное на опыте функционирования масс-медиа Тамбовской области.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены теоретиками журналистики при организации научно-исследовательской деятельности, а также в ходе преподавания таких академических курсов, как «Типология средств массовой информации», «Теория и практика медиакommunikаций» и других.

Ключевые слова: типология масс-медиа; классификация масс-медиа; региональные СМИ; периодические печать; электронные СМИ.

TYOLOGY OF MODERN REGIONAL MASS MEDIA: (THE CASE OF TAMBOV MASS MEDIA)

Gus'kova S.V.

The article attempts to typologize modern regional mass media based on their issue-related characteristics. It is important to define the notions of “mass media typology” and “classification of the media” as being quite close to each other.

Goal. *The article is devoted to the study of the peculiarities of regional mass media typological division. A study was made of the functioning features of the Tambov region mass media and their thematic characteristics with the aim of presenting a typological division of regional mass media based on the specifics of the functioning of the Tambov region mass media as well as their thematic and other key characteristics.*

Method or methodology of the work. *While developing the topic, the following methods were applied:*

– *content analysis, used in the analysis of the content of electronic and print media of the Tambov region;*

– *continuous sampling, which has found application in the selection of materials from the mass media in order to clarify the priority topics and issues;*

– *comparative analysis, used when comparing the typological characteristics of printed and electronic media.*

Results. *The author presents a justified typological division of modern regional printed and electronic mass media based on the experience of mass media functioning in Tambov Oblast.*

Scope of application of the results. *The results of the research can be applied by journalism theorists in the organization of research activities, as well as in the teaching of such academic courses as Typology of the media, Theory and practice of media communications and others.*

Keywords: *typology of mass media; classification of mass media; regional mass media; periodical press; electronic media.*

Введение

Система средств массовой информации не является устойчивой, исторически сложившейся и неподверженной изменениям с течением времени – она непрерывно и динамически развивается, испытывая на себе влияние факторов различного характера. В этой связи необходима четкая типологизация масс-медиа на любом из этапов их развития, что способствует решению ряда актуальных для сферы СМИ задач: сформировать объективное представление о системе современных СМИ, проводить аналогии и сравнения, делать обобщения, основываясь на опыте различных типов и видов СМИ, прогнозировать их развитие, разрабатывать практические рекомендации для сотрудников масс-медиа, исходя из четкого представления о конкретном его типе.

Цель настоящего исследования заключается в представлении типологического деления региональных средств массовой информации, основываясь на специфике функционирования масс-медиа Тамбовской области и исходя из их тематических и других ключевых характеристик.

Специфика региональных масс-медиа

Следует признать, что типология федеральных средств массовой информации разработана в большей степени, чем региональных. При исследовании вопроса о типологии современных СМИ в целом заслуживают внимания работы В.А. Антроповой [1], С.Г. Корконосенко [7], Л.Л. Реснянской [14], А.Р. Сафиной [15], В.В. Смеюхи [16], Л.К. Лободенко и Л.П. Шестеркиной [19], М.В. Шкондина [20] и др. К вопросам типологии современных региональных масс-медиа в своих научных работах обращаются В.А. Белякова и Л.П. Белякова [2], А.В. Зимин и С.В. Кулаков [4], Л.Е. Кройчик [8], Д.И. Куфанова [9], Л.К. Лободенко [10], А.В. Пустовалов [12], Д.А. Пушкарева [13], В.В. Тулупов [18] и многие другие. Популярность данной темы в трудах современных ученых очевидна.

Региональные СМИ являются особым пластом современных масс-медиа, который требует не менее пристального внимания, чем федеральные СМИ. Б.Н. Киршин, научная мысль которого сопряжена с исследованием региональной прессы на Урале, отмечает, что региональная пресса является «важнейшей частью общенационального информационного пространства, своего рода основой всей российской системы средств массовой информации» [6, с. 3].

В социологическом исследовании тамбовских СМИ, предпринятом А.В. Зиминим и С.В. Кулаковым, сделан вывод о том, что в регионе существует ряд причин, мотивирующих аудиторию к обращению к контенту региональных СМИ. К ним исследователи относят: объективность; плюрализм мнений и точек зрения; отсутствие тотального контроля со стороны региональных властей; наличие обратной связи; цензура морально-этического плана, а также ограничительные меры по уменьшению доли рекламного контента; единый (государственный) ценностный вектор подачи информации. Несоблюдение подобных принципов местными СМИ, наоборот, способно оттолкнуть аудиторию от обращения к ним [4].

В рамках данного исследования предпринята попытка типологизировать региональные масс-медиа одного из регионов Российской Федерации – Тамбовской области, в которой развитие СМИ имеет

продолжительную историю (достаточно вспомнить опыт Г.Р. Дер-жавина, организовавшего выпуск первой губернской газеты и опыт И.Г. Рахманинова, попытавшегося наладить издательское дело в провинции). Предлагается современная концепция типологизации отечественных региональных медиа, обнародование которой стало возможным после изучения работ отечественных ученых, а также проведения контент-анализа СМИ Тамбовской области.

Для начала следует определить понятие «типология масс-медиа». Так, В.А. Белякова и Л.П. Белякова замечают: «Типология – особый раздел теоретического знания, особое методологическое средство, с помощью которого строится фундаментальное объяснение самых различных проблем профессиональной практической деятельности» А.В. Зиминим и С.В. Кулаковым [2, с. 26]. Действительно, без типологии, детального «разложения по полочкам» предметов, проблем, ситуаций и проч. сложно представить движение научной мысли.

В одном ряду можно обнаружить близкое данному понятию категорию – «классификация масс-медиа». Действительно, классификация СМИ проводится довольно давно. Если обратиться к опыту отечественных СМИ, то неоспоримым представляется факт деления прессы в так называемый советский период на центральную, местную или районную. По времени выхода издания классифицировали на ежесемечные, еженедельные и ежедневные, на утренние и вечерние (в большинстве случаев являлись подвидом ежедневных изданий).

Подходы к типологии региональных масс-медиа

Справедливо отмечает А. Мирошниченко, что «Существуют не только технические, но и правовые, тематические и прочие характеристики СМИ. Все вместе они называются типологическими характеристиками СМИ, которые используются для типологического анализа – описания, составления профиля (портрета) того или иного СМИ» [11]. Под техническими характеристиками СМИ автор подразумевает деление Медиа на печатные и электронные, которое актуализировалось в эпоху всеобщей компьютеризации, интернетизации и, как следствие, перехода многих СМИ на электронную платформу.

Представляется очевидным, что типологизировать СМИ возможно лишь в том случае, если во внимание принимается совокупность различных характеристик и параметров; в противном случае типология будет односторонней, предвзятой, субъективной. «По общепринятому мнению исследователей, тип – не просто мысленный аналог исследуемого множества, а идеализированная модель данного множества. В процессе типологического анализа издания выясняется, насколько реальные характеристики исследуемого объекта соответствуют тем, которые должны быть свойственны ему согласно его месту в системе печати, занимаемой информационной нише. В сфере внимания исследователя – вся совокупность системных характеристик объекта: его функциональных, компонентных, содержательных, экономических, технологических, аудиторных параметров» [17, с. 7].

Существуют различные точки зрения в вопросе о том, как, точнее, по каким признакам, типологизировать СМИ. Обратимся к тем, которые заслужили наибольший отклик в кругу ученых.

Так, М.В. Шкондин предлагает выделять следующие типы изданий, руководствуясь конкретными типологическими признаками:

1. По аудиторному типологическому признаку:

- национальные (общероссийские), к которым относит массовые и качественные СМИ, издания бульварного характера; издания, специализированные по отдельным аудиторным группам; издания для возрастных групп; для женщин и/или мужчин; для родителей; для малых групп; для различных групп верующих; для членов и актива различных партий, профсоюзных, молодежных и других организаций;
- СМИ внутрироссийских и международных общностей (для различных групп верующих; издания, дифференцируемые по национальному признаку);

2. По целевому назначению изданий: массово-публицистические, литературные, художественно-публицистические, литературно-художественные, культурно-просветительские, для развлечения, игр, проведения досуга, учебные и методические, научные, научно-популярные, научно-практические, официально-документальные, религиозные, рекламные, информационно-справочные, другие [20].

С.Г. Корконосенко предлагает следующее деление периодики:

- по региону распространения (транснациональная, национальная, региональная, местная пресса);
- по учредителю (государственная и негосударственная пресса);
- по аудиторной характеристике (возрастной, половой, профессиональный, конфессиональный признаки);
- по издательским характеристикам (периодичность, тираж, формат, объем);
- по легитимности (с точки зрения наличия разрешения на издательскую деятельность);
- по содержательному наполнению (качественная и массовая) [7].

А. Мирошниченко выделяет следующие типологические характеристики СМИ:

1. Территория вещания, распространения (например, всероссийское радио, городская газета).
2. Регулярность выхода или вещания (например, круглосуточное телевидение, ежедневная газета, ежемесячный журнал).
3. Тираж (актуально для печатных СМИ), объем аудитории (для электронных СМИ).
4. Собственность на издание или телерадиокомпанию (может принадлежать государству, ведомству, корпорации, частному лицу).
5. Формат выхода (хронометраж и жанр для теле- и радиопередач, печатный формат – размер страницы, количество страниц – для печатных изданий).
6. Тематическая направленность (весь диапазон тем – общественно-политическая, деловая, развлекательная и т.п.).
7. Аудитория СМИ [11].

К дополнительным типологическим характеристикам СМИ исследователь относит, например, состав авторов: «К примеру, в газетах для написания статей могут привлекаться эксперты-профессионалы, а могут – журналисты. Издание может делать упор на «золотые перья», а может публиковать по преимуществу письма самих читателей или комментарии чиновников. Впрочем, авторский состав является не определяющей типологической чертой издания,

а скорее именно дополнительной характеристикой. Если же взять основные типологические параметры, то, используя каждый из них, можно составить точный портрет любого СМИ» [там же].

По сути, все важнейшие характеристики современных масс-медиа в каждой из представленных классификаций обозначены. Заметим, что преимущественно исследователи обращаются к вопросам типологии печатных изданий (чаще газетных), что можно объяснить более продолжительной историей этого вида СМИ, наличием широкого диапазона типологических признаков. В противовес этому электронные СМИ – телевидение и радио – не подвергаются в работах ученых столь скрупулезной классификации. Однако в 2000-х гг. наблюдается интерес к так называемым новым масс-медиа – интернет-СМИ, обнаруживаются работы по их всевозможной классификации. Одними из первых классифицировали интернет-СМИ А.А. Калмыков и Л.А. Коханова, предложившие типологию интернет-сайтов вне зависимости от их принадлежности к медиа и основную на специфике выполняемых ими функций: визитка, промоушн-сайт, электронный магазин, информационный сайт, корпоративное представительство, система управления предприятием, портал. Интернет-СМИ, согласно точке зрения ученых, реализуют различные цели (презентационные, маркетинговые, управленческие) и имеют свою специфику; при этом веб-издание должно выполнять информационно-коммуникационные функции [5].

Сегодня в поле зрения ряда ученых находится вопрос типологического деления интернет-СМИ, в том числе региональных, однако этот вопрос в большей степени рассматривается в отдельных научных статьях. Тем не менее, существует не так много работ, в которых обстоятельно представлена типология региональных масс-медиа, в том числе так называемых новых медиа.

Типология масс-медиа Тамбовской области

Представляется верным выделить при классификации региональных СМИ, в частности, выходящих в свет в Тамбовской области, следующие основные типологические признаки:

1. *Территория распространения / вещания СМИ.* В данном случае, при описании типологических характеристик региональных масс-медиа, по территориальному признаку СМИ Тамбовской области можно разделить на областные, городские и районные. Однако в силу особенностей других регионов могут выделяться иные виды СМИ (к примеру, краевые). Примерами областных печатных издания являются газеты «Тамбовская жизнь», «Тамбовский курьер», «Тамбовский меридиан», все региональные вклады к федеральным изданиям («Аргументы и факты. Тамбов», «Комсомольская правда. Тамбов»). Также к областным СМИ можно отнести большинство он-лайн издания (интернет-СМИ), контент которых создается в регионе (тамбовский областной портал «ТОП68» – *top68.ru*; информационное агентство «Онлайн Тамбов.ру» – *onlinetambov.ru*; информационное агентство «ТАМБОВ-ИНФОРМ» – *TAMINFO.RU и др.*). Но есть и сугубо городские он-лайн СМИ, которые, разумеется, доступны по всей России, но их тематика актуальна только для города Тамбова (например, информационный портал «ВТамбове.ру» – *vtambove.ru*; городской информационный сайт «Город Тамбов.рф» – *Tamboff.ru*). К городским изданиям можно отнести газеты «Город на Цне», «Наш город Тамбов». Во всех 23 районах Тамбовской области выходят общественно-политические газеты – так называемые «районки». Не одно издание выходит в г. Мичуринске, однако преимущественно это рекламные издания. Среди телерадиокомпаний Тамбовской области населению региона доступен контент телерадиокомпания «Тамбовская губерния» (в состав которой входит телекомпания «Новый век», имеющая сеть районных филиалов по всей области), телерадиокомпания «Тамбов».

2. *Регулярность / периодичность выхода в свет.* Этот типоформирующий признак СМИ в регионе имеет следующие особенности. В 1990–2000-е гг. в сегменте печатных масс-медиа наметился отказ от выхода в свет в ежедневном формате (исключение составляет газета «Тамбовская жизнь», выходящая четыре раза в неделю). Издания перешли на еженедельный формат. Ранее в ежедневном формате (не реже трех раз в неделю) выходило большинство районных газет. Журналы (в регионе их не более десяти) выходят в ежемесяч-

ном формате. Круглосуточного телерадиовещания нет (новостные блоки выходят в эфире каналов – сетевых партнеров (например, для ГТРК «Тамбов» – это «Россия 1»). Соблюдение принципа регулярного обновления новостной ленты важно для он-лайн СМИ, присутствующих на рынке масс-медиа.

3. *Тиражи и объем аудитории* – не только важные типологические признаки, но и индикаторы интереса аудитории к СМИ. Приходится констатировать, что тиражи региональных печатных изданий в постперестроечный период заметно упали, более того – продолжают снижаться. Тиражи наиболее благополучных районных газет в Тамбовской области редко превышают 5 000 экземпляров, областных общественно-политических газет – 10 000 экземпляров. Эту отметку превышают тиражи более популярных региональных вкладок к федеральным изданиям, а также находящихся в частном владении газет («Житьё-бытьё», «Тамбовский меридиан»), которые, надо заметить, преимущественно распространяются в розницу.

4. *Форма собственности на издание, телерадиокомпанию, интернет-СМИ* (может принадлежать государству, ведомству, корпорации, частному лицу). В Тамбовской области подавляющее большинство масс-медиа государственные, учреждены и дотируются местными органами власти и органами местного самоуправления. Исключения составляют он-лайн СМИ в регионе (частная собственность), несколько телекомпаний («Полис», «Олимп») и радиокompаний, принадлежащих частным владельцам («Коралл», информационное агентство «Тамбов-Информ», Моршанская табачная фабрика). Кроме того, на медийном рынке региона регулярно присутствует 10–12 корпоративных изданий, принадлежащих крупным компаниям региона.

5. *Тематическая направленность* (самые различные темы, освещаемые СМИ: общественно-политическая, экономическая, научно-популярная, развлекательная и т.п.). Средства массовой информации Тамбовской области преимущественно общественно-политического характера – как печатные, так и электронные. Не заполнена ниша развлекательных СМИ (в регионе обнаруживаются информационно-развлекательные масс-медиа), детских Медиа.

Заключение

Таким образом, можно сделать определенные выводы относительно типологического деления региональных масс-медиа в целом и тамбовских в частности, а также представить типологическую структуру средств массовой информации Тамбовской области, основанную на тематических и других ключевых характеристиках масс-медиа.

1. Типология региональных средств массовой информации в теоретической литературе разработана в меньшей степени, чем типология общероссийских масс-медиа. Кроме того, более основательно проработана классификация печатных СМИ; так называемые «новые» медиа, в особенности на периферии, в вопросах типологии остаются изученными в меньшей степени.

2. Региональные средства массовой информации являются, по сути, уникальным явлением на медиарынке. Их отличает ряд свойств, не являющихся характерными для общероссийских изданий. В этой связи региональные масс-медиа, вероятно, всегда будут находить свою аудиторию. Причем если в XX в. интересом аудитории в регионах пользовались так называемые традиционные (для сегодняшнего дня) печатные СМИ, а также телевидение и радио (электронные), то в XXI в. в числе рейтинговых так называемые новые масс-медиа (он-лайн СМИ). В этой связи необходимо разработать типологическое деление региональных масс-медиа, что имеет практический смысл для теоретиков и практиков журналистики.

3. Исследователи выделяют различные характеристики масс-медиа, по которым они могут быть типологизированы. Однако в условиях региона ключевыми из этих признаков представляются следующие: территория распространения / вещания СМИ; регулярность / периодичность выхода в свет; тиражи и объем аудитории; форма собственности; тематическая направленность СМИ.

4. Типология *печатных* средств массовой информации Тамбовской области представляется следующим образом:

- по территории распространения: областные, городские, районные, корпоративные;

- по периодичности выхода в свет: еженедельные, ежемесячные (журналы);
 - по тиражу и объему аудитории: тиражные, многотиражные (корпоративные) издания;
 - по форме собственности: государственные, частные;
 - по тематической направленности: универсальные (к ним могут быть отнесены общественно-политические издания, информационно-развлекательные издания), специализированные (издание для детей и молодежи, профессиональные издания, издания по интересам).
5. Типология *теле- и радиопрограмм* представляется следующим образом:
- по географическому охвату территории вещания: областные, районные (муниципальные);
 - по периодичности выхода в свет: ежедневные, еженедельные;
 - по объему аудитории: телерадиопрограммы для жителей региона, программы для жителей муниципальных образований;
 - по форме собственности: государственные, частные;
 - по тематической направленности: универсальные (к ним могут быть отнесены общественно-политические телерадиопрограммы, информационно-развлекательные, развлекательные, музыкальные программы), специализированные (программы по интересам).
6. Типология *он-лайн масс-медиа* представляется следующим образом:
- по географическому охвату аудитории: региональные (доступны жителям всего региона; кроме того, учреждены в областном центре, а не в муниципалитетах);
 - по периодичности выхода в свет: ежедневное и еженедельное обновление;
 - по объему аудитории: информационные порталы для жителей региона (рассчитаны на социально активную часть населения, потребляющую медиаконтент посредством сети Интернет; в этой же связи в регионе активно развивается подписка

на электронные версии печатных изданий, реклама данной кампании осуществляется, в том числе, через социальные сети «Одноклассники» и «ВКонтакте»);

- по форме собственности: государственные, частные;
- по тематической направленности: универсальные, специализации информационных порталов не обнаруживается.

Очевидно, что диапазон типологических признаков, по которым ранжируются региональные масс-медиа, является более узким, чем при классификации общероссийских СМИ, что объясняется рядом признаков: наличием меньшего числа масс-медиа; особенностями тематики и проблематики, преимущественно сосредоточенной вокруг местных проблем; меньшим количеством специализированных масс-медиа. Однако данный пласт средств массовой информации в России и в настоящее время продолжает оставаться наиболее внушительным по своему масштабу.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Тамбовской области в рамках научного проекта № 17-14-68002 «Журналистика Тамбовского края: история и современность».

Список литературы

1. Антропова В.В. Медиатексты как трансляторы ценностей в творческих практиках журналистов: опыт типологии печатных СМИ в культурологической идентификации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 10 (301). С. 110–114.
2. Белякова В.А., Белякова Л.П. Типологические особенности функционирования современной региональной периодики // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2011. Т. 1. № 7. С. 26–31.
3. Градюшко А.А. Региональные интернет-СМИ Беларуси в условиях трансформации медиасистемы // Вестник БДУ. Серія 4, Філологія. Журналістыка. Педагогіка. 2014. № 3. С. 31–35.
4. Зимин А.В., Кулаков С.В. Мультимедийные средства массовой информации Тамбовской области в контексте региональных социо-

- логических исследований // Вестник тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2015. Вып. 4 (4). С. 15–21.
5. Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 383 с.
 6. Киршин Б.Н. Концепция региональной российской газеты (на примере «Челябинского рабочего»): автореф. ... канд. филол. н.: 10.01.10. Екатеринбург, 2006. 22 с.
 7. Корконосенко С.Г. Основы журналистики: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2016. 272 с.
 8. Кройчик Л.Е. Частная газета русской провинции: эволюция развития // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2006. № 2. С. 185–191.
 9. Куфанова Д.И. Типология журнальной периодики Республики Адыгея в условиях информационного пространства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 3. С. 76–79.
 10. Лободенко Л.К. Медиаконтент интернет-СМИ в информационно-коммуникативной системе региона // Вестник Южно-Уральского государственного университета. С.: Лингвистика. 2015. Т. 12. № 2. С. 33–38.
 11. Мирошниченко А. Коммуникации и деловое общение в инновационной сфере: учеб. пособие [Эл. ресурс]. URL: http://www.kazhdy.ru/andrey_miroshnichenko/inkommun/12/ (Дата обращения: 9.09.2017).
 12. Пустовалов А.В. Информационные порталы и газеты: структуризация пермского новостного интернет-рынка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 1(25). С. 189–197.
 13. Пушкарева Д.А. Типологическая специфика ведущих крымских газет // МедиаАльманах. 2016. № 2. С. 68–76.
 14. Реснянская Л.Л. Типологическая структура общероссийских газетных изданий // Типология периодической печати: Учеб. пособие для студ. вузов. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 47–59.
 15. Сафина А.Р. Типология современных российских интернет-СМИ // Достижения вузовской науки. 2013. № 2. С. 13–17.
 16. Смеюха В.В. Вопросы медиалогии: монография / Науч. ред. Н.И. Бусленко. Ростов-на-Дону, 2013. 324 с.

17. Типология периодической печати: Учеб. пособие для студ. вузов. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 7.
18. Тулупов В.В. Российская пресса: дизайн, реклама, типология: монография. Воронеж: Инфа, 1996. 112 с.
19. Шестеркина Л.П., Лободенко Л.К. Интернет-СМИ: понятие, типология, признаки // Научное мнение. 2013. № 4. С. 69–75.
20. Шкондин М.В. Периодическая печать: системные основы типологии // Типология периодической печати: Учеб. пособие для студ. вузов. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 10–46.

References

1. Antropova V.V. Mediateksty kak transljatory cennostej v tvorcheskih praktikah zhurnalistov: opyt tipologii pechatnyh SMI v kul'turologicheskoy identifikacii [Media texts as means to convey values in journalists' creative activities: printed mass media typology experience in cultural studies identification]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. № 10 (301), pp. 110–114.
2. Beljakova V.A., Beljakova L.P. Tipologicheskie osobennosti funkcionirovanija sovremennoj regional'noj periodiki [Typological peculiarities of modern regional printed mass media functionality]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*. 2011. V. 1. № 7, pp. 26–31.
3. Gradjushko A.A. Regional'nye internet-SMI Belarusi v uslovijah transformacii mediasistemy [Regional online mass media in Belarus in the context of the mediasystem transformation]. *Vestnik BDU. Seryja 4, Filologija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2014. № 3, pp. 31–35.
4. Zimin A.V., Kulakov S.V. Mul'timedijnye sredstva massovoj informacii Tambovskoj oblasti v kontekste regional'nyh sociologicheskikh issledovanij [Multimedia of Tambov Oblast in the context of regional sociological research]. *Vestnik tambovskogo universiteta. Serija: Politicheskie nauki i pravo*. 2015. Issue 4 (4), pp. 15–21.
5. Kalmykov A.A., Kohanova L.A. *Internet-zhurnalistyka* [Internet journalism]. М.: JuNITI-DANA, 2005. 383 p.
6. Kirshin B.N. *Koncepcija regional'noj rossijskoj gazety (na primere «Cheljabinskogo rabochego»)* [The concept of a regional Russian news-

- paper (the case of *The Chelyabinskiy Rabochiy*): 10.01.10. Ekaterinburg, 2006. 22 p.
7. Korkonosenko S.G. *Osnovy zhurnalistiki* [Basics of journalism]. M.: Aspekt Press, 2016. 272 p.
 8. Krojchik L.E. Chastnaja gazeta russkoj provincii: jevoljucija razvitija [Private newspapers of the Russian province: the evolution of development]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika*. 2006. № 2, pp. 185–191.
 9. Kufanova D.I. Tipologija zhurnal'noj periodiki Respubliki Adygeja v uslovijah informacionnogo prostranstva [Typology of journal periodicals of the Republic of Adygea in the context of information space]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie*. 2010. № 3, pp. 76–79.
 10. Lobodenko L.K. Mediakontent internet-SMI v informacionno-kommunikativnoj sisteme regiona [Media content of Internet media in the information and communication system of the region]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika*. 2015. V. 12. № 2, pp. 33–38.
 11. Miroshnichenko A. *Kommunikacii i delovoe obshhenie v innovacionnoj sfere: ucheb. posobie* [Communication and business intercourse in the innovation field: textbook.] http://www.kazhdy.ru/andrey_miroshnichenko/inkommun/12/
 12. Pustovalov A.V. Informacionnye portaly i gazety: strukturizacija permskogo novostnogo internet-rynka [Information portals and newspapers: structuring of the Perm news Internet market]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija*. 2014. № 1(25), pp. 189–197.
 13. Pushkareva D.A. Tipologicheskaja specifika vedushhijh krymskijh gazet [Typological specific characteristics of the leading Crimean newspapers]. *MediaAl'manah*. 2016. № 2, pp. 68–76.
 14. Resnjanskaja L.L. Tipologicheskaja struktura obshherossijskijh gazetnyh izdanij [Typological structure of Russian federal newspapers]. *Tipologija periodicheskoj pechati* [Typology of periodicals]. M.: Aspekt Press, 2007, pp. 47–59.
 15. Safina A.R. Tipologija sovremennyh rossijskijh internet-SMI [Typology of modern Russian Internet media]. *Dostizhenija vuzovskoj nauki*. 2013. № 2, pp. 13–17.

16. Smejuha V.V. *Voprosy medialogii* [Issues of mediology]: monograph / Nauch. red. N.I. Buslenko. Rostov-na-Donu, 2013. 324 p.
17. *Tipologija periodicheskoj pechaty* [Typology of the periodical press]: university textbook. M.: Aspekt Press, 2007. P. 7.
18. Tulupov V.V. *Rossijskaja pressa: dizajn, reklama, tipologija* [Russian press: design, advertising, typology]: monograph. Voronezh: Infa, 1996. 112 p.
19. Shesterkina L.P., Lobodenko L.K. Internet-SMI: ponjatie, tipologija, priznaki [Internet-media: concept, typology, features]. *Nauchnoe mnenie*. 2013. № 4, pp. 69–75.
20. Shkondin M.V. Periodicheskaja pechat': sistemnye osnovy tipologii [Periodicals: system principles of typology]. *Tipologija periodicheskoj pechaty* [Typology of periodicals]. M.: Aspekt Press, 2007, pp. 10–46.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Гуськова Светлана Владимировна, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики, кандидат филологических наук
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
ул. Интернациональная, 33, г. Тамбов, 392000, Российская Федерация
guskova_s_v@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Gus'kova Svetlana Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Journalism, Candidate of Philological Sciences
Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33, International Str., Tambov, 392000, Russian Federation
guskova_s_v@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6163-403X
ResearcherID: N-2238-2016
Scopus Author ID: 57188726633

**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ,
ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

**COMPARATIVE-HISTORICAL, TYPOLOGICAL
AND COMPARATIVE LINGUISTICS**

УДК 81'44 : 811.163.41

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-198-211

**ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭМОЦИИ СТРАХА
В СЕРБСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ***Кабанова С.А.*

В статье на материале сербского и русского языков рассмотрены языковые обозначения симптомов эмоции страха и особенности их контекстуального употребления. Приведены синтаксические конструкции, описывающие проявление данной эмоции. Проанализированы возможности межславянского перевода конструкций со значением манифестации эмоции страха. В ходе исследования применены контрастно-типологический и сравнительно-сопоставительный методы.

Ключевые слова: глагольно-именное сочетание; синтаксическая структура предложения; эмоция страха; эмоциональное состояние; степень проявления признака; физиологические симптомы проявления эмоции страха; изменение мимики; речевые проявления страха; междометие.

**THE WAY OF THE MANIFESTATION OF FEAR EMOTION
IN THE SERBIAN AND RUSSIAN LANGUAGES***Kabanova S.A.*

The article deals with the language signs of the symptoms of fear emotions on the material of the Serbian and Russian languages, especially their contextual use. Some syntactic constructions describing the

manifestation of this emotion are shown. The possibilities of interslavonic interpretation of constructions with the value of the manifestation of fear emotion are analyzed. In the study contrastive-typological and comparative methods were applied.

Keywords: *verb-noun combination; syntax sentence structure; fear emotion; emotional state; degree of trait; physiological symptoms of fear emotion; facial expression change; speech manifestations of fear; interjection.*

Эмоция как психологическое состояние человека отражает «в форме непосредственного переживания (удовлетворения, радости, страха и т. д.) значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности» [5]. Она представляет собой нечто необходимое для связи человека с внешним миром, познания реальной действительности, являясь в то же время реакцией на разнородные раздражители, что и отражается в философских определениях данного понятия: «Эмоция (от франц. *emotion* – волнение, от лат. *emoveo* – потрясаю, волну) – реакция человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, имеющая ярко выраженную субъективную окраску и охватывающая все виды чувствительности и переживаний» [17].

Страх занимает особое место в числе эмоций человека и животных, поскольку связан с переживанием или предчувствием опасности и стремлением её избежать. Таким образом, поведение человека, находящегося в данном эмоциональном состоянии или предчувствующего его, ограничивается определёнными рамками. Цель нашего исследования – описать сербские и русские конструкции, репрезентирующие эмоциональное состояние страха, что позволит сопоставить грамматические способы выражения соответствующего значения на основе контрастивно-типологического и сравнительно-сопоставительного методов, а также выявить возможности межславянского перевода указанных конструкций. Научная новизна исследования заключается в том, что в нём на материале дальнеродственных славянских языков рассмотрены

конструкции, раскрывающие симптомы проявления названного эмоционального состояния – в сербистике работы в области этиологии отсутствуют. Материалом для исследования послужила проза сербских и русских авторов XIX–XX-го вв.: И. Андрича, М. Капра, Д. Ковачевича, М. Црнянского, А.П. Чехова, М.А. Булгакова и др. Результаты исследования могут быть использованы в процессе межславянского перевода для нахождения адекватных способов передачи названного эмоционального состояния посредством синонимических конструкций.

Как и любое эмоциональное состояние, страх проявляется внешне; в русистике много работ, посвящённых симптоматике эмоций, см., например, работы Л.Н. Иорданской [9], Ю.Д. Апресяна [3, 4], Д.О. Добровольского [7] и др., при этом можно выделить биологически обусловленные проявления данной эмоции и социальные, или коммуникативные проявления, связанные с разного рода действиями, в том числе речевыми и жестикуляционными. Количество классов симптомов эмоциональных состояний неодинаково у разных исследователей, и мы полагаем, что оно зависит от степени изученности отобранного материала, количества замеченных симптомов-проявлений и их объединения в группы, характеризующие как позитивные, так и негативные эмоциональные состояния. Так, по нашим наблюдениям, на эмоциональное состояние страха указывают:

1) «большие» или выпученные глаза: серб. *Она га дочека уплашено. Била је разрогачила очи* [26, т. 2, с. 335]. – *Текла неподвижно стояла <...> и смотрела на него, испуганно вытаращив глаза* [18, т. 1, с. 443]. – ср.: – *Моя твоя понял, значит, что Абдулка шутит? – в расширенных страхом зрачках Агабабина затеплился огонёк надежды* [13, с. 257]; ср. закрытые глаза или закрывание глаз как стремление выдержать, отторгнуть от себя пугающий фактор, убежать от опасности: *Ким глаз не открывал, напуганный тем, как земля под ним выписывала кренделя* [13, с. 9];

2) звуковые проявления (стон, крик, стук): серб. *Шта је ову храбру жену-ратника толико преплашило, питао се, док је она*

*цичала, молећи да га отера из подрума. Кога? Миша. Обичног малог пољског миша [22, с. 151]. – Что так испугало эту храбрую женщину-военного, спрашивал он себя, пока она **визжала**, умоляя скорее прогнать «её» из погреба. Кого «её»? Мышь. Обычную крошечную полевую мышь (перевод наш. – С.К.). – ср.: Санька с Кимкой, **подвывая от страха**, полезли под слани [13, с. 66]. – ср. пример отсутствия голосовой реакции при виде пожара: Девочка **не плакала**, хотя в её огромных глазёнках вместе с отсветами пламени **плясал страх** [13, с. 356];*

3) дрожь или непроизвольное однократное содрогание мышц: серб. *И једног дана. 6 априла 2141. године у зору, капетан је угледао кроз месингани обруч дурбина како према броду плови нешто, НЕШТО... што га је страшно уплашило. Рука му је задрхтала, када је угледао – али, о том – потом [23, с. 9]. – И в один прекрасный день, 6 апреля 2141 года, на заре, капитан в латунный окуляр подзорной трубы увидел нечто, плывущее к кораблю, НЕЧТО, страшно его испугавшее. Рука его дрогнула, но об этом – потом (перевод наш. – С.К.). – ср.: Теперь от страха тряслись втроем [13, с. 28];*

4) изменение цвета лица (интенсивная бледность кожных покровов): серб. *Такву је страву ухватио субаша од Станка ... да [на његово име] пребледи као смрт [24, т. 6, с. 10]. – Субаша так Станко испугался, что при упоминании его имени побледнел как смерть (перевод наш. – С.К.). – ср.: Руки верхолаза с трудом удерживаются за полированные бока радиомачты. <...> Розовощёкое лицо пожарничихи делается пепельно-серым [13, с. 8];*

5) «мурашки» на коже: серб. *У Милоја поче да се коса костреши и ударише жмарци низ тело [24, т. 2, с. 44]. – Волосы Милое начали вставать дыбом и по телу пошли мурашки (перевод наш. – С.К.). – ср.: – Всеволод Глуценко! Ваши бывший друг Борис Аронский считает, что вы нанесли ему смертельное оскорбление... – Это звучало театрально, однако... надо признаться, внушительно. У Лодьки по спине пробежали колючие, как репейные головки, шаррики [10, с. 518];*

б) кратковременные нарушения в работе организма или отдельного органа (чаще всего, сердца): серб. *Покушавао, је, истина, да се насмеши, дрско, али је признавао Павлу, да му се срце хлади, кад чује, да му је жена слаба, а кад се сети, како га је таст проклео, у бесу и свађи* [26, т. 3, с. 140]. – *Правда, он пытался беспечно улыбаться, но признался Павлу, что у него душа замирает, как только ему приходит в голову, что жена больна и что тесть проклял его в пылу яростной ссоры* [18, т. 2, с. 177]. – ср.: *Притаившиеся мальчишки страшились перевести дыхание. А сердца их колотились с такой силой, что казалось, вот-вот выпрыгнут из груди* [13, с. 65]. – ср.: *У меня в пузе забулькало с перепугу* [10, с. 16];

7) кратковременная утрата способности нормального функционирования конечностей: серб. *Miloje je bio nijem, vas premro od straha. Morali su ga nositi pod vješala* [21, s. 41]. – *Милое онемел и обмер от страха. Его к виселице тащили* [2, с. 247]. – ср.: *В темноте им послышались какие-то звуки, шорох, глухие, замозильные голоса. Ребята стояли, оцепенев* [15, с. 82];

8) физическая неспособность к действию, вялость, заторможенность, произвольная слабость, расслабленность вследствие сильного испуга как переход от деятельного состояния к недейтельному: серб. *Скаменише се од страха када угледаше кашикару* [22, с. 40]. – *Они окаменели от страха, увидев бомбу* (перевод наш. – С.К.). – ср.: *И Лодька понял, что пришла пора героически погибнуть на месте. От этого понимания ослабли ноги и отяжелел живот* [10, с. 293] (шестеро человек шпаны вымогают деньги у двоих ребят, стоящих в очереди. – С. К.); *Севка обмяк от страха* [10, с. 43]. В противном случае отмечается невозможность быстро успокоиться, что приводит к увеличению времени для совершения действия или переходу в другое эмоциональное / физиологическое состояние (например, сон): серб. *Poslije ne bi mogla dugo da zaspi od straha i, još više, od zloradih i samoljubivih misli* [20, с. 44]. – *Потом она бы долго не могла заснуть от страха, а ещё больше, от злорадных и эгоистичных мыслей* (перевод наш. – С.К.). К. Изард отмечает невозможность точного ответа на вопрос о причинах воз-

никновения оцепенения, неспособности движения, предполагая, что далекие предки людей притворялись мёртвыми, чтобы не быть съеденными хищниками. Таким образом, заключает учёный, при верности подобного предположения реакции бегства и оцепенения обладают защитной функцией [8, с. 316];

9) изменение температуры тела: серб. *Još drhteći, mladić se pribrao. Mislio je brzo o onom što je maločas video i čuo* [20, s. 21]. – Он ещё **трясся в ознобе**, но сознание уже постепенно прояснялось. В голове проносились картины случившегося [2, с. 76]. – Генка **пыхолодел**: неужели он проглотил гвоздь? [15, с. 309];

10) увлажнение кожи, потовыделение: серб. *Наслоњен о стуб, на који беше дигнута надстрешиница, над гробом, Ананија је зебао и знојио се, остављен тако сам себи, у ноћи, на врху брежуљака, код гроба те жене, која му беше дошла тако изненада у кућу* [26, т. 1, с. 225]. – *Прислонившись к столбу, на котором держался навес, он вдруг почувствовал себя покинутым, брошенным наедине с могилой этой так внезапно вошедшей в их дом женщины, и его обдало холодным потом* [18, т. 1, с. 168];

11) необычные действия:

а) движение-перемещение в пространстве с целью удаления от опасности или достижения некоторой степени эмоционального успокоения: серб. *Одмицао је тако, у страху, и одморио се тек кад је, кроз урнебески крекет жаба, видео да је стигао на обале Дунава* [26, т. 2, с. 111]. – Так, **полный страха, мчался** он, точно тень, сквозь ночной мрак, удаляясь всё дальше, и передохнул лишь, когда услышал громкое кваканье лягушек и увидел перед собой Дунай [18, т. 1, с. 272]. – ср.: Он отчаянно **трусил** и, когда послышался шум за дверью, **бросился бежать**, прыгая через три ступеньки [15, с. 69];

б) изменение положения в пространстве с целью «уменьшиться» в размерах и стать незаметным: серб. *Pisar, koji je sjedio podvijenih nogu i dnu sobe, sagnu se od straha pred udarcima <...>* [21, s. 3]. – Писарь, сидевший с поджатыми ногами в глубине комнаты, **согнулся от страха** перед ударами (перевод наш. – С.К.). – **Жердья от страха присел** и **уткнул голову** в колени [15, с. 339];

в) акционально-разрушительные: серб. *Поплашени коњи почели су да јуре по утрини. Кад су почели да преврћу и кола, неки хусари почеше да пуцају. Из пиштоља. У ваздух. Од страха* [26, т. 2, с. 34]. – *А когда сербы принялись переворачивать экипажи, многие гусары начали стрелять из пистолетов. В воздух. От страха* [18, с. 211];

г) действия-обереги, призванные предупредить потенциальные нежелательные последствия: серб. *Напуштајући замрачену собу, обећа себи: Ово ми је последњи ратни филм. Последњи. А онда се уплаши речи «последњи», осврте се и урока ради пљуцну неколико пута, прошаптавши: – Језик прегризо, Оскаре* [23, с. 289]. – Уходя из затемнённой комнаты, он обещал себе, что это будет (его) последний фильм о войне. Последний. И вдруг, испугавшись слова «последний», обернулся и на **всякий случай несколько раз сплюнул через левое плечо**, прошептал: – *Прикуси язык, Оскар* (перевод наш. – С.К.) (примеры подобного рода единичны);

12) изменение очертаний лица: *Отец, когда надо, умел сказать так, что у нехорошего человека от страха отваливалась челюсть* [6, с. 12] (сербский материал примеров не даёт);

13) тошнота: *Он так боялся, что его потащивало* [6, с. 111] (браконьеры уходят от погони. – С.К.) (пример единичен, сербский материал подобного рода примеров не даёт);

14) учащение пульса: *[Никитин в свою очередь хотел обойти медведя. Но тот поднял морду и посмотрел на него своими мелкими замороженными глазами. Медведь не утратил свою индивидуальность.] Никитин понял это, во рту у него сделалось сухо, а пульс застучал в висках с такой силой, что казалось, будто уродовал лицо* [16, с. 82];

15) телодвижения с целью предупреждения агрессии по отношению к себе или ошибочной реакции партнёра: серб. *Kad su prelazili Miljacku preko Latinske ćuprije, naiđoše neki oružani Turci, brzim korakom. Она obori glavu od straha, i pogled joj pade na plitku sijeru vodu i sitan šljunak na dnu* [20, с. 28]. – *Когда они переходили Миляцку по Латинскому мосту, встретили группу вооружённых турок. Мара опустила голову от страха, и взгляд её упал на серую воду и мелкую гальку на дне* (перевод наш. – С.К.);

16) болевые ощущения: серб. *Пред новоградњом где је живела затекла је групу радозналаца, окупљену око мале локве крви на асфалту. И пре него што јој је ико ишта рекао осетила је, по страшином болу у утроби, ишта се десило. <...> [Група младих муџахедина упала је у њихов стан и бацила господина Руса са терасе док је она била на пијаци] [22, с. 7]. – Пред новостройкой, где она жила, застала групу любопытных, собравшихся около маленькой лужицы крови на асфальте. И раньше чем кто-либо что-либо ей сказал, по страшной боли в животе, она поняла, что произошло. <...> [Пока она была на рынке, группа молодых моджахедов ворвалась в их квартиру и сбросила господина русского с террасы.] (перевод наш. – С.К.) (примеры подобного рода в рассматриваемом двуязычном материале единичны);*

Нужно отметить, что, как правило, переживание страха, как и других эмоций, характеризуется комплексом признаков, причем часть из них могут быть присущи и другим эмоциональным или физиологическим состояниям субъекта или его организма: так, тошнота может свидетельствовать о болезненном состоянии организма или предельной степени состояния опьянения: серб. *Свет, који је седео у подземној железници, преко пута Рјепнина, могао је да помисли, да је то некаква пијаница, коме се смучило, па је исколачио очи, као да ће да повраћа* [25, т. 2, с. 312]. – Сидевшише напротив пассажиры вполне могли заключить, что перед ними пьяница, у которого к горлу *подступает тошнота*, и что он *таращит глаза*, боясь, как *бы* его *не вырвало* [19, с. 591]; изменение очертаний лица и утрата способности функционирования конечностей могут указывать на болезненное состояние организма: [Алька не успел добежать до залегшей цепи. Правую руку ударило, будто палкой наотмашь.] Пальцы тотчас *скрючились, одеревенели*, рука *жестко согнулась в локте* [12, с. 112]. Самыми яркими, на наш взгляд, признаками проявления страха являются изменение цвета кожных покровов, дрожь, действия, защитного плана, а также соответственно интонационно оформленные звуковые проявления (плач, вой, вопли, возгласы «МАМА!», «МАМОЧКИ!»): – **Ы-ы-ы-ы!** – *вдруг*

завопил Серёга, сбивая меня с ног. И мы от страха даже немного пробежали на карачках, но быстро выдохлись [1, с. 470].

Эмоция страха приводит к возникновению реакций, лишаящих субъекта способности и возможности адекватно воспринимать происходящее и реагировать сообразно обстановке: так, герой повести В. Крапивина теряет способность вести себя должным образом в ответ на действия учителя, разорвавшего тетрадь учащегося: *Гета Ивановна торжественно поднесла к Севкиному носу тетрадь и медленно разорвала её. <...> Севка обалдел от ужаса <...> – Вы, наверно, сошли с ума, – сказал он тоненьким голосом [10, с. 151].* Мгновенное отрезвление позволяет осознать герою чудовищность произнесённого, и он готов к возможному эмоциональному выплеску со стороны учителя, причём сжатие мышц является сигналом того, что герой опасается физического воздействия на себя со стороны старшего: *Тут же Севка сообразил, какие ужасные слова он произнёс. И понял, что сию минуту обрушатся на него страшные громы и молнии. Он жмался. Но грома не было [10, с. 152].* Как отмечает В.А. Крутецкий, аффективные действия подобного рода являются следствием «недостаточной воспитанности человека, его слабой воли, неумения владеть собой, контролировать свое поведение» [11].

Следует сказать, что в контексте данные проявления могут выступать в комплексном описании состояния, характеризуясь признаком градации от меньшей степени до максимума. Так, героиня рассказа В. Токаревой пытается проникнуть в чужой двор в поисках нужного ей человека, но наталкивается на противодействие, в результате чего цепенеет, а затем, через минуту молчания, кричит: *В этот же самый миг из-за дровяного сарая выскочила собака, величиной с телёнка, взгромоздила свои лапы на мои плечи, меланхолически засматривала мне в лицо своими грустными правильно-коричневыми глазами.*

Парализованная ужасом, я молчала какое-то мгновение, потом завизжала высоким тремоло, как целый оркестр народных инструментов [16, с. 103]. – ср.: Собираясь идти на экзамен греческого языка, Ваня Оттепелев перецеловал все иконы. В животе у

него *перекатывало, под сердцем веяло холодом, само сердце стучало и замирало от страха перед неизвестностью* [14].

В ином случае испытанный страх перед неизвестностью заставляет героя действовать безрассудно, не задумываясь над потенциальной опасностью, во имя собственного спасения: так, героиня рассказа И. Андрича «Наложница Мара», наблюдая, за тем, как среди ночи пьяная баба Ануша срывает с себя бинты, изгибается и машет руками, бормоча при этом слова молитвы, – не может произнести ни слова, похолодев от страха, не в состоянии понять происходящего, ощущая, что происходит что-то недоброе и страшное, не в силах заснуть или же проявить себя; она решает убежать с рассветом:

Nijema i ostudenila od straha, Mara je slušala taj šapat i gledala lude pokrete. Nije mogla da razumije ništa, ali je osjećala da se tu vrši nešto ružno i strašno. I opet kao neka služba nečem što je zlo, što zastrašuje i ubija. Nije mogla da zaspi, a nije smjela da se javi. I odlučila da bježi odatle čim svane [20, s. 32]. – *Мара, онемев и похолодев от страха, слушала этот шёпот и смотрела на безумные движения. Она ничего не могла понять, но чувствовала, что здесь совершается нечто отвратительное и ужасное, похожее на поклонение чему-то устрашающему и убивающему. Она не могла заснуть и боялась показаться. И решила с рассветом бежать отсюда* (перевод наш. – С.К.).

Таким образом, сигнализаторами эмоционального состояния страха могут служить как физиологические проявления (изменение цвета кожных покровов, мурашки, дрожь, нарушения в работе органов, утрата способности действовать (кратковременная неподвижность), изменения мимики, звуковые проявления, а также не свойственные ситуации действия. Данная эмоция выступает следствием действий, могущих привести к ухудшению физического и / или эмоционального состояния, финансового положения, социального статуса, т. е. в целом здоровья и благополучия, и может проявляться с разной степенью интенсивности. Контекст чаще указывает на проявление данных симптомов именно в состоянии страха, что выражается в синтаксической структуре предложения.

Список литературы

1. Алмазов Б.А. А и Б сидели на трубе: Рассказы и повесть. Л.: Дет. лит., 1989. 191 с.
2. Андрич И. Избранное. М.: Радуга, 1983. 496 с.
3. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37–67.
4. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
5. Большой психологический словарь [Электронный ресурс]: под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 4-е изд., расширен. М.: Прайм-Еврознак, 2003. 672 с. URL: http://royallib.com/book/zinchenko_v/bolshoy_psihologicheskiy_slovar.html (дата обращения 05.06.2017).
6. Дворкин И.Л. Взгляни на небо: Повесть. Л.: Дет. лит., 1985. 127 с.
7. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. №1. С. 76–92.
8. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2009. 464 с.
9. Иорданская Л.Н. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып.16. Труды МГПИИЯ им. М. Тореца, М., 1972. С. 3–30.
10. Крапивин Вл. Трофейная банка, разбитая на дуэли. Повести. М.: Эксмо, 2008. 592 с.
11. Крутецкий В.А. Психология [Электронный ресурс]: Учебник для учащихся пед. училищ. М.: Просвещение, 1980. 352 с. URL: http://bmu.muzkult.ru/img/upload/1874/documents/Kruteckij_V.A.PsiK-hologiya_2.pdf (дата обращения 05.06.2017).
12. Погодин Р.П. Лазоревый петух моего детства. М.: Сов. Россия, 1988. 464 с.
13. Поливин Н.Г. Корабельная сторона. Роман. М.: Моск. рабочий, 1976. 416 с.
14. Рассказы Чехова с параллельным переводом. URL: <http://serblang.ru/rasskazy-chexova-s-parallelnym-perevodom/> (дата обр-я 12.03.2015).
15. Рыбаков А.Н. Кортик. Бронзовая птица: повести. М.: АСТ: Астрель, 2008. 411 с.

16. Токарева В.С. Когда стало немножко теплее. Рассказы. М.: Сов. Россия, 1972. 272 с.
17. Философский энциклопедический словарь [Эл. ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4278992/> (дата обращения 05.07.2017).
18. Црњанский М. Переселение: Роман [В 2 т.] / Пер. с сербохорв. И. Дорбы. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 479 с.; Т.2. 444 с.
19. Црњанский М. Роман о Лондоне / Пер. с сербохорват. Т. Вирты и Т. Поповой. М.: Худож. лит., 1991. 654 с.
20. Andrić I. Mara Milosnica. Beograd. Blic biblioteka, 2014. 62 s.
21. Andrić I. U zindanu, Za logoravanja, Ispovijed, Rzavski bregovi, Noć u Alhambri, Prvi dan u radosnom gradu, Dan u Rimu. Beograd. Blic biblioteka, 2014. 63 s.
22. Капор М. Ивана. Ниш: Зограф, 2003 (Бор: Бакар). 243 с.
23. Ковачевић Д. Била једном једна земља. Београд: Б.и., 1998. 337 с.
24. Речник српскохрватскога књижевног језика. У 6 д. Нови Сад. Загреб: Матица српска, Матица хрватска. 1967–1976 г. Књ.1. 866 с.; Књ. 2. 862 с.; Књ. 3. 910 с.; Књ. 4. 1006 с.; Књ. 5. 1040 с.; Књ. 6. 1040 с.
25. Црњански М. Роман о Лондону. У 2 књ. Београд: Нолит, 1977. Књ.1. 389 с.; Књ. 2. 386 с.
26. Црњански М. Сеобе. У 3 књ. Београд: Нолит, 1978. Књ.1. 252 с.; Књ.2. 464 с.; Књ.3. 487 с.

References

1. Almazov B.A. *A i B sideli na trube: Rasskazy i povest'* [A and B were sitting on a pipe: Stories and short novels]. L.: Det. lit., 1989. 191 p.
2. Andrih I. *Izbrannoe* [Selected works]. M.: Raduga, 1983. 496 p.
3. Apresyan Yu.D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya [The image of man as based on the language data]. *Voprosy yazykoznanija*. 1995. №1, pp. 37–67.
4. Apresyan Yu.D. *Issledovaniya po semantike i leksikografii* [Studies on semantics and lexicography]. T.I: Paradigmatika. M.: Yazyki slavyanski-kh kul'tur, 2009. 568 p.
5. *Bol'shoy psikhologicheskii slovar'* [Unabridged psychological dictionary]. Ed. B.G. Meshcheryakov, V.P. Zinchenko. M.: Praym-Evroznak,

2003. 672 p. http://royallib.com/book/zinchenko_v/bolshoy_psihologicheskiy_slovar.html
6. Dvorkin I.L. *Vzglyani na nebo: Povest'* [Look at the sky: short novel]. L.: Det. lit., 1985. 127 p.
 7. Dobrovol'skiy D.O. *Obraznaya sostavlyayushchaya v semantike idiom* [Image constituent in the semantics of idioms]. *Voprosy yazykoznaneya*. 1996. №1, pp. 76–92.
 8. Izard K.E. *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of emotions]. SPb.: Piter, 2009. 464 p.
 9. Iordanskaya L.N. *Leksikograficheskoe opisanie russkikh vyrazheniy, oboznachayushchikh fizicheskie simptomy chuvstv* [Lexicographical description of Russian expressions denoting physical symptoms of feelings]. *Mashinnyy perevod i prikladnaya lingvistika*. Issue 16. *Trudy MGPIYa im. M. Toreza, M.*, 1972, pp. 3–30.
 10. Krapivin Vl. *Trofeynaya banka, razbitaya na dueli. Povesti* [Trophy can broken at the duel. Short novels]. M.: Eksmo, 2008. 592 p.
 11. Krutetskiy V.A. *Psikhologiya* [Psychology]. M.: Prosveshchenie, 1980. 352 p. http://bmu.muzkult.ru/img/upload/1874/documents/Kruteckij_V.A.PsiKhologiya_2.pdf
 12. Pogodin R.P. *Lazorevyy petukh moego detstva* [Azure rooster of my childhood]. M.: Sov. Rossiya, 1988. 464 p.
 13. Polivin N.G. *Korabel'naya storona*. Roman [Nautical region]. M.: Mosk. rabochiy, 1976. 416 p.
 14. *Rasskazy Chekhova s parallel'nym perevodom* [Stories by Chekhov with parallel transcription]. <http://serblang.ru/rasskazy-chexova-s-parallel-nym-perevodom/>
 15. Rybakov A.N. *Kortik. Bronzovaya ptitsa: povesti* [Dirk. Bronze bird: short novels]. M.: AST: Astrel', 2008. 411 p.
 16. Tokareva V.S. *Kogda stalo nemnozhko teplee. Rasskazy* [When it got a little warmer. Stories]. M.: Sov. Rossiya, 1972. 272 p.
 17. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. <http://www.studfiles.ru/preview/4278992/>
 18. Tsmnyanskiy M. *Pereselenie: Roman*: [Resettlement] / Per. s serbokhorv. I. Dorby. M.: Khudozh. lit., 1989. T.1. 479 p.; T.2. 444 p.

19. Tsrnianskiy M. *Roman o Londone* [The novel about London] / Per. s serbskokhorvat. T. Virty i T.Popovoy. M.: Khudozh. lit., 1991. 654 p.
20. Andrić I. *Mara Milosnica*. Beograd. Blic biblioteka, 2014. 62 p.
21. Andrić I. *U zindanu, Za logoravanja, Ispovijed, Rzvavski bregovi, Noć u Alhambri, Prvi dan u radosnom gradu, Dan u Rimu*. Beograd. Blic biblioteka, 2014. 63 p.
22. Капор М. *Ivana: roman* [Ivana: novel]. Nish: Zograf, 2003 (Bor: Bakar). 243 p.
23. Kovacheviћ D. *Bila jednom jedna zemља*. Beograd: B.i., 1998. 337 p.
24. *Rechnik srpskokhrvatskoga knјizhevnoг jezika*. U 6 d. Novi Sad. Zagreb: Matitsa srpska, Matitsa khrvatska. 1967-1976 g. Књ.1. 866 s.; Књ. 2. 862 s.; Књ. 3. 910 s.; Књ. 4. 1006 s.; Књ. 5. 1040 s.; Књ. 6. 1040 p.
25. Тсгњански М. *Roman o Londonu*. U 2 књ. Beograd: Nolit, 1977. Књ.1. 389 p.; Књ. 2. 386 p.
26. Тсгњански М. *Seobe*. U 3 књ. Beograd: Nolit, 1978. Књ.1. 252 p.; Књ.2. 464 p.; Књ.3. 487 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кабанова Светлана Александровна, доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук, доцент по кафедре русского языка

ФГБОУ ВО «МГУ имени Н.П. Огарёва»

ул. Демократическая Большевикская, 69, г. Саранск, Республика Мордовия, 430005, Российская Федерация

fac-phyl@adm.mrsu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kabanova Svetlana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of the Russian language, Department of Philology

Ogarev Mordovia State University

69, Democratic Bolshevik Str., Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation

fac-phyl@adm.mrsu.ru

**КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ****COGNITIVE LINGUISTICS
AND LINGUOCULTURAL STUDIES**

УДК 811.512.122`366.5 + 811.512.122`37

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-212-226

**КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ
ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ***Жубаева О.С.*

***Цель.** Выявить характер антропоцентричности грамматических категорий в их содержании и функционировании.*

***Материалы и методы.** В соответствии с целями и задачами исследования использованы: метод описания, общенаучные методы анализа и синтеза, когнитивный анализ, метод эксперимента, контекстуальный анализ, структурно-семантический анализ, прием трансформации, сравнительный анализ.*

***Результаты.** В работе дана комплексная характеристика антропоцентричности грамматических категорий казахского языка, выявлена национально-культурная самобытность грамматических категорий. Впервые в казахском языкознании содержательный аспект грамматических категорий характеризуется как результат процессов концептуализации и категоризации. На основе обобщения и сравнительного анализа характера и формы отражения человеческого фактора в грамматических категориях казахского языка выявлена национально-культурная специфика грамматических категорий. Исследование закладывает основы нового для казахского языкознания научного направления – антропоцентрической грамматики казахского языка.*

***Область применения результатов.** Материалы исследования могут быть использованы в теоретических курсах грамматики и*

языкознания, а также при разработке специальных курсов по когнитивной лингвистике, когнитивной грамматике и др.

Ключевые слова: антропоцентричность; персональность; грамматические категории; акт коммуникации; национально-культурная специфика.

COGNITIVE-COMMUNICATIVE PERSONALITY CATEGORY IN THE KAZAKH LANGUAGE

Zhubaeva O.S.

The purpose of the research is to reveal the character of anthropocentricity of grammatical categories in their meaning and functioning.

Materials and methods. According to the research objectives and goals, the methods used were as follows: the descriptive method, general scientific methods of analysis and synthesis, cognitive analysis, method of experiment, contextual analysis, structural-semantic analysis, transformation technique, comparative analysis.

Results. For the first time in the Kazakh linguistics the substantial aspect of grammatical categories is characterized being a result of both conceptualization and categorization processes. Based on generalization and the comparative analysis of nature and forms of the human factor reflection in the Kazakh grammatical categories there has been revealed the national-cultural specific character of grammatical categories.

Practical implications. The research materials can be used in theoretical courses of grammar and linguistics, as well as in the development of special courses on cognitive linguistics, cognitive grammar, etc.

Keywords: anthropocentricity; personality; grammatical categories; act of communication; national and cultural specificity.

Согласно антропоцентрическому направлению в современной лингвистике особое внимание уделяется влиянию языка на систему мышления и действия человека, а также влиянию человека на язык, человеческому фактору в языке. С этой точки зрения наблюдается

влияние бытия, характера человека, его мировоззрения, иных характеристик участников коммуникативного акта на объективный процесс становления грамматических категорий. Соответственно, грамматические категории в разной форме формируются через языковые единицы. Являющиеся основанием для этого грамматические отношения обретают содержание в сознании, в связи с чем возникает необходимость рассматривать морфологические категории в тесной связи с познавательной деятельностью, процессами концептуализации и категоризации. Соответствующий анализ определяет языковые явления с антропоцентрической точки зрения. Здесь человек описывается в двух направлениях: 1) отражение человека в языке; 2) потребление человеком языка.

Отражение человека в языке ярко выражено в основном в лексике и фразеологии; также его специфические особенности можно проследить в грамматических категориях. Для этого необходимо рассматривать грамматические категории не локально, а изучать язык в целом как когнитивную систему с учетом требований коммуникации и когниции.

В языке когнитивные, лексические и другие средства находятся между собой в единстве. Исследователи, говоря об аналогичных явлениях в ментальном сознании человека, применяют разные наименования: концепты грамматического вида, грамматические концепты и т.п. В трудах Л. Талми [16], Н.Н. Болдырева [5], Н.А. Бесединой [3] отмечается, что концепты, отраженные в виде грамматических концептов, употребляются для изображения значимых понятий реального бытия. Грамматика как когнитивная система является фактором, определяющим концептуальную структуру языка. Категорийные значения становятся основой значения слов и отражаются в рамках формы. Следовательно, концептуальные категории образуют грамматические категории. Морфологические категории в качестве морфологических показателей приобретают своеобразное значение и создают грамматические категории.

Грамматические концепты, изображающие способы отображения в языке знаний о мире, направленные на языковую систему,

по сравнению с концептами, передающимися лексическим путем, бывают относительно стабильными, благодаря чему они связаны с категориальной частью концептуального образа вселенной. Эту особенность морфологических категорий К. Жубанов отмечает так: «Язык меняется, но не все области меняются одинаково. Грамматическая структура меняется очень медленно. Если будет меняться без остатка, то не было бы грамматики. Следовательно, грамматика – стабилизация, установка какого-то положения языка в определенное время. С помощью этого она препятствует изменению звуковой структуры. Поэтому долгое время они не отходят друг от друга по звуковой структуре. Отсюда наблюдается их связь» [9, с. 258].

Для полного понимания языка и речевой деятельности лексические и грамматические концепты должны характеризоваться в единстве. Морфологические концепты в качестве ментальных структур в языковой структуре отображаются через грамматические средства. Эти концепты характеризуются в ментальных концептах. В статьях, посвященных описанию картин национального менталитета, выполненных на материале киргизского и русского языков, профессор З.К. Дербишева подчеркивает, что грамматический строй языка влияет на менталитет народа [8].

В казахском языкознании морфологические концепты еще не стали объектом специальных исследований. Однако, анализируя труды ученых, внесших большой вклад в формирование и развитие казахского языкознания, наблюдаем, что первые формы когнитивной грамматики обсуждались в трудах Ы. Алтынсарина, А. Байтурсунулы, К. Жубанова, К. Кеменгерулы и др. исследователей.

А. Байтурсунулы, учитывая взаимосвязь лексических единиц и знаков, части речи относил к определенной грамматической группе. В трудах ученого метапонятие «имя существительное» определено с позиции концепта «предмет». В определении, данному имени существительному, отмечается: «Некоторые слова называют сам предмет» [1, с. 160]. А. Байтурсунулы в качестве различия имени существительного и имени прилагательного отмечает то, что имя существительное называет сам предмет, а имя прилагательное обо-

значает его признак. При классификации имени существительного и имени прилагательного за основу были приняты такие логические категории, как общая грамматика, понятие, представление. Это можно проследить и в определениях, данных ученым имени числительному, местоимению и глаголу. Труд А. Байтурсынулы был предназначен для детей, поэтому он старался передать основные понятия языкознания простым и понятным для них языком. При составлении учебников А. Байтурсынулы, переходя от частного к общему, учитывал легкое усвоение детьми учебного материала. Этими позициями руководствовались и следующие авторы учебников (К. Жубанов, Т. Шонанов, К. Кеменгерулы и др.), которые также различали части речи.

Персональность – семантическая категория, обозначающая отношение говорящих, участников речевого процесса друг к другу. Основу персонального функционально-семантического поля составляет грамматическая категория лица. Термин «жақтау» употребляется нами как аналог термина «персональность». Это наименование впервые употребил А. Байтурсынулы, определивший личные и притяжательные окончания как «персональные» [1, с. 144]. Изменение слов в трех лицах рассматривается отдельно от других окончаний и классифицируется как **мендік** (сторона говорящего), **сендік** (сторона слушающего) и **бөгделік** (сторона, отдельная от говорящего и слушающего). В своей работе мы берем за основу наименования парадигму классификации А. Байтурсынулы.

Спряжение в виде функционально-семантического поля представляет собой набор средств (морфологических, синтаксических, лексических, лексико-грамматических) разного уровня, применяемых для обозначения отношения к лицу языка. В грамматическом центре персонального поля лицо как грамматическая категория составляет самостоятельно своеобразное поле. Отношение к лицу определяется со стороны говорящего и в качестве центральной точки речевого акта основывается на говорящем. Семантика лица основывается на соответствии/несоответствии участников речевой деятельности и участников данной ситуации. В случае соответствия

субъект ситуации и говорящий совпадают, или же субъект ситуации становится группой, в которой участвует говорящий. В ситуации, когда говорящий не соответствует лицу, он может быть слушающим лицом, участвующим в речевом акте.

Персонализация строит структуру поля, в котором выделяются центральное поле, имеющее определенные иерархические характеристики, и периферия. На самом вершине персонализации расположено «я» (I лицо, обозначающее говорящего). Ему соответствует «ты» (II лицо, обозначающее слушающего), т.е. местоимения *я* и *ты* семантического центра равноправны. В связи с этим А. Байтурсынулы выделяет три формы лица: «Лиц три: I лицо – *мендік*, говорящий; II лицо – *сендік*, сторона слушателя; III лицо – *бөгделік*, сторона, не касающаяся говорящего и слушающего [1, с. 144].

I и II лица наряду с обозначением участников речевого акта связаны и с III лицом, не участвующим в речи. Здесь наряду с определением личностей, которые могут войти в разные лица, огромное значение имеет и определение личностей, не входящих в данный акт. В значение единственного числа I лица (*я*) не могут войти личности II, III лица, а в значение единственного числа II лица (*ты*) не могут войти личности I, III лица. Это обозначает соотношение значений I, II и III лица единственного числа. А в I, II лице множественного числа III лицо не ограничивается, т.е. множественное число I, II лица также связано с III лицом. III лицо, обозначающее не людей, а предметы, не может войти в данное отношение. Здесь признаки безличности видны явно и открыто. Однако III лицо, обозначающее предметы, хотя и является периферийным членом категории персонализации, не рассматривается вне ее рамок: «человеческий мир» стоит рядом с «миром предметов». III лицо, когда употребляется в отношении человека, участвует в речевом акте и может использоваться в позиции местоимений I, II лица, а III лицо, связывающиеся с глаголами, касающихся предметов, не может выполнять эти функции.

III лицо, присущее человеку, переходит от центра к периферии, а мир предметов составляет его крайнюю периферию. III лицо в

отношении человека непосредственно соответствует I, II лицу, в данном значении местоимение *он* может употребляться в позиции местоимений I и II лица; предметное III лицо не может соответствовать I, II лицу. Поэтому семантика III лица, обозначающее человека, охватывает ближнюю периферию семантики персонализации или находится между центром и периферией. Вариант *он*, употребленный как подлежащее, постоянно соответствует субъекту. Это – его основное значение.

Основное значение персонализации направляется непосредственно на говорящего и слушателя и употребляется в отношении человека. III лицо обозначает другого человека, отдельного от говорящего и слушателя. III лицо, кроме людей, может обозначать и предметы. В связи с этим, если его рассматривать вне персональной семантической категории, то рамки III лица были бы неполными, половинчатыми. Например, в предложении *Он лежит на земле* местоимение *он* употреблено в отношении человека, поэтому его относят к категории персонализации, а если употребить это же предложение (*Он лежит на земле*) в отношении предмета (книга, бумага, мяч и др.), то отнести это же местоимение к данной категории, конечно же, было бы необоснованным. В казахском языке личное местоимение *он* называется указательным местоимением и обозначает людей, а также употребляется в отношении предметов.

Категория лица в каждом языке отражается по-разному. Нельзя особенности одного языка соотносить с особенностями другого языка. Убедиться в этом можно, сравнив казахский и русский языки. В индоевропейских языках, в частности в русском языке множественное число лица (*мы*), т.е. «я + не я», имеет обобщенное значение, но данная закономерность не соответствует казахскому языку. В казахском языке «я + другие» употребляется не в форме «біз» во множественном числе, а в форме «біздер». *Вы* в казахском языке обозначается формой *сендер* (*ты+другие*), *сіз* (*вы*), *сіздер* (*вы + другие*).

Классификация категории лица казахского языка на простые/вежливые формы может быть показателем ментальности. По мне-

нию А. Байтурсынулы: «В вежливой форме говорящий вместо *мен* (*я*), говорит *биз*, к слушателю обращается не на *ты* (*сен*), а на *вы* (*сиз*), третье лицо называет *ол киси*, а не *он* (*ол*). Поэтому *биз* – I лицо, *сиз* – II лицо, *ол киси* – III лицо» [1, с. 226].

Эту особенность отметил Н.И. Ильминский, хорошо владевший казахским языком: «Относительно личных местоимений должен заметить, что сказать о себе *мен*, а другому *сен* было бы неприлично в разговоре с высшим или младшему со старшим. Скромность и вежливость требуют сказать вместо того: *биз*, *сиз*. Таким образом, эти два слова в киргизском языке должны называть вежливым единственным числом» [10, с. 18].

В трудах А. Байтурсынулы и К. Кеменгерулы говорится о том, что в простой форме склонения нет множественного числа I лица. Своеобразие местоимения *я* (I лицо) явно прослеживается в тюркских языках, особенно в казахском. Из-за того, что в функционально-семантическом поле меняются места говорящего и слушателя, говорящий (I лицо) употребляется всегда в единственном числе. Нет формы I лица множественного числа, а *ты* может употребляться в отношении всех слушателей, кроме говорящего, т.е. форма *сендер* (*вы*) обозначает *сен+сен+...+сен* (*ты+ты+...ты*). I лицо (говорящий) и II лицо (слушатель) обозначают особую референтность и противопоставляются друг другу. Множественное число II лица обозначает не множество одинаковых людей, а совокупность разнородных референтов. Следовательно, *сендер* (*вы*) может быть создано из разнородных референтов, в то время как *мен* (*я*, I лицо) не может создать такую разнородность. Таким образом, множественным числом местоимения *сен* (*ты*) может быть *сендер* (*вы*), но множественным числом местоимения *мен* (*я*) не может быть *мендер* (*мы*). Отсюда можно увидеть, что при противопоставлении I и II лица по корреляту «уникальность/совокупность» они не могут быть равными. А как указывается в трудах И. Кенесбаева [13, с. 59], А. Исакова [11, с. 12], если вышеуказанные формы переходят в местоимения *биз*, *биздер* (*мы*), то преобразуются в вежливую форму. То есть говорящий всегда выступает в единственном

числе. С этой точки зрения наблюдается особенность референта I лица (*я*). Поэтому форма множественного числа I лица в казахском языке не может быть употреблена в корреляте инклюзив/эксклюзив. Можно полностью согласиться с заключением А. Байтурсынулы о том, что «в простой форме спряжения нет множественного числа I лица» [1, с. 226].

В качестве примера того, как в вежливой форме употребляется местоимение *мы* (*біз*) в единственном числе I лица можно процитировать отрывок из поэмы «Тахир-Зухра»:

Сағыныштан болдық зар,
Ақ жүзіңе ынтызар,
Біз- жалғызды жылатып,
Қайда жүрсің, ғашық жар? [7, с. 67].

Можно увидеть, что в поэме «Тахир-Зухра» местоимение *біз* (*мы*) употреблено в значении единственного числа. Это может подтвердить применение сочетания *біз-жалғыз* (*мы-один*). Наряду с этим, в словах Тахира, который прощается с жизнью, слова переданы лично от имени самого героя.

В современном языковом употреблении в официальном стиле (в текстах докладов, к примеру) местоимение *біз* употребляется часто, что говорит о том, что носители языка правильно используют местоимения, но не могут корректно показать их в языковой парадигме.

В тюркских языках, в том числе в казахском языке, ученые связывают историю происхождения личных окончаний с личными местоимениями. Поэтому личные местоимения I, II лица и глаголы всегда согласуются. Подтверждением данных процессов может служить следующий стихотворный фрагмент:

Рухтары гүл, Таһирсің,
Ләгілдей мислі Таһирсің.
Көзден аққан жастарым,
Мейірбан қыл, Таһир сен! [7, с. 69].

Как видно из вышеприведенных примеров, личные местоимения и глаголы связаны с помощью согласования. А примеры Таһирсің –

ты Тахир свидетельствуют о конкретных этапах развития языка, то есть доказывают происхождение личных окончаний от личных местоимений.

А. Байтурсынулы отмечает, что личные окончания в I, II лицах согласуются между собой, а во множественном числе III лица отходят от этого согласования. Такие доказательства можно найти и в эпосах-поэмах:

Көрген итің – дұшпан ол.

Арамызға түскен ол.

Екеумізді күзетіп,

Көп сырларды шешкен ол.

Сені менен айырап ол.

Қанатымнан қайырап ол.

Мұнды басты заріпке,

Көп залымдық айлар ол [7, с. 58].

Данный пример доказывает тот факт, что исторически личные местоимения употреблялись как самостоятельные слова, обозначающие предикативность, а не вспомогательные.

Между личными и указательными местоимениями в казахском языке нет личностных различий. Местоимение *он* наряду с местоимениями *этот*, *тот* и другими употребляется и в качестве указательных местоимений. Это свойственно и другим тюркским языкам. Изменение местоимения III лица на форму *ол кісі* (*этот человек*), видимо, связано с вышеуказанной особенностью. В казахской культуре указательные жесты и обращение *ол* считаются проявлением грубости и невоспитанности. Кроме того, употребление указательных местоимений в отношении людей может выражать неодобрение, осуждение, т.е. носит экспрессивный характер. Так, например, в стихотворении М. Макатаева словосочетание *мына біреу* (*вот этот человек*) означает неодобрение поведения данного человека:

Су сұраса, сүт берген, айран берген

Қартайып қалыпсың-ау, қайран жеңгем!

Қарғаның валетіндей едірейіп

Қасыңа мына біреу қайдан келген? [14, 489].

Приведенные факты показывают особенности казахского языка. Чтобы правильно понять систему склонения казахского языка, необходимо различать простое склонение от вежливого. Только тогда может быть полностью раскрыта природа системы склонения. В русском языке по корреляту «уникальность/совокупность» местоимения *я, ты* относятся к ряду уникальности, а в казахском языке в ряду уникальности употребляются *мен, сен* (я, ты) (единственное число местоимений I, II лица простого склонения), *біз, сіз* (мы, вы) (единственное число местоимений 1, 2 числа вежливого склонения). О. Бетлингк считает, что форма $-з$ местоимений **бвз, свз** появилась в результате интегрирования местоимений I, II лица, то есть **біз** < **бі+сі** (*мен+сен*), **сіз** < **сі+сі** (*сен+сен*) [4, 358]. Эту мысль поддерживает и А.В. Бондарко, считая, что показатель $-з$ является личностным плюрализатором [6, с. 96-97].

В каждом грамматическом явлении, по мнению Ы. Маманова, существует определенный стабильно сформированный системный порядок. [15, с. 125]. Казахский язык является агглютинативным языком, поэтому природа аморфных языков ему противоречит. Хотя в русском языке слово *человек* употребляется в единственном числе, во множественном числе оно превращается в *люди* (а не в *человеки*). В казахском языке значение передается с помощью вспомогательного дополнения, что является следствием агглютинативной природы казахского языка.

Итак, специфика местоимений *мен, сен, біз, сіз* казахского языка заключается в том, что они:

- 1) являются особым референтом;
- 2) употребляются в значении единственного числа;
- 3) отражают национальные-культурные особенности;
- 4) в содержательной форме употребляются в личностных отношениях; между собой противопоставляются;
- 5) не могут быть употреблены в инклюзивных/эксклюзивных отношениях.

Состав местоимения *біздер* включает в себя элементы «я + ты»/«мы + вы», то есть может выразить союз говорящего и слу-

шателя; также оно может быть создано по формуле «мен + сендер/сіздер» («я + вы») и «мен + сендер/сіздер емес (ол/олар)» («не я + не вы (он/они)'). Эти противоречия изображаются в инклюзивной и эксклюзивной формах. В казахском языке инклюзив/эксклюзив можно различить только через контекст. По содержанию они являются совокупностями разных референтов.

В трудах А. Байтурсынулы, К. Кеменгерулы также отмечается, что в простом склонении нет множественного числа I лица [1, 12]. Следовательно, формы местоимения *мен* в казахском языке имеют национально-культурную специфику.

По мнению М. Балакаева: «В языке сохраняются национальные чувства и сознание, способы мышления, формы поведения каждого народа. Такие особенности, как культура, традиции и обычаи, их психологическое состояние, литературные наследия с помощью языка передаются от поколения к поколению» [2, с. 14]. Язык является средством, изображающим особенности мировоззрения говорящего, показателем особенностей национального менталитета, основой культуры. Склонение личных местоимений казахского языка, их простые и вежливые формы отличает определенная специфика.

Итак, классификация категории лица казахского языка на простую/вежливую форму является показателем национальной ментальности. Рассмотрение категорий, являющихся основой для национального кода этноса, с точки зрения концептуализации имеет особое значение. Это дает возможность охарактеризовать особенности и употребление морфологических категорий, определить концептуальные структуры, ставшие их основой, и через это описать концептуальную систему языка, отображенного в концептуальном пространстве морфологии.

Исследуя языковую семантику, можно восстановить (реконструировать) языковой образ вселенной, созданный народом, (субъектом языка). В грамматических категориях отображается своеобразие национального языка. В морфологических категориях открыто можно увидеть национальное бытие, национальное мировоззрение, отношения между людьми. Когнитивная деятельность морфоло-

гических единиц связана с процессом мышления, национальным менталитетом, с особенностями обработки, сохранения, классификации информации. Культура, образование и опыт определенного этноязыкового сообщества находят свое отображение в языке, создавая определенный менталитет. Запас знаний находит свое отражение в языковой семантике, показывая национальный, культурный опыт определенного языкового коллектива. Изучая языковую семантику, можно определить закономерности языковой концептуализации мира, восстановить языковую картину мира.

Список литературы

1. Байтурсынов А. Избранное. Алматы: Жалын, 1991. 464 с.
2. Балакаев М. Вопросы казахского языкознания. Алматы: Арыс, 2008. 592 с.
3. Беседина Н.А. Морфология как способ концептуализации языкового знания // Вестник Тамбовского университета. Тамбов, 2006. Вып. 4 (44). С. 469–475.
4. Бетлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Курс лекции по английской филологии: учебное пособие. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 163 с.
6. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
7. Гашық-наме. Казахские поэмы. Алматы: Жазушы, 1979. 462 с.
8. Дербишева З.К. Национальный менталитет и его отражение в языке // КТУ «Манас». <http://altaica.ru/Articles/mentalitet.php> (дата обращения: 01.11.2017).
9. Жубанов К. Исследования по казахскому языкознанию. Алматы: Наука, 1999. 581 с.
10. Ильминский Н.И. Материалы к изучению киргизского наречия // Ученые записки Казанского университета, 1860. 172 с.
11. Исаков А. Современный казахский язык. Алматы: Ана тілі, 1991. 348 с.
12. Кеменгерулы К. Избранные. Алматы: Алаш, 2006. Т. 2. 262 с.

13. Кенесбаев И. Қазақ тілі. Алматы, 1939. 148 с.
14. Мақатаев М. Книга поэзии. Алматы: ҚАЗАқпарат, 2012. 1032 с.
15. Маманов Ы. Вопросы казахского языкознания. Алматы: Арыс, 2007. 488 с.
16. Talmy L. Semantics and syntax of motion // J. Kimball (ed.). Syntax and semantics, 4. N.Y.: Academic press, 1975, pp. 181-238.

References

1. Baytursynov A. *Izbrannoe* [Selected works]. Almaty: Zhalyln, 1991. 464 p.
2. Balakaev M. *Voprosy kazakhskogo yazykoznaninya* [Issues of the Kazakh linguistics]. Almaty: Arys, 2008. 592 p.
3. Besedina N.A. *Morfologiya kak sposob kontseptualizatsii yazykovogo znaniya* [Morphology as a means of linguistic knowledge conceptualization]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Tambov, 2006. № 4 (44), pp. 469–475.
4. Betlingk O.N. *O yazyke yakutov* [On the language of the Yakuts]. Novosibirsk: Nauka, 1990. 646 p.
5. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika. Kurs lektsii po angliyskoy filologii* [Cognitive semantics. A course of lectures on English philology]. M.; Berlin: Direkt-Media, 2016. 163 p.
6. Bondarko A.V. *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki: na materiale russkogo yazyka* [Theory of meaning in the system of functional grammar: as based on the Russian language]. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 736 p.
7. Fashyk-name. *Kazakhskie poemy* [Kazakh poems]. Almaty: Zhazushy, 1979. 462 p.
8. Derbisheva Z.K. *Natsional'nyy mentalitet i ego otrazhenie v yazyke* [National mentality and its reflection in a language]. KTU «Manas». <http://altaica.ru/Articles/mentalitet.php>
9. Zhubanov K. *Issledovaniya po kazakhskomu yazykoznaniyu* [Studies on Kazakh linguistics]. Almaty: Nauka, 1999. 581 p.
10. Il'minskiy N.I. *Materialy k izucheniyu kirgizskogo narechiya* [Materials for studying the Kazakh language]. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta, 1860. 172 p.

11. Iskakov A. *Sovremennyy kazakhskiy yazyk* [Modern Kazakh language]. Almaty: Ana tili, 1991. 348 p.
12. Кемеңгерұлы К. *Izbrannye* [Selected works]. Almaty: Alash, 2006. V. 2. 262 p.
13. Kenesbaev I. *Қазақ тили* [The Kazakh language]. Almaty, 1939. 148 p.
14. Мақатаев М. *Kniga poezii* [Book of poetry]. Almaty: ҚАЗАқпарат, 2012. 1032 p.
15. Маманов Ү. *Voprosy kazakhskogo yazykoznaniiya* [Issues of the Kazakh linguistics]. Almaty: Arys, 2007. 488 p.
16. Talmy L. Semantics and syntax of motion / J. Kimball (ed.). *Syntax and semantics*, 4. N. Y.: Academic press, 1975, pp. 181–238.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Жубаева Орынай Сагингалиевна, д.ф.н., заведующая отделом
грамматики
Институт языкознания имени А.Байтурсынова
ул. Курмангазы, 29; г. Алматы, Республика Казахстан
alm-ornai@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zhubaeva Orynay Sagingalievna, Head of the Department of Gram-
mar
Institute of Linguistics named after A.Baitursynuly
29, Kurmangazy, Str., Almaty, Republic of Kazakhstan
alm-ornai@mail.ru

УДК 81'37

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-227-247

АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРА РОССИИ И НОРВЕГИИ

Кобцева С.А.

Цель. Статья посвящена описанию лингвокультурологического исследования концептуальной картины мира жителей северных регионов. Данное исследование основано на сравнительном анализе дискурса региональной прессы Мурманской области и Норвегии с результатами, полученными в ходе ассоциативных экспериментов в данных регионах. Целью данного исследования является сравнительно-сопоставительное изучение специфики репрезентации картины мира у носителей разных языков и культур, проживающих в условиях Арктического региона.

Метод или методология проведения работы. В работе применялись следующие методы исследования: элементы контент-анализа текстов региональных СМИ с целью выявления ключевых концептов; контекстуальный анализ текстов региональной прессы; ассоциативный эксперимент; количественная обработка материалов; сравнительный анализ и интерпретация полученных данных.

Результаты. Проведенное исследование позволило выделить ключевые концепты языковой картины мира жителей севера России (Мурманская область) и Норвегии на основе анализа газетного дискурса, определить содержание и структуру одного из ключевых концептов ПОЛИТИКА и его репрезентацию в сознании представителей разных языков и культур (по материалам ассоциативных экспериментов), а также уточнить влияние общественно-политического дискурса на содержание и структуру культурных представлений у жителей Арктического региона.

Область применения результатов. Материалы данного исследования могут быть востребованы и актуальны в области сравнительной культурологии, межкультурной коммуникации, а также в сфере социально-политического проектирования и прогнозирования.

Ключевые слова: северное сотрудничество; концептосфера; актуальный/ключевой концепт; национально-культурная специфика; концептуальная картина мира; ассоциативный эксперимент; смысловая структура; ассоциативное поле.

ANALYSIS OF THE CONCEPTUAL WORLD VIEW OF THE NORTH RUSSIA AND NORWAY INHABITANTS

Kobtseva S.A.

Purpose. The paper dwells on the linguo-culturological study of the conceptual world view of the inhabitants of northern regions. This study is based on a comparative analysis of the regional press discourse in Murmansk region and Norway with data obtained through the associative experiments in the above-mentioned regions. The purpose of this research is defined as a comparative study of the world view specifics that native speakers of different languages and cultures living in the Arctic region have.

Methodology. The following research methods were used in the work: elements of the content analysis of the regional mass media texts in order to identify key concepts; contextual analysis of regional newspaper discourse; associative experiment; quantitative processing of materials; comparative analysis and interpretation of the data obtained.

Results. The conducted research allowed:

1. to identify the key concepts of the conceptual world picture of the north Russia (Murmansk region) and Norway inhabitants, based on the analysis of newspaper discours;
2. to determine the content and structure of one of the key concepts POLITICS and its representation in the minds of representatives of different languages and cultures (on the basis of associative experiments);

3. to clarify the influence of socio-political discourse on the content and structure of cultural representations among residents of the Arctic region.

Practical implications. *It is assumed that the materials of this study can be relevant and in demand in the field of comparative cultural studies, intercultural communication, as well as in the sphere of socio-political planning and forecasting.*

Keywords: *Nordic co-operation; conceptual sphere; actual/key concept; national-cultural identity; conceptual world view; associative experiment; semantic structure; associative field.*

В то время как наблюдается напряжение в отношениях отдельных стран на федеральном уровне, возрастает взаимодействие отдельных регионов, которое представляется одной из наиболее актуальных тенденций развития международных отношений на современном этапе. Так, в странах Северной Европы широко распространилась практика многосторонней связи в различных областях общественной жизни, получившая название «северное сотрудничество» [2, с. 3]. Северное сотрудничество позволяет северным регионам европейских стран компенсировать недостатки периферийного положения и способствует проведению общей самостоятельной политики с сохранением политического суверенитета, экономической независимости и культурной идентичности стран региона, что дает возможность данным регионам отстаивать свои интересы [4, с. 23].

В связи с возрастающим интересом к северному сотрудничеству значительную роль играет процесс укрепления связей между странами, находящимися в данном регионе. Этот процесс, в том числе, строится на прикладных лингвистических исследованиях, позволяющих составить представление о концептосфере и когнитивном сознании нации в его культурной специфике и дающих возможность определить наиболее актуальные проблемы для жителей данных регионов.

Исследование данной проблемы осуществлялось группой авторов (Курганова Н.И., Тюркан Е.А., Кобцева С.А.) в рамках проекта

РГНФ «*Национально-культурная специфика языкового сознания жителей Арктического региона*», который был осуществлен в 2015–2016 гг. и ставил своей целью изучение национально-культурной специфики репрезентации мира и проведение сравнительного исследования картин мира у жителей четырёх стран, проживающих в Арктическом регионе, включая Россию (Мурманская область), Норвегию, США (Аляска) и Канаду [11, с. 3–4].

В данной статье нас интересует в первую очередь сотрудничество на уровне северных регионов России (на примере Мурманской области) и Норвегии (на примере губернии Финнмарк), играющее немаловажную роль в процессе устойчивого развития и освоения Арктики. Две страны имеют общую сухопутную границу, являются экономическими партнерами, взаимодействуют друг с другом в Арктическом Совете. Правительство наших государств поддерживает устойчивую политику в отношении северных регионов, уделяя особое внимание углублению знаний, развитию бизнеса, инноваций, деловой активности и международного сотрудничества. Партнерство России и Норвегии имеет давнюю историю. И на современном этапе, несмотря на сложную политическую обстановку, в рамках регионального сотрудничества продолжают активно действовать совместные проекты в различных сферах: экономики, культуры, науки и образования [14].

На первом этапе нами был осуществлен сбор эмпирических данных путем концептуального анализа текстов СМИ северных регионов. Что касается Норвегии, она занимает одно из ведущих в мире мест по количеству периодических печатных изданий на душу населения. Среди крупнейших национальных газет выделяют ежедневные *Verdens Gang* (365 тыс. экземпляров), *Afrenposten* (250 тыс. экземпляров), *Dagbladet* (183 тыс. экземпляров). Норвежский газетный союз объединял 152 газеты в 1998 г. Однако большая часть изданий относится к региональной прессе [19].

Национальная пресса Норвегии представляет в основном национальные и международные новости. Последние зачастую являются перепечаткой статей зарубежных информационных агентств.

Поскольку в ходе исследования нас в первую очередь интересовал характер влияния национальной культуры и географического фактора (условия Крайнего Севера) на функционирование языкового сознания, в сферу контент-анализа были включены преимущественно публикации регионального характера, представляющие национальный медийный дискурс.

В качестве материала исследования картины мира жителей Норвегии нами были взяты статьи о событиях местной жизни из ежедневной газеты Finnmarken – региональной газеты губернии Финнмарк. Эта провинция – самая северная и самая крупная административно-территориальная единица (норв. fylker) королевства Норвегии, расположенная за Полярным кругом и граничащая с Мурманской областью Российской Федерации на востоке. Несмотря на обширную территорию (больше Дании), плотность населения в регионе – самая низкая в Норвегии – всего 1,53 чел/км². Население – 74 534 человек (1,6% населения Норвегии) [19].

Газета издается 6 раз в неделю с 13 мая 1899 г. Центральный офис газеты находится в Вадсё, где проживает около 6000 человек, второй офис – в Киркенесе. Однако эта газета распространяется не только в Вадсё и Киркенесе, ее читает вся губерния Финнмарк: Тана, Вардё, Ботсфьорд и т.д. Ежедневный тираж газеты составляет более 7 тысяч экземпляров. В редакции работает порядка 45 человек, 13 из которых – профессиональные журналисты. имеет Finnmarken несколько разделов и рубрик.

Читатели могут найти в газете не только интересные и актуальнее статьи, но и частные объявления, прогноз погоды, поздравления, кроссворды, комиксы, телепрограмму и многое другое. У газеты нет определенной направленности, журналисты издания освещают разные темы – социальные, политические, бизнес-новости, новости культуры и спорта. Всего в газете от 24 до 32 страниц, т.к. объем издания во многом зависит от рекламы и от количества и объема актуальных статей. Стоит отметить, что Finnmarken пользуется большим спросом у рекламодателей. На страницах газеты можно увидеть рекламу товаров, предприятий и событий со всего севера

Норвегии. В газете выделяются следующие постоянные рубрики: *Новости, Дебаты Северной Норвегии, Спорт, Погода, Фотографии, Телевидение и радио* [17].

Газета выходит шесть раз в неделю (кроме воскресенья). Таким образом, в базу данных вошли газетные материалы за период с 1 июня 2015 г. по 31 мая 2016 г. В общей сложности нами проанализировано **313** электронных выпусков газеты (2199 статей). По сезонам это выглядит следующим образом: лето 2015 г. – 493 статьи, осень 2015 г. – 615 статей, зима 2015-2016 гг. – 544 статьи, весна 2016 г. – 547 статей. Характер выборки статей осуществлялся по двум критериям – источника информации и наличие географического фактора (регионального компонента) в материалах СМИ [11, с. 294].

Исследование специфики языкового сознания жителей Мурманской области как одного из северных регионов России осуществлялось Е.А. Тюркан на материалах газеты «Вечерний Мурманск», являющейся одним из крупнейших региональных изданий. Годовая выборка исследуемого материала составила 6471 статью, которые были отобраны методом сплошной выборки и подвержены дальнейшему контент-анализу [11, с. 200].

Проведение данных исследований потребовало разработки соответствующей методики и комплекса необходимых экспериментальных процедур, направленных на выделение ключевых концептов газетного дискурса и моделирование структурных параметров картины мира. Обработка материалов проводилась по методике Н.И. Кургановой, специально разработанной в рамках работы над проектом и подробно представленной в ряде монографий и статей [7, 8, 9, 10].

По данной методике нами был проведен анализ структурных параметров картины мира жителей Норвегии на базе газетного дискурса, который включал следующие процедуры:

1. Выделение **ключевых концептов** картины мира на материале сезонной выборки.
2. Моделирование **когнитивной и полевой структуры** ключевых концептов.

3. Моделирование **смысловой структуры** ключевых концептов.

4. Выделение **смысловых доминант** в национальной картине мира на материале газетного дискурса [10, с. 17–18].

Поскольку «концепт – это единица коллективного знания/сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [1, с. 64], анализ текстов региональных СМИ и обработка полученных данных позволили достаточно полно и точно представить структуру концептуальной картины мира жителей северных регионов, а также выделить её доминантные концепты.

В нашей статье мы подробно остановимся на сравнительном анализе одного из ключевых концептов ПОЛИТИКА, т.к. данный концепт является актуальным, как в российской, так и в норвежской региональной прессе за исследуемый временной период.

Так, за данный временной период нами было проанализировано **2199 статей** в газете Finnmarken на региональную тематику и 703 из них относится к концепту ПОЛИТИКА.

Основанием для выделения **ключевых концептов** был избран количественный фактор, т.е. три наиболее частотных рубрики за представленный период. Ключевыми актуальными концептами газетного дискурса северной Норвегии (по материалам годовой выборки) являются следующие:

ПОЛИТИКА (703 статьи);

КУЛЬТУРА (454 статьи);

ЭКОНОМИКА (443 статьи) [5, с. 296].

Далее нами выяснены наполнение ключевых концептов, их семантико-смысловая структура, что определялось методом контент-анализа. Основным критерием для выборки статей являлось наличие регионального компонента в газетном материале, позволяющего оптимально представить специфику картины мира жителей Норвегии.

Наполнение концепта ПОЛИТИКА определялось на основе статистических расчетов (количество употреблений на количество публикаций) и представлено в таблице 1.

Таблица 1.

Когнитивная структура концепта ПОЛИТИКА
(по материалам газеты Finnmarken (Finnmark dagblad); июнь 2015 – май 2016)

Рубрика / концепт	Лето	Осень	Зима	Весна	Всего
ПОЛИТИКА	140	253	163	147	703
Местные органы власти/выборы	64	125	38	41	268
Борьба с преступностью	25	47	48	56	176
Правительственная политика	16	19	16	13	64
Беженцы	31	62	61	37	191
Свобода прессы	4	-	-	-	4

Таким образом, ключевой концепт ПОЛИТИКА прослеживается в рамках следующих тем: *Местные органы власти/выборы, Беженцы, Борьба с преступностью, Правительственная политика, Свобода прессы* [11, с. 298].

Что касается выявления компонентов концептосферы ПОЛИТИКА через призму материалов региональной российской прессы («Вечерний Мурманск»), то она представлена следующим образом:

Внутренняя политика. Деятельность думы – 53 статьи (36%);
Внешняя политика. Международные контакты – 43 статьи (29%);
Политические акции, митинги, мероприятия – 29 статей (20%);
Выборы – 22 статьи (15%) [13, с. 67–68].

Таким образом, мы наблюдаем определенное совпадение в компонентах концептосферы ПОЛИТИКА через призму региональной прессы. Как в России, так и в Норвегии наибольшее количество статей посвящены деятельности местных (а не федеральных) органов власти и выборам в региональные органы, что определено наибольшим интересом читателей к данной тематике.

При этом наглядно прослеживается тот факт, что политическая жизнь северной Норвегии представлена многочисленными событиями, в которых более активно, чем на севере России, участвует местное население. Годовая выборка концепта ПОЛИТИКА почти в 5 раз превышает аналогичную по Мурманской области (703 и 147 соответственно). Данный факт, на наш взгляд, демонстрирует большую политическую активность жителей северной Норвегии.

Следует отметить также, что структура исследуемых концептов динамична – она существенно отличается в разных сезонах и даже месяцах. Наиболее частотными в различные периоды выступают разные когнитивные слои. И происходит это в зависимости от времени года, ситуации в стране и в мире.

Интересна динамика изменения когнитивного слоя **Беженцы** в рамках концепта ПОЛИТИКА. Так, если в начале осени 2015 г. данная тема представлялась в дискурсе СМИ как проблема расселения, обеспечения достойных условий проживания беженцев и их семей, помощь со стороны местного населения. Начиная с конца осени и в течение зимы-весны 2016 г. в местной прессе появляется масса статей об ухудшении криминогенной ситуации в стране, уголовных преступлениях, совершенных, в том числе беженцами. И пресса на это отреагировала появлением статей, которые мы условно объединили в смысловую доминанту **Негативные последствия наплыва беженцев**, которая становится одной из наиболее частотных доминант и формирует ядро концепта ПОЛИТИКА. Данная тема поднимается в рубрике **Политика** через следующие составляющие:

- *страна находится в кризисной ситуации из-за огромного потока беженцев: опасность роста преступности и распространения болезней;*
- *обсуждение вопроса о закрытии границ со Швецией и Россией для беженцев вследствие того, что Норвегия несет колоссальные финансовые потери на их содержание;*
- *принятие решения о возвращении беженцев, не являющихся этническими сирийцами, на Родину и отказ от приема новых беженцев в страну;*
- *мобилизация и вооружение дополнительных сил полиции в связи с наплывом беженцев и ростом преступности в их среде.*

Таким образом, когнитивный слой **Негативные последствия наплыва беженцев** перемещается из периферийной зоны (лето 2015 г.) в приядерную зону (осень 2015 г. – зима 2016 г.), и, наконец, в ядерную зону концепта ПОЛИТИКА (весна 2016 г.). Подобные изменения выявлены и в структуре других ключевых концептов.

В дополнение к анализу структурных параметров картины мира на базе газетного дискурса, нами были проведены **ассоциативные эксперименты** с целью создания наиболее полной и объективной репрезентации концептуальной картины мира жителей северных регионов, что дает нам возможность определить наиболее актуальные для них проблемы. Именно ассоциативный эксперимент как метод исследования, согласно А.А. Залевской, считается основным способом доступа к информационной базе человека, т.к. слово является средством выхода на индивидуальный образ мира [3, с. 3–5].

Целью данных ассоциативных экспериментов является изучение содержания и структуры представлений жителей крайнего севера о выделенных из материалов региональных СМИ ключевых и базовых концептах. Остановимся подробнее на ассоциативном эксперименте, демонстрирующем репрезентации концептуальной картины мира жителей Норвегии (в основном северных губерний). В рамках ассоциативного эксперимента нами опрошено 34 участника (респондента) трех возрастных групп: 16–25 лет – 11 человек; 26–50 лет – 11 человек; 51–70 лет – 12 человек [6, с. 24].

Интервьюирование частично проводилось лично во время посещения Норвегии в июле 2016 г. Кроме того, анкета была размещена на сайте <http://webanketa.com> и ее участникам предлагалось написать 5 слов, которые ассоциируются со следующими вербальными стимулами: **Politikk, Økonomi, Kultur, Sport, Miljø** [18]. Данные слова-стимулы были выбраны не случайно: они дублируют ключевые и базовые концепты, выделенные нами в результате анализа газетного дискурса Норвегии.

Официальным языком королевства Норвегия является норвежский. При этом существуют две разновидности литературного норвежского языка: букмол (норв. *bokmål* – «книжный язык») и нюнорск (норв. *nynorsk* – «новонорвежский»). Кроме того, жители Норвегии разговаривают на более 200 местных диалектах, которые существенно отличаются друг от друга и официально принятых разновидностей норвежского языка. В губернии Финнмарк значительную долю населения региона составляют саамы (около 24%),

язык которых признан официальным в данной губернии наравне с норвежским. Исходя из того, что букмол распространен гораздо больше и является основным языком приблизительно для 85-90% жителей Норвегии, анкета нами была составлена именно на данном варианте норвежского языка [19].

Недостаточно большое количество опрошенных не позволило выделить возрастные группы при анализе результатов анкеты, но в дальнейшем мы постараемся определить общее и отличное в ассоциатах в зависимости от возрастных категорий.

В общей сложности участники анкеты выдали **795** ассоциатов по **5** вербальным стимулам: **Politikk** (171 ассоциативная реакция), **Økonomi** (168 ассоциативных реакций), **Kultur** (158 ассоциативных реакций), **Miljø** (145 ассоциативных реакций), **Sport** (153 ассоциативные реакции) [6, с. 24].

В результате анализа анкеты нами было выделено стереотипное ядро ассоциативного поля по пяти словам-стимулам в составе 7 наиболее частотных вербальных реакций на представленные вербальные стимулы. Далее, с целью реконструкции структурных параметров поля на концептуальном уровне нами был выделен набор базовых пропозиций, послуживших основой для классификации всех ассоциатов поля по каждому стимулу, включая единичные реакции, что позволило выделить когнитивные слои ассоциативных полей.

В ходе обработки материалов ассоциативного эксперимента нами использовалась методика анализа ассоциативного поля (далее АП), разработанная Н.И. Кургановой и представленная в монографии «Смысловое поле при моделировании значения слова» [8] и ряде других публикаций [7, 9, 10].

Остановимся подробнее на результатах ассоциативного эксперимента на стимул: **Politikk**/ политика. Нами было получено 171 ассоциативная реакция на словесный стимул «**Politikk**», ранжирование которых в порядке частотности позволило представить ассоциативное поле данного вербального стимула. Структурирование ассоциативного поля позволило выделить ядро и периферию. Ядро ассоциативного поля включает 84 ассоциата (49%), периферия

представлена немногочисленными и единичными реакциями общим количеством 87 ассоциатов, выраженных словом или словосочетанием, что составляет примерно 51% от всего объема поля. На основании этого было выделено стереотипное ядро ассоциативного поля, полученного на вербальный стимул «Politikk/Политика», представленное в таблице 2 [6, с. 26].

Таблица 2.

Стереотипное ядро АП «Politikk»

	Ассоциативные реакции (вербальные ассоциаты)	Количество
1.	<i>demokrati/демократия</i>	18
2.	<i>makt/власть</i>	17
3.	<i>valg/выборы</i>	16
4.	<i>parti/партия</i>	12
5-7.	<i>likestilling/равенство</i>	7
5-7.	<i>løgn/ложь</i>	7
5-7.	<i>flyktninger/беженцы</i>	7
Всего		84

В процессе моделирования **когнитивной структуры** смыслового поля слова «**Politikk**». С этой целью мы попытались уточнить тип связи между словом-стимулом и каждым ассоциатом поля, включая единичные реакции. Эта процедура позволила нам выделить набор базовых пропозиций, с целью последующей классификации всех ассоциатов поля. Далее, на основании ранжирования когнитивных слоев в соответствии с количественными данными нами была смоделирована *когнитивная структура* АП «**Politikk/Политика**».

В ходе моделирования *полевой структуры* АП «**Politikk/Политика**» нами были выделены ядерные и периферийные слои в структуре поля. Структуры границы ядра, приядерной зоны и периферии были определены следующим образом: ядро – более 10% от всего объема ассоциатов поля, приядерная зона – 5–10% и периферия – менее 5% ассоциатов, полученных на заданный стимул. В итоге полевая структура АП «**Politikk/Политика**» может быть представлена следующим образом:

Ядро: 95%

Результаты – 17%

Последствия – 16%

Отношение – 16%

Условия – 16%

Люди – 16%

Сущность – 14%

Приядерная часть:

Нет

Периферия: 5%

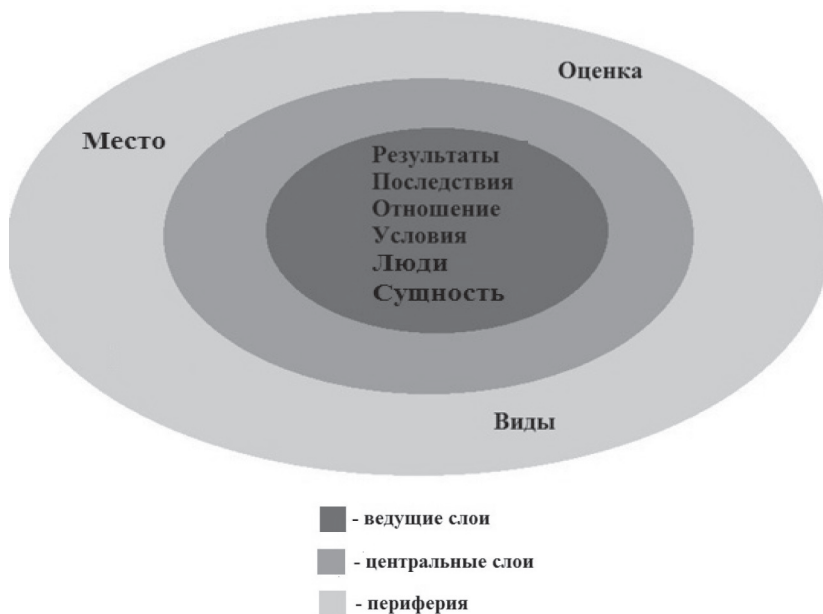
Оценка – 2%

Виды – 2%

Место – 1% [11, с. 306–307].

Таким образом, полевая структура ассоциативного поля может быть представлена следующим образом:

Полевая структура АП «Politikk/Политика»

На основе сравнительного анализа когнитивной структуры ключевых концептов дискурса СМИ и когнитивных структур, выделенных по материалам ассоциативного поля «**Politikk/Политика**», наблюдается совпадение по ряду слоев: *Valg/Выборы, Flyktinger/Беженцы* (см. табл. 1, табл. 2). Данные слои являются смысловыми доминантами концепта ПОЛИТИКА по результатам анализа газетного дискурса Норвегии и, вместе с тем, входят в стереотипное ядро АП «**Politikk/Политика**» по результатам ассоциативного эксперимента, что доказывает тот факт, что данные позиции занимают ведущее место в языковом сознании жителей северной Норвегии.

Анализ результатов ассоциативного эксперимента среди возрастной группы от 18 до 25 лет по Мурманской области, проведенный в рамках исследования Е.А. Тюркан, позволил выделить стереотипное ядро ассоциативного поля на вербальный стимул *политика*, который выглядит следующим образом:

Таблица 3.

Стереотипное ядро АП «Политика»

	Ассоциативные реакции (вербальные ассоциаты)	Количество
1.	<i>выборы</i>	10
2.	<i>власть</i>	6
3.	<i>Путин</i>	5
4-6.	<i>партия/партии</i>	4
4-6.	<i>президент</i>	4
4-6.	<i>грязь</i>	4
7.	<i>ложь</i>	3
Всего		36

Ранжирования когнитивных слоев в соответствии с количественными данными позволило смоделировать *когнитивную структуру* АП «**Политика**». В целом полевая *смысловая структура* АП «**Политика**» представляется следующим образом:

Ядро (более 10%): **90%**

Люди – 30%

Средство, инструмент – 23%

Оценка/отношение – 14%

Место – 12%

Результат – 11%

Приядерная часть (5–10%): 5%

Последствия – 5%

Периферия (менее 5%): 5%

Сущность – 3%

Виды – 2% [11, с. 205–207].

Как мы видим, ядерные, приядерные и периферийные слои сти-
мула *политика*, полученные в ходе АЭ в Норвегии и севера Рос-
сии (Мурманская область) существенно отличаются. Но, при этом
наблюдается совпадения по ряду ассоциативных реакций: *власть*,
выборы, *партия*. Так, политика ассоциируется у опрошенных через
ее инструменты – прежде всего *выборы*, что показывает готовность
населения данных регионов к предстоящим выборам.

Наличие ряда схожих ассоциативных реакций негативного ха-
рактера на АП «**Politikk/Политика**», таких как *грязь* (4), *ложь* (3),
вранье (2), *обман*, *несправедливость*, *нечестность*, *фальшь*, *кор-
рупция* – Мурманская область и *løgn/ложь* (7), *korruptsjon/корруп-
ция* (5), *apartheid/апартеид* (2), *lytter ikke til folk/не слушают людей*
(2), *kiaos/хаос* (2), *dele sin egen kake/делят свой пирог*, *svindel/мо-
шенничество*, *teater/театр*, *spill/игр*, *ubarmhjertig/безжалостная*,
urettferdighet/несправедливость, *inkompetanse/некомпетентность* –
Норвегия, на наш взгляд, демонстрируют критическое отношение
общества к политике государства в целом и политическим деятелям
в частности в обоих исследуемых регионах [11, с. 206; 265].

Таким образом, на основе сравнительного анализа смысловых
доминант ключевых концептов дискурса СМИ и когнитивных
структур, выделенных по содержанию ассоциативных полей, по-
лученных на вербальные стимулы в ходе ассоциативных экспери-
ментов, проведенных в северных регионах Норвегии и России, на-
блюдается совпадение по ряду позиций.

Осуществление анализа структурных параметров картины мира
на базе газетного дискурса, и проведение ассоциативных экспери-
ментов помогает созданию наиболее полной и объективной ре-

презентации концептуальной картины мира жителей северных регионов. Это дает возможность уточнить влияние общественно-политического дискурса на содержание и структуру культурных представлений у жителей Арктического региона, определить наиболее актуальные для данного региона проблемы и помочь в разработке стратегий их разрешения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, в рамках научно-исследовательского проекта № 15-04-00465 «Национально-культурная специфика языкового сознания жителей Арктического региона».

Список литературы

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
2. Воронков Л.С. Страны Северной Европы. «Северное измерение» и Россия // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. 2009. Вып. 1(41). С. 3–21.
3. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
4. Исупова К.Б. Североевропейский регионализм как фактор сотрудничества с Европейским Союзом // Вестник Северного (Арктического) Федерального Университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 23–26.
5. Кобцева С.А. Доминанты концептуальной картины мира жителей Северной Норвегии через призму региональных СМИ // Доминанты концептуальной картины мира жителей крайнего Севера: материалы научно-практического семинара с международным участием, 20 ноября 2015 г. Мурманск: МАГУ. 2015. С. 13–24.
6. Кобцева С.А. Доминанты концептуальной картины мира жителей Северной Норвегии (на основе данных ассоциативного эксперимента) // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания

- иностранных языков: материалы межрегиональной научно-практической конференции, 28–29 ноября 2016 года. Мурманск: МАГУ, 2017. С. 22–30.
7. Курганова Н.И. Ассоциативный эксперимент как способ исследования национально-культурной специфики коллективного знания // Вестник Поморского гос. ун-та. 2011. № 7. Серия «Гуманитарные и социальные науки». С. 174–179.
 8. Курганова Н.И. Смысловое поле при моделировании значения слова: монография. Мурманск: МГГУ, 2012. 162 с.
 9. Курганова Н.И. Смысловое поле при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова // Вестник Тверского гос. ун-та. 2012. № 29. Серия «Филология». Вып. 4 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». С. 70–77.
 10. Курганова Н.И. Картина мира жителей Канады через призму газетного дискурса // Доминанты концептуальной картины мира жителей крайнего Севера: материалы научно-практического семинара с международным участием, 20 ноября 2015 г. Мурманск: МАГУ, 2015. С. 13–24.
 11. Курганова Н.И., Тюркан Е.А., Кобцева С.А. Национально-культурная специфика языкового сознания жителей Арктического региона. Мурманск: МАГУ, 2017. 352 с.
 12. Тюркан Е.А. Актуальные концепты как доминанты концептуальной картины мира жителей Мурманской области и Аляски // Доминанты концептуальной картины мира жителей крайнего Севера: материалы научно-практического семинара с международным участием, 20 ноября 2015 г. Мурманск: МАГУ, 2015. С. 127–140.
 13. Тюркан Е.А. Концептосфера ПОЛИТИКА в газетном дискурсе Аляски и Мурманской области // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: материалы межрегиональной научно-практической конференции, 28–29 ноября 2016 года. Мурманск: МАГУ, 2017. С. 62–80.
 14. Российско-норвежские отношения // Посольство Российской Федерации в Норвегии URL: <http://www.norway.mid.ru/ru/rn-politics.html> (дата обращения 29.11.2015).

15. VII Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум – 2015» URL: <https://www.scienceforum.ru/2015/1079/14658> (дата обращения 17.01. 2016).
16. b-port. Сайт. URL: <http://www.b-port.com/index/item/21055.html> (дата обращения 28.08.2015).
17. iFinnmark. Сайт. URL: <http://www.ifinnmark.no> (дата обращения 24.04. 2016).
18. Webanketa URL: <http://webanketa.com/ru/myforms/?sessid=d1bf821c8ae3dfa3d2a20a057838c00f6a3527011dk> (дата обращения 12.12. 2016).
19. Sprakradet. Сайт. URL: <http://www.sprakradet.no/Fakta/> (дата обращения 22.10.2016).

References

1. *Vorkachev S.G. Filologicheskie nauki* [Philological sciences], no 1 (2001): 64–72.
2. Voronkov L.S. Strany Severnoj Evropy. «Severnoe izmerenie» i Rossija [The countries of Northern Europe. ‘The Northern Dimension’ and Russia]. *Analiticheskie zapiski Nauchno-koordinatsionnogo soveta po mezhdunarodnym issledovaniyam MGIMO (U) MID Rossii* [Analytical notes of the Scientific Coordination Council for International Studies of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia], no 1(41) (2009), pp. 3–21.
3. Zalevskaya A.A. *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannyye trudy* [Psycholinguistic research. Word. Text: Selected Works]. М.: Gnozis Publ., 2005. 543 p.
4. Isupova K.B. Severoevropskij regionalizm kak faktor sotrudnichestva s Evropejskim Sojuzom [Northern European regionalism as a factor of cooperation with the European Union]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) Federal'nogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], no 1 (2014), pp. 23–26.
5. Kobtseva S.A. *Dominanty kontseptual'noy kartiny mira zHITELEY kraynego Severa: materialy nauchno-prakticheskogo seminara s mezhdunarodnym uchastiem, 20 noyabrya 2015* [Dominants of the conceptual

- picture of the world of the inhabitants of the Far North: materials of the scientific and practical seminar with international participation, November 20, 2015], Murmansk, 2015, pp. 13–24.
6. Kobtseva S.A. Dominantny konceptual'noj kartiny mira zhitelej Severnoj Norvegii (na osnove dannyh associativnogo jeksperimenta) [Dominants of the conceptual world view of the inhabitants of Northern Norway (based on the data of the associative experiment)]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: materialy mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 28–29 noyabrya 2016 goda* [Actual problems of linguistics and methods of teaching foreign languages: materials of the interregional scientific and practical conference, November 28–29, 2016], Murmansk, 2017, pp. 22–30.
 7. Kurganova N.I. Associativnyj jeksperiment kak sposob issledovaniya nacional'no-kul'turnoj specifiki kollektivnogo znaniya [Associative experiment as a way to study the national and cultural specifics of collective knowledge]. *Vestnik Pomorskogo gos. un-ta* [Bulletin of the Pomorian State University. Series “Humanities and Social Sciences”], no 1 (2011), pp. 174–179.
 8. Kurganova N.I. *Smyslovoe pole pri modelirovanii znacheniya slova: monografiya* [Semantic field for modeling the meaning of a word: monograph]. Murmansk: MSHU Publ., 2012. 162 p.
 9. Kurganova N.I. Smyslovoe pole pri modelirovanii strukturnyh i operacional'nyh parametrov znacheniya slova [The semantic field in modeling the structural and operational parameters of the meaning of a word]. *Vestnik Tverskogo gos. un-ta*. [Bulletin of Tver State University], no 29 (2012), pp. 70–77.
 10. Kurganova N.I. Kartina mira zhitelej Kanady cherez prizmu gazetnogo diskursa [The world view of the inhabitants of Canada through the prism of newspaper discourse]. *Dominantny kontseptual'noy kartiny mira zhiteley kraynego Severa: materialy nauchno-prakticheskogo seminara s mezhdunarodnym uchastiem, 20 noyabrya 2015* [Dominants of the conceptual picture of the world of the inhabitants of the Far North: materials of the scientific and practical seminar with international participation, November 20, 2015]. Murmansk, 2015, pp. 13–24.

11. Kurganova N.I., Tyurkan E.A., Kobtseva S.A. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya zhiteley Arkticheskogo regiona* [National-cultural identity of linguistic consciousness of the inhabitants of the Arctic region]. Murmansk: MASU Publ., 2017. 352 p.
12. Tyurkan E.A. Aktual'nye koncepty kak dominanty konceptual'noj kartiny mira zhitelej Murmanskoj oblasti i Aljaski [Currently central concepts as dominants of the conceptual world view of residents of the Murmansk region and Alaska]. *Dominanty kontseptual'noy kartiny mira zhiteley kraynego Severa: materialy nauchno-prakticheskogo seminara s mezhdunarodnym uchastiem, 20 noyabrya 2015* [Dominants of the conceptual picture of the world of the inhabitants of the Far North: materials of the scientific and practical seminar with international participation, November 20, 2015], Murmansk, 2015, pp. 127–140.
13. Tyurkan E.A. Konceptosfera POLITIKA v gazetnom diskurse Aljaski i Murmanskoj oblasti [Conceptual sphere POLITICS in the newspaper discourse of Alaska and the Murmansk region]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: materialy mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 28–29 noyabrya 2016 goda* [Topical issues of linguistics and methods of teaching foreign languages: materials of the interregional scientific and practical conference, November 28–29, 2016], Murmansk, 2017, pp. 62–80.
14. *Posol'stvo Rossiyskoy Federatsii v Norvegii* [Embassy of the Russian Federation in Norway]. <http://www.norway.mid.ru/ru/rn-politics.html> (accessed November 29, 2015).
15. *VII Mezhdunarodnaya studencheskaya elektronnaya nauchnaya konferentsiya «Studencheskiy nauchnyy forum 2015»* [VII International Student Electronic Scientific Conference “Student Scientific Forum 2015”] <https://www.scienceforum.ru/2015/1079/14658> (accessed January 1, 2016).
16. b-port. <http://www.b-port.com/index/item/21055.html> (accessed August 28, 2015).
17. iFinnmark. <http://www.ifinnmark.no> (accessed April 24, 2016).
18. Webanketa. <http://webanketa.com/ru/myforms/?sessid=d1bf821c8ae3d-fa3d2a20a057838c00f6a3527011dk> (accessed December 12, 2016).
19. Sprakradet. <http://www.sprakradet.no/Fakta/> (accessed October 22, 2016).

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Кобцева Светлана Александровна, доцент кафедры иностранных языков социально-гуманитарного института, кандидат педагогических наук
*Мурманский арктический государственный университет
ул. Капитана Егорова, 15, г. Мурманск, Мурманская область,
183038, Российская Федерация
kobtseva@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kobtseva Svetlana Aleksandrovna, Associate Professor of the Modern Languages Department, Institute of the Humanities and Social Sciences, PhD in Education
*Murmansk Arctic State University
15, captain Egorov Str., Murmansk, Murmansk Region, 183038,
Russian Federation
kobtseva@yandex.ru
SPIN-code: 5135-0256
ORCID: 0000-0002-5534-9918*

УДК 81-114.4

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-248-255

КОНЦЕПТ «ХЛЕБ» КАК ФРАГМЕНТ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Макарова О.В.

В статье представлен способ реконструкции концепта на материале ассоциативного эксперимента, который позволяет обнаруживать коллективные черты языковой общности. Цель исследования – выявить реальные смыслы в сознании носителей языка, которые актуализируются в процессе вербальной реакции на слово-стимул «хлеб».

Наиболее характерные связи слов, отражающие особенности русской культуры, исследуются нами методом лингво-когнитивного анализа.

Концепт «Хлеб» в русской языковой картине мира включает представления, связанные не только с объектом вкуса, источником эмоций, но и своими признаками пересекается с различными ментально-значимыми понятиями: «труд», «семья», «жизнь», «дом», «деньги» и др.

Набор когнитивных признаков при таком подходе к изучению структуры и содержания концепта значительно расширяется, и язык предстает не как готовая абстракция, максимально объективированная, а как система, свидетельствующая о ментально-эмоциональном состоянии его среднего носителя в определенный исторический период.

Результаты исследования могут быть применены для разработки курсов, посвящённых когнитивной лингвистике, психолингвистике, семантике.

Ключевые слова: концепт; языковое сознание; ассоциативный тезаурус; поле, когнитивные признаки.

CONCEPT «BREAD» AS A FRAGMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Makarova O.V.

This paper researches the way of concept building based on the collective features of local lingual community, which were obtained during the associative experiment. The point of research is to find out the meaning being actualized by the “Bread” concept, using lingual-cognitive analysis.

The “Bread” concept includes the ideas, which are connected not only by the taste object as an emotional source, but also by different cultural concepts, such as “Labour”, “Family”, “Life”, “Home”, “Money”. In this way of concept researching, its content is widened to the mental system of its medium in a certain historical period.

The results of the research can be applied to develop courses on cognitive linguistics, psycholinguistics, and semantics.

***Keywords:** concept; linguistic consciousness; associative thesaurus; field, cognitive features.*

Одним из способов реконструкции концептов и других ментальных репрезентаций как фрагментов «коллективного сознания» является ассоциативный эксперимент. Это дает основания рассматривать «Русский ассоциативный словарь» в качестве своеобразной модели сознания человека [1, с. 5], включающей, по утверждению Ю.Н. Караулова, «весь или почти весь языковой опыт наивно говорящего индивида» [3, с. 8].

Специфика массового ассоциативного эксперимента заключается в том, что в процессе его проведения индивидуальные черты языковой личности стираются, что заставляет говорить о «нормах», свойственных той языковой общности, к которой принадлежит эта личность» [3, с. 120]. Принадлежность к одной культуре делает центр ассоциативного поля стабильным, а связи – регулярно воспроизводимыми. В связи с этим ассоциа-

тивное поле слова может рассматриваться как фрагмент образов сознания русских.

Объектом нашего исследования является лексическое наполнение ассоциативного поля «хлеб», представленное 625 реакциями на заданное слово-стимул. Материал словаря не организован логически и иерархически, он представляет собой «мозаический набор скрытых в языковых структурах умозаключений об устройстве мира, мотивировки которых опираются на традицию, общепринятость, устойчивость, воспроизводимость и повторяемость» [3, с. 89].

Задача заключается в выявлении способов репрезентации концепта «Хлеб» в языковом сознании индивида на основе анализа данных ассоциативного эксперимента.

Решение задачи обусловило использование лингво-когнитивного метода, интегрирующего приемы компонентного и логико-семантического анализа.

Научная новизна исследования заключается в том, что подход к анализу понятия с позиций языкового сознания индивида позволяет расширить границы теоретических описаний структуры сознания. Изучение только словарных компонентов смысла, а также функционального потенциала слова недостаточно для целостной характеристики концепта.

Развиваемые в работе идеи могут использоваться для разработки вузовских курсов, посвящённых когнитивной лингвистике, психолингвистике, семантике.

Концепт «Хлеб» занимает особое место в русской языковой картине мира. Важность данного понятия подчеркивается не только в большом количестве фразеологизмов, паремий, в календарной поэзии и других жанрах русской литературы, но и тем, что хлеб в России – больше, чем пропитание, «он – символ пропитания». Так, если во Франции, Испании нищий просит «на чашечку кофе», в России – «на кусок хлеба» [4, с. 284]. Понятие хлеба как главного продукта в индоевропейской культуре связано и с более общими представлениями «распределителя благ» – «хозяина» и даже «Бога» [4, с. 208].

Изучив данные ассоциативного эксперимента в виде реакций на слово-стимул «хлеб», мы выявили следующие признаки исследуемого концепта:

1. Парадигматические реакции указывают на цель восприятия хлеба (*сытость*), следствие (*яд*), условие существования субъекта восприятия (*пропитание*), средство к существованию человека (*заработок*), способ восприятия хлеба (*на ужин, стол*),

Среди представленных реакций можно выделить те, которые находятся с именем поля в гиперо-гипонимических или синонимических отношениях: *пицца* (6), *еда* (4); *булка* (14), *каравай* (5), *батон*, *буханка* (4), *лаваш*, *сухарь*, *соломка*, *бутерброд* (1).

Много реакций выражают отношение к данной реалии (*святыня, золото, драгоценность* и др.) и содержат эмоциональный компонент. Причем значение таких номинаций осложнено коннотативными смыслами: культурологическими, религиозными и этическими. Так, реакция «Христос» связана с религиозными представлениями данного социума, в соответствии с которыми *хлеб* – это тело Христово, а значит – *святыня*.

Связь хлеба и народных традиций, обычаев подчеркивается следующими ассоциациями: *балалайка, каравай, на ужин, стол*. Русский народный инструмент «балалайка» в этом ряду, по-видимому, упоминается в связи с обычаем застолья, обязательным атрибутом которого всегда был каравай.

Хлеб является символом благополучия, материального достатка: *богатство* (6 реакций), *наше богатство* (2), *золото* (2), *драгоценность, дорогой, беречь*.

Метафорический способ репрезентации концепта «хлеб» представлен особенно широко. Семантическая деривация компонентов пропозиции вкусового восприятия свидетельствует о значимости исследуемого понятия для человека. Хлеб уподобляется следующим явлениям и предметам действительности: *науки, промышленности; камень, всему голова!, голова, жизнь, свет, величина, вещь уникальная*. В основе данных реакций содержится как эмпирический (тактильный) аспект оценки (*камень*), так и эмоциональный

и интеллектуальный виды оценки этого атрибута жизни человека (*хлеб науки, промышленности, свет*).

В исследуемом тезаурусе встречается и прецедентное высказывание (*хлеба и зрелищ*), знание которого свидетельствует о принадлежности говорящих к русской лингвокультурной общности.

Хлеб рассматривается как источник эмоций: *радость, горький*. Значение атрибута «горький» осложняется эмоциональной оценкой: *горький хлеб* – значит добываемый тяжелым трудом.

2. Синтагматические реакции характеризуют хлеб как объект восприятия (*вкусный* (21), *вкус, вкусное*), причем характеристика хлеба является полимодальной: он оценивается с позиции разных подсистем восприятия. Обонятельные ассоциации хлеба: *запах, запах хлеба, душистый, ароматный*; осязательные реакции: *сухой, мягкий, свежий, черствый, жесткий, теплый, горячий*; слуховые: *с хрустящей корочкой*; зрительные: *черный* (30), *белый* (23), *круглый, круг, пышный*. Значимость данного понятия подчеркивается тем, что ряд ассоциаций связан с размером хлеба: *кусочек* (3), *корка, корочка, крошки*.

Хлеб связан с такими объектами восприятия, как: *соль* (14), *и соль* (3), *да соль* (2), *масло* (7), *молоко* (5), *и вода* (2), *сок* (1), *чай* (1).

Исследуемое поле «хлеб» отражает также синтагматические отношения, указывающие на способ приготовления (*испечь*); инструмент/средство действия (*резать, нож*); процесс восприятия и его оценку (*есть, кушать, жрать, жевать*); место нахождения данного объекта вкуса (*на столе, в ведре, в тарелке*); временной план процесса восприятия (*всегда*); адресата, того, кому предназначается этот объект восприятия (*народу, народам*).

Респонденты в своих ответах указывают и на релевантность способа получения хлеба: *купить, магазин* – и сорт данного продукта: *ржаной* (22), *пшеничный* (4), *орловский* (1), *подовый* (1), *ситный* (1).

В составе совокупного ассоциативного поля «хлеб» может быть выделено ядро – группа словоформ, в значении которых имеется указание на то, что хлеб – это объект восприятия вкуса и, прежде

всего, необходимый, *насущенный* (58 реакций) источник *жизни* (6 реакций).

Хлеб выступает также в роли объекта оценки: *настоящий, хороший, общий, единый, дорог нам*. Ряд реакций свидетельствует об отрицательном отношении к данному объекту восприятия: *равнодушно, плохой*.

3. Когнитивный уровень репрезентации концепта «Хлеб» представлен такими реакциями, которые позволяют обнаружить пересечение с другими ментальными репрезентациями, например, фреймом «кухня» (*на ужин, стол, нож, резать* и др.), фреймом «ситуация вкусового восприятия» (*есть, вкус, душистый, соль*). Кроме этого, достаточно последовательно проявляется в ассоциативном тезаурусе связь концептов «Хлеб» и «Семья, Дом»: *мама, жена, кухня, печь*. Отражено в ассоциативном тезаурусе и взаимное пересечение концептов «Хлеб» и «Борьба»: *война, мир, наган, свободный*.

Связь концептов «Хлеб» и «Пространство» опирается большей частью на активизацию в сознании испытуемых представлений о месте его нахождения: *в магазине, на столе, в ведре, в тарелке, на поле*.

Представление о хлебе как о недорогом, но необходимом атрибуте жизни человека, особенно для *сирот* (1) эксплицирует связь с концептом «Деньги»: *дорогой, белый за 25 копеек, экономить*. Данный ряд реакций позволяет выделить в сознании русских оппозицию «богатый – бедный». Кроме этой оппозиции реакции респондентов позволяют вычленить и оппозицию «свое – чужое»: *наш, наше богатство, дорог нам, русский*.

4. Прагматические реакции, представленные в форме диалога, как реплика партнера: *не хочу, береги, берегите*.

Таким образом, представление о хлебе в основном вербализуется ассоциациями, характеризующими его как источник вкуса, без которого не может жить человек. Этот факт подтверждает и словари, так, в словарной статье лексемы «хлеб» содержится указание на то, что это основной пищевой продукт какой-либо страны, местности [2, с. 936].

Способы репрезентации концепта «Хлеб», представленные словарными значениями исследуемого понятия, включают такие признаки, как: объект вкусового восприятия (*продукт*), способ изготовления (*из муки*), форму (*буханка, батон, каравай*) – прямые номинации; условие существования субъекта восприятия (*пропитание, пища*), средство к существованию человека (*за-работок*) – переносные номинации. Как видим, в лексическом значении слова отображается не вся совокупность признаков понятия, а только существенные, социально закрепленные (5 когнитивных признаков концепта «Хлеб»). В ассоциативном тезаурусе мы обнаруживаем актуальные вербальные связи слова-стимула с другими словами, репрезентируемые в сознании носителей языка (зафиксировано 39 когнитивных признаков концепта «Хлеб»).

Хлеб в ассоциативном тезаурусе, отражающем наивное представление «коллективного субъекта» о мире, предстает как явление одновременно «духовное» и «материальное», сквозь призму которого можно реконструировать модель русского человека, оценить его качества и предпочтения.

Список литературы

1. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. М.: «Помовский и партнеры», 2004. 198 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 2. 1084 с.
3. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993. 143 с.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.

References

1. *Assotsiativnyy tezaurus sovremennogo russkogo yazyka* [The associative thesaurus of the contemporary Russian language]. М.: «Pomovskiy i partnery», 2004. 198 p.

2. Efremova T.F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [The new dictionary of the Russian language. Interpretative and word-building]: V 2 t. M.: Russkiy yazyk, 2000. T. 2. 1084 p.
3. Karaulov Yu.N. *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka* [The associative grammar of the Russian language]. M.: Russkiy yazyk, 1993. 143 p.
4. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. The dictionary of the Russian culture]. M.: Akademicheskiy proekt, 2001. 990 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Макарова Ольга Владимировна, доцент кафедры филологических дисциплин, кандидат филологических наук
Тюменский государственный медицинский университет
ул. Одесская, 54, г. Тюмень, 625023, Российская Федерация
omakarova1980@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Makarova Olga Vladimirovna, Associate Professor, Department of philological disciplines, Ph. D. in Philology
Tyumen State Medical Academy
54, Odesskaya Str., Tyumen, 625023, Russian Federation
omakarova1980@mail.ru
SPIN-code: 5658-9943
ORCID: 0000-0002-3356-6794

УДК 809.461.27-3

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-256-265

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОКЛЯТИЙ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Мутаева С.И., Рабаданова С.М., Мишаева М.В.

Цель. В статье проводится лексико-семантический анализ проклятий даргинского языка. Предметом анализа являются национально-культурная специфика и функциональные особенности данных экспрессивных устойчивых сочетаний. Целью исследования явилось комплексное изучение экспрессивных средств даргинского языка, как в лингвистическом, так и лингвокультурологическом аспектах.

Метод и методология проведения работы. Используются общенаучные методы лингвистики: сбор информации, анализ устных и письменных текстов, описательный метод, включающий в себя приемы наблюдения, сравнения, интерпретации и классификации исследуемого материала, метод компонентного анализа, выявляющий содержательные характеристики проклятия.

Результаты. Выделив в проклятиях даргинского языка в качестве основных лексико-семантических групп религиозную терминологию, термины родства и соматонимы, авторы объясняют, что подобное распределение связано с национальными особенностями восприятия действительности носителями даргинского языка, их менталитетом и складом мышления.

Область применения результатов. Результаты исследования лексико-семантических особенностей даргинских проклятий могут быть использованы при исследовании лексической структуры даргинского языка.

Ключевые слова: даргинский язык; проклятия; заимствованная лексика; арабизм; лексико-тематическая классификация; этнос; соматоним; религиозная терминология; термин родства; поверье.

NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF THE DARGWA LANGUAGE CURSES

Mutayeva S.I., Rabadanova S.M., Mishayeva M.V.

The article presents a lexical-semantic analysis of the curses of the Dargwa language. The subject of analysis is the national-cultural specificity and functional features of these expressive set collocations. The purpose of the research is a comprehensive study of the expressive means of the Dargwa language in both linguistic and linguocultural aspects.

Methodology. *The authors use scientific methods of linguistics such as data collection and analysis of oral and written texts, the descriptive method including techniques of observation, comparison, interpretation and classification of the test material, method of component analysis, aimed to identify characteristics of the Dargwa curses.*

Results. *Having found religious terminology, kinship terms and somatonyms as the main lexical-semantic groups of the curses of the Dargwa language, the authors explain that such distribution is connected to the national peculiarities of reality perception by the speakers of the Dargwa language, their mindset and mentality.*

Practical implications. *The results of the study of lexical-semantic features of the Dargwa curses can be used to study the lexical structure of the Dargwa language.*

Keywords: *Dargwa; curse; borrowed vocabulary; Arabism; lexical-thematic classification; ethnicity; somatonym; religious terminology; term of kinship; belief.*

Национально-культурную специфику экспрессивных устойчивых сочетаний помогает раскрыть использование понятия символического значения слова. Ю.А. Гвоздарев утверждает, что символическое значение слова возникает именно в сочетаниях лексем [3, с. 57]. Культурно значимая информация закрепились в экспрессивных устойчивых сочетаниях даргинцев через поверья, мифы, заклинания.

нения, которые воспроизводят характерный для данной лингвокультурной общности менталитет.

Основной целью исследования явился системно-комплексный анализ экспрессивных устойчивых языковых средств даргинского языка в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах.

Научной новизной является то, что исследование национально-культурной специфики проклятий даргинского языка проводится впервые в данной работе. Системный анализ проклятий с этнокультурной точки зрения и их систематизация позволяет выявить особенности национального менталитета любого народа.

Материал и результаты анализа лексико-семантических особенностей даргинских проклятий могут быть использованы при исследовании лексической структуры даргинского языка, способствуют более глубокому пониманию национально-культурных компонентов исследуемых языковых единиц. Все этносы обладают более или менее богатыми и разнообразными материальными и духовными культурными ценностями, которые сложились в процессе многовековой истории и языковые средства этих этносов учитывают свои индивидуальные особенности. Значительное влияние на эти особенности оказывают социально-экономические условия, обусловленные, природно-географической средой проживания того или иного народа, а также общественно-политический строй, материально-нравственные устои, этнические и правовые нормы, присущие тому или иному этносу, религиозные или иные факторы [7, с. 16].

Система образов-эталонов запечатлена в устойчивых сравнениях, «имеющих прямое отношение к условиям жизни носителей данного языка, к их культуре, обычаям и традициям» [4, с. 120].

Благопожелания и проклятия, как и другие экспрессивные единицы, могут иметь специфически национальный, идиоэтнический характер. Благопожелания и проклятия даргинцев выражают самые сокровенные чувства этого народа. В народе бытует мнение о том, что обоснованные проклятия, как правило, сбываются, а необоснованные – оборачиваются злом к самим же проклинающим.

В ходе анализа экспрессивный устойчивых сочетаний даргинского языка было выделено несколько тематических групп, наибольшую из которых составляют выражения, содержащие характер деятельности человека и характеристику самого человека:

1. Проклятия с упоминанием какого-либо мифологического персонажа, олицетворяющего страх, зло: *XIy шайт Iунта арук*. «Чтобы тебя черти забрали»; *XIy жиндли арук*. «Чтобы тебя джин забрал»; *XIези жинд бик*. «Чтоб в тебя вселился бес»; *XIy шайт Iунтази вик*. «Чтоб ты попал к бесам».

Подобные проклятия оформлены формой глагола в прошедшем времени, вместо глагола повелительного наклонения. Такое употребление глагола прошедшего времени усиливает категоричность заклинания.

2. Достаточно большое количество проклятий даргинского языка выражают религиозный характер. Здесь активно используется заимствованная лексика из восточных языков: *Аллагь* «Аллах», *кьяяма* «судный день», *жан, рухI* «дух, жизнь», *жагьаннаб* «ад», *алжана* «рай», *итил дунья* «загробный мир» и т.д., например: *Я, Аллагь, кьяяма кадизаб хIед!* «О, Аллах, пусть для тебя наступит судный день!» *Алжана чемаабааб сунени!* «Чтоб он не увидел рай!» *Жагьаннабла лутIилизи кааби*. «Чтобы на дне ада оказался!» *Жагьаннабла цIали вигаби*. «Пусть адский огонь поглотит тебя!» *Жагьаннабла цIа хIед!* «Адский огонь тебе!» *Жагьаннаб!* «Ад!» *Алжанализи мавикаб сай!* «Чтоб он не попал в рай!» *Кьяямала бархIи кабизаб хIед!* «Пусть наступит для тебя судный день!» *Жан дурасаб сунела!* «Пусть из него вынут жизнь!» *РухI музадухьаб сунела!* «Чтоб оказался в поиске его дух!» Данное проклятие считается страшнейшим для живого человека. Суть данного проклятия заключается в том, чтобы живой человек оказался в одиночестве, настолько в тяжелой ситуации, что никто из живых не смог ему прийти на помощь. В таких проклятиях для усиления экспрессивности и стилистической выразительности чаще всего используются арабские заимствования религиозного характера.

3. Продуктивны в даргинском языке проклятия с соматонимами. Чаще всего используются следующие соматонимы: *някъ/ някъби* «рука/руки», *мухIли* «рот», *лезми* «язык», *хIулби* «глаза», *бекI* «голова», *уркIи* «сердце», *къакъ* «спина», *къяшми* «ноги», *кани* «живот»: *БекI бячаб!* «Чтоб голова разбилась». *Някъби деръаб хIела* «Пусть отсохнут твои руки!» *Дарг хIурасаб сунела!* «Чтобы вышли наружу твои внутренности!» *Сунна уркIи берцIаб!* «Пусть его сердце изжарят!» *Къакъла лига бяч* «Пусть (позвоночник) спина сломается!» *ХIулби дацI* «Пусть отсохнут глаза!» *ХIулби дуради-каб сунела!* «Пусть глаза выкатятся наружу!» *Къяшми дурь!* «Пусть ноги отсохнут!» *МухIли берь!* «Пусть рот отсохнет!» *Лезми берь!* «Пусть язык отсохнет!» *МухIли берд!* «Пусть рот порвется!» *Лезми чеббик!* «Пусть язык оторвется!» *Лезмилизи милкъи бик!* «Чтоб в языке червь завелась!» *МухIли мулкъа берг!* «Чтоб рот червями был съеден!» и т.д.

В связи с тем, что указанная группа исследуемых единиц является чрезвычайно разнообразной, примечательно мнение А.И. Алехина: «Неслучайно соматическая лексика, принадлежащая к древнейшему пласту лексического состава в любом языке, издавна была объектом внимания лингвистов – широта связей соматизмов с реалиями окружающего мира объясняется онтогенетическими функциональными свойствами частей тела человека и их широкой символизацией» [1, с. 179].

Отметим, что среди проклятий даргинского языка наблюдается преобладающее количество с соматонимами *мухIли* «рот», *лезми* «язык». Это обусловлено тем, что с функциями рта и языка человек сталкивается постоянно. При помощи данных органов человек производит речь, ест пищу, т.е. проклинающий уверен в значимости проклятия, связанного с данными органами. Употребляя в проклятии данные органы, проклинающий, тем самым, желает смерти. К примеру, проклятие *МухIли мулкъа берг!* «Чтоб рот червями был съеден!» означает следующее: «рот будет червями съеден» в том случае, если тот окажется в могиле или в случае тяжелой болезни. Большое количество таких проклятий в даргинском языке объяс-

няется верой народа в магическую силу слова. «Таким образом, проклинающий успокаивал себя. Ведь злые пожелания направлены, чтобы уничтожить и ликвидировать врага. И частотность их употребления в проклятиях и отражает способ воздействия на ситуацию» [6, с. 7].

4. Значительный интерес представляют проклятия даргинского языка с терминами родства. «В них может выражаться стремление оскорбить проклинаемого через его близких родственников» [2, с. 169]. Приведем примеры: *Жинс къябберд!* «Чтобы род закончился!» *Сунела бег1ти алх!* «Пусть умрут родители!» *Сунела неш каруи!* «Чтоб мать его была убита!» *Сунела вег1еби!* «Чтобы хозяин исчез!» *Верх1ли авцили кавхаб сунела уриш!* «Чтоб несли его сына семеро!»

Одной из главных форм глагола в проклятиях даргинского языка является запретительное наклонение. Это отрицательная форма императива или категориальная форма выражения модальности запрещения действия. Основным смыслом в проклятиях придает запретительно-заклинательная форма, образованная от данной формы глагола, образованного присоединением аффикса *-аб*: *Алхаб!* «Пусть сдохнет!» *Кавшаб!* «Пусть убьют!» *Беръаб!* «Пусть сгниет!» и т.д. «Среди проклятий наиболее распространены такие, которые являются односоставными определенно-личными предложениями, в которых сказуемое имеет форму 2-го лица единственного числа» [6, с. 8].

В проклятиях даргинского языка наряду с полными глагольными формами часто используется краткая усеченная форма глагола: *Беръ!* «Пусть сгниет!» *Берц1!* «Пусть зажарится!» *Кави!* «Пусть убьют!»

Здесь часто употребляется также желательное-заклинательная форма глагола, оформленная классным показателем: *Неш каруи / Дудеш кави* «Пусть мать будет убита! / Пусть отец будет убит!» и т.д.

Содержание желательных-заклинательных форм на классный показатель и без него почти полностью совпадает, совпадает также сфера их применения. Стилистическая окрашенность последних

обуславливает их применение преимущественно в устной народной речи, в фольклоре.

В даргинском языке проклятия служат одним из главных источников пополняющим лексический и фразеологический фонд языка. Служит активным источником пополнения лексического фонда даргинского языка и переход многих устойчивых экспрессивных единиц из даргинских диалектов в литературный язык, который объясняется тем, что их единой основой является общенародная разговорная речь. В проклятиях даргинцев достаточно много и таких, ведущих свое происхождение из произведений народных поэтов. Активно используются проклятия в даргинской поэзии. Творчество даргинского народного поэта Омарла Батырая изобилует проклятиями. Приведем примеры:

*Гляхгъвабза адашивад
Адмакляб вайна гъвабза,
Адаан дякьиб къугъни
Сунишир ширихъуну.
Вайгъвабза адашивад
Адмакляб гляхна гъвабза
Адашир дякьиб къугъни
Нуни ширихъус или,
Убкларну агвар ажай....
«Пусть у храброго отца
Не родится подлый сын
Ибо должен будет он
Дать отпор врагам отца.
Пусть у подлого отца
Не родится храбрый сын
За издевательства над отцом
Желая отомстить, умрет он раньше срока»*

[5, с. 196].

Проклятия даргинцев охватывают разные стороны жизни человека: это и возлюбленный, не захотевший жениться, и девушка, которая не вышла замуж, соседи, которые не ладят друг с другом,

проклятие предателю, врагам, проклятия, произносимые при разводе супругов и т.д.

К основным лексико-семантическим группам в проклятиях даргинцев относятся: религиозная терминология (заимствования лексика), термины родства, соматонимы. Такое распределение объясняется национальными особенностями восприятия действительности носителями даргинского языка, складом их мышления, менталитетом даргинцев.

Список литературы

1. Алехина А.И. Идиоматика современного английского языка. Минск: Высшая школа, 1982. 279 с.
2. Гасанова У.У. Лексический состав и словообразование хайдакского диалекта даргинского языка. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2012. 257 с.
3. Гвоздарев Ю.А. Народные обычаи в русской фразеологии // Вопросы общей и дагестанской фразеологии. Махачкала. Издательство: ДГУ, 1984. 162 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
5. Омарла Батырай. Поэтическое наследие. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1989. 503 с.
6. Раджабова Н.Г. Структурно-грамматический анализ благопожеланий и проклятий даргинского языка. Автореферат дисс... канд. филол. наук. Махачкала, 2011. 23 с.
7. Телия В.В. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

References

1. Alekhina A.I. *Idiomatika sovremennogo anglijskogo jazyka* [Idiomatic system of modern English]. Minsk: Vysshaja shkola, 1982. 279 p.
2. Gasanova U.U. *Leksicheskij sostav i slovoobrazovanie hajdakskogo dialekta darginskogo jazyka* [Lexical structure and word formation of

- the Khaidar dialect of the Dargwa language]. Makhachkala: DGU CPI, 2012. 257 p.
3. Gvozdarev Yu. A. *Narodnye obychai v russkoj frazeologii* [Folk customs in Russian phraseology]. *Voprosy obshhej i dagestanskoj frazeologii* [Issues of general and Dagestani phraseology]. Makhachkala: DGS, 1984. 162 p.
 4. Maslova V.A. *Lingvokul'turologija* [Cultural Linguistics]. M.: Publishing center "Akademiya", 2001. 208 p.
 5. Omarla Batiray. *Pojeticheskoe nasledie* [Poetic heritage]. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1989. 503 p.
 6. Radjabova N.G. *Strukturno-grammaticeskij analiz blagopozhelanij i prokljatij dargin'skogo jazyka* [Structural-grammatical analysis of good wishes and curses of the Dargwa language]. The PhD thesis. Makhachkala, 2011. 23 p.
 7. Teliya V.V. *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticeskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M.: "Languages of Russian culture" School, 1996. 288 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мутаева Саида Ибрагимовна, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков для естественнонаучных факультетов
Дагестанский государственный университет
ул. Коркмасова 8, г. Махачкала, Дагестан, Российская Федерация
suzon09@list.ru

Рабданова Саният Меджидовна, канд. филол. наук, доцент, зав кафедрой иностранных языков для естественнонаучных факультетов
Дагестанский государственный университет
ул. Коркмасова 8, г. Махачкала, Дагестан, Российская Федерация
saniyat449@gmail.com

Мишаева Марианна Владимировна, канд. филол. наук, доцент
кафедры иностранных языков для естественнонаучных фа-
культетов

Дагестанский государственный университет

*ул. КORKMASOVA 8, г. Махачкала, Дагестан, Российская Феде-
рация*

mishmar78@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Mutayeva Sayeda Ibragimovna, PhD in Philological Sciences, Asso-
ciate Professor, Department of Foreign languages for Faculties
of Natural Sciences

Dagestan State University

8, Korkmasov Str., Makhachkala, Dagestan, Russian Federation
suzon09@list.ru

SPIN-code: 6702-2844

Rabadanova Saneyat Medzdidovna, PhD in Philological Scienc-
es, Associate Professor, Chief of Department of Foreign Languag-
es for Faculties of Natural Sciences

Dagestan State University

8, Korkmasov Str., Makhachkala, Dagestan, Russian Federation
saniyat449@gmail.com

Mishayeva Marianna Vladimirovna, PhD in Philological Scienc-
es, Associate Professor, Department of Foreign Languages for
Faculties of Natural Sciences

Dagestan State University

8, Korkmasov Str., Makhachkala, Dagestan, Russian Federation
mishmar78@mail.ru

SPIN-code: 6215-9422

УДК 811.511:142

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-266-274

**ГЛАГОЛ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ
СТАТИЧЕСКОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ
В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ШУРЫШКАРСКОГО ДИАЛЕКТА)**

Нахрочева Г.Л.

Статья посвящена описанию семантического класса глаголов статической пространственной локализации, выявлению внутренней организации лексико-семантической группы (ЛСГ) исследуемых глаголов, описанию дифференциальных признаков данных глаголов и их сочетаемостных особенностей. Глаголы пространственной локализации подразделяются на два типа: 1) глаголы со значением статической локализации одних объектов относительно других; 2) глаголы со значением динамической локализации пространственного признака. Предметом исследования являются особенности семантики и функционирования глаголов статической пространственной локализации. С точки зрения местонахождения субъекта или объекта и расположения его в пространстве глаголы статической пространственной семантики представлены несколькими ЛСГ: глаголы со значением расположения субъекта (объекта) в пространстве; глаголы со значением постоянного пребывания где-либо; глаголы со значением временного пребывания где-либо.

***Ключевые слова:** хантыйский язык; семантика; глагол; статическая пространственная локализация; местонахождение.*

**VERB AS A MEANS OF STATIC SPATIAL
LOCALIZATION EXPRESSION IN THE KHANTY LANGUAGE
(AS BASED ON OF THE SHURYSHKAR DIALECT)**

Nakhracheva G.L.

The article describes the semantic class of verbs of static spatial localization, identification of the internal organization of the lexical-se-

mantic group (LSG) of the studied verbs, description of the distinctive features of these verbs and their selectional ones. Verbs of spatial localization are classified into two types: 1) the verbs with the meaning of static localization of one object in relation to the other one; 2) the verbs with the meaning of dynamic localization of spatial feature. The subject of the research is the peculiarities of semantics and functioning of verbs of static spatial localization. Taking into consideration location of the subject or object and its position in space, the verbs of static spatial semantics are represented by several LSG: the verbs with the meaning of the location of the subject (object) in space; the verbs with the meaning of permanent location somewhere; the verbs with the meaning of temporary location somewhere.

Keywords: *Khanty language; semantics; verb; static spatial localization; location.*

Одно из первых проявлений познания человеком мира – это восприятие им пространства. В языковом сознании разнообразные пространственные отношения реальных физических объектов обобщаются в двух типах значений: статистической и динамической локализованности одних объектов относительно других. Ведущая роль в выражении указанных типов пространственных отношений принадлежит глагольной лексике.

Объектом предметом исследования является глагол как средство выражения статической пространственной локализации. Предметом исследования являются особенности семантики и функционирования глаголов статической пространственной локализации.

Цель статьи – выявить и проанализировать в функционально-семантическом аспекте глаголы исследуемой семантики. Глаголы пространственной локализации, наряду с глаголами движения, посессивными, перцептивными, речевыми и некоторыми другими группами глаголов, описывают основные действия человека, обусловленные его природными и социальными потребностями. На материале казымского диалекта хантыйского языка ЛСГ глаголов пространственной локализации была частично описана в работах В.Н.

Соловар [5, с. 36], А.Ю. Фильченко, О.С. Потаниной [7, с. 62–72], Е.В. Кашкина [2, с. 78–88], описание данных глаголов выполнено в словарях шурышкарского диалекта С.И. Вальгамовой, Н.Б. Кошкаревой, С.В. Ониной, А.А. Шияновой [1], Ф.М. Лельховой [3] и казымского диалекта В.Н. Соловар [6].

Основным материалом для изучения послужила выборка примеров из фольклорных, художественных произведений, а также массив примеров из текстов, опубликованных в хантыйской газете «Лух авт». Использовались также данные грамматик и словарей, полевые записи автора. При сборе языкового материала в местах проживания ханты использовались традиционные приемы: опрос, наблюдение, фиксация устной речи при помощи технических средств.

В семантике глаголов пространственной локализации статический и динамический аспекты пространственного отношения представлены едино, синкретично. Так, например, в форме дательного-направительного падежа имени при глаголах динамической локализованности в пространстве актуализируется динамический аспект пространственного отношения: *xot xār=a opsīŋjī* – садиться на пол, *xot=a ŋŋjī* – войти в дом. А в сочетаниях глаголов статической локализованности с формой местно-творительного падежа имени актуализируется статический аспект пространственного отношения (в виде семы пространственности). Например, *pāsān=ən omāstī* – сидеть на диване; *xot šānš=ən lojī* – стоять за домом. В глаголах направленного движения в сочетании с пространственными именами в форме направительного падежа происходит ослабление динамического компонента семантики, и они вместе с семой результативности, выраженной формой прошедшего времени, приобретают значение автокаузированной статической локализованности в пространстве. Так, например, глагол *ŋŋjī* ‘входить’: *Łow xot ŋŋjija ŋŋjās* ‘В конюшню зашел’; *Min joxi ŋŋjāsəŋ* ‘Мы вошли в дом’.

Центром ЛСГ глаголов пространственной локализации выступает глагол *ultī* ‘быть, находиться, пребывать, располагаться’. Он обозначает пространственную локализованность в самом общем виде, не конкретизируя ни позиции, ни местонахождения предмета

и может выступать в роли идентификатора глаголов пространственной локализации.

Статическая пространственная локализация представлена бытийными глаголами. Бытийные глаголы четко различаются по своим конкретным значениям, в то же время объединяются в одну группу по их абстрактным значениям ‘быть’, ‘пребывать’, ‘жить’, ‘существовать’.

«Бытийные глаголы включают три обязательных семантических компонента: область бытия, бытующий в этой области субъект и факт пребывания субъекта в данной области. Обязательные компоненты могут сопровождаться дополнительными компонентами, которые главным образом характеризуют субъект бытия и время пребывания субъекта в определенной области» [8, с. 69].

В шурышкарском диалекте хантыйского языка эта группа представлена следующими глаголами: *uŋŋiŋ* ‘быть’; *uŋi* ‘1) жить, прожить, обитать, 2) быть, находиться, пребывать, располагаться’; *omasiŋ* ‘1) сидеть (находиться в сидячем положении); сесть (о солнце), 2) поставить; 3) сажать, 4) построить, 5) располагаться’; *ŋojiŋ* ‘1) стоять; 2) остановиться’; *ŋiŋi* ‘1) лежать, лечь, 2) спать’; *ŋojijiŋ* ‘висеть’; *hoŋiŋ* ‘1) ночевать где-л., останавливаться на ночлег у кого-л., 2) прожить’; *hoŋiŋiŋ* ‘останавливаться (на ночлег, на привал)’; *moŋiŋati* ‘гостить, быть в гостях’.

Данные многозначные глаголы хантыйского языка, объединенные значением ‘местонахождения или существования субъекта, объекта в пространстве’ распределяются по трем ЛСГ:

1. Глаголы со значением расположения субъекта (объекта) в пространстве.
2. Глаголы со значением постоянного пребывания где-либо.
3. Глаголы со значением временного пребывания где-либо.

Глаголы со значением расположения субъекта в пространстве

Наиболее частотными в хантыйском языке являются глаголы, включающие в свою семантику значение расположения субъекта

либо объекта в пространстве. Глаголы, которые инкорпорируют этот семантический компонент, называются «позиционными» глаголами [4, с. 285]. В хантыйском языке в группу позиционных глаголов объединены глаголы со значением «занимать определенную позицию в пространстве», которое может быть и горизонтальное, и вертикальное. Эти глаголы уточняют позицию предмета своей собственной семантикой. Глаголы *oməstī* ‘1) сидеть (находиться в сидячем положении); сесть (о солнце), 2) поставить; 3) сажать, 4) построить, 5) располагаться’; (о людях и животных)’; *opsəmtī* ‘сесть мгновенно’ передают значение ‘занимать в пространстве позицию сидя’. Этот глаголы детализируют своим значением семантический признак «опора на поверхность». Речь идет о специфическом нахождении, для которого характерно вертикальное расположение туловища с опорой на что-либо ягодицами (для человека), а также задней частью тела и передними лапами (для животных): *Ješauł kušajjalal uxla oməstəŋəŋ* ‘Скоро хозяева в сани сядут’; *Ma mołxāł wuš eltī tāta oməsləm* ‘Я со вчерашнего дня тут сижу’; *At kūtəp unī pōtərtman oməssət* ‘До пол ночи сидели и разговаривали’; *Ow jelpijən amp oməsl* ‘Перед дверями сидит собака’; *Jōxətmewn, mōxət pāsən surn oməslət* ‘Когда мы пришли, люди за столом сидят’; *Pirəs imi urxot kūtəpn oməsl, rat šōmaja* ‘Сидит старуха посреди чума, напротив костра’.

Глагол *lojtī* ‘1) стоять; 2) остановиться (о людях, животных и неодушевленных предметах)’: *Wūləŋ uxəl lojəl* ‘Запряженная упряжка оленей стоит’; *Pāsən eltī loja* ‘Встань на стул’; *Lowət šanš wūšn jīŋkən lojələt* ‘Лошади по колено в воде стоят’; *Išnew ješalt kāt l’um jūx lojəl* ‘Напротив окна две черемухи стоят’; *Wūlət poxla lojələt* ‘Олени рядышком стоят’; *Ma jūx saja lojsem* ‘Я за дерево встал’.

Глагол *ōlī* ‘1) лежать, лечь, 2) спать’; (о людях, животных и неодушевленных предметах), т.е. занимать в пространстве позицию ‘леча’: *Roma ōla* ‘Лежи спокойно’; *Iški kūt m lońs eltī ōltał* ‘На морозе на снегу, оказывается, лежит’; *Aj amp ow šuŋəl ōləl* ‘Собачка лежит в углу, возле дверей’; *Kūšar tāləŋ ōləl* ‘Бурундук зимой спит’; *Aj nōpije warsət kūta il ōlmał* ‘Лосенок лег в кусты’.

Глагол *ʃojjiti* ‘висеть; повисать’ (о предметах) – занимать в пространстве положение без опоры на поверхность, т.е. такое положение, когда предмет находится в физическом контакте с другим предметом. Такой контакт может осуществляться через специальные средства (веревка, нитка, ветка и т.п.): *Altī kešet illī esəlman ʃojlət* ‘Сабли вниз лезвиями висят’; *Lampa pāsān nūmpijən ʃojjjet* ‘Лампа висит над столом’.

Глаголы со значением постоянного пребывания где-либо

К этой группе мы относим глаголы: *ultī* ‘1) жить, прожить, обитать, 2) быть, находиться, пребывать, располагаться’, *ultī-xoltī* ‘жить-ночевать’, *ultī-ultī* ‘жить-жить’. Базовым является глагол *ultī* (о людях и животных): *Un ańtem pārmal jūpijən, lūw xotələn neməlt xojat ańt ul* ‘С тех пор как бабушка умерла, в ее доме никто не живет’; *Šitī šī usuw* ‘Так и жили’; *Šiməs xojatət ulłət* ‘Такие люди есть’; *Xāntət kūtən lūw i rūš iki ulmal* ‘Среди ханты только он один был русский’; *In šuńel-xullələn in šī ulłət* ‘С этим счастьем и сейчас живут-поживают’; *Wūlł xotew šejk xūwən ańta, i puš šūtšətī tāxa wūšən ul* ‘Чум наш не очень далеко, на расстоянии одной остановки находится’; *Asow kurt lepən Muw kurt katra ulmal, šit oprasłat uləm tāxa, šita sema pitmal* ‘Возле поселка Азово раньше находилась деревня Мувгорт, там жили его предки, там он родился’; *Woškurt xālas nūmpijənšək ulmal* ‘Поселение Вошкорт находилось выше кладбища’; *Nōwi turem ulłī* ‘Прожить светлый жизненный путь’; *In kurtwoləl wolłī tāla jūwman ul, xojatłal usət-usət, isa pārsət* ‘Сейчас деревня совсем опустела, люди жили-жили, и все умерли’. Парный глагол *ultī-xoltī* ‘жить-ночевать’ в хантыйском языке встречается, в основном, в художественных и фольклорных текстах: *Najəŋ-xāłəŋ nīm tūw xoša ulłī-xoltī jāma jis* ‘На солнечной северной земле жить-поживать стало хорошо’.

Глаголы со значением временного пребывания где-либо

Глаголы этой группы детализируют своим значением семантический признак ‘нахождение кого/чего-либо где-либо недолго’:

xołtī ‘1) ночевать где-л., останавливаться на ночлег у кого-л., 2) прожить’; xojłtī ‘останавливаться (на ночлег, на привал)’, *mojlətī* ‘гостить, быть в гостях’ (о людях), *kasəłtī* ‘кочевать, перекочевывать’. Например: *Ewəł mojlətī jəxtəs* ‘Дочь приехала погостить’; *Ma nīn xośajəna mojlətī pa ənt jəxəłəm* ‘Я к вам в гости больше не приеду’; *Unt lepas xoten xolsew* ‘В лесу мы ночевали в шалаше’; *Mūw wantīl xojatət saj tāxa ənt ujtət pa sīt ureŋən ənt xolset, jellī mantsət* ‘До тех пор, пока путешественники не нашли безопасного укрытия, они на ночлег на останавливались, дальше шли’. К этой же группе мы относим глагол *kasəłtī* ‘кочевать, перекочевывать’, ‘проводить зиму, зимовать, перезимовать где-либо (о людях и животных), локативный компонент включается в семантику глаголов в виде конкретного сезонного места пребывания: *Tām xot woła tał untī kasəłsəw* ‘На это стойбище до зимы перекочевали’; *Śi xot pa tāxaja kasləs* ‘Эта бригада (оленеводов) на другое место перекочевала’; *Wūlī xota tāła tup kasləsəsət* ‘В лес, жить в чуме, только на зиму переезжали’.

Таким образом, семантика глаголов статической пространственной локализации сложна и неоднородна. Во-первых, в их структуре присутствуют не только позиционные, но и непозиционные компоненты. Преобладание непозиционных сем приводит к появлению локальных и экзистенциальных ЛСВ, которые могут осложняться другими периферийными семами. Именно такая гибкость семантики обуславливает широкую сочетаемость и употребительность глаголов пространственной семантики, свойственную хантыйскому языку. Во-вторых, наблюдается сочетание в одном глаголе противоположных семантических компонентов ‘состояние’ и ‘действие’.

Результаты работы вносят определенный вклад в системное изучение словарного состава обско-угорских языков. В работе описана лексическая семантика глаголов статической пространственной локализации, в дальнейшем это позволит нам глубже изучить синтаксическую полисемию. Результаты исследования могут быть использованы для проведения типологических и сравнительно-сопоставительных исследований языков разных систем.

Список литературы

1. Вальгамова С.И. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты). Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
2. Кашкин Е.В. Семантика хантыйских позиционных предикатов. Проблемы лексико-семантической типологии: сборник научных трудов Третьей Международной научной конференции, 2016. С. 78–88.
3. Лельхова Ф.М. Словарь глаголов хантыйского языка (шурышкарский диалект). Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2012. 207 с.
4. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 415 с.
5. Соловар В.Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Новосибирск: Любава, 2009. 264 с.
6. Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: Формат, 2014. 386 с.
7. Фильченко А.Ю., Потанина О.С. Предикативная поссессивность в восточных диалектах хантыйского языка. Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 4(14). С. 60–72.
8. Шилова В.В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2003. Ч. 1. 106 с.

References

1. Valgamova S.I. *Dialektologicheskij slovar khantyyskogo yazyka (shuryshkarskiy i priuralskiy dialekty)* [Dictionary of the dialects of the Khanty language (Shuryshkar and Uralic dialects)]. Ekaterinburg: izd-vo «Bas-ko» Publ., 2011. 208 p.
2. Kashkin E.V. *Semantika hantyjskih pozicionnyh predikatov* [The semantics of positional predicates in the Khanty language]. *Problemy leksiko-semanticheskoy tipologii: sbornik nauchnyh trudov Tret'ej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Problems of lexical and semantic typology: collection of scientific proceedings of the 3rd International scientific conference]. Voronezh, 2016, pp. 78–88.

3. Lelkhova F.M. *Slovar' glagolov hantyjskogo yazyka (shuryshkarskij dialekt)* [Dictionary of the verbs of the Khanty language (Shuryshkar dialect)]. Khanty-Mansijsk: Novosti Yugry Publ., 2012. 207 p.
4. Rahilina E.V. *Kognitivnyj analiz predmetnyh imen: semantika i sochetatnost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and combinability]. Moskva, Russkie slovari Publ., 2000. 415 p.
5. Solovar V.N. *Khantyysko-russkij slovar* [Khanty-Russian dictionary]. Saint-Petersburg: izd-vo «Mirall» Publ., 2006. 333 p.
6. Solovar V.N. *Paradigma prostogo predlozheniya v khantyyskom yazyke (na material kazymskogo dialekta)* [Paradigm of a simple sentence in the Khanty language (on the material of the Kazym dialect)]. Novosibirsk: Lyubava Publ., 2009. 264 p.
7. Fil'chenko A.Yu., Potanina O.S. *Predikativnaya possessivnost' v vostochnykh dialektah hantyjskogo yazyka* [Predicative possessively in the Eastern dialects of the Khanty language]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij* [Tomsk journal of linguistics and anthropology], 2016, no. 4 (14), pp. 60–72.
8. Shilova V.V. *Prostranstvennye modeli jelementarnyh prostyh predlozhenij v neneckom jazyke* [Spatial models of elementary simple sentences in Nenets language]. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t. Publ., 2003, P. 1. 106 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Нахрочева Галина Леонидовна, ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук
БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»
ул. Мира 14А, г. Ханты-Мансийск, 628007, Российская Федерация
galina-nakhracheva@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nakhracheva Galina Leonidovna, Leading Researcher, Candidate of Philological Sciences
Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development
14A, Mira Str., Khanty-Mansiysk, 628007, Russian Federation
galina-nakhracheva@rambler.ru

УДК 811.511:142

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-275-281

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛА ОМӘСТӢ ‘СИДЕТЬ’ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ШУРЫШКАРСКОГО ДИАЛЕКТА)

Нахрачева Г.Л.

Цель. Статья посвящена выявлению и описанию лексико-семантических вариантов хантыйского глагола *омәстӓ* ‘сидеть’. Поскольку семантика глагола неразрывно связана с его сочетаемостью, исследование системы многозначного глагола опирается на его реализацию в контексте. Значения многозначного глагола *омәстӓ* выводятся из его лексического окружения, его сочетания с другими лексемами. Именно сочетаемость выступает как условие реализации того или иного значения.

Метод или методология проведения работы. Основным материалом для исследования послужила картотека, составленная автором путем сплошной выборки примеров из фольклорных, художественных произведений, а также массив примеров из текстов, опубликованных в хантыйской газете «Лухавт». Кроме всего использовались данные словарей, полевые записи автора. При сборе языкового материала в местах проживания ханты использовались традиционные приемы: опрос, наблюдение, фиксация устной речи при помощи технических средств.

Исходя из общей цели исследования, в работе использовались следующие методы: метод контекстного (дистрибутивного) анализа, позволяющий выявить различные значения и оттенки значений исследуемого глагола, и экспериментальный анализ, связанный с работой информантов, при помощи которых проводилось уточнение значений глагола.

Результаты. Как показывает наше исследование, глагол *омәстӓ* представлен в современном хантыйском языке 10 лексическими зна-

чениями, которые детализируют семантический признак «опора на поверхность».

Область применения результатов. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при составлении словарей хантыйского языка, при чтении вузовских курсов и написании учебных пособий по курсам грамматики и лексикологии хантыйского языка.

Ключевые слова: хантыйский язык; глагол; семантика; сочетаемость; семантическая структура слова; лексико-семантический вариант.

SEMANTIC STRUCTURE OF THE VERB OMƏSTĪ 'TO SIT' IN THE KHANTY LANGUAGE (AS BASED ON THE SHURYSHKAR DIALECT)

Nakhracheva G.L.

Purpose. The article is devoted to identification and description of the lexical-semantic variants of the Khanty verb *oməstĭ* 'to sit'. Due to the fact that the semantics of the verb is inseparably connected with its co-occurrence, studying the system of the polysemantic verb is based on its realization in the context. Meanings of the polysemantic verb *oməstĭ* are derived from its lexical circle, as well as its combination with other words. Combinability with different words is a prerequisite to the realization of a certain meaning of the verb.

Methodology. The basic material of the study was a card catalogue compiled by the author through continuous sampling of examples from the folklore, artistic works and the materials from the texts published in the Khanty newspaper *Lukhavt*.

In addition, dictionaries data as well as the author's field materials were used. In the process of the language material collecting in the Khanty's places of residence, traditional techniques were used, such as survey, observation, fixation of oral speech with the help of technical means.

Based on the overall goal of the research work the methods used were as follows: the method of contextual (distributional) analysis, which reveals different meanings and shades of meaning of the examined verb, as well as the experimental analysis associated with the informants, used to clarify the meanings of the verb.

Results. *It has been shown that the verb omästis is presented in the modern Khanty language by 10 lexical meanings, detailing the semantic feature 'footing at the surface'.*

The scope of the results of the study. *Materials and conclusions of the study can be used in the preparation of the dictionaries of the Khanty language, with reading University courses and writing textbooks for courses of lexicology and grammar of the Khanty language.*

Keywords: *Khanty language; verb; semantics; co-occurrence; semantic structure of the word; lexical-semantic variant.*

Целью данной статьи является анализ лексико-семантических вариантов многозначной лексемы *omästi* 'сидеть' в хантыйском языке. Наша задача – представить значения данного глагола как некоторую систему.

По своей семантике данный глагол *omästi* мы относим к глаголам статической пространственной локализации, к так называемым «позиционным глаголам». Это глаголы, включающие в свою семантику значение расположения субъекта либо объекта в пространстве. Глаголы, которые инкорпорируют этот семантический компонент, называются «позиционными» глаголами [4, с. 285]. Данный глагол уточняет позицию предмета своей собственной семантикой, детализируют своим значением семантический признак «опора на поверхность».

На материале казымского диалекта хантыйского языка ЛСГ глаголов пространственной локализации была частично описана в работах В.Н. Соловар [5, с. 36], А.Ю. Фильченко, О.С. Потаниной [7, с. 62–72], Е.В. Кашкина [2, с. 78–88], описание данных глаголов выполнено в словарях шурышкарского диалекта С.И. Вальгамовой, Н.Б. Кошкаревой, С.В. Ониной, А.А. Шияновой [1], Ф.М. Лельховой [3] и казымского диалекта В.Н. Соловар [6].

Мы попытаемся выявить все имеющиеся лексические значения исследуемого глагола.

Основное значение лексемы *oməstī* ‘сидеть, садиться – принять сидячее положение’ (ЛСВ₁): *Ma molxātī wuś eltī tāta oməsləm* ‘Я со вчерашнего дня тут сижу’; *Ješaul kuśajjalal uxla oməsləŋən* ‘Скоро хозяева в сани сядут’; *At kūtəp untī pōtərtman oməssət* ‘До пол ночи сидели и разговаривали’; *Ow jelpijən amp oməsəl* ‘Перед дверями сидит собака’; *Jōxətmewn, mōxət pāsən surn oməslət* ‘Когда мы пришли, люди за столом сидят’; *Pirəs imi urxot kūtepn oməsəl, rat šōmaja* ‘Сидит старуха посреди чума, напротив костра’; *Imen joln oməsəl* ‘Твоя жена дома сидит’; *Lor kūtəpən kāt wasī oməsləŋən* ‘Посередине озера две утки сидят’; *Nīn xolna oməslətī?* ‘Вы еще сидите?’; *Nīn il opsatī* ‘Вы садитесь’. Из приведенных примеров видно, что субъектами являются человек и животные.

ЛСВ₂ ‘поставить – поместить что-либо в определенное место или положение’: *xoləp oməstī* ‘поставить сеть’, *Līn welpəs oməssəŋən* ‘Они поставили ловушку’; *Wetra nōremn oməsl* ‘Ведро стоит на полке’; *Šaj pūten kur loŋla opsī* ‘Поставь чайник на печку’; *Xoləp kurt lepən oməssəw* ‘Сети недалеко от деревни поставили’; *Tima iki xoləplal oməsəl* ‘Тима ставит сети’; *Šeña nāxtī woj līsət oməstī manəs* ‘Сеня пошел ставить сети на куропатку’.

ЛСВ₃ ‘посадить – придавать устойчивое положение, помещая близко к земле или другой прочной опоре’: *Maj ūx oməssəm* ‘Я посадил дерево’; *Ašemən xopa oməssajum* ‘Отец=мой посадил меня в лодку’; *Kartoška pakāmn tōrn oməssəw* ‘Посадили картошку и разные травы’; *Mūj tāmxātəl jūx oməstī pitləw* ‘Сегодня мы деревья будем сажать’.

В значении ‘построить’ глагол *oməstī* сочетается с названиями различного рода построек, например, дом, лабаз и др. (ЛСВ₄): *Ašem jaləp xot omsəs* ‘Отец=мой построил (букв.: посадил) дом’; *Lūw jājəla xot omsəstī notəs* ‘Он помог построить дом брату’; *Un lāškam xot oməslət* ‘Большой просторный дом строят’; *Jāləp lōpas opsəm* ‘Новый лабаз построен’; *Jajlam xot oməslət* ‘Братья=мои дом строят’.

ЛСВ₅ ‘замесить – приготовить, смешивая какое-нибудь сыпучее вещество с жидкостью и разминая для получения вязкой массы’: *sūr oməstī* ‘приготовить брагу’; *Ma nañ šūm oməsləm* ‘Я тесто замесу (букв.: поставлю)’; *Iməthañ šūm omsəs* ‘Жена=его тесто замесила (букв.: поставила)’; *Nañ oməstī mosəl* ‘Тесто на хлеб надо замесить’.

ЛСВ₆ ‘отелиться – родить телёнка (о корове, самке оленя, лося и некоторых других парнокопытных животных)’: *Ne ýlem xǎnšaj sǔjǎw omǎsmal* ‘Важенка родила пёстрого оленёнка’; *Misew towijǎn opsǎs* ‘Корова весной отелилась’; *Sujǎw omǎstǐ tǐlsǎ jis* ‘Настал месяц отела (букв.: теленка садить)’.

ЛСВ₇ ‘сесть, опуститься за горизонт, зайти (о солнце)’: *Xǎtl opsǎs* ‘Солнце село’.

ЛСВ₈ ‘стоять, располагаться, находиться (о постройках, поселениях, транспортных средствах)’: *Katra xot xolna omǎsǎl* ‘Старый дом еще стоит’; *In kurtǎn kirpǎs kur omǎsǎl* ‘Сейчас в деревне кирпичная печь поставлена’; *Pǎl sǎjxǎmn Owkurt omǎsǎl* ‘На высоком холме расположен поселок Овгорт’; *Muši woš As puñǎln omǎsǎl* ‘Село Мужы расположено на берегу Оби’; *Jǎjxǎm xopem tǎta šǐ omǎsǎl* ‘Лодка, на которой ездил, здесь вот стоит’; *Namn kǎt xop omǎsǎl* ‘На берегу две лодки стоят’; *Xopew ýtǎn omǎsǎl* ‘Лодка на берегу возле леса стоит’; *Uxlǎt kǔrǎj lǒpas ilpijǎn omǎslǎt* ‘Нарты стоят под лабазом на ножках’.

В значении ‘расставить’ (ЛСВ₉) глагол *omǎstǐ* сочетается с превербом *lakki*: *Ulassǎt lakki omǎslǎtam* ‘Стулья расставлю’.

ЛСВ₁₀ ‘арестовать – лишать свободы, помещать в тюрьму или другое место заключения’, это значение реализуется при сочетании данной лексемы со словом *kasna xot* ‘тюрьма’: *Lǔw sǒx lǒlǎmmal urǎjǎn, kasna xota omǎssa* ‘за то, что он украл шкуру, его посадили в тюрьму’.

В значении ‘поставить к костру’ (ЛСВ₁₁) глагол *omǎstǐ* сочетается с превербом *nǐk*: *Imel xǔlǐ pǔtel nǐk omsǎs* ‘Жена котёл с рыбой к костру поставила’.

Итак, на примере глаголов *omǎstǐ* мы рассмотрели актуализацию значений данного многозначного глагола. Все ЛСВ объединяет признак «опора на поверхность», они мотивируются основным значением глагола, и смысловая структура этого глагола по принципу связей ЛСВ друг с другом относится к радиальному типу полисемии.

Список литературы

1. Вальгамова С.И. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты). Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.

2. Кашкин Е.В. Семантика хантыйских позиционных предикатов// Проблемы лексико-семантической типологии: сборник научных трудов Третьей Международной научной конференции. 2016. С. 78–88.
3. Лельхова Ф.М. Словарь глаголов хантыйского языка (шурьшкарский диалект). Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2012. 207 с.
4. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 415 с.
5. Соловар В.Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Новосибирск: Любава, 2009. 264 с.
6. Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: Формат, 2014. 386 с.
7. Фильченко А.Ю., Потанина О.С. Предикативная поссесивность в восточных диалектах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 4(14). С. 60–72.
8. Шилова В.В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2003. Ч. 1. 106 с.

References

1. Valgamova S.I. *Dialektologicheskiy slovar khantyyskogo yazyka (shuryshkarskiy i priuralskiy dialekty)* [Dictionary of the dialects of the Khanty language (Shuryshkar and Uralic dialects)]. Ekaterinburg: izd-vo«Bas-ko» Publ., 2011. 208 p.
2. Kashkin E.V. Semantika hantyskiykh pozitsionnykh predikatov [The semantics of positional predicates in the Khanty language]. *Problemy leksiko-semanticheskoy tipologii: sbornik nauchnykh trudov Tret'ej Mezhdunarodnoj nauchnoy konferencii* [Issues of lexical and semantic typology: collection of scientific proceedings of the 3rd International scientific conference]. Voronezh, 2016, pp. 78–88.
3. Lelkhova F. M. *Slovar' glagolov hantyskogo yazyka (shuryshkarskiy dialekt)* [Dictionary of the verbs of the Khanty language (Shuryshkar dialect)]. Khanty-Mansiysk: NovostiYugry Publ., 2012. 207 p.

4. Rahilina E.V. *Kognitivnyj analiz predmetnyh imen: semantika i sochetatnost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and co-occurrence]. Moscow, Russkieslovari Publ., 2000. 415 p.
5. Solovar V.N. *Khantyysko-russkiy slovar* [The Khanty-Russian dictionary]. Saint-Petersburg: izd-vo «Mirall» Publ., 2006. 333 p.
6. Solovar V. N. *Paradigma prostogo predlozheniya v khantyyskom yazyke (na materiale kazymskogo dialekta)* [Paradigm of a simple sentence in the Khanty language (on the material of the Kazym dialect)]. Novosibirsk: Lyubava Publ., 2009. 264 p.
7. Fil'chenko A.Yu., Potanina O.S. *Predikativnaya possessivnost' v vostochnykh dialektakh hantyjskogo yazyka* [Predicative possessively in the Eastern dialects of the Khanty language]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij* [Tomsk journal of linguistics and anthropology], 2016, no. 4 (14), pp. 60–72.
8. Shilova V.V. *Prostranstvennye modeli jelementarnyh prostyhpredlozhenij v neneckom jazyke* [Spatial models of elementary simple sentences in Nenets language]. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t. Publ., 2003, P. 1. 106 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

**Нахрочева Галина Леонидовна, ведущий научный сотрудник,
кандидат филологических наук**

БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»

ул. Мира 14А, г. Ханты-Мансийск, 628007, Российская Федерация

galina-nakhracheva@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

**Nakhracheva Galina Leonidovna, Leading Researcher, Candidate of
Philological Sciences**

Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development

14A, Mira Str., Khanty-Mansiysk, 628007, Russian Federation

galina-nakhracheva@rambler.ru

УДК 81'373

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-282-291

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В АНГЛИЙСКИХ И ДАРГИНСКИХ ПАРЕМИЯХ О ГЛУПОСТИ

Омарова П.М., Алибекова Д.М.

Цель. В статье в сопоставительном аспекте анализируются культурные коды в английских и даргинских паремиях о глупости, выявляются общие и национально-специфические черты данных паремий.

Методология проведения работы. Исследование проводилось с использованием сравнительно-сопоставительного, интерпретационного и описательного методов.

Результаты. Результаты работы показали, что в паремиях английского и даргинского языков о глупости реализуются культурные коды, как универсальные для обоих языков, так и характерные для одного из изучаемых языков. В паремиях вербализованы соматический, зооморфный, фитоморфный, пищевой, духовный и предметный коды культуры. При этом зооморфный код шире представлен в английских паремиях, а пищевой и предметный – в даргинских. Природно-ландшафтный код в исследованных паремиях реализуется только в даргинском языке.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при изучении универсальных, национально-специфических культурных кодов и концептов в разнотипных языках.

Ключевые слова: культурный код; паремия; концепт; глупость; лингвокультура; национально-специфический.

CULTURE CODES IN ENGLISH AND DARGIN PAROEMIAS ABOUT FOOLISHNESS

Omarova P.M., Alibekova D.M.

Purpose. The article presents the contrastive analysis of the culture codes in English and Dargin paroemias about foolishness, reveals common and culture specific characteristics of the paroemias.

Methodology. *The research was held by using contrastive, interpretative and descriptive methods.*

Results. *The results of the research show that in English and Dargin paroemias both universal and culture specific codes are represented. Somatic, zoomorphic, phytomorphic, gastronomic, spiritual and subject codes are represented in the paroemias under study. Zoomorphic code is widely used in English while in Dargin paroemias gastronomic and subject codes are more frequent. Natural/landscape code is presented only in Dargin paroemias.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the research of universal and culture-specific culture codes and concepts in different languages.*

Keywords: *culture code; paroemia; concept; foolishness; linguistic culture; culture specific.*

Лингвокультурологический подход к анализу языковых явлений, в русле которого проводится большинство исследований в современной лингвистике, предполагает изучение языковой картины мира того или иного этноса, особенностей менталитета разных народов. В связи с этим исследователи обращаются к паремиологическим единицам, которые являются одним из важнейших фрагментов языковой картины мира и отражают социально-культурный опыт народа, его представления о мире.

Паремии, которые до сих пор вызывают споры относительно своего статуса, интерпретируются в лингвистике очень широко – и как образные лексемы и как законченные воспроизводимые тексты. В нашем исследовании мы рассматриваем паремию в своем узком значении как «пословицу; высказывание, изречение, суждение, относящееся к пословице» [7, с. 53].

В паремиях разных языков содержатся представления о правде и лжи, добре и зле, окружающем мире, культурных традициях и кодах.

Культурный код – это определенная совокупность знаний о культуре данного этноса, представленная в языке в виде знаков материального и духовного мира. Знаки могут быть вербальными, предметными и ментальными (стереотипы, традиции, ценности).

В.В. Красных представляет коды культуры своеобразной «сеткой», набрасываемой на окружающий мир. Кодирова с древнейшие архетипические представления, коды культуры категоризируют, структурируют и оценивают окружающий мир. Будучи универсальными, культурные коды в то же время национально специфичны, обусловлены своей культурой [9, с. 232].

В.Н. Телия считает культурные коды вторичными знаковыми системами, кодирующими одно и то же содержание при помощи разных материальных и формальных средств. Кодированное содержание при этом сводится в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума [12, с. 674]. По мнению исследователей, национальное культурное пространство составляет система культурных кодов, к которым относятся соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, зооморфный, духовный [4, с. 77].

В данной статье рассматривается отражение культурных кодов в паремиях о глупости. Исследование проводится на материале английского и одного из дагестанских младописьменных языков Дагестана – даргинского.

Соматический код. Соматический (телесный) код является наиболее древним. К нему относятся попытки осмысления сущностей на основе человеческого опыта. Телесный код представлен в языке в виде контейнера, или «футляра» [10], но данная репрезентация не встречается в паремиях, она представлена соматизмами.

Соматический код культуры – это совокупность имен частей тела, несущих дополнительные, культурно значимые смыслы. За единицу изучаемого кода культуры принимается соматизм.

Соматический код представлен в рассмотренных паремиях английского языка соматизмами *lips, tongue, throat, head, skin*.

(англ.) *A fool's heart dances on his lips / У дурака что на сердце то и на языке; A fool's tongue is long enough to cut his own throat / Язык дурака настолько длинный, чтобы перерезать ему горло; A fool's head never whitens. / Голова дурака никогда не поседеет. (Здесь и далее английские пословицы приводятся по [14])*

В даргинском языке в паремии о глупости встречается соматизм *ноги*. (дарг.) *Абдал бекI, кьяшмас балагь. / Абдал бекIли кьяшмас из-ала дургу. / Дурная голова ногам покоя не дает. (Здесь и далее даргинские пословицы приводятся по [4])*

Биоморфный код связан с живыми существами, населяющими окружающий мир (зооморфный код), а также с растительными образцами (фитоморфный).

Зооморфный код культуры, как часть языковой картины мира, закрепляется в лексике, фразеологии, паремиологии и, концептуализируя внешний и внутренний мир человека, способствует выявлению универсальных и национально-специфических особенностей.

Зооморфизмы являются образными основаниями паремиологических единиц и включены в их внутреннюю форму. Паремии, содержащие тот или иной зооним, отражают особое восприятие окружающего мира носителями того или иного языка. Зооморфные метафоры и сравнения отражают духовную сферу человека – черты характера, отношение к людям, к себе, к эмоциональные и интеллектуальные состояния [5].

В паремиях о *глупости* зооморфный код в обоих языках представлен образами домашних животных:

(англ.) *If all fools wore white caps we should look like a flock of sheep. / Если бы все дураки носили шапки из овчины, мы бы были как стадо овец; When an ass climbs a ladder, we may find wisdom in wotan. / Когда осел залезет на лестницу, тогда женщина поумнеет. Fools lade out all the water and wise men take the fish. / Дураки вычерпывают всю воду, а умные подбирают рыбу; Fools are all the world over, as he said who shod the goose. / Дураками мир полон, как сказал тот, кто обул гуся.*

(дарг.) *Абдалли хIенкьлизи букесил гъай хIебуру. (букв. «на пастбище достойный отвести»)* (здесь отсылка к крупному рогатому скоту, **корове**, которую выгоняют на сельское пастбище; считается порицательным выводить на пастбище неухоженную, тощую скотину)

Мы видим, что зооморфный код больше представлен в английских паремиях, а в даргинском только одна пословица содержит отсылку к животному миру.

Фитоморфный код, хотя и является одним из универсальных способов описания мира и его фрагментов и широко представлен в паремиях, ни в английских, ни в даргинских паремиях о глупости не был обнаружен нами.

Пищевой (гастрономический) код. Важность пищевого кода в жизни общества объясняется жизненной необходимостью еды для человека. Именно поэтому во все времена элементы питания входили в состав специального культурного кода. При этом интересно отметить, что пищевой код культуры – это не только ментальная схема, зафиксированная в сознании человека, но и ряд установок, которые ощущаются индивидом как бессознательные, практически спонтанные проявления аппетита или отвращения.

Подобные проявления, несомненно, связаны с национально детерминированной природой кодов культуры. Гастрономический код не является исключением. В рамках этнокультурного контекста тема пищи и ритуалов, связанных с едой, особенно ярко выделяется благодаря своей наглядности, открытости пищевого кода для сравнения и интерпретации [6, с. 204].

Особое отношение к тем или иным продуктам питания и напиткам находит свое отражение в том, что они фигурируют в паремии-ологическом и фразеологическом фондах национальных языков. В рассмотренных в нашей работе английских паремиях была обнаружена только одна пословица о глупости, содержащая пищевой код:

(англ.) *Bray a fool in a mortar, he'll be never the wiser.* / *Хоть в ступке дурака толки, умнее не станет.*

В даргинском языке пищевой код представлен шире, такими лексемами как *мед, лекарство, пельмени*:

(дарг.) *Вихъаркайхъи «варъа» викулихъалли, мухИли мурихИе-бирар.* / *Сколько лежа ни говори «мед», во рту слаще не станет; Абдал адамлис дарман агара.* / *Дурака не вылечит никакое лекарство. (Для дурака нет лекарства); Абдал адамличив чуду-хинкIа укесличиб, къакъличир къаркъуба вихаси.* / *Чем с дураком кушать пельмени, лучше камни на спине таскать.*

Духовный (религиозный) код культуры. Данный код культуры составляют нравственные ценности, эталоны и связанные с ними

нравственные базовые оппозиции культуры. Этот код аксиологичен, он пронизывает все наше бытие, предопределяет оценки, даваемые нами себе и окружающему миру. Этот код тесно связан со всеми остальными кодами, особенно с предметным. Религиозный код находит отражение в паремиях обоих языков:

(англ.) *Fools rush in where **angels** fear to tread.* / Дураки стремятся туда, куда боятся ступить ангелы;

(дарг.) БекИлизиб гIякълу хIебиалли, Аллагълира селра лугуси ахIен. / Если в голове нет ума, Аллах не поможет.

Предметный код. В предметном коде отображены знания о различных предметах окружающего нас мира, принадлежащие к фонду общей для всех носителей языка информации.

(дарг.) Хьунул адамла гIякълу **хIевала** дубличиб бирусси саби: пяхI-баралли кабиркур / Ум у женщины находится на подоле ее платья: встряхнешь – упадет.

В даргинском языке, больше чем в английском, используются в пословицах предметы быта, одежда (очаг, дудка, ключ, кувшин, платье, штаны).

Широко представлены в пословицах обоих языков понятия «деньги», «золото», при этом указывается на бессилие денег приобрести такие ценности как ум и искоренить глупость:

(англ.) *Wisdom is a **good purchase** though we pay dear for it.* / Мудрость – хорошее приобретение, хотя мы дорого платим за нее.

(дарг.) Абдал **мургъили** кIапIуцадра **духухIейрар.** / Дурак останется дураком, даже если покроешь его золотом; ГIякълу **багъалис асес хIейрар** / Ум за деньги не купишь; ГIякълу **давIаличибра дурхъ-аси саби** / Ум дороже богатства.

Природно-ландшафтный код. В пословицах единицы природно-ландшафтного кода не только выполняют эталонную функцию меры большого количества, объема, протяженности, но и выступают как символы «чужого», связанного с трудностями и опасностями при его преодолении, пространства [8, с. 159].

В анализируемых пословицах природно-ландшафтный код представлен только в даргинском языке.

(дарг.) *Абдаллис гьундури гьарзали дирар*. / *Для дурака все дороги открыты* (букв. «свободны, широки»); *Абдаллис дунъя эркинси бирар*. / *Дураку жить легче* (букв. «Для дурака мир просторный»).

Таким образом, культурные коды, будучи вторичными знаковыми системами, категоризируют, структурируют и оценивают окружающий мир, тем самым образуя картину мира, мировоззрение данного социума. По мнению исследователей, национальное культурное пространство составляет система культурных кодов, к которым относятся соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный. Рассмотрение вышеназванных культурных кодов в паремиях английского и даргинского языков показало, что в обоих языках представлены соматический, зооморфный, фитоморфный, пищевой, духовный и предметный коды культуры. По сравнению с английским языком, предметный шире представлен в паремиях даргинского языка. Природно-ландшафтный код в исследованных паремиях представлен только в даргинском языке.

Список литературы

1. Абакумова О.Б. Коды культуры в семантике пословиц о правде // Вестник Орловского государственного ун-та. 2011. №1 (15). С. 169–172.
2. Башкатова Ю.А. Соматический код культуры как предмет сопоставительного исследования // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 220–228.
3. Гасанова У.У. Словарь даргинских пословиц и поговорок. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2014. 262 с.
4. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2008. 288 с.
5. Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира: автореферат дис. ...канд.филол.наук. М., 2009. 47 с.
6. Дормидонтова О.А. Коды культуры и их участие в создании языковой картины мира (на примере гастрономического кода в русской и французской лингвокультурах) // Вестник ТГУ, выпуск 9 (77), 2009. С. 201–205.

7. Кацюба Л.Б. Детерминация паремии как единицы языка и коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 53–57.
8. Кольовска Е.Г. Экспликация природно-ландшафтного кода культуры в русских паремиях // Гуманитарные и социальные науки. № 6. 2014. С. 153–160.
9. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
10. Пауэр К.Ю. Телесный код в поэзии А. Башлачева, Е. Летова и Я. Дягилевой // Современные исследования социальных проблем, № 3-2(27), 2016. С. 208–226.
11. Серопегина Т.В. Зооморфизмы как единицы зооморфного кода англоязычной культуры // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 81–84.
12. Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 674–684.
13. Устинова Н.А. Пищевой код как символизация пищевой традиции (на материале говоров Среднего Приобья) // Вестник Томского государственного университета. 2010. N 333 (апрель). С. 28–31.
14. Christy R. Proverbs, Maxims and Phrases of All Ages. URL: <http://www.bartleby.com/89/> (дата обращения: 12.10.2017).

References

1. Abakumova O.B. Culture codes in proverbs about truth [Kody kulturi v semantike poslovits o pravde]. *Bulletin of Orel State University*. 2011. №1 (15), pp. 169–172.
2. Bashkatova Yu.A. Somaticheskij kod kul'tury kak predmet sopostavitel'nogo issledovanija [The somatic code of culture as the subject of comparative inquiry]. *Siberian philological journal*. 2014. № 4, pp. 220–228.
3. Gasanova U.U. *Slovar' darginskikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Dargin proverbs and sayings]. Makhachkala: Izd-vo DGU, 2014. 262 p.

4. Gudkov D.B., Kovshova M.L. *Telesnyy kod v russkoi kulture* [Somatic code in Russian culture] M.: Gnozis, 2008. 288 p.
5. Guketlova F.N. *Zoomorfnyi kod v yazikovoy kartine mira* [Zoomorphic code in linguistic worldview]: abstract of a Ph.D thesis. M., 2009. 47 p.
6. Dormidontova O.A. Kody kulturi i ikh uchastiye v yazikovoy kartine mira (na primere gastronomicheskogo koda v russkoj i francuzskoj lingvokul'turah) [Culture codes in linguistic picture of the world (on the example of gastronomical code in Russian and French lingual cultures)]. *Bulletin of TGU*, 9 (77), 2009, pp. 201–205.
7. Katsyuba L.B. Determinatsiya paremii kak yediniti yazika i kommunikatsii [Determination of the paroemia as the unit of language and communication]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2013. No 1 (292). Philology. Arts. No 73, pp. 53–57.
8. Koliiovskaja E.G. Eksplykatsiya prirodno-landshaftnogo koda kul'turi v russkikh paremiyakh [Explication of the nature and landscape code of culture in Russian proverbs]. *Humanitarian and social sciences*. № 6. 2014, pp. 153–160.
9. Krasnykh V.V. *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya: kurs leksii* [Ethnic psycholinguistics and cultural linguistics: a course of lectures]. M.: Gnozis, 2002. 284 p.
10. Pauer K.Y. Telesnyj kod v poezii A. Bashlacheva, E. Letova i Ja. Djagilevoj [Corporal code in poetry by A. Bashlachev, E. Letov and Y. Dyagileva]. *Modern Research of Social Problems*, № 3–2(27), 2016, pp. 208–226.
11. Seropegina T.V. Zoomorfizmy kak yediniti zoomorfhnogo koda angloyazichnoi kul'tury [Zoomorphisms as the units of zoomorphic code of the English linguistic culture]. *Bulletin of the Volgograd State University. Series: Linguistics and Cross-cultural communication*. 2011. No 1, pp. 81–84.
12. Telija V.N. Faktor kul'tury i vosproizvodimost' frazeologizmov – znakov-mikrotekstov [Culture factor and reproducibility of phraseological units as signs-microtexts]. *The Hidden meanings: the Word. Text. Culture*. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004, pp. 674–684.
13. Ustinova N.A. Pishhevoj kod kak simvolizacija pishhevoj tradicii [Food code as the symbol of food tradition]. *Bulletin of the Tomsk State University*, No 333. 2010, pp. 28–31.

14. Christy R. Proverbs, Maxims and Phrases of All Ages. <http://www.bartleby.com/89/> (accessed on 12.10.2017).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Омарова Патимат Магомедовна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
Дагестанский государственный университет
ул. Гаджиева, 43а, г. Махачкала, Республика Дагестан,
367001, Российская Федерация
opt30@mail.ru

Алибекова Дина Магомедовна, кандидат филологических наук,
старший преподаватель межфакультетской кафедры ино-
странных языков для естественных направлений
Дагестанский государственный университет
ул. Гаджиева, 43а, г. Махачкала, Республика Дагестан,
367001, Российская Федерация
millimur@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Omarova Patimat Magomedovna, Associate Professor of the English
Philology Chair, Ph.D. in Philological Science
Dagestan State University
43a, Gadzhieva Str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367001,
Russian Federation
opt30@mail.ru

Alibekova Dina Magomedovna, Senior Instructor of the Chair of For-
eign Languages for Science Students, Ph.D. in Philological Sci-
ence
Dagestan State University
43a, Gadzhieva Str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367001,
Russian Federation
millimur@mail.ru

УДК 811.511:142;39

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-292-302

КОНЦЕПТ 'ДОМ' В ХАНТЫЙСКОМ И НЕНЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Потпют Р.М.

Целью исследования является конструирование ассоциативного поля концепта 'Дом' в хантыйской и ненецкой концептосферах по результатам ассоциативного эксперимента и выявление общих и специфических когнитивных признаков данного концепта в указанных концептосферах. Ассоциативный эксперимент был проведен среди носителей хантыйского языка в г. Ханты-Мансийск, г. Белоярский, с. Казым Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, среди носителей лесного диалекта ненецкого языка – в с. Казым, в д. Нумто Белоярского района и частично в с. Варъеган Нефтеюганского района ХМАО-Югры.

Результаты. Сопоставительный анализ выявил близкое по структуре представление о доме двух народов, проживающих рядом. Важными для них являются характеристика дома, его составные части, убранство и родственные отношения. Дом для ненцев ассоциируется с чумом. В структуре концепта 'Дом' закреплены реакции сознания носителей на явления бытия. У хантов наибольшее количество реакций связано с характеристикой дома, с действиями, со структурой и пространством дома, религиозными представлениями, фольклорными образами и национальной принадлежностью дома.

Область применения результатов. Результаты данного ассоциативного эксперимента могут быть применены в межъязыковых и межкультурных исследованиях, при составлении национальных портретов носителей хантыйского и ненецкого языков и при изучении взаимодействия языковых систем.

Ключевые слова: концепт; ассоциативный эксперимент; языковое сознание; хантыйский язык; ненецкий язык.

CONCEPT 'DWELLING PLACE' IN THE KHANTY AND NENETS LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

Potpot R.M.

In the article, the associative field of the concept 'Dwelling place' of the Khanty and Nenets spheres of concepts is built following the results of the associative experiment, as well as general and specific cognitive features of the above-mentioned concept are revealed. The associative experiment was conducted among the Khanty native speakers in the cities of Khanty-Mansiysk, Beloyarsk, the village of Kazym (Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra), among the native speakers of the forest dialect of the Nenets language – in the village. Kazym, Numto of Beloyarsk region and partially in the village of Varjegan of Nefteyugansk district of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra.

Results. *The comparative analysis revealed that the representation of the concept 'Dwelling place' of the two peoples living side by side has a lot in common. It is the characteristics of the dwelling place, its components, decoration and family relations that are significant. The dwelling place for the Nenets is associated with the chum (rawhide tent). In the structure of the concept house pinned the reaction of the consciousness of the media phenomena of existence. For the Khanty, the greatest number of reactions are associated with the characteristics of the house, there are reactions associated with actions, with the structure and space of the dwelling place, religious beliefs, folklore images and national identity of the house.*

Practical implications. *The results of the associative experiment can be applied in cross-language and cross-cultural studies, in the preparation of national portraits of the Khanty and Nenets languages native speakers as well as in the study of the interaction of language systems.*

Keywords: *concept; associative experiment; linguistic consciousness; Khanty language; Nenets language.*

Ассоциативный эксперимент является одним из эффективных способов исследования языкового сознания и его националь-

но-культурной специфики, он выявляет ментальные образы мира, присущие представителям того или иного этноса. Изучение ассоциативного значения слова позволяет глубоко и полно представить концептуальную природу отражения реальной действительности носителя языка, построить концептуальные модели языковой картины мира. Целью нашей статьи является построение ассоциативного поля концепта *дом* как средства конструирования процесса познания и выявление его общих и индивидуальных концептуальных признаков в хантыйской и ненецкой концептосферах.

Актуальность статьи заключается в ее антропоцентрическом направлении, в ней представлены новые результаты, полученные автором впервые на материале финно-угорских языков, их достоверность опирается на экспериментальные данные. Научное значение состоит в том, что впервые для хантыйского, лесного диалекта ненецкого языка представлены результаты ассоциативного эксперимента, раскрывающего менталитет этих народов в восприятии одного из базовых концептов *дом*.

Национальная специфика концепта проявляется в выявлении различий в одноименных концептах в разных национальных культурах, в разной яркости тех или иных когнитивных признаков, в разной полевой организации одноименных концептов, в различиях образного компонента, интерпретационного поля, в присутствии разных когнитивных классификаторов и в их различном статусе – одни классификаторы важнее и ярче в одной культуре, другие – в другой [1, с. 100]. Таким образом, установление национальной специфики концептов требует описания концептов двух культур и сопоставления их по составу когнитивных признаков и их статусу, яркости в структуре концепта.

Сравним представление о доме двух народов, проживающих по соседству и имеющих много общего в культуре и основных видах деятельности – хантов и ненцев. Хантыйский язык с мансийским и венгерским относится к угорской группе финно-угорской семьи языков. Ненецкий язык с энецким и нганасанским представляет самодийскую группу языков. Самодийские и финно-угорские языки составляют уральскую макросемью, входящую в урало-алтай-

скую типологическую общность языков на территории Евразии. В современном хантыйском языке выделяется два крупных диалектных массива: западный и восточный. Западный представлен приуральским, шурышкарским, среднеобским и казымским диалектами, восточный – сургутским и ваховским диалектами [2, с. 3–12]. Казымский диалект распространен на всей территории Белоярского и в восточной части Березовского районов ХМАО-Югры, среднеобский – в Октябрьском и Березовском районах ХМАО-Югры, шурышкарский – в Шурышкарском районе, приуральский – в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. Между этими диалектами нет больших различий в лексике и грамматике, а небольшие фонетические различия не мешают взаимному общению [3, с. 11]. Сургутский диалект распространен в Сургутском районе, ваховский – в Нижневартовском районе ХМАО-Югры.

Казымские ханты взаимодействуют с носителями нумтовского говора языка лесных ненцев, которые проживают в районе озера Нумто Белоярского района, по реке Аган, притоку Оби в Нижневартовском районе ХМАО-Югры и по реке Пур Ямало-Ненецкого АО. В районе озера Нумто ненецкий язык стабильно сохраняется в условиях хантыйско-ненецкого двуязычия и существенно отличается от аганского и пуровского говоров [4, с. 4–10].

Ассоциативный эксперимент дает богатый материал для анализа и, являясь отражением элементов самопознания носителя языка, формирует пространное ассоциативное поле вокруг слова-стимула. Ассоциативный эксперимент нами проводился среди носителей хантыйского и ненецкого языков в возрасте от 18 до 80 лет. Все ханты, среди которых проводился опрос, являются билингвами – ненцы говорят на ненецком, хантыйском и русском языках. В ходе эксперимента соблюдались такие требования: 1) незаинтересованность информантов в результатах исследования; 2) при желании, анонимность участников; 3) неограниченность в количестве ассоциаций; 4) хантыйский или ненецкий язык для информантов должен быть родным. Среди носителей хантыйского языка опрос проводился в с. Казым, г. Белоярский, в г. Ханты-Мансийск, среди носите-

лей ненецкого языка – в с. Казым, в д. Нумто Белоярского района и частично в с. Варъеган Нефтеюганского района ХМАО-Югры. Трудность проведения опроса среди людей, ведущих традиционный образ жизни, заключается в том, что они проживают в лесу, на стойбищах и в селение выезжают крайне редко. Носители лесного диалекта ненецкого языка преимущественно проживают в лесу на своих стойбищах в окрестностях д. Нумто, в с. Казым выезжают крайне редко. При опросе выявилась еще одна особенность: удалось опросить меньшее количество мужчин, что связано с особенностями национального менталитета: этикет не позволяет женщине расспрашивать мужчину. Кроме того, мужчин в целом меньше, чем женщин, они чаще находятся в лесу, занимаясь оленеводством.

В эксперименте приняли участие 130 хантов и 45 ненцев от 18 до 80 лет. Ассоциативный эксперимент проводился путем анкетирования. Испытуемые сообщали о себе общие сведения о возрасте, поле и образовании. Затем предлагалось дать любые словесные реакции на слово-стимул *хот* на хантыйском языке и *мят* на ненецком языке. Опрос проводился в основном индивидуально, группы были лишь при написании фронтального диктанта на хантыйском и ненецком языках и на курсах повышения квалификации учителей в г. Ханты-Мансийск. В результате опроса было получено 1075 реакций на хантыйском и 366 на ненецком языке.

При анализе полученных реакций выделяют синтагматические, парадигматические и тематические ассоциации. Синтагматические ассоциации составляют словосочетания со словом-стимулом. Парадигматические ассоциации – это слова, принадлежащие к той семантической группировке, что и стимул, в том числе синонимы, антонимы. Тематические ассоциации не входят непосредственно в семантическую группу с данными стимулами и не составляют с ними сочетания. Ассоциативное поле имеет ядро – наиболее частотные реакции и периферию [5, с. 131]. Так же вербальные реакции классифицируются по формально-грамматическим особенностям ответов-реакций: реакции-предложения, реакции-словосочетания, реакции-словоформы [6, с. 93], рассматривается распределение реакций по частям речи [7].

Ассоциативное поле полученных реакций в обеих группах является насыщенным и разнообразным как по семантике, так и по грамматическим признакам. В ненецкой концептосфере преобладают реакции-слова, представленные в основном существительными (27% от общего числа полученных реакций), реакций-словосочетаний (15%), реакций-предложений (2%). Количество реакций от респондента варьировалось от 1 до 13, в среднем на одного человека приходится 6 реакций. В хантыйской концептосфере реакций-слов 14 %, из них 225 имен существительных, 34 имени прилагательных и 14 глаголов, реакций-словосочетаний – 12%, реакций-предложений – 2%. По количеству реакций разброс составляет от 1 до 22, есть два связных текста и три загадки. Наибольшее количество реакций от одного респондента дали женщины в возрасте от 50 до 60 лет, одиночные реакции – мужчины, в среднем на одного респондента приходится по 10 реакций.

Для определения смысловой структуры ассоциативного поля *хот* мы выделили ядро, околядерную и периферийную зоны на основе количественной характеристики реакций, полученных на стимул *хот* в хантыйском языке и стимул *мят* в ненецком языке. Предполагается, что «ядро языкового сознания представляет собой лингвистическую проекцию бытия человека, сохраняющееся на протяжении его жизни, ориентирующее его в окружающей действительности и составляющее основу его языковой картины мира» [8, с. 16].

Материал ассоциативного эксперимента дал возможность выявить наибольшее количество актуальных когнитивных признаков концепта 'Дом' для современного состояния сознания носителей хантыйского языка. Анализ 27 семантических групп, на которые были разбиты полученные реакции, показал, что наиболее частотными оказались реакции, называющие различную характеристику дома, они составили абсолютное большинство реакций – 20,7% от всех реакций: из них 11,2% реакций, указывают на положительную характеристику дома, размеры дома – 6,5% и отрицательную характеристику дома составили всего 3%.

Реакции, называющие родственные отношения составили 10,9% от всех реакций: они представлены 119 реакциями, из которых – 27

различных; наибольшее количество респондентов назвали реакции: *аңки* ‘мать’ (17), *хотәү йохлам* ‘семья=моя’ (16), *һарсмийэлам* ‘деточки=мои’ (15), *аццисм* ‘отец=мой’ (14). Следующей по количеству реакций, стала семантическая группа, связанная с материалами для дома, представленная 8,9% от всех реакций, состоящая из 97 реакций, 20 из которых различные; большинство респондентов назвали: *йүх хот* ‘деревянный дом’ (букв.: дерево, дом) (13), *һүки хот* ‘чум’ (букв.: кожа, дом) (13), *кэв хот* ‘каменный дом’ (9), *навэрт хот* ‘бревенчатый дом’ (9). Семантическая группа реакций, связанная с частями дома, составила 7,4% и представлена 81 единицей, 21 из которых различные; большинство респондентов назвали: *ишһи* ‘окно’ (18), *хот ов* ‘дверь дома’ (14), *хот лаңәл* ‘крыша дома’ (10), *хотхәры* ‘пол’ (10), *хот сүу* ‘угол дома’ (8). В семантической группе убранство дома, составившей 4,5%, чаще всего называли: *һәсан* ‘стол’ (19), *һуры(см)* ‘кровать, постель’ (13).

Анализ структуры концепта ‘Дом’, репрезентированного в хантыйской концептосфере лексемой *хот*, показал, что наиболее частотными оказались реакции, называющие различную характеристику дома, они составили 23,6% от всех реакций, составные части дома составляют 11,6%, родственные отношения – 10,2% от всех реакций. В сознании современных носителей хантыйского языка концепт ‘Дом’ ассоциируется в первую очередь с различными его признаками: *ай хот* ‘маленький дом’, *вөн хот* ‘большой дом’, *хошәм* ‘теплый’, *йиңәп хот* ‘новый дом’, *хурамәү* ‘красивый’, *катра хот* ‘старый дом’, *йәм хот* ‘хороший, любимый дом’, *һуви* ‘светлый’, *йүх хот* ‘дом из дерева’, *һүки хот* ‘чум’, *кәрәц хот* ‘высокий дом’, *ләцкам* ‘просторный’, *сыстам* ‘чистый’, *тацәү хот* ‘богатый дом’, *вәлты хот* ‘жилой дом’, *әмәц* ‘веселый’, *һыйәм* ‘гнилой’, *ар йитәү хот* ‘многоэтажный дом’, *хәнты хот* ‘хантыйский дом’. Второй по частотности упоминаемый является семантическая группа ассоциатов, связанная с составными частями и убранством дома: *һәсан* ‘стол’, *ишһи* ‘окно’, *хот ов* ‘дверь дома’, *көр* ‘печка’, *улот* ‘постель’, *хот лаңәл* ‘крыша дома’, *хотхәры* ‘пол’, *хот сүу* ‘угол дома’, *вүт хот йит* ‘комната’, *әмәсты һәсан* ‘стул’, *ратхәр* ‘очаг’; затем – родственными отношения-

ми: *ауки* ‘мать’, *хотэу йохлам* ‘семья’ (букв.: дом=ADL люди=мой), *һаврэмийэлам* ‘деточки=мой’, *ащем* ‘отец=мой’, *аңкем-ащием* ‘родители=мой’, *эви* ‘дочь’, *ащием* ‘младший брат/сестра’, *щатицащи* ‘дедушка по отцу’, *аукауки* ‘бабушка по матери’, *йай* ‘брат’, *рөтлам* ‘родственники=мой’, *пухийэ* ‘сыночек’; далее – с материалом: *йӱх хот* ‘дом из дерева’, *һӱки хот* ‘чум’, *кэв хот* ‘каменный дом’, *навэрт хот* ‘бревенчатый дом’, *мӱв хот* ‘землянка’ (букв.: земля дом), *тунты хот* ‘чум из бересты’, *кирмэщ хот* ‘дом их кирпича’, *сохэл хот* ‘сарай’, *лоӱщ хот* ‘дом из снега’.

Таким образом, в обыденном сознании современных хантов концепт ‘Дом’ связан с характеристикой дома, его составными частями, материалами, из которого он построен и с родственными отношениями. В языковом сознании хантов представлены такие смыслы, которые отсутствуют в ненецком, например: действия, связанные с домом *хот омэсты* ‘дом построить’, *хот лоӱщты* ‘чум поставить’, *Ма хотэмэн йаклэм на ар арылэм* ‘Я в доме=своем танцую и пою песни’, *ащем моӱщэл* ‘отец рассказывает сказки’; предметы и реалии, связанные с домом: *вөлэпсы* ‘жизнь’, *һӱх* ‘смех’, *уй* ‘счастье’, *аңкем ар* ‘песня матери’; структура дома: *сӱнэу хот* ‘дом с углами’, *ишӱеп хот* ‘дом с окнами’; реакции, связанные с пространством дома: *хот лытийэн* ‘в доме’, *хот илпи* ‘пространство под домом’; реакции, связанные с религиозными представлениями: *Ар хотэу ими* ‘Богиня-покровительница многих родов, домов’, *пӱпи йӱкты хот* ‘дом, в котором проводятся медвежьи игрища’ (букв.: медведь танцевать дом); фольклорные образы: *Сот хот лоти* ‘Сто домов обходящая’, *Милэу ухпи хот йау ийепух и хотэн вөллэт* ‘Шестьдесят братьев в шапках живут в одном доме’; реакции, связанные с национальной принадлежностью дом: *хӱнты хот* ‘хантыйский дом’, *рӱщ хот* ‘русский дом’.

Анализ структуры ненецкого концепта ‘Дом’ показал, что в первую очередь он связан с убранством дома и его частями: *кол* ‘печка’, *латку* ‘стол’, *ва’ав* ‘постель’, *намтулцан* ‘стул’, *лата* ‘полы’, *кыча* ‘чашка’, *шичал ши* ‘окно’. Второй по частотности употребления является семантическая группа ассоциатов, связанная характеристикой дома: *ейя мят* ‘чум’, *юпа мят* ‘теплый дом’, *неща мят* ‘жилой

дом (букв.: человек, дом), *пйй мят* ‘деревянный дом’, *на́лка мят* ‘большой дом’, *хома мят* ‘хороший дом’, *вьи мят* ‘счастливый, удачливый дом’, *камсма* ‘любовь’, *лэ”тлјама* ‘забота’. Далее следуют реакции, связанные с родственными отношениями: *мятчел* ‘семья’, *уйцки* ‘дети’, *немя* ‘мать, мама’, *неша, ача* ‘отец’, *немяхау-нешахау* ‘родители. Важными животными для ненцев являются *ты* ‘олень’, *вэяку* ‘собака’, потому что для ненцев олени являются основой жизни, а пасти их без собаки невозможно.

Анализ 19 семантических групп, на которые были разбиты полученные реакции, показал, что наибольшее количество реакций получила семантическая группа родственные отношения (16,6% от всех реакций): 53 реакции, 10 из которых различались. Следующей по частотности является семантическая группа характеристика дома, получившая 10,6% от всех реакций, затем – семантическая группа, связанная с почитанием огня – 9,8%. Далее следует семантическая группа, связанная с убранством дома – 9,5%. Ненцы, как и ханты, с почитанием относятся к огню, называя богиню огня *ту ката* ‘огонь, бабушка’ или *ту пуца* ‘огонь, женщина’. Следует отметить семантические группы реакций, выделенные в языковом сознании ненцев, которые не отмечены у хантов: реакции, обозначающие явления бытия, набравшие 5,8%, и реакции, обозначающие звучание объектов – 2% от всех реакций.

Для ненцев дом ассоциируется с чумом. Многие лексемы, используемые в современной реалии, связаны с чумом, например: *не́ пан* ‘крыльцо’ (букв.: подол двери чума), *ейя мят* ‘чум’, *парцин мят* ‘брезентовый чум’; несколько реакций связано с лексемой *ще”на* ‘звук, шум’: *вэяку ще”на пихиня* ‘на улице слышен звук собаки’, «*Буран*» *ще”на куптана* ‘Вдалеке слышен звук снегохода «Буран»’, *не́лица ще”на пихиня* ‘На улице слышен звук ветра’ (находясь в чуме, о происходящем снаружи можно ориентироваться только по звукам, например, по звукам, производимым собакой).

Таким образом, в обыденном сознании современных носителей ненецкого языка концепт ‘Дом’, представленной лексемой *мят*, ассоциируется с убранством дома-чума, его характеристикой, родственными отношениями, почитанием огня и домашними животными *ты* ‘олень’, *вэяку* ‘собака’.

Подводя итоги сопоставительного анализа ассоциативного поля 'дом' для хантов и лесных ненцев, отметим, что, проживая рядом, эти два народа имеют близкое по структуре представление о доме. Они дают положительную характеристику своему дому, им важны его составные части, убранство и родственные отношения. Оба народа с почтением относятся к огню. Комплексный анализ ассоциативных реакций позволяет представить динамичную организацию концептуального поля дом и выявить его национально-культурные особенности, так для ненцев дом ассоциируется с чумом, в его структуре присутствуют реакции, обозначающие явления бытия, и звучание объектов. У хантов наибольшее количество реакций связано с характеристикой дома, присутствуют реакции, связанные с действиями, со структурой и пространством дома, религиозными представлениями, фольклорными образами и национальной принадлежностью дома.

Список литературы

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
2. Соловар В.Н. Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. 348 с.
3. Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 176 с.
4. Кошкарёва Н.Б. Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка: Часть первая. Синтаксические связи // Отв. редактор А.А. Мальцева. Новосибирск, 2005. 334 с.
5. Белянин В.П. Психоллингвистика: учебник. М.: Флинта, 2004. 232 с.
6. Мартинович Г.А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 93–99.
7. Горошко, Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков; М.: изд. группа «РА–Каравелла», 2001. 320 с.
8. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. 320 с.

References

1. Popova Z.D., Sternin I.A. *Semantiko-kognitivnyj analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of the language], Voronezh: Istoki, 2007. 250 p.
2. Solovar V.N., *Dialekty hantyskogo yazyka* [The dialects of the Khanty language], Hantyi-Mansiysk: Izhevsk: ООО «Print-2», 2016. 348 p.
3. Kaksin A.D. *Kazymskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [Kazymskiy dialekt khantyyskogo yazyka] Khanty-Mansiysk: ИСЗ ЮГУ, 2010. 176 p.
4. Koshkareva N.B. *Ocherki po sintaksisu lesnogo dialekta neneczkogo yazyka: Chast pervaya. Sintaksicheskie svyazi* [Essays on syntax forest Nenets dialect of the language: Part one. The syntactic relationship] Novosibirsk, 2005. 334 p.
5. Belyanin V.P. *Psicholingvistika: uchebnik* [Psycholinguistics: a textbook]. Moscow: Flinta Publ., 2004. 232 p.
6. Martinovich G.A. *Opyt kompleksnogo issledovaniya dannyh associativnogo ehksperimenta* [Experience in the complex study of association experiment data]. *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 1993, № 2, № 2, pp. 93–99.
7. Goroshko E.I. *Integrativnaya model' svobodnogo associativnogo ehksperimenta* [Integral model of free associative experiment]. Kharkiv; Moscow: izd. gruppa «RA–Karavella», 2001. 320 p.
8. Ushakova T.N. *Yazykovoe soznanie i principy ego issledovaniya* [Language awareness and principles of its research] Moskow, 2000. 320 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Потпот Римма Михайловна, научный сотрудник

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

ул. Мира, 14а, г. Ханты-Мансийск, 628011, Российская Федерация
ugraomnilife@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Potpot Rimma Mihajlovna, Research Associate

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development
14a, Mira Str., Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation
ugraomnilife@mail.ru

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES AND TRANSLATION STUDIES

УДК 81.272

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-303-311

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПЕРЕДАЧИ ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б.

***Цель.** В статье рассматриваются актуальные вопросы перевода художественного произведения, сохранения национального колорита текста оригинала. Перевод как двуязычная межкультурная коммуникация предполагает хорошее знание лексических, этнолингвистических и лингвокультурологических особенностей контактирующих языков.*

***Метод или методология проведения работы.** При исследовании применялись описательный и сопоставительный методы.*

***Результаты.** Результаты исследования вносят определенный вклад в теорию и практику перевода, найдут применение при переводе прозаических и поэтических произведений на материале русского и осетинского языков.*

***Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть применены в области преподавания осетинского языка в вузе и школе, общей и частной лексикологии, теории и практики перевода, а также при составлении грамматик и лексикографических изданий.*

***Ключевые слова:** перевод; художественное произведение; национальный колорит; осетинский язык; текст.*

ONTOPICAL ISSUES OF CONVEYING THE ETHNO-SPECIFIC COMPONENT OF THE LITERARY TEXT TRANSLATION

Parsieva L.K., Gatsalova L.B.

Purpose. *The article considers topical issues of literary works translation as well as preservation of the national flavor of the original text. Bilingual translation as intercultural communication presupposes a good knowledge of vocabulary, ethno-linguistic and cultural features of contact languages.*

Methodology. *The study used descriptive and comparative methods.*

Results. *The results of the study might contribute to the theory and practice of translation, might find application in the translation of prose and poetry in both the Russian and Ossetian languages.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the field of teaching the Ossetian language in University and school, general and special lexicology, theory and practice of translation, for compiling grammars and lexicographical publications.*

Keywords: *translation; fictional work; national character; Ossetian language; text.*

Перевод художественного произведения является одним из наиболее сложных видов творчества, требующего от переводчика умения интерпретировать текст, моделировать картину иноязычной действительности. Перевод как билингвальная межкультурная коммуникация предполагает хорошее знание лексических, этнолингвистических и лингвокультурологических особенностей контактирующих языков.

Для достижения полноценного перевода существенным является «...необходимость сохранения национальной и художественной специфики оригинала... Трудность для переводчика при передаче исторического и национального колорита возникает уже из того, что здесь перед ним не отдельные, конкретно уловимые, выделяющие-

ся в контексте элементы, а качество, в той или иной мере присущее всем компонентам произведения: языковому материалу, форме и содержанию» [4, с. 127].

Зачастую недостаточная профессиональная подготовка переводчиков, незнание особенностей стиля, поэтики, эстетических взглядов автора, истории создания конкретного оригинального произведения становились причинами неадекватного перевода поэтических текстов русской классической литературы на языки народов России. А также и то, что иногда переводы предлагались лишь с целью ознакомления, т.е. не ставилось задачи передать особенности поэтики автора, что приводило к несоответствию текстов оригинала и его перевода. Перевод произведений художественной литературы может преподнести различные сложности в виде значительных расхождений культурно-исторических этапов в развитии двух народов, отсутствия многих культурных, бытовых и исторических реалий в языке перевода, несовпадения изобразительно-выразительных средств и тезауруса языков, участвующих в процессе коммуникации и т.п., то есть очевидно, «...насколько сложна переводческая работа, заключающаяся в постоянных поисках языковых средств для выражения того единства содержания и формы, какое представляет подлинник, и в выборе между несколькими возможностями передачи. Эти поиски и этот выбор предполагают творческий характер, требуют активной работы сознания. Что же касается художественной литературы, а также тех произведений научной, в частности, общественно-политической литературы, которые отмечены высоким мастерством и выразительностью языка, то перевод их разрешает художественные творческие задачи, требует литературного мастерства и относится к области искусства» [6, с. 19].

Для современной осетинской филологии теоретические и практические проблемы перевода весьма актуальны. Это и вопросы передачи с одного языка на другой художественной прозы и поэзии, лексикографического отображения и перевода безэквивалентной лексики, сохранения национального колорита текста оригинала и

др. Среди национально окрашенных языковых единиц особое место занимают реалии, речевые формулы, эмотивные слова и устойчивые сочетания, онomatопеи, обладающие значительным выразительным потенциалом [2; 10].

При переводе важно учитывать, что в речи активно используются формулы выражения страха, негодования, возмущения, клятвы, заклинания и проклятия, характеризующиеся выраженной национальной спецификой. Некоторые из них вышли из активного употребления и встречаются лишь в текстах художественной литературы, другие часто применяют в живой разговорной речи. При этом переводчику необходимо знать о наличии этнокультурной и социально-гендерной специфики их употребления в речи [1; 5].

Немалые трудности возникают при передаче с одного языка на другой поэтических текстов, так как отображение национального колорита, эмоциональности, эвфонической выразительности стиха, соблюдая при этом эквилинеарность и эквиритмичность, представляется наиболее сложной.

Ингода при передаче поэтического текста происходит «приблизительный» пересказ в стихах, домысливание образа или характера лирического героя, как в нижеследующем примере:

Нæ бригадир – Азаухан,
Нымад ыстæм йæ фæрцы.
Къæпи къухмæ куы райсы–
Цæст йе змæлдыл нæ хæцы [7, с. 75].

Подстрочный перевод:

«Азаухан– наш бригадир.
Считаются с нами благодаря ей.
Стоит ей взять тяпку в руки,
Глаз не уследит за ее движениями»

[Перевод наш – Парсиева, Гацалова].

В переводе на русский язык находим следующую характеристику героини:

Азаухан – соседка по кварталу.
Она живет, смелее всех девчат.
С рассвета воду в сени натаскала,
Пол подмела, убрала пышный сад [7, с. 78].

Такие расхождения допускает И. Груднев и в других переводах стихотворений А. Царукаева.

Ошибочная передача либо игнорирование междометий и звукоподражаний при переводе поэтических произведений часто приводит к потере авторского замысла и национальной специфики, а также может создать впечатление неестественного поведения героев и персонажей произведения [8; 11].

При переводе на русский язык стихотворения Х. Дзаболова «Ирон кафт» к потере эмоциональности и национальной специфики поэтического произведения привело игнорирование передачи на русский язык междометной единицы:

Ссыгди цастыты зæрин арт,
Цæнгтæ айтынг кодта: «Гъæйтт!»
Цыма базырджын сæрибар
Сыстад цард дæттæг зæххæй.

Подстрочный перевод:

«Загорелись глаза золотым огнем,
Плечи расправил и с криком: «Айтт!»,
Как будто окрыленный свободой,
Вознесся над жизнедающей землей»

[Перевод наш – Парсиева, Гацалова].

Перевод на русский язык:

Умолкла «хонги» траурная песнь,
Звучит фандыр, тревогою объятый,
И, как орел, сорвавшийся с небес,
В широкий круг влетел танцор крылатый [3, с. 99].

А в результате некорректной передачи звукоподражания создано ощущение неестественного поведения персонажей и нарушенного смысла текста:

Ныфс, хъарухæссæг æххуысау
Стынг и рог æмдзаегъд: «Æрц-ц! Æрц-ц!».
Цыма тохы фæзæй хъуысы
Ссад фæринк кæрдты къæрц-къæрцц. [3, с. 97].

Подстрочный перевод:

«Надежда, волю несущий (силу) в помощь.
Усилились легкие хлопки: «Æрц-ц! Æрц-ц!».
Как будто с поля битвы слышен
Звон отточенных франкских мечей»
[Перевод наш – Парсиева, Гацалова].

Перевод на русский язык:

На крыльях рук летит по кругу он,
И крики «арц», и звук ладоней ладных
Сливаются в один могучий звон,
Как будто слышен звон мечей булатных! [3, с. 99].

В оригинале посредством звукоподражания «Æрц-ц!» поэт стремится изобразить звуки, издаваемые хлопками, А. Передреев же искажает общую картину изображения национального осетинского танца, называя «арц» криками [3, с. 99].

Этнокультурную специфику слов, не имеющих соответствия в переводе, можно передать в контексте всего поэтического произведения. Большое значение имеет лексическая сочетаемость слов в обоих языках и семантико-стилистическое соответствие [9].

Передача на другой язык национального колорита произведения в большинстве случаев оказывается возможной в том случае, если при переводе реалий, фразеологических или речевых оборотов, находится соответствующий лексический эквивалент в русском языке с аналогичным семантическим оттенком и подобной эмоциональной экспрессией. Если же эти обороты дословно не переводятся, то уместным представляется подобрать аналоги, дать описательную характеристику образа средствами языка перевода, что предполагает наличие фоновых знаний и «тонкого чувства языка» у переводчика.

Таким образом, при передаче на другой язык следует учитывать особенности текста оригинала, способствующие формированию реальной языковой картины мира, сохранению авторского замысла и этноспецифики художественного произведения, что является необходимым условием для полноценного художественного перевода.

Список литературы

1. Гусейнова И.А. Инновационный подход к оценке сформированности межкультурной коммуникативной компетенции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 546. С. 146–158.
2. Джусойты Н.Г. Художественный перевод и взаимодействие литературы // Вопросы литературы. 1979. № 5. С. 3–82.
3. Дзаболов Хазби. Волшебная чаша. Владикавказ: Ир, 1992. 398 с.
4. Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 394 с.
5. Митягина В.А. Социокультурные характеристики коммуникативного действия. Автореферат ... доктора филологических наук. Волгоград, 2008. 39 с.
6. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.
7. Царукаев А. Песнь тебе принес я. М.: Молодая гвардия, 1958. 93 с.
8. Чибирова М.Л. Художественный перевод и проблема национального колорита. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006. 157с.
9. Gureeva A.A., Novikova E.Y., Mityagina V.A. Guide-interpreter's language identity as an excursion discourse factor // XLinguae. 2016. Т. 9. № 2, pp. 90–102.
10. Novozhilova A.A., Korolkova S.A., Gureeva A.A., Shovgenina E.A., Mityagina V.A. Creating information retrieval competence of future translators: an integrative approach // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 6, pp. 79–84.
11. Mityagina V. Ritualisierte kommunikative Handlungen im institutionellen Diskurs und Probleme der Translation. Linguistik und Fremdsprachendidaktik im Dialog zwischen den Kulturen. Wissenschaftliche Beiträge aus der Universität zu Köln und der staatlichen Universität Wol-

gograd / Hrsg. von V. Mitjagina und U. Obst. Nümbrecht: KirschVerlag, 2011, pp. 81–89.

References

1. Gusejnova I.A. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Serija: Gumanitarnyenauki*. 2008. № 546, pp. 146–158.
2. Dzhusojty N.G. *Voprosy literatury*. 1979. № 5, pp. 3–82.
3. Dzabolov Hazbi. *Volshebnaja chasha* [The Magic Bowl]. Vladikavkaz: Ir, 1992. 398 p.
4. Levij I. *Iskusstvo perevoda* [The art of translation]. M.: Progress, 1974, 394 p.
5. Mitjagina V.A. *Sociokul'turnye harakteristiki kommunikativnogo dejstvija* [Sociocultural characteristics of communicative action]. Volgograd, 2008. 39 p.
6. Fedorov A.V. *Osnovy obshhej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)* [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)]. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; M.: OOO «Izdatel'skij Dom «FILOLOGIJA TRI», 2002. 416 p.
7. Carukaev A. *Pesn' tebeprines ja* [I brought you a song]. M.: Molodaja gvardija, 1958. 93 p.
8. Chibirova M.L. *Hudozhestvennyj perevod i problema nacional'nogo kolorita* [Art translation and the problem of national color]. Vladikavkaz: Izd-vo SOGU, 2006. 157 p.
9. Gureeva A.A., Novikova E.Y., Mityagina V.A. Guide-interpreter's language identity as an excursion discourse factor. *XLinguae*. 2016. T. 9. № 2, pp. 90–102.
10. Novozhilova A.A., Korolkova S.A., Gureeva A.A., Shovgenina E.A., Mityagina V.A. Creating information retrieval competence of future translators: an integrative approach. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. V. 6. № 6, pp. 79–84.
11. Mitjagina V. Ritualisierte kommunikative Handlungen im institutionellen Diskurs und Probleme der Translation. *Linguistik und Fremdsprachendidaktik im Dialog zwischen den Kulturen. Wissenschaftliche Beiträge aus der Universität zu Köln und der staatlichen Universität Wolgograd* / Hrsg. von V. Mitjagina und U. Obst. Nümbrecht: KirschVerlag, 2011, pp. 81–89.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Парсиева Лариса Касбулатовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания *Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева; ВНИЦ РАН*
пр. Мира, 10, Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362040, Российская Федерация
parsieva_larisa@mail.ru

Гацалова Лариса Борисовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания *Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева; ВНИЦ РАН*
пр. Мира, 10, Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362040, Российская Федерация
larabella8@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Parsieva Larisa Kasbulatovna, Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Ossetian Philology
North Ossetian Institute for humanitarian and social research by name VI Abaev; Vladikavkaz scientific center of the RAS
10, Prospect Mira, Vladikavkaz, Republic North Ossetia-Alania, 362040, Russia
parsieva_larisa@mail.ru
SPIN-code: 6068-5100

Gatsalova Larisa Borisovna, Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Ossetian Philology
North Ossetian Institute for humanitarian and social research by name VI Abaev; Vladikavkaz scientific center of the RAS
10, Prospect Mira, Vladikavkaz, Republic North Ossetia-Alania, 362040, Russia
larabella8@mail.ru
SPIN- code: 6546-9646

УДК 81'362

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-312-333

ЧАСТНЫЕ ВИДОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА В ЗЕРКАЛЕ ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА «МЕРТВЫХ ДУШ» Н.В. ГОГОЛЯ)

Таилыкова М. Б., Буй Тху Ха

Проблема передачи семантических нюансов русских видовых форм на другой язык возникает не только тогда, когда язык перевода не имеет соответствующей грамматической категории, но и тогда, когда такая категория есть, однако и способ ее организации, и содержание видовых противопоставлений имеют специфику, – как в случае с вьетнамским языком. В ходе предшествующего исследования был выявлен основной репертуар средств репрезентации частных видовых значений русского глагола во вьетнамском языке. **Цель** статьи – выявить закономерности использования таких средств при переводе «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. Это задача решается в связи с проблемой более общего характера, а именно проблемой оценки степени адекватности перевода оригиналу, осмыслением тех находок и потерь, которые неизбежно сопровождают перевод. **В результате** исследования установлено, что максимальной близостью к оригиналу отличаются те фрагменты произведения, в которых аспектуальная семантика глагольной формы поддержана значениями единиц контекста (далее эти контексты характеризуются как «сильные»). Последние являются тем лексическим ресурсом, который облегчает переводчику его задачу. В тех случаях, когда такие единицы отсутствуют («слабые» контексты), возникает необходимость поиска специфических средств вьетнамского языка, способных передать характеристики описываемой ситуации. Иногда необходимые грамматические и/или лексические средства отсутствуют, и определенные оттенки смысла остаются невыраженными.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы для уточнения ряда вопросов современной аспектологической теории: частные значения видов и методы их описания, роль контекста в репрезентации видовой семантики, художественный потенциал различных видовых форм, возможности передачи аспектуальных значений русского глагола в языке иной типологической разновидности, чем русский.

Ключевые слова: аспект; вид глагола; типологические исследования; русский язык; вьетнамский язык; перевод.

SPECIAL ASPECT MEANINGS OF THE RUSSIAN VERB IN THE VIETNAMESE LANGUAGE CONTEXT (BASED ON THE TRANSLATION OF DEAD SOULS BY N. GOGOL)

Tashlykova M. B., Bui Thu Ha

*The **problem** of rendering semantic nuances of Russian aspect forms in another language appears not only when the translation language has no matching grammar category, but also when such categories exist but their structure and the meaning of aspect oppositions have their own peculiarities. It is true about the Vietnamese language. In the course of our previous research, we explored the way special aspect meanings of the Russian verb are represented in Vietnamese. We studied the basic means of such representation. The **aim** of this article is to find out the regular occurrence of such means while translating *Dead Souls* by N. Gogol. The task needs solving because there is another problem, the one being more common. We imply the problem of translation adequacy evaluation and the understanding of findings and losses caused by translation.*

*As a **result** of our research we have found out that certain fragments of the translation are more adjacent to the original. These are the fragments in which aspect semantics of the verb form is supported by the context (we call these contexts “strong”). This lexical tool makes the translator’s task easier. In case such units are absent (i.e. “weak” contexts), the translator has to look for some specific means of the Vietnamese lan-*

guage which are able to describe the situation properly. Sometimes we fail to find necessary grammar and/or lexical means. In this case, some shades of the original meaning are left unexpressed.

Practical implications. *The results of the study may be used to specify a number of issues of the contemporary aspectual theory, namely the special aspectual meanings and their description methods, importance of the context in the representation of aspectual semantics, possibilities of the Russian verbs' aspectual meanings representation in a language of a different typological system.*

Keywords: *aspect; verb aspect; typological research; Russian; Vietnamese; translation.*

0. Вводные замечания

0.1. Постановка задачи

Сложность и уникальность русской категории вида, специфическое взаимодействие вида и времени, разнообразие частных видовых значений являют собой вызов для переводчика – особенно в тех случаях, когда язык перевода относится не к той типологической разновидности, к которой принадлежит язык оригинала.

В ходе предшествующего исследования мы выявили основные средства репрезентации частных видовых значений русского глагола во вьетнамском языке [4], [5], [6]. Цель настоящей работы – представить некоторые закономерности использования таких средств при переводе конкретного художественного произведения. Это задача решается в связи с проблемой более общего характера, а именно – проблемой оценки степени адекватности перевода оригиналу, осмыслением тех находок и потерь, которые неизбежно сопровождают перевод.

0.2. Метод анализа

Категория вида в статье понимается в соответствии с традицией интерпретировать аспектуальные категории как такие, которые определяют ситуацию с точки зрения особенностей ее разворачивания во времени, ее внутренней динамики, как «внутреннее вре-

мя глагола» [1], [7], [11]. Частные видовые значения, как пишет А.В. Бондарко, представляют собой конкретную реализацию видового семантического потенциала [2, с. 19].

Как показывает анализ различных подходов к выявлению и определению частных видовых значений (см., например, работы Н.С. Авиловой, А.В. Бондарко, Ю.С. Маслова, Е.В. Падучевой, Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева, М.А. Шелякина), имеющиеся в лингвистической литературе классификации существенно отличаются не только по набору таких значений, но и по их содержательной интерпретации. Абсолютное совпадение точек зрения обнаруживается очень редко – при том, что во многих случаях наблюдается абсолютное расхождение. Ситуацию осложняет также тот факт, что однотипные употребления зачастую получают различную терминологическую квалификацию, и, наоборот, один и тот же термин у разных авторов наполняется разным содержанием. Более того, в силу разнообразия факторов и множественности оснований для выделения частных видовых значений, границы между ними зыбки, а их состав и количество неопределенны. Иерархические отношения между значениями в разных источниках также определяются по-разному.

Чтобы упорядочить разнообразие подходов и ликвидировать различие в количественной и качественной интерпретации частных видовых значений русского глагола, в работе предлагается описывать значения видо-временных форм через наборы аспектуальных и темпоральных семантических признаков. Так, например, актуальное настоящее характеризуется объединением следующих признаков: ('+ процессность', '+ конкретность', '+ временная локализованность действия') + '+ одновременность (по отношению к грамматической точке отсчета)'. Такой же набор аспектуальных признаков в сочетании с темпоральным признаком '+ предшествование (по отношению к грамматической точке отсчета)' характеризует значение прошедшего несовершенного конкретного единичного действия. Подобным образом могут быть охарактеризованы другие частные видовые значения.

Опора на выделенные в исследовании наборы семантических признаков делает работу над эмпирическим материалом более эф-

фективной, подчиняя ее единому алгоритму: определение частного видового значения осуществляется через выявление контекстуальных (лексических и грамматических) или ситуативных элементов, проясняющих наличие / отсутствие того или иного семантического компонента в составе глагольной граммемы.

1. Перевод видовых форм в составе «сильного» контекста

Максимальной близостью к оригиналу отличаются те фрагменты вьетнамской версии «Мертвых душ», в которых аспектуальная семантика глагольной формы поддержана значениями единиц контекста (для удобства анализа будем далее характеризовать эти контексты как «сильные»). Последние являются тем лексическим ресурсом, который облегчает переводчику его задачу: в переводе используются вьетнамские языковые средства с тем же лексическим значением – либо сами по себе, либо с дополнительными видо-временными показателями.

1.1. Способы выражения семантического элемента ‘+ процессность’

Семантический элемент ‘+ процессность’, характеризируя конкретное процессное значение, эксплицитно выражается разного рода обстоятельственными индикаторами, способными к указанию на продолжительность действия. В следующих контекстах в роли таких индикаторов и в русском, и во вьетнамском языках функционируют слова и выражения *минуты две* – *trong khoảng hai phút*, *постоянно* – *vẫn*, *два года* – *hai năm*, *около года* – *một năm*, *целую зиму* – *suốt một mùa đông* (Далее используется специальная система обозначений, где ❖ – маркер, который указывает на оригинальный, а не переводной текст, ○ – дословный перевод, ● – литературный перевод. Оригинальный текст и литературный перевод выделяются курсивом, дословный – с помощью марровских кавычек).

❖ *В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на четырнадцатой странице, которую он постоянно читал уже два года.*

● Trong buồng làm việc, chàng giữ cuốn sách có cái chấn đánh dấu trang 14 mà chàng **vẫn đọc dở từ hai năm nay**.

○ ‘в кабинет он держать книга иметь закладка на страница четырнадцатый который он **все еще** читать **два год**’

В качестве показателя длительности используются слова типа **vsẽ, vsẽ eùc, vsẽ vreaja** (*không ngót môt, vẫn còn, suốt buổi*) которые акцентируют мысль о том, что действие, описываемое в следующих фрагментах глагольными формами **usmexalca, niùcít, smeetca**, продолжается и неизвестно, когда оно закончится:

❖ *Одни тоненькие ... vsẽ увивались около дам.*

● *Hạng gày thì ... suốt buổi theo tán tỉnh phái đẹp.*

○ ‘тоненький **все время** увиться около дама’

Наряду с теми лексическими средствами, которые актуализируют значение процессности, в большом количестве случаев используются специализированные показатели длительности (**đang, còn**), ср.:

❖ *И потом (Чичиков) еще **долго сидел** в бричке, придумывая, кому бы еще отдать визит.*

● *Sau đó, **ngồi trong xe, y còn nghĩ mãi hồi lâu** xem còn ai có thể đến thăm nữa không.*

○ ‘потом **сидеть** в бричка он **все еще** придумать показатель длительности **долго** кто отдавать визит’

В приведенном примере наречие **долго** и выражение **в это время**, сохраненные в переводе, сами по себе обеспечивают возможность восприятия ситуации как продолжающейся. Однако переводчик не ограничивается этими ресурсами и добавляет видо-временной показатель **đang** в первом случае, и слово **mãi** – во втором, причем добавляет специально – для того чтобы подчеркнуть признак длительности глагольного действия.

1.2. Способы выражения семантического компонента ‘+ кратность’

Кратность воплощается в переводе на вьетнамский язык с помощью различных темпоральных маркеров и устойчивых конструкций.

В следующем контексте значение кратности глагольного действия *говорить* выражается с помощью наречия *thường* ‘обыкновенно’:

❖ «Да, шаловлив, шаловлив, – *говори* **обыкновенно** на это отец.

● «*Vâng, nó nóng nảy, nóng nảy lắm*», ông bố **thường** *đáp lại* thế.

○ ‘да он шаловливый шаловливый очень отец **обыкновенно** *говорить* на этот так’

Значения наречий и наречных выражений могут поддерживаться с помощью специальных показателей:

❖ (*Губернатор*), *впрочем, был большой добряк и даже сам вышивал **иногда** по тюлю.*

● *Nhưng vốn ngài là một người hiền từ, **đôi khi lại** còn thích tự tay thêu thùa lên vài tuyn nữa kia.*

○ ‘впрочем он быть добряк **иногда** показатель кратности сам вышить по тюль’

Значение неограниченной кратности воплощается в переводе на вьетнамский язык в устойчивых конструкциях *lúc nào cũng* ‘беспрестанно + **cũng**’, *bao giờ cũng* ‘непрерывно + **cũng**’. Наличие слова **cũng** в составе этих устойчивых конструкций является обязательным. Его употребление в таких случаях вытекает не из желания переводчика, а из закономерностей устройства данного фрагмента лексики во вьетнамском языке.

❖ *Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории. Какая-нибудь история **непрерывно** происходила.*

● *Bất kỳ đâu mà có hẳn, là **bao giờ cũng** có việc gì đấy xảy ra cho hẳn.*

○ ‘езде где он есть **непрерывно** показатель кратности произойти какой-н история’

1.3. Способы выражения семантического оттенка

‘+ постоянность свойства’

Как показал анализ материала, значение **постоянного отношения**, для которого характерна максимальная временная локализация и неограниченная длительность, реализуется с помощью разнообразных средств контекстуальной поддержки.

К числу таких средств относятся в первую очередь сравнения и различные лексические и грамматические показатели обобщенности. В переводе (разумеется, с поправкой на специфику вьетнамского языка) сохраняются и те, и другие.

Типизация – главная отличительная черта гоголевской манеры повествования – наиболее эксплицитно представлена в контекстах, содержащих сравнительные конструкции. Рассмотрим некоторые из них.

❖ *Некоторые из них были такого рода, что с трудом можно было отличить их от петербургских, имели **так же** весьма обдуманно и со вкусом зачесанные бакенбарды или просто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лиц ...*

● *Vài người trong bọn họ thật khó mà phân biệt được với các công tử ở Pêterbua; **cũng như bọn ấy**, họ **chải** bộ râu mà rất diêm dúa, hay **phô ra những bộ mặt trái xoan cạo nhẵn thín**..*

○ ‘показатель МЧ некоторый из показатель МЧ они трудно **отличиться** показатель МЧ от показатель МЧ петербургский **как они** они **так же зачесать** бакенбарды обдуманно или **показать** показатель МЧ лицо овальный **бриться**’

Наличие слов типа *cũng như bọn họ* ‘такие же, как они’, *cũng thế* ‘так же’ акцентирует внимание на том, что предмет речи включается в широкий ряд своих подобий. В условиях данного аспектуального контекста глагол деятельности *có* ‘иметь’ тяготеет к выражению значения экзистенциальности и постоянного отношения.

Те фрагменты текста, в которых отражена установка автора на типизацию (описание тех или иных ситуаций в рамках субъектного, временного и пространственного обобщения), сохраняют в переводе все контекстуальные элементы, воплощающие эту установку – обобщенные субъекты, обобщенные темпоральные и локативные показатели.

Так, например, в следующем контексте наличие словосочетания, называющего обобщенное место (*в губернских городах* → *các tỉnh lỵ*), позволяет читателю понять, что ситуация описывается в широком плане настоящего:

❖ *Покой известного рода, ибо гостиница тоже известного рода, то есть именно такая, как **бывают** гостиницы **в губернских городах**.*

● *Căn phòng ấy chẳng có gì là đặc biệt cả; nghĩa là giống hết mọi khách sạn ở các tỉnh lỵ.*

○ ‘этот гостиница не особенный, то есть похожий на артикль неопред. гостиница в артикль неопред. **губернский город**’

В некоторых фрагментах дополнительно вводится наречие *thường* ‘обычно’, что дает возможность максимально точно передать атемпоральное значение, реализуемое в этих фрагментах оригинального текста видо-временными формами настоящего НСВ: действие предстает не как происходящее в конкретный момент на оси времени, а как неограниченно длительное, максимально широко локализованное во времени.

❖ *В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки.*

● *Cỗ xe ngựa tiến vào cổng một khách sạn ở tỉnh lỵ N.N. đó là một chiếc xe Britska nhỏ, khá đẹp, có díp, kiểu xe mà những kẻ độc thân thường dùng.*

○ ‘бричка войти показатель СВ в ворота гостиница в губернский город NN это бричка небольшой довольно красивый рессорный в который показатель МЧ **холостяк обычно ездить**’

В целом ряде контекстов, содержащих показатели субъектного обобщения, наряду с именами типичных субъектов (*русский* → *người nga*, *толстые* → *hạng béo*, *тоненькие* → *hạng gầy*) используются определительные местоимения *khách, hạng, người* ‘всякий, каждый, любой, неизвестно какой, разный, всевозможный’. Эти местоимения способствуют выражению идеи обобщенности субъекта, обладающего характерными свойствами, нелокализованными во времени.

❖ *И какой же русский не любит быстрой езды?*

● *Vả lại người Nga nào mà chẳng thích đi nhanh?*

○ ‘и **каждый русский** кто не любит быстрый езда’

В данных ситуациях в переводе полностью сохраняется значение настоящего вневременного, несмотря на то что сама глагольная форма не передает это значение.

Итак, в составе «сильных» контекстов важнейшие компоненты аспектуальности – процессность, кратность, нелокализованность

глагольного действия во времени полностью сохраняются в переводе благодаря окружению.

Специализированные видовые и невидовые показатели функционируют в таких контекстах как дополнительное средство, позволяющее вьетнамскому читателю максимально точно воспринять аспектуальные характеристики описываемой ситуации.

Использование специализированных показателей в «сильных» контекстах подчиняется определенной тенденции: они употребляются главным образом в тех фрагментах, в которых глагольные формы реализуют имперфектное значение, характеризующее семантическими элементами процессности и кратности.

Таким образом, сохранение детерминантных и обстоятельственных элементов оригинального текста обеспечивает возможность адекватного перевода, а использование видовых показателей является своего рода актуализатором определенных компонентов видового значения.

2. Перевод видовых форм в составе «слабого» контекста

Передача частных видовых и видо-временных значений в переводе на вьетнамский язык представляется наиболее сложной в таких случаях, в которых оригинальный текст не содержит средств контекстуальной поддержки аспектуальных особенностей глагола. В таких случаях переводчику требуются дополнительные лексические и грамматические ресурсы, позволяющие указать на характер описываемого действия. Используемые показатели могут быть видовыми или невидовыми, но способными выражать то или иное аспектуальное значение.

Как показывает анализ, специализированные показатели оказываются необходимыми главным образом для тех фрагментов, которые организованы глаголами СВ.

2.1. Перевод форм СВ в составе «слабого» контекста

2.1.1. Способы выражения

семантического признака ‘+ целостность’

Из 1634 рассмотренных глагольных форм, извлеченных методом сплошной выборки из анализируемых фрагментов, 613 являются

формами СВ. 571 из них выражает конкретно-фактическое значение, основным семантическим компонентом которого является ‘+ целостность’.

В переводе на вьетнамский язык этот параметр часто передается с помощью видовых показателей *được, ra, rồi, thấy, mất, đi, hết, hẳn, xong, lên*. Именно они указывают на ограниченность действия пределом, т. е. на его целостность.

Такое действие может размещаться на разных участках временной оси.

Рассмотрим вначале те примеры, в которых законченность описываемого действия фиксируется в определенном моменте в прошлом.

❖ *Вельможа тотчас его узнал.*

● *Bộ trưởng nhân ra hẳn ngay.*

○ ‘вельможа узнать показатель СВ он сразу’

Значение целостности завершившегося действия выражается более ярко благодаря наличию в одном контексте сразу нескольких видовых уточнителей. Ср.:

❖ *Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?*

● “*Ôi! Trôiika! Con chim trôika: ai đã phát minh ra người?*”

○ ‘эх тройка птица тройка кто ВВ показатель выдумать показатель СВ ты’

Использование нескольких показателей наблюдается и в тех случаях, когда имеющийся в контексте обстоятельственный компонент не связывается однозначно с семантикой вида:

❖ *Еще третью неделю внесла больше полуторапта. Да заседателя подмаслила.*

● *Cách đây mười lăm ngày, tôi phải đóng hơn một trăm năm mươi rúp! Thế mà đã phải đấm môm cho ông trợ tá rồi đấy.*

○ ‘пятнадцать день назад я должен внести больше полуторапта да ВВ показатель подмаслить заседатель показатель СВ’

Словосочетание *третью неделю* и *последние три года* допускают сочетаемость с формами НСВ (ср. *третью неделю продолжается спор, последние три года свирепствовала горячка*), поэтому для выражения семантического признака целостности, характери-

зующего формы *внесла, подмаслила, выморила*, переводчик употребляет аспектуальные частицы *đã, rồi*, которые в полной мере передают идею завершенности действия.

2.1.2. Способы выражения семантических комплексов '+ целостность' '+ наличная результативность'

Сочетание семантических параметров '+ целостность' '+ наличная результативность', характерное для перфектного значения русского глагола СВ (в тексте это значение реализуют 33 глагольные словоформы), отображается во вьетнамском тексте с помощью нескольких показателей.

Это, во-первых, послелогои *hết, lên, đi, mất*.

Так, в следующем контексте идея наличного результата – утраты при завершении действия (умирание крестьян) – выражается видовым показателем-послесловом *hết*:

❖ *Сколько у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ревизию?*

● *Từ lần điều tra dân số vừa rồi đến nay, ta mất hết bao nhiêu nông dân?*

○ 'с тех пор пока подавать ревизия у нас умереть показатель СВ сколько крестьянин'

2.1.3. Способы выражения

семантических комплексов '+ целостность' '+ следствие (по отношению к грамматической точке отсчета)'

Глаголы СВ широко используются для обозначения действия, которое произойдет после момента речи или какой-нибудь другой точки отсчета. Для таких употреблений также характерен компонент '+ целостность', однако, ситуация принадлежит **будущему времени**. В выражении значения совершенного вида играют роль уже упомянутые показатели *được, ra, rồi, thấy, mất, đi, hết, hẳn, xong, lên*.

Они могут однозначно сигнализировать об отнесенности действия к плану будущего даже в отсутствие временных маркеров. Ср.:

❖ ***В один год** так ее наполнят всяким бабьем, что сам родной отец не узнает.*

● ***Chỉ một năm** là họ làm cho người bố tội nghiệp không còn **nhân ra** con gái nữa.*

○ ‘**только через один год** бедный отец не узнать показатель СВ дочь’

Обстоятельственное выражение *в один год* задает промежуток времени, в котором может осуществиться действие. Однако этот промежуток способен располагаться на разных участках темпоральной шкалы, ср. *в один год наполнят – в один год наполнили*. Вероятно, именно поэтому переводчик выбирает более однозначный вариант контекстуального показателя – *chỉ một năm* (‘только через один год’), а также использует видовой маркер *ra*, который акцентирует идею возможности достижения результата действия *узнавать* в будущем.

В некоторых случаях специализированные маркеры совмещают две функции – указания на аспектуальность и указания на модальность:

Так, в следующем примере благодаря слову *được* эксплицитно выражается значение целостности обозначаемого факта и подчеркивается оттенок возможности или невозможности осуществления действия.

❖ *Ведь это деньги. Вы их не сыщете на улице.*

● *Số tiền có nhỏ đâu! Có phải cứ ra ngoài đường là **nhất được** đâu.*

○ ‘это немалый сумма деньги не может быть что на улица искать показатель СВ’

Как представляется, ориентация на поиск таких средств, которые сделают мысль автора максимально ясной для вьетнамского читателя, весьма характерна для анализируемого перевода. Именно этой ориентацией можно объяснить включение в следующий фрагмент текста не только видовых маркеров типа *ra*, но и дополнительных лексических элементов.

❖ *Мы с Павлом Ивановичем скинем фракки, маленько приотдохнем!*

● *Paven Ivannôvits và tôi **sáp bỏ áo ra** ngủ một giấc đây.*

○ ‘Павел Иванович и я скоро скинуть фрак показатель СВ спать’

Наречие *sấp* сообщает о том, что действие *скинуть фрак* совершится в близком, непродолжительном будущем. В переводе данного предложения не упоминается действие *приотдохнуть*: *Мы с Павлом Ивановичем скоро скинем фрак* чтобы поспать.

Самым частотным показателем отнесенности действия к плану будущего является частица *sẽ* (ее содержат 45 контекстов из 181), которая употребляется и сама по себе, и в сочетании с другими средствами.

Так, использование временного показателя *sẽ* и видового показателя *được* в следующем примере обеспечивают точность интерпретации глагола *kiếm* как обозначения целостного действия, осуществляемого после момента речи:

❖ *Kогда генерал говорит, чтобы я искал сам средств помочь себе, – хорошо, говорит, я, говорит, найду средства!*

● *Muốn tớ phải tự giúp mình, tốt lắm, tớ sẽ kiếm được cách giúp lấy mình.*

○ ‘хотеть я должен сам помочь себя хорошо я ВВ показатель найти показатель СВ средство помочь себя’

В некоторых местах для усиления модального оттенка добавляются наречия *chắc chắn* ‘обязательно’ и *sấp* ‘скоро’. Слово *sẽ* остается простым сигналом будущего времени. Ср.:

❖ *Самая полнота и средние лета Чичикова много повредят ему ... весьма многие дамы, отворотившись, скажут: «Фи, такой гадкий!»*

● *Vóc người phì nộn với cái tuổi trung niên của Tsitsikốp chắc chắn sẽ làm hại y không ít ... chắc rằng nhiều bà sẽ vừa quay đi vừa nói: «Ео! Хáu khiếp!»*

○ ‘полнота и средний год у Чичиков обязательно показатель ВВ вредить он немало обязательно многий дама показатель ВВ и отворотиться и говорить фи такой гадкий’

С помощью наречия *chắc chắn* выражается оценка действий *повредить* и *сказать* как безусловных, неперемных для исполнения.

Как видно из приведенных в данной части работы примеров, в абсолютном большинстве случаев русские формы СВ не требуют

контекстуальной поддержки, потому что имеют внутрисловные маркеры аспектуальности – главным образом префиксы (см. перечень рассмотренных форм: *узнал, выдумал, вышла, внесла, подмаслил, умерло; напишете, узнает, доедет, сыщете, выдумает, приотдохнем, скинем, найду, повредят*). Формы НСВ легко обходятся безо всяких показателей (за исключением суффиксов имперфективации) и тем самым дополнительно усложняют переводчику его работу.

2.2. Перевод форм НСВ в составе «слабого» контекста

Формы НСВ, как уже отмечалось, довольно редко используются во фрагментах, не содержащих средств контекстуальной поддержки видового значения. В ходе анализа обнаружилось только несколько фрагментов такого рода. Интересно при этом, что семантический параметр ‘+ процессность’ реализуется в единичных случаях.

Показательно, что в контекстах с НСВ широко используются синонимические средства выражения этого значения, такие как *cứ*, *còn*, *vẫn còn* (*всё еще*). Они позволяют передать представление о длительности действия или состояния и / или сохранении состояния в момент речи.

На это, в частности, указывает элемент *cứ* при глаголе *tưởng* (*думать*), акцентирующий мысль автора о том, что говорящий имел об адресате определенное мнение, которое было актуально до момента речи (и которое вот-вот изменится).

❖ *Я думал было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человек.*

● *Tớ cứ tưởng cậu là người lịch sự.*

○ ‘я все еще думать что ты есть порядочный человек’

В следующих контекстах вышеупомянутые показатели сигнализируют о сохранении наличного состояния, причем в последнем случае на выражение этой идеи работает также дополнительно введенное переводчиком слово *hiện* ‘сейчас’:

❖ *Мы напишем, что они живы, так, как стоит действительно в ревисской сказке.*

● *Chúng ta ghi rõ là chúng còn sống, như **vẫn** ghi trong tờ khai dân số.*

○ ‘мы писать что они живой так как **все еще** писать действительно в сказка ревизский’

Как правило, средства контекстуальной поддержки отсутствуют в тех случаях, в которых формы НСВ выражают потенциально-качественное значение или значение постоянного свойства. Переводчик компенсирует недостаток таких средств введением глагола **biết** ‘уметь’ или наречия **thường** ‘часто’, сочетания **có là** ‘быть в наличии’. Ср.

❖ *Такие вышли славные работницы: сами салфетки **ткуют**.*

● *Hai đứa là thợ giỏi: chúng **biết dệt** cả khăn!*

○ ‘две быть славный работница они **уметь ткать** салфетка’

❖ *Лицо его (Плюшкина)... было почти такое же, как у многих художавых стариков, один подбородок только **выступал** очень далеко вперед ...*

● *Mặt lão cũng như mặt của nhiều người già, gầy gò, không có gì đặc biệt; **chỉ có** cái cằm **nhô ra** quá mức ...*

○ ‘лицо он такой же как лицо у многих старик худой нет особенный только **быть в наличии** подбородок **выступить** очень далеко вперед’

Введенное автором в переводе последнего примера сочетание **chỉ có** ‘быть в наличии, существовать’ придает высказыванию следующую смысл: ‘лицо его такое же, как у многих художавых стариков, только подбородок у него **есть (существует)** выступающий очень далеко вперед’. Таким образом, описываемая черта персонажа (выступающий подбородок) понимается как характерная для него. Оттенок постоянного отношения у глагола **выступать**, реализуемый в данном высказывании, в целом сохранен.

Итак, в «слабых» контекстах преобладают формы СВ, которые в русском оригинале эксплицитно (с помощью внутрисловных показателей) выражают значения, в основе которых лежат семантические признаки целостности и наличной результативности. Формы НСВ встречаются редко, они реализуют, как правило, значение постоянного отношения. Случаи употребления НСВ в «слабых»

контекстах для передачи признака процессности не поддаются типизации.

При репрезентации частных видовых значений, реализуемых в «слабых» контекстах, переводчику необходимо подобрать все имеющиеся во вьетнамском языке средства (собственно видовые и видо-временные показатели, временные маркеры, передающие различные оттенки грамматического значения вида, лексические элементы), для того чтобы с максимальной точностью выразить аспектуальную характеристику каждого описываемого действия и избежать неоднозначного понимания ситуации или искажения исходного смысла предложения.

В ряде случаев, как уже отмечалось, аспектуальные параметры глагольной словоформы маркируются внутрисловными показателями (префиксами или суффиксами). Эти маркеры, средства языка синтетического строя, в переводе на вьетнамский язык последовательно заменяются аналитическими аналогами. Важно подчеркнуть, что видовые и видо-временные показатели, используемые в «сильных» и «слабых» контекстах, могут формально совпадать, различаясь при этом своей функциональной направленностью: в первых они выполняют актуализирующую, акцентирующую роль, а во вторых являются главным средством репрезентации видового значения.

Следует отметить, что точный перевод русских видовых форм в составе «слабых» контекстов оказывается возможным далеко не всегда. К числу особенно сложных проблем репрезентации видовой семантики русского глагола в художественном переводе «Мертвых душ» на вьетнамский язык можно отнести проблемы передачи конкуренции видов (см. об этом [5]), наглядно-примерного значения СВ и значения настоящего исторического. В таких случаях переводчик, будучи носителем языка иного типологического строя, чем русский, языка, воплощающего иную картину мира, не в силу уловить отдельные тонкости в употреблении видов и понять выбор автора. Анализ названных ситуаций составляет предмет самостоятельного исследования.

Выводы

Исследование способов отражения семантики русского вида в художественном переводе поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» на вьетнамский язык с неожиданной стороны показал специфику функционирования русских видовых форм: средства контекстуальной поддержки в абсолютном большинстве случаев сопровождают глаголы НСВ, СВ в таких средствах почти не нуждается; для реализации значений совершенного вида достаточно минимального контекста.

Это объясняется тем, что СВ, называя действие, достигшее своего внутреннего предела, является маркированным членом видового противопоставления. НСВ же, не обладая данным семантическим признаком, характеризуется как немаркированная форма. Именно поэтому его реализация всегда сопровождается большим количеством контекстуальных элементов, и по этой же причине переводить такие формы более просто – достаточно использовать аналогичные русским детерминантные и обстоятельственные группы. Иначе говоря, в таких случаях на переводчика работает «внешний» синтаксис (межсловные показатели, проясняющие аспектуальные характеристики глагольной словоформы).

При переводе форм СВ ориентиром могут служить средства «внутреннего» синтаксиса (внутрисловные показатели), которые сигнализируют о главных аспектуальных характеристиках СВ – целостности и предельности.

Вышеизложенное объясняет тот факт, что в составе «сильных» контекстов ведущую роль в репрезентации частных видовых значений играют единицы окружения. Специализированные видовые и невидовые показатели функционируют в таких контекстах в роли актуализаторов важнейших признаков видовых значений. В составе «слабых» контекстов эти же показатели являются главным выразителем аспектуальных характеристик.

Таким образом, передача аспектуальных значений русского глагола во вьетнамском языке обеспечивается наличием, с одной стороны, межъязыковых соответствий, с другой – специфических средств,

которые позволяют преодолеть различие между синтетизмом, характерным для русского языка, и аналитизмом, присущим вьетнамскому.

Однако во многих случаях данное различие затрудняет поиск адекватного отражения значений видовых и видо-временных форм русского глагола во вьетнамском языке и передачу этих семантических тонкостей в переводе с одного языка на другой.

Подытоживая, подчеркнем, что применение оптики одного языка позволяет понять и переосмыслить нечто существенное в другом.

Список литературы

1. Аксаков К.С. О русских глаголах. М.: Тип. Л. Степановой, 1855. 47 с.
2. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола: значение и употребление. М.: Просвещение, 1971. 239 с.
3. Бондарко А.В. Общие и частные значения грамматических форм: на материале категорий времени и вида в русском языке // Вопросы языкознания. 1968. № 4. С. 87–99.
4. Буй Т.Х. Значения видо-временной формы русского глагола и способы их выражения во вьетнамском языке // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал). 2012. № 4. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-gu/issues/2012/4/bui.pdf> (Дата обращения: 29.08.2017).
5. Буй Т.Х. Конкуренция видов в русском нарративном тексте (проблема ее передачи на вьетнамский язык) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Изд-во «Грамота», 2014. № 6 (36). Часть 1. С. 37–39.
6. Буй Т.Х., Ташлыкова М.Б. Способы репрезентации частных видовых значений русского глагола во вьетнамском языке // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 203–213.
7. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982. 155 с.
8. Гловинская М.Я. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. 1989. С. 74–146.
9. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 213 с.

10. Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. М.: Иностранная литература, 1962. С. 7–32.
11. Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.
12. Падучева, Е.В. Семантика вида и точка отсчета // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1986. Т. 45. № 5. С. 413–424.
13. Падучева Е.А. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 552 с.
14. Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемистику. Словообразование. Морфология. [Под ред. Н.Ю. Шведовой]. М.: Наука, 1980. 789 с.
15. Шелякин М.А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: ЛКИ, 2008. 272 с.

References

1. Aksakov K.S. *O russkikh glagolakh* [Aspect and time of the Russian verb: meaning and use]. Moscow: Тип. L.Stepanovoy, 1855. 47 p.
2. Bondarko A.V. *Vid i vremya russkogo glagola: znachenie i upotreblenie* [Aspect and time of the Russian verb: meaning and use]. Moscow: Prosveshchenie, 1971. 239 p.
3. Bondarko A.V. Obshchiye i chastnyye znacheniya grammaticheskikh form: na materiale kategoriy vremeni i vida v russkom yazyke [General and particular meanings of grammatical forms: on the material of categories of time and aspect in the Russian language]. *Voprosy yazykoznaneya* [Questions of linguistics]. 1968. № 4, pp. 87–99.
4. Bui T.H. Znacheniya vido-vremennoy formy russkogo glagola i sposoby ikh vyrazheniya vo v'yetnamskom yazyke [The meanings of the aspectual-temporal form of the Russian verb and the ways of their expression in Vietnamese]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern researchs of social problems]. 2012. № 4. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/4/bui.pdf>.
5. Bui T.H. Konkurentsia vidov v russkom narrativnom tekste (problema yeye peredachi na v'yetnamskiy yazyk) [The competition of aspectual forms in

- the Russian narrative text (the problem of its transmission in Vietnamese)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2014. № 6 (36). Part 1, pp. 37–39.
6. Buy T.KH., Tashlykova M.B. Sposoby reprezentatsii chastnykh vidovykh znacheniy russkogo glagola vo v'yetnamskom yazyke) [The ways of representation of particular aspectual meanings of the Russian verb in Vietnamese]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2014. № 4, pp. 203–213.
 7. Glovinskaya M.YA. *Semanticheskiye tipy vidovykh protivopostavleniy russkogo glagola* [Semantic types of aspectual oppositions of the Russian verb]. Moscow: Nauka, 1982. 155 p.
 8. Glovinskaya M.YA. *Semantika, pragmatika i stilistika vido-vremennykh form* [Semantics, pragmatics and stylistics of the aspectual-temporal forms]. *Grammaticheskiye issledovaniya. Funktsional'no-stilisticheskiy aspekt* [Grammatical Studies. Functional-stylistic aspect]. 1989, pp. 74–146.
 9. Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. *Vvedenie v russkiyu aspektologiyu* [Introduction to Russian aspectology]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 213 p.
 10. Maslov YU.S. *Voprosy glagol'nogo vida v sovremenном zarubezhnom yazykoznanii* [Questions of aspectual forms in modern foreign linguistics]. *Voprosy glagol'nogo vida* [About aspectual forms]. Moscow: Inostrannaya literatura, 1962, pp. 7–32.
 11. Maslov YU.S. *Izbrannyye trudy: Aspektologiya. Obshcheye yazykoznanie* [Selected Works: Aspectology. General Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoй kul'tury, 2004. 840 p.
 12. Paducheva E.A. *Semantika vida i tochka otscheta* [Semantics of the aspect and reference point]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language]. 1986. V. 45. № 5, pp. 413–424.
 13. Paducheva E.A. *Semantika vremeni i vida v russkom yazyke* [The semantics of time and aspect in Russian. The semantics of the narrative]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1996. 552 p.
 14. Shvedova N.Yu. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]: In 2 volumes. Vol. 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Vvedenie v morfemiku. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Phonetics. Phonology. Ac-

cent. Intonation. Introduction to morphemics. Derivation. Morphology].
M.: Nauka, 1980. 789 p.

15. Shelyakin M.A. *Kategoriya aspektual'nosti russkogo glagola* [The category of aspect of Russian verb]. Moscow: LKI, 2008. 272 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Ташлыкова Марина Борисовна, и.о. директора Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, кандидат филологических наук, доцент
Иркутский государственный университет
ул. К.Маркса, 1, г. Иркутск, 664003, Российская Федерация
taschlykoff@mail.ru
SPIN-code: 3570-0673

Буй Ха Тху, преподаватель русского языка факультета русского языка и русской культуры института иностранных языков
Институт иностранных языков при Ханойском государственном университете
ул. Фам Ван Донг, 1, Дич Вонг Хау, Кау-Гжай, Ханой, Вьетнам
buithuha8887@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Tashlykova Marina Borisovna, Acting Director of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Ph.D., Associate Professor
Irkutsk State University
1, K.Marks Str., Irkutsk, Irkutskaya oblast', 664003, Russia
taschlykoff@mail.ru
SPIN-code: 3570-0673

Bui Thu Ha, Lecturer, Department of Russian Language and Russian Culture
University of Languages and International Studies, Hanoi State University
1, Pham Van Dong Str., Dich Vong Hau, Cau Giay, Hanoi, Vietnam
buithuha8887@gmail.com

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

УДК 811(470.67)

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-334-347

СРАВНЕНИЯ С ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. АБУ-БАКАРА*Алиомарова Г.И., Семиляк В.И., Магомедова Л.А.*

В статье анализируются сравнения с этнокультурным компонентом в произведениях известного дагестанского писателя А. Абу-Бакара как один из способов создания художественных образов и выявления национального мировидения автора.

Цель статьи – на основе анализа произведений данного автора выявить роль сравнений с этнокультурным компонентом как важной составляющей идиостиля писателя.

*В рамках данного исследования авторами был использован **описательно-аналитический метод**, предусматривающий непосредственное наблюдение анализируемых языковых фактов с последующим обобщением полученных результатов.*

На основе проведенного исследования авторами выявлено, что сравнения с этнокультурным компонентом в произведениях А. Абу-Бакара служат ярким оценочно-характеристическим средством в портретном описании персонажей; конкретизируют эмоционально-психологическое состояние героев; выполняют описательно-изобразительную функцию в пейзажных зарисовках.

Сравнения с этнокультурным компонентом являются одной из особенностей идиостиля А. Абу-Бакара.

***Область применения результатов:** Методика анализа и полученные результаты исследования могут быть использованы при изучении роли сравнений с этнокультурным компонентом в идиостилях других*

художников слова, в практике преподавания лингвистического анализа текста, стилистики русского языка, спецкурсов и спецсеминаров.

Ключевые слова: *сравнение; этнокультурный компонент; экзотизм; топос; эпитет; метафора; лексема.*

COMPARISONS WITH ETHNOCULTURAL COMPONENT IN THE WORKS BY A. ABUBAKAR

Aliomarova G.I., Semilyak V.I., Magomedova L.A.

The article analyzes the comparison with ethnocultural component in the works of the famous Dagestan writer A. Abu-Bakar as one of the ways of creating artistic images and identify the national worldview of the author.

*The **purpose** of the article is to reveal the role of comparison with ethnocultural component as a main component of the writer's idiosyle on the basis of analysis of A. Abu-Bakar's works.*

*In this study, the authors **used a comparative-analytical method**, involving direct observation of the analyzed linguistic facts with the subsequent generalization of the obtained results.*

On the basis of the study, the authors revealed that the comparisons with the ethnocultural component in the works by Abu-Bakar are considered as a vivid estimating characteristic means in the portrait description of characters, spelling out in detail the emotional and psychological state of the characters, as well as performing the descriptive and visual function in the landscape descriptions.

***The scope of the results:** method of analysis and the findings of the study can be used to study for comparisons with ethnocultural component in other writers' works, in teaching linguistic text analysis, stylistics of the Russian language, special courses and seminars.*

Keywords: *comparison; ethnocultural component; exotism; topos; epithet; metaphor; lexeme.*

В настоящее время существует ряд работ, в которых с разной степенью полноты изучается сравнение как важный элемент идиостиля

известного дагестанского писателя А. Абу-Бакара (И.Я. Алиханова, А.М. Вагидов, Т.Ю. Султанова). Однако целостного и последовательного лингвистического анализа использования А. Абу-Бакаром художественного приёма «сравнение» до настоящего времени не проводилось, что обуславливает **актуальность** данного исследования.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые представлен анализ сравнений с этнокультурным компонентом в произведениях А. Абу-Бакара, определены их особенности и выявлена роль в формировании индивидуального стиля.

Теоретическая значимость заключается в том, что результаты исследования расширяют и углубляют современные представления о сравнении как одной из доминант идиостиля писателя, а также уточняют сведения о процессах формирования и репрезентации художественного сравнения.

Сравнение принимает непосредственное участие в создании образа, но при этом одни сравнения сами по себе представляют образ, а другие, не являясь образом, только способствуют его созданию. Сопоставляя признаки двух явлений для пояснения одного другим на основе сходства признаков, писатель использует сравнения в общей системе изобразительных средств, то есть сравнения в совокупности с другими языковыми приёмами способствуют возникновению более конкретного, более точного представления об изображаемой действительности. По мнению Б.В. Томашевского, сравнение основывается не столько на сходстве самих предметов, сколько на сходстве авторского отношения к сравниваемым предметам [12, с. 32].

Сравнение как одна из языковых деталей создания целостного представления о явлении, действии, характере занимает в творчестве А. Абу-Бакара немалое место.

А. Абу-Бакар – признанный мастер художественного слова, один из лучших стилистов в дагестанской многонациональной литературе советского периода. Язык его произведений отличается яркой изобразительностью и образностью. Изобразительность А. Абу-Бакара – это не только следование традициям, которые сложились в литературе, но и новое слово в развитии языка прозы Дагестана. Писатель обновил поэтику прозы: никто до него не использовал так

широко эпитафы, яркие эпитеты, сравнения, фольклорные произведения и их элементы (сказочные персонажи, притчи, легенды, пословицы и поговорки), узуальные обороты, реминисценции [5, с. 10]. А. Абу-Бакар красочно описывал обряды, этнографические детали. Многообразны используемые им топосы, очень свежи пейзажи. Во всем этом проявилась орнаментальность стиля повести, что было необычно для даргинской прозы.

Орнаментальная поэтика прозы А. Абу-Бакара проявляется в поэтично описанной жизни горцев. Писатель рассматривает и оценивает мир с субъективной точки зрения: одной из граней авторской позиции здесь является идеализация внешнего мира. Романтизация повествования достигается путем очень активного использования автором поэтических описаний природы, многочисленных этнографических деталей, фольклорных элементов, включения в повествовательную ткань экзотизмов, поэтических изобразительно-выразительных средств.

Тропы, употребляемые в прозаических произведениях А. Абу-Бакара, отражают модель мира мастера художественного слова. Проза писателя насыщена образными средствами, содержащими в своей структуре этнокультурный компонент. Сравнения с этнокультурным компонентом стали одной из узнаваемых неповторимых черт индивидуальной манеры А. Абу-Бакара. Характер выбора предметов для сравнения отражает национальные особенности языковой картины мира писателя.

Основой оригинальных авторских сравнений является неожиданное сопоставление двух предметов, относящихся к разным понятийным сферам. Создавая портретные описания своих персонажей, пейзажные зарисовки, писатель использует в составе сравнения наименования предметов быта народов Дагестана, расширяя таким образом тематическую соотнесённость предмета и образа сравнения и создавая нетривиальные индивидуально-авторские сравнения.

Функции сравнений с этнокультурным компонентом в текстах художественных произведений А. Абу-Бакара многообразны и зависят от места их положения в структуре художественного целого. В портретных описаниях они выполняют оценочно-характеристическую функцию, субъективно-познавательную – в отражении точки

зрения героев, в пейзажных зарисовках – описательно-изобразительную, функцию конкретизации в описании эмоционально-психологических состояний персонажа.

В качестве предмета сравнения А. Абу-Бакар использует лексические единицы, представляющие наименования предметов быта народов Дагестана: кинжал, бурка, папаха, чурек, кувшин, котёл, грецкий орех и др.

К примеру: «Издали Луарсаб мог показаться молодцом, но только не вблизи. Овальное, приплюснутое сверху и снизу лицо, большие бегающие глаза, взметнувшиеся будто в удивлении брови и вечно ехидная усмешка в уголках заячьих губ, ***а уши точь-в-точь две ручки сасанидского котла***. И этот шар без намёка на шею поставлен на что-то квадратное. Да и ростом бедняга не удался» [1, с. 39].

В данном примере писатель с помощью сравнительной конструкции ***а уши точь-в-точь две ручки сасанидского котла*** сосредоточивает внимание читателя на характерной детали в портретном описании персонажа. Сравнение вносит национальный колорит в авторское повествование и значительно усиливает эмоциональную оценку в зрительном восприятии данного персонажа. При этом заметим, что фоновых знаний для понимания сути сравнения недостаточно даже у дагестанского читателя.

Сасанидские котлы были распространены на территории Дагестана – это полушаровидные и низкие котлы с несколькими ручками-кольцами. Следовательно, форма уха персонажа была довольно далека от идеальной, а сравнение ещё раз подчёркивает приземистость, приплюснутость во внешнем облике героя. При этом сравнение представляет особенности этнокультурного сознания писателя, которое отражает особенности национальной культуры, истории и ментальности.

В прозе А. Абу-Бакара региональные реалии, которые писатель использует в качестве предмета сравнения, повторяются и становятся основой для создания нового образа. Например, повторяется в качестве предмета словосочетание *сасанидский котёл* в составе сравнения при описании высокогорного аула:

«Жители Зангара считают своим Багдадом родной аул. Среди высоких гор есть ***одна пониже, похожая на опрокинутый сасанидский***

котел. Гору эту обтекают два рукава реки Варачан, и географ скорее назовет ее островом, омываемым водами горного потока. На этом густо заросшем лесом островке и расположился древний аул Зангар, увенчанный двенадцатиметровым минаретом старой мечети, с которой уже давно не звучал призывно-протяжный голос муэдзина» [3, с. 75].

Основой для сравнения горы с сасанидским котлом является общий признак реалий – малый по высоте. С помощью сравнения писатель обращает внимание читателя на невысокую гору и создаёт национальный колорит.

Сравнения в тексте художественных произведений – это прежде всего яркое средство оценки реального мира через призму экспрессивно-эмоционального восприятия. С помощью оригинальных сравнений автор формирует субъективную оценку (положительную или отрицательную) созданных им персонажей. Подчеркивая изящество и стройность юных горянок, автор сравнивает их с узким кувшином:

«Свет струился от гладких плеч, высокой груди с бронзовыми пуговками, узкой, *как у кувшина*, талии, округлого живота» [3, с. 274].

Чтобы усилить эмоциональную положительную оценку, создаваемую посредством сравнения, писатель вводит в структуру сравнения такую деталь бытового предмета, *как узкое горлышко*, например:

«Да, что правда, то правда природа милостиво одарила Вардо. Стройная, гибкая, ловкая с тонкой, *как горлышко кувшина*, талией, она с ума сводила мужчин» [1, с. 22].

В следующем примере писатель в портретном описании использует относительное прилагательное *сулвекетский*, которое вносит не только национальный колорит в сравнительную конструкцию, но и усиливает степень эмоционально-экспрессивной оценки, подчёркивая совершенство и хрупкость героини. Деминутивный суффикс -ышк- в лексеме *горлышко* реализует в данном контексте значение «меньший по объёмным параметрам – высоте, габаритам [10, с. 137–138] и усиливает экспрессивность данной сравнительной конструкции:

«Серминаз – девушка из моего аула, смуглая горянка, хрупкая и стройная, *как узкогорлый сулвекетский кувшин*, с черными, как ночь, глазами, от взгляда которых становится светлее на моей душе,

с черными, как смоль, густыми волосами, спадающими на плечи тяжёлым потоком. Линии ее отточены, как будто лепил ее великий мастер вопреки всем запретам правоверных» [5, с. 220].

Заметим, что гончарные изделия из дагестанского аула Сувлент славятся функциональностью, тонкостенностью и лёгкостью, а водоносные сосуды – узким горлышком – не только по всему Дагестану, но и далеко за его пределами.

Для любой национальной культуры значима такая понятийная сфера, как еда. Важная роль в пищевых традициях дагестанских народов принадлежит изделиям из муки: хинкал, курзе, чурек, чуду (пирог) и др.

Традиционным хлебом у народов Северного Кавказа является чурек. Ахмедхан Абу-Бакар сопоставляет с чуреком различные реалии окружающего мира – солнце, человек. Например:

«Сейчас в подвале работает тат — горский еврей, которого кубачинцы именуют тоже Писахом. Это очень добрый и отзывчивый человек, круглый, как винная бочка, и румяный, *как свежее испеченный чурек*, с крупным перстнем на левой руке — подарком какого-то завсегдатая» [5, с. 248].

В приведённом примере писатель сопоставляет Писаха с традиционным на Кавказе видом хлеба – чуреком. Основой для оригинального авторского сравнения является общий признак – цвет чурека и цвет лица персонажа. Посредством сравнения автор подчеркивает во внешнем облике персонажа красный цвет его лица.

В следующем примере в составе сравнительных оборотов писатель в одном контексте, описывая внешность, использует лексемы разных лексико-семантических групп *кувшин* и *чурек*, которые выступают как контекстуальные антонимы. В описании первой героини посредством лексемы *кувшин* автор фокусирует внимание читателя на ее стройности (*точеную, как кувшин*), создавая положительную субъективную оценку, а с помощью лексемы *чурек*, распространённой выразительным определением *непроепеченный*, Абубакар подчеркивает недостатки внешности второй героини. Сравнительный оборот (*как непроепеченный чурек*) актуализирует значение лексемы *сырой* («Гучный, с нездоровой полнотой разг.»),

которая входит в синонимический ряд с лексемой *рыхлый* и усиливает негативную авторскую оценку, внушаемую читателю.

«А хороша ведь, чертовка. Надо быть таким медведем, как Синка-Саид, чтобы променять эту, *как кувшин*, точеную, на ту, рыхлую, сырую, *как непропеченный чурек!*.. И везет же в жизни таким беспутным... А женщины тоже: чем меньше их любишь, тем больше липнут!» [3, с. 273].

В произведениях А. Абу-Бакара в роли репрезентантов предметов сравнения выступают лексические единицы, представляющие собой наименования плодов фруктовых деревьев и плодово-ягодных кустарников, распространённых на территории Дагестана: персик, абрикос, яблоко, тёрн, кизил и др. Например:

«А девушка, между прочим, была удивительно хороша. И на колючке, говорят, цветок растёт. Кто бы подумал, что у такого отца такая дочь. Белолицая, полненькая, румянощечая, Зейнаб была *что персик в зелени листьев*: возьми кончиками пальцев, надкуси — и не только губы, вся душа нальется шербетом. Но берегись, не приведи аллах с косточкой проглотить, застрянет в горле [6, с. 89].

При этом в состав сравнения писатель вводит эпитеты, выраженные относительными прилагательными, указывающими на место, где выращивают вышеназванные плоды: хунзахский персик, цудахарские яблоки. Упоминание аулов Дагестана, где выращиваются фрукты вносит не только национальный колорит, но и является своеобразным эталоном качества. В сознании читателя рождается presupпозиция: самый лучший, самый яркий, самый сочный. В результате авторское описание какого-либо объекта приобретает не только новые краски, но и приращение нового смысла. Приведём примеры:

«Когда мы вошли во двор, хозяйка сняла платок, и я увидел, что она молода и красива. Я загляделся на ее свежее лицо с пушистыми, *как хунзахский персик*, щеками, с пухлыми, резко очерченными губами и прямым носом» [5, с. 384];

«Во дворе копошилась наседка с выводком, и семеро ее цыплят издали *походили на выкатившиеся из корзины цудахарского торговца спелые абрикосы*» [5, с. 386];

«Месяц, *похожий на ломтик чеченской дыни*, поднялся над Тарки-Тау» [6, с. 18].

В произведениях А. Абу-Бакара в роли репрезентантов предметов сравнения также выступают лексические единицы, представляющие собой наименования животных, как домашних животных (кошка, баран, овцы, ягнята, конь и др.), так и диких (снежный барс, тур, горный волк, лиса, сайгак др.). Например:

«Мне город казался похожим на равнодушного ко всему *буйвола*, что лежит в грязи и медленно жуёт бесконечную свою жвачку» [6, с. 242];

«Ночь была ничем не примечательна, если не считать синего-пресинего неба и звезд, которые висели на этом атласе так низко, что казалось, будто кто-то погладил хребты гор, *как гладят кошку*, и это искры из кошачьей шкурки. И луна на небе была такая же неповторимая, как моя Серминаз, и так же стыдливо прятала лицо под тонкой вуалью...» [5, с. 265];

«Он увидел, что Бахтина молодая, как месяц над степью, стройная, как камыш, легкая, *как сайга*» [2, с. 7];

«Часа два метался по комнате Хажи-Бекир, *как раненый медведь*» [5, с. 323].

Особое значение на Кавказе имеет оружие. Оружие - это признак достоинства и мужественности горца. С оружием в руках горец защищал свой очаг от врагов, совершал набеги, оружие сопровождало горца с момента рождения до его смерти. Неотъемлемой частью мужского костюма и символом достоинства на Кавказе был кинжал.

В качестве предметов сравнения используются лексические единицы-наименования видов холодного и огнестрельного оружия, распространённого на Кавказе, в том числе характерного только для Дагестана.

В произведениях А. Абу-Бакара нетрафаретным образным средством становится лексема кинжал: «Месяц, *похожий на кривой кинжал*, будто рубится с чёрными тучами, высекая всё новые и новые искры молний» [6, с. 7].

В данном примере автор использует в качестве предмета сравнения – существительное, называющее специфическую реалию

быта дагестанцев – кинжал. В основе сопоставления двух объектов окружающей действительности лежит общий признак – изогнутая форма клинка кинжала. Сравнительная конструкция *похожий на кривой кинжал* становится основой для введения в текст новой сравнительной конструкции *будто рубится с чёрными тучами, высекая всё новые и новые искры молний*. В основе сопоставления данной сравнительной конструкции лежит функция кинжала как холодного оружия – клинок может наносить рубящие удары.

В результате употребления двух сравнительных конструкций при описании небесного тела создаётся осложнённый образ. Образ сравнения представлен двумя разновидностями: образ-предмет – кинжал и образ-ситуация, выраженный глаголом рубится, актуализирующим сему «сражаться холодным оружием» в составе сравнительной придаточной части. Союз *будто*, вводящий сравнительную придаточную часть, обозначает приблизительное сходство, и поэтому сравнение воспринимается как условное, что подчёркивает его выразительность.

В следующем примере: «Куда и зачем несется всадник в черном башлыке? Кто знает? Похоже, только сам он да и аллах в небе, который, как видно, смиловился над ним, раз осветил ему дорогу и, разогнав тучи, пронес над его узкими плечами дождь и теперь вот стелет впереди путь прямой, *как выемка на лезвии кинжала*» [6, с. 10].

В основе сопоставления реалий лежит форма желоба, который оружейники делают на лезвии кинжала для уменьшения веса и усиления прочности клинка. В качестве основания сравнения выступает имя прилагательное *прямой*, указывающее на качество предмета сравнения. В данном контексте у качественного прилагательного *прямой* актуализируется сема «ровно идущий в каком-нибудь направлении, без изгибов» [9, с. 628].

Как показывает проанализированный материал, грамматический статус сравнений, используемых писателем разнообразен. Это может быть слово (как сайга, чечевица), словосочетание (горный волк, цудахарские яблоки) предложение (как будто лепил ее великий мастер вопреки всем запретам правоверных):

«Горы Чика-Сизул-Меэр. Цепь горных вершин, *похожих на шляпки амузгинских звезд на подкове*. Во впадине этой подковы и находится старый аул Чиркей, а все это место называется «Гнездом Орла» [4, с. 305];

«Это *ее (Асият – курсив наш)* я видел купающейся под водопадом. Пухленькие, пунцовые губы, большие, *похожие на бездонные ключи, глаза, тонкие брови и родинка-чечевица на шее*» [2, с. 81].

Сравнение может выражено различными грамматическими способами: лексическим – посредством лексем с семантикой сравнения (похожий, подобный, напоминает), прилагательными, вторая часть которых является стандартизированным показателем сравнения (-видный, -образный, -подобный) или указывает одновременно на объект и основание сравнения (-ногий, -лицый, -носый); морфологическим – с помощью сравнительной степени прилагательных и наречий, словообразовательными аффиксами, синтаксическим (сравнительный оборот, придаточное сравнения). Вводятся сравнительные конструкции посредством союзов как, будто, словно, точно, прилагательного *похожий* и др. Наиболее употребительными в прозе Абу-Бакара являются сравнения, вводимые в повествование с помощью семантического союза как, который используется для выражения реального сравнения.

Таким образом, этнокультурная специфика сравнений А. Абу-Бакара проявляется в выборе предметов и явлений для создания образов сравнения и даже способов выражения сравнения. Специфическое национальное видение мира отражается в семантике сравнений, связанной с особенностями растительного и животного мира, географическими особенностями, спецификой культурно-хозяйственной жизни народа. Сравнения выполняют важные выразительно-изобразительные, смысловые и эмоциональные функции, являясь особенностью идиостиля писателя.

Список литературы

1. Абу-Бакар А. Манана: Роман. М.: Советский писатель, 1990. 480 с.
2. Абу-Бакар А. Опасная тропа: (Повести и рассказы). Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1982. 448 с.

3. Абу-Бакар А. В ту ночь, готовясь умирать... Повести и рассказы. М.: Современник, 1978. 288 с.
4. Абу-Бакар А. Солнце в «Гнезде Орла». М.: «Молодая гвардия», 1976. 320 с.
5. Абу-Бакар А. Пора красных яблок. Роман и повесть. М., «Современник», 1974. 432 с.
6. Абу-Бакар А. Тайна рукописного Корана. Исповедь на рассвете. М., «Советский писатель», 1972. 400 с.
7. Алиханова И.Я. Поэтика орнаментальной прозы Ахмедхана Абу-Бакара: автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала, 2014. 22 с.
8. Вагидов А.М. Повесть А. Абу-Бакара «Опасная тропа»: проблемно тематическое и жанрово-стилевое своеобразие // Ахмедхан Абу-Бакар: Творческая судьба. Махачкала: ИПЦ, 2001. С. 22–25.
9. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. 944 с.
10. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 164 с.
11. Султанова Т.Ю. О некоторых особенностях поэтики повести А. Абу-Бакара «Белый сайгак» // Поэтика дагестанской советской литературы. Махачкала, 1986. С. 112–120.
12. Томашевский Б.В. Краткий курс поэтики. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 132 с.

References

1. Abu-Bakar A. *Manana: Roman* [Manana: A Novel]. M.: Sovetsky pisayel', 1990. 480 p.
2. Abu-Bakar A. *Opasnaya tropa: (povesti i rasskazy)* [Dangerous path: (novels and stories)]. Makhachkala: Dag. kn.izd-vo, 1982. 448 p.
3. Abu-Bakar A. *V tu noch', gotovjas' umirat' ... Povesti i rasskazy* [That night, ready to die... Novels and short stories]. M: Sovremennik, 1978. 228 p.
4. Abu-Bakar A. *Solnce v «Gnezde Orla»* [The Sun in the "Eagle's Nest"]. M.: "Molodaya gvardiya", 1976. 320 p.

5. Abu-Bakar A. *Pora krasnyx jablok. Roman i povest'* [Time of red apples. The novel and the story]. М., "Sovremennik", 1974. 432 p.
6. Abu Bakar A. *Tajna rukopisnogo Korana. Ispoved' na rassвете* [Mystery of the manuscript of the Quran. Confession at dawn]. М.: "Sovetskij pisatel", 1972. 400 p.
7. Alikhanova I. Ya. *Pojetika ornamental'noj prozy Akhmedkhana Abu-Bakara* [Poetics of ornamental prose by Akhmedkhan Abu Bakar]. Makhachkala, 2014. 22 p.
8. Vagidov A.M. *Povest' A. Abu-Bakara "Opasnaya tropa"* [A story by A. Abu-Bakar "A dangerous path": issue-thematic, genre and stylistic originality]. *Akhmedkhan Abu Bakar: Tvorcheskaja sud'ba* [Akhmedkhan Abu-Bakar: Creative destiny]. Makhachkala: IPTS, 2001, pp. 22–25.
9. Ozhegov S.I. and Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologicheskih vyrazhenij* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. The Institute of Russian language]. V.V. Vinogradov. М.: ООО „ITI Technologiya“, 2006. 944 p.
10. Rezanova Z.I. *Funktional'nyj aspekt slovoobrazovanija* [The Functional aspect of word formation]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1996. 164 p.
11. Sultanov T.Y. *O nekotoryh osobennostjakh pojetiki A. Abu-Bakara "Belyj sajak"* [On some features of the poetics of the novel "White antelope" by A. Abu-Bakar]. *Pojetika dagestanskoj sovetskoj literatury* [Poetics of the Dagestan Soviet literature]. Makhachkala, 1986, pp. 112–120.
12. Tomashevsky B.V. *Kratkij kurs pojetiki* [A short course of poetics]. М., Л.: Gos. izd-vo, 1929. 132 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРАХ

Алиомарова Гумай Исаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка
Дагестанский государственный педагогический университет
ул. Ярагского, 57, г. Махачкала, Дагестан, 367003, Российская Федерация
usaeva41@bk.ru

Семиляк Валентина Ивановна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и истории русского языка
Дагестанский государственный педагогический университет
ул. Ярагского, 57, г. Махачкала, Дагестан, 367003, Российская
Федерация
Artik0521@yandex.ru

Магомедова Лейла Абдулхакимовна, кандидат филологических
наук, доцент кафедры теории и истории русского языка
Дагестанский государственный педагогический университет
ул. Ярагского, 57, г. Махачкала, Дагестан, 367003, Российская
Федерация

DATA ABOUT THE AUTHORS

Aliyomarova Gumai Isaevna, Candidate of Philology, Associate Pro-
fessor of the Department of Theory and History of the Russian
Language
Dagestan State Pedagogical University
57, Yaragsky Str., Makhachkala, Dagestan, 367003, Russian Fede-
ration
usaeva41@bk.ru

Semilyak Valentina Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Pro-
fessor of the Department of Theory and History of the Russian
Language
Dagestan State Pedagogical University
57, Yaragsky Str., Makhachkala, Dagestan, 367003, Russian Fede-
ration
Artik0521@yandex.ru

Magomedova Leyla Abdulkhakimovna, Candidate of Philology, As-
sociate Professor of the Department of Theory and History of the
Russian Language
Dagestan State Pedagogical University
57, Yaragsky Str., Makhachkala, Dagestan, 367003, Russian Fede-
ration

УДК 316.4.063

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-348-363

**КОГНИТИВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОВРЕМЕННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНО-ИНТЕГРАТИВНЫХ
ПРОЦЕССОВ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)***Ковригина Г.Д.*

Цель. Проанализировать роль, значение и направления реализации когнитивной тематики в современных науках об обществе с точки зрения эвристичности данного подхода в исследованиях проблемы социальной интеграции.

Метод или методология проведения работы. При подготовке статьи были использованы сопоставительный анализ и обобщение с референцией к данным как теоретических, так и практических исследований.

Результаты. В современном обществознании, включающем социологию, антропологию, экономику, социальную психологию когнитивная проблематика занимает все более значительное место, что дает возможность исследовать социальные процессы на новом теоретико-методологическом уровне и в рамках действительной полидисциплинарности. Серьезным эвристическим потенциалом обладает подход, учитывающий когнитивные факторы, и для исследования процессов социальной интеграции или конъюнкции, напрямую связанным с доминирующей в массовом сознании в конкретный исторический период поведенческой «схемой».

Область применения результатов. Выводы и результаты могут быть применены для теоретического обоснования и методологического оснащения дальнейших исследований различных социальных процессов, включая социальную интеграцию. Закономерным будет и использование данных результатов в образовательной практике социально-гуманитарных направлений.

Ключевые слова: когнитивные факторы; общественные науки; полидисциплинарность; социальная интеграция.

COGNITIVE PROBLEM IN THE MODERN STUDIES OF SOCIO-INTEGRAL PROCESSES (TO A FIRST APPROXIMATION)

Kovrigina G.D.

Purpose. *To analyze the role, significance and directions of realizing of cognitive themes in modern social sciences from the point of view of the applicability of this approach in studies of the problem of social integration.*

Methodology. *During the preparation of the article, comparative analysis and generalization used with reference to the data of both theoretical and practical studies.*

Results. *In modern social science, including sociology, anthropology, economics, social psychology, cognitive problems occupy an increasingly important place, which makes it possible to investigate social processes on a new theoretical and methodological level and within the framework of actual polydisciplinarity. A cognitive-based approach has an important heuristic potential for the study of processes of social integration, for those are directly related to a certain behavioral “scheme” dominant in the mass consciousness in a given historical period.*

Practical implications. *Conclusions and results could be applied to the theoretical substantiation and methodological equipment of further studies of various social processes, including social integration. It will be natural to use these results in the educational practice of social and humanitarian areas.*

Keywords: *cognitive factors; social sciences; polydisciplinarity; social integration.*

Интегрированное, консолидированное состояние является априорной нормой и критическим условием выживания и развития сообщества. Строго говоря, другие значимые факторы, такие, как приспособление к окружающей среде, экономические практики, взаимоотношения народа и власти, безопасность внутренняя и внешняя – в своей конечной эффективности также обусловлены

степенью консолидации сообществ и общества, в целом. То есть, солидарность, или равнодушное отношение к собратьям, соплеменникам и согражданам – выступает залогом успешного социального воспроизводства социума во всех его ключевых сферах.

В этой связи, степень социальной интеграции или конъюнкции современного отечественного социума не может не вызывать тревогу – уровень взаимной нетерпимости достиг критических отметок, люди, имеющие вполне четкое представление о конструктивных нормах взаимодействия, отмечают доминирование в социальной фактичности норм обратных – деструктивных [5], а социальное самочувствие наших соотечественников продолжает характеризоваться эмоциями преимущественно негативного спектра [7].

Состояние общественных отношений в любом социуме определяется балансом тенденций социальной дизъюнкции и социальной конъюнкции. Обоим процессам соответствуют специфичные состояния массового сознания или «социального мозга», в котором в периоды дизъюнктивной доминанты преобладают когнитивные схемы, санкционирующие и легитимирующие процессы распада, в периоды же доминирования конъюнктивных тенденций начинают проявляться схемы, ориентированные на конструктивные практики и солидарность. На мой взгляд, в российском обществе на протяжении двух десятков лет преобладает дизъюнктивное состояние, когда общественные связи не распадаются в большей степени благодаря социальной инерции, нежели социальной политике консолидации. Периоды конъюнктивного состояния эпизодичны, спорадичны, недолговременны и всегда обусловлены ситуативно (сочинская олимпиада, «крымский консенсус», юбилей Победы в ВОВ, «санкции», и т.п.). Постоянно воспроизводящаяся практика, (подобно бихевиористской дуге «стимул-реакция-подкрепление»), имеет значительные шансы закрепиться в качестве рутинного, само собой разумеющегося паттерна. Если в массовом сознании россиян закрепится практика несолидарного и не взаимно-сберегающего поведения, это явится критическим фактором для самой жизнеспособности российского общества.

Такого рода положение вещей ставит перед вызовом не только общество и власть, но и ту сферу, которая призвана рефлексировать по поводу общественных отношений и их особенностей – то есть, социальную науку. И здесь все более становится очевидным, что без углубленных исследований механизмов формирования социальных представлений, социальных смыслов, способов познания социальной реальности и реакций на неё, достаточно сложно как судить об истоках и причинах данных деструктивных явлений, так и определять возможности их преодоления. Решение задачи исследования глубинных структур общественного сознания или «социального мозга» россиян на предмет его конъюнктивного потенциала и дизъюнктивных рисков возможно, на мой взгляд, через междисциплинарность, включающую наработки по проблемам социальной интеграции и возможности такой области, как когнитивистика.

Когнитивная проблематика привлекает всё большее внимание в социальных науках, приходящих к признанию того, что сознание все-таки «формирует бытие», или, по крайней мере, находится с ним в постоянной взаимообуславливающей диахронной связи. Когнитивный подход уверенно прокладывает дорогу в экономической науке [4], в том числе – через синтез с институциональной теорией [2]. Строго говоря, такая разновидность последней, как неoinституционализм, уделяющий повышенное внимание стереотипам, ритуалам, традициям и символам, уже демонстрирует очевидные признаки влияния когнитивистики.

Ещё очевиднее это воздействие в исследованиях поведения на фондовых рынках, где настроение инвесторов напрямую обусловлено их представлениями о грядущем положении вещей. В самом общем виде эти исследования объединяются под термином «социономика», истоки которой восходят к Р. Эллиотту, сформулировавшему «волновой принцип» социальных процессов на основе наблюдений за финансовыми рынками, которые, согласно Эллиотту, подчиняются особому организующему закону самоповторения по определенному образцу, отражающему последовательность Фибоначчи [17]. В настоящее время наиболее полно и последовательно

идеи волновой теории в социальной практике развиваются такими американскими учеными, как Р. Пречтер и Дж. Касти. Пречтер, являющийся автором термина «социономика», убежден в том, что те или иные векторы социального настроения и социального изменения определяются в людях бессознательным стадным инстинктом, импульс к которому производится лимбической системой мозга. Именно этот импульс определяет социальное настроение человека, и не зависит от внешнего воздействия. Последовательность Фибоначчи, фрактальные и спиральные феномены в биологии, человеческого восприятии и мышлении указывают, – по мнению Пречтера, – на биологические основания феномена социального настроения, те или иные векторы которого «репрезентируют изменения в человеческих установках», определяя тем самым и «соответствующие изменения в истории и культуре» [26, с. 15]. По мнению Касти, «Социальное настроение определяет характер событий, которые более или менее вероятны в определенный временной промежуток. ... Что вероятно, и что нет в данный момент времени жестко обусловлено тем, как люди видят в этот период своё будущее» [12, с. 12].

Тем самым, экономисты жестко связали характеристики социального самочувствия с когнитивными факторами. Ими же обуславливается и такой «сугубо психологический» феномен, как эмпатия, являющаяся, согласно Д. Лернеру, главным условием, определяющим успех модернизационных процессов, поскольку создает для этого необходимые когнитивно-психологические предпосылки через идентификацию социальных акторов с новыми политическими лидерами и программами, новыми экономическими продуктами и современными социальными институтами [23].

Когнитивная социология и когнитивная антропология прямо постулировали в качестве основного своего предмета проблематику социальных представлений и социального познания. Первая исследует социальные основания и условия человеческого мышления. Условное начало этому направлению в социологии было положено работами А. Сикурела, исследовавшему связь языка и социального взаимодействия [13]. Впоследствии, данное направление получило

развитие в работах таких авторов, как Р. Вутнау, К. Серуло, Э. Зерабевел, П. Димаджио и целого ряда других исследователей [15]. Характерно, что Зерабевел, в частности, стремится дистанцировать данное направление от психологии социального познания, поскольку «когнитивная социология имеет дело не только с познанием социальных объектов, но с социальными основаниями познания вообще» [36, с. 116]. Отметим, одновременно, что в социологии, ещё до работ Сикурела, когнитивная проблематика по факту присутствовала в таких направлениях, как символический интеракционизм (Дж.Г. Мид, Г.Дж. Блумер), феноменологическая социология (А. Шютц), её «расширение» в виде этнометодологии (Г. Гарфинкель), словом, в подходах, исходивших из постулирования решающей роли символов в формировании и поддержании целостности сообщества [6].

Культурная антропология также совершает естественный «дрейф» в сторону все большего внимания к когнитивным, символическим основаниям жизненных практик людей и народов, использующим самый широкий набор символических средств для репрезентации, сохранения, усиления и подтверждения ценностей и общепринятых убеждений их членов. По словам М. Л. Фостер, – «Культурным символом выступает любое представление той или иной вещи или идеи посредством чего-то, относящегося к иному порядку. Любой символ имеет назначение, не связанное напрямую с его использованием здесь и сейчас, являющееся сущностным элементом его смысла, и это назначение связано с деятельностью группы и ее представлениями» [19, с. 81].

С. Тайлер утверждает: «когнитивная реорганизация выступает абсолютно естественным трендом в антропологии, озабоченной, как и ряд других наук, проблемой структурных принципов, применяемых людьми, культурами и видами в процессе адаптации к их среде обитания» [32, с. 20].

Э. Коэн рассматривает любую социальную организацию в качестве ментального конструкта, в котором сообщество структурируется и оформляется с помощью когнитивных практик - символов, ритуалов и границ [14].

Р. Парментер предпринял попытку методологического синтеза положений семиотики Ч. Пирса с базовыми принципами антропологии, доказывая важность исследования «семиотического упорядочивания жизни общества» [25].

Б. Шор в рамках «символической антропологии» анализирует «когнитивное картирование» социальных пространств, свойственное тем или иным народам, фиксируя в этом процессе «тотемические», «ритуальные», «культурные» и «естественные» символы, выступающие главными социально-психологическими маркерами формирующегося и поддерживаемого мировоззрения [31]. Нейролингвист Т. Дикон изучает принципы и алгоритмы развития базовых принципов языка с точки зрения филогенеза и эволюции мозга [16].

Наконец, активно доказывает эвристичность сочетания социальных наук и когнитивистики современный британский антрополог М. Блох, по мнению которого, у антропологии вообще нет другой альтернативы, кроме как инкорпорировать в полной мере подходы когнитивистики, во всей её полидисциплинарности, включая методы естественных наук, изучающих природу сознания и мышления [11]. Эти же позиции отстаивают и целый ряд других исследователей, в частности, Х. Уайтхаус, Дж. Лейдлоу, У. Маккоркл и другие [33; 35].

Картина не будет хотя бы относительно полной, если не упомянуть такие, относящиеся к социальной проблематике, активно развивающиеся в рамках современной когнитивистики направления исследований, как изучение «когнитивных предубеждений», концепция «обыденного социального знания», концепция «ситуативного познания» и концепция «социального мозга». Все указанные направления тесно связаны, прежде всего, с психологической областью когнитивной науки. «Когнитивные предубеждения» (или «искажения» в распространенной отечественной версии) анализируются, в частности, в трудах С. Московичи и Ф. Бушини, приведшим к выводам о том, что «неискаженные» сообщения, в основном, оказывают косвенное воздействие на массовое сознание и социальные представления [8].

Д. Канеман и А. Тверский исследовали роль когнитивных предубеждений в ситуациях принятия решений, то есть, выбора эвристик, в том числе – в условиях высокой неопределенности [21]. Э. Лофтус исследовала роль когнитивных предубеждений применительно к индивидуальной и социальной памяти, доказывая избирательность и предвзятость обеих [24]. Основания для «нормального» восприятия когнитивных предубеждений были заданы в трудах итальянского философа и логика Э. Агацци, доказывавшего, что «такие предубеждения – не что-то такое, от чего нам следует избавляться, а то, что является предварительным условием познания нами мира» [1, с. 60–61]. Другими словами, когнитивные «искажения» есть, в действительности, эволюционно возникшие рамки восприятия, формирующие и характер социального познания. Примерами такого рода являются, в частности, «предпочтительное суждение о своей группе», «эффект негативности» (заставляющий нас уделять приоритетное внимание сообщениям негативного плана), или «эффект большинства» (понуждающий нас присоединяться к коллективному действию или волеизъявлению).

Концепция «обыденного социального знания» относится к вопросу о «мудрости толп», или к тому, обладают ли сообщества достоверным знанием о социальном мире, в котором живут и действуют? Ф. Кейл, когнитивный психолог из Йельского университета, утверждает, что «понимание людьми устройства окружающего их мира существенно менее детально и гораздо более неточно, нежели они себе представляют» [22, с. 368], что не только не снижает, но, напротив, должно активизировать интерес когнитивной науки к исследованиям повседневного знания «обычных людей». По данным, полученным отечественными исследователями, «мудрость толп» – вполне реальна. Она «является свойством агрегированных оценок и существует в некоторых ограниченных областях повседневного социального знания» [3, с. 16]. С данной концепцией явственно перекликаются теория «распределенного познания» Э. Хатчинса, постулирующая множественность познающих субъектов при решении одной когнитивной задачи [20], и теория «ситуативного по-

знания», согласно которой всякое знание о социальном мире всегда ситуативно обусловлено. По выражению М. Уилсон, – «ситуативное познание является познанием, которое протекает в контексте соответствующих задаче входов (inputs) и выходов (outputs)» [34, с. 626]. Тем самым, данное видение также акцентирует внимание на средовой и эволюционной составляющих индивидуального и группового когнитивного процесса.

Наконец, концепция «социального мозга» сформировалась в контексте попыток локализовать участки мозга, отвечающие за социальное поведение. У данной концепции есть серьезные эмпирические основания. В частности, убедительно доказывается существование двух самостоятельных механизмов социального познания – компетентности, как «элементарного» понимания другого человека, и эмпатии, как способности к его эмоциональному восприятию [18]. Важным открытием является и экспериментальная фиксация существования «зеркальных нейронов», благодаря которым и возможна эмпатия, и, следовательно, социальная конъюнкция. Зеркальные нейроны реагируют сходным образом как на действия, так и на эмоции других людей, то есть, при наблюдении эмоций другого человека, активируются те же области мозга, которые были бы задействованы при реальном переживании нами данной эмоции [28]. По мнению У. Принца, это, возможно, обусловлено тем, что мозг использует одинаковый принцип кодирования как для восприятия, так и для планирования действий [27]. На мой взгляд, как минимум, это означает, что паттерны социального поведения также могут «отзеркаливаться». И если люди в повседневности встречают равнодушие и агрессию, они будут реагировать таким же образом уже потому, что так диктует наше нейробиологическое устройство. Но верно и обратное – солидарность и сочувствие должны находить подобный же отклик.

Что касается конкретной локализации, исследователи, в общем, сходятся во мнении о чрезвычайном значении для социального поведения таких участков, как префронтальные отделы коры головного мозга (prefrontal cortex) [29], височная кора (temporal cortices) [30], а

также лобная кора как основа «модели психического». Заметим, что отечественной когнитивно-психологической науке присущ преимущественно взгляд на социальное познание, как неизбежно связанное с аффектом, интеллект рассматривается в связи с эмоциями – традиция, заданная культурно-историческим подходом Л.С. Выготского [9]. Концепция же «социального мозга» до известной степени редуцирует социальное поведение человека до элементарной формулы «стимул-реакция», при которой игнорируются средовые – культурные, исторические, и символические факторы формирования homo agens – «человека действующего». Даже самая точная локализация участков мозга, отвечающих за наше социальное поведение, оставит открытым вопрос о его мотивах и причинах того или иного его характера. Без учета средовых факторов и особенностей когнитивной практики, эти вопросы рискуют остаться без ответов.

Таким образом, когнитивная проблематика не просто торит себе дорогу в социальных науках, а, фактически, уже заняла в них значительное место, позволяя исследовать просоциальное поведение вообще, и социальную конъюнкцию, в частности, на новом теоретико-методологическом уровне и в рамках действительной полидисциплинарности. Остается надеяться, что и в отечественном общественном знании когнитивный подход получит должное внимание. На мой взгляд, один из серьезных заделов в этом направлении сделан, в частности, в концепции нейросоциологии, развиваемой А.В. Шкурко, подчеркивающим необходимость «интегративного описания социальных процессов на разных уровнях: от макроуровневой организации общества до нейрофизиологических процессов» [10, с. 197]. Как представляется, такое интегративное видение является одним из наиболее эвристически обещающих направлений дальнейших исследований социальных феноменов, включая нескончаемый поиск ответа на классический вопрос – «что делает общество возможным?».

Список литературы

1. Агацци Э. Эпистемология и социальное: петля обратной связи // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 58–66.

2. Балацкий Е.В. Когнитивно-институциональный синтез Д. Норта // *Общественные науки и современность*. 2011. № 5. С. 154–166.
3. Девятко И.Ф., Абрамов Р.Н., Кожанов А.А. О пределах и природе дескриптивного обыденного знания о социальном мире // *Социологические исследования*. 2010. № 9. С. 3–17.
4. Каз М.С. Почему в экономических исследованиях необходим когнитивный подход? // *Вопросы философии*. 2009. № 4. С. 29–40.
5. Кармадонов О.А. Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований // *Социологические исследования*. 2012. № 4. С. 17–25.
6. Кармадонов О.А. *Социология символа*. М.: Academia, 2004. 352 с.
7. Кармадонов О.А., Надольная А.А. *Социальное самочувствие и интеграция общества*. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 179 с.
8. Московичи С., Бушини Ф. Являются ли предвзятые сообщения более эффективными, чем сообщения непредвзятые? // *Психологический журнал*. 2000. Т.21, №3. С. 20–32.
9. Рычкова О.В., Холмогорова А.Б. Концепция «социального мозга» как основы социального познания и его нарушений при психической патологии. Часть I. Концепция «Социальный мозг» – продукт современной нейронауки // *Культурно-историческая психология*. 2012. № 3. С. 86–94.
10. Шкурко А.В. На пути к нейросоциологии // *Новые идеи в социологии* / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНАБ 2013. С. 184–200.
11. Bloch M. (2012) *Anthropology and the Cognitive Challenge*. Cambridge: Cambridge University Press. 234 p.
12. Casti J.L. (2010) *Mood Matters*. NY.: Springer Science+Business Media. 250 p.
13. Cicourel A. (1974) *Cognitive Sociology: Language and Meaning in Social Interaction*. New York: Free Press. 189 p.
14. Cohen A.P. (2000) *The Symbolic Construction of Community*. London: Routledge. 128 p.
15. *Culture in Mind: Toward a Sociology of Culture and Cognition* / ed. by Karen A. Cerulo. London: Routledge, 2002. 308 p.
16. Deacon T.P. (1997) *The Symbolic Species: The Co-evolution of Language and the Brain*. New York: W.W. Norton & Company, Inc. 527 p.

17. Elliott R.N. (1994) R.N. Elliott's Masterworks: the Definitive Collection. Gainesville, GA: New Classics Library. 308 p.
18. Fiske S.T., Cuddy, A.J.C., Glick, P. (2007) Universal Dimensions of Social Cognition: Warmth and Competence. *Trends in Cognitive Sciences*. N 11, pp. 1050–1057.
19. Foster M.L. (1990) Analogy, Language, and the Symbolic Process, in Foster, M.L. and Botscharow, L.J. (eds.) *The Life of Symbols*. Boulder: Westview Press. 318 p.
20. Hutchins E. (1995) *Cognition in the Wild*. Cambridge, MA: MIT Press. 380 p.
21. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. (eds.) (1982) *Judgment under uncertainty: Heuristics and biases*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 452 p.
22. Keil F.C. (2003) Folkscience: Coarse Interpretations of a Complex Reality. *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 7. N 8, pp. 368–373.
23. Lerner D. (2000) The Passing of Traditional Society, in: Roberts, J.T., Hite, A. (eds.) *From Modernization to Globalization: Perspectives on Development and Social Change*. Oxford: Blackwell Publishers, pp. 119–134.
24. Loftus E.F. (2004) Memories of Things Unseen. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 13, pp. 145–147.
25. Parmentier R.J. (1994) *Signs in Society: Studies in Semiotic Anthropology*. Bloomington: Indiana University Press. 174 p.
26. Prechter R.R. (1999) *The Wave Principle of Human Social Behavior and the New Science of Socionomics*. Gainesville: New Classic Library. 463 p.
27. Prinz, W. Perception and Action Planning (1997). *European Journal of Cognitive Psychology*. N 9, pp. 129–154.
28. Rizzolatti G., Craighero L. (2004) The Mirror-Neuron System. *Annual Review of Neuroscience*. N 27, pp. 169–192.
29. Semendeferi K., Armstrong E., Schleicher A. et al. (2001) Prefrontal Cortex in Humans and Apes: a Comparative Study of Area 10. *American Journal of Physical Anthropology*. N 114, pp. 224–241.
30. Semendeferi K., Damasio H. (2000) The Brain and Its Main Anatomical Subdivisions in Living Hominoids Using Magnetic Resonance Imaging. *Journal of Human Evolution*. N 38, pp. 317–332.

31. Shore B. (1996) *Culture in Mind: Cognition, Culture, and the Problem of Meaning*. New York: Oxford University Press. 428 p.
32. Tyler S.A. (1969) *Cognitive Anthropology*. New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc. 179 p.
33. Whitehouse H., Laidlow, J. (2007) *Religion, Anthropology, and Cognitive Science*. Durham: Carolina Academic Press. 260 p.
34. Wilson, M. (2002) Six Views of Embodied Cognition. *Psychonomic Bulletin & Review*. Vol. 9. N 4, pp. 625–636.
35. Xygalatas D., McCorkle W.W. (eds.) (2014) *Mental Culture: Classical Social Theory and the Cognitive Science of Religion*. London: Routledge. 268 p.
36. Zerubavel E. (1999) *Social Mindscapes: an Invitation to Cognitive Sociology*. Cambridge: Harvard University Press. 164 p.

References

1. Agazzi E. Epistemologiya i sotsial'noye: petlya obratnoy svyazi [Epistemology and social: feedback loop]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy]. 2010. N 7, pp. 58–66.
2. Balatsky E.V. Kognitivno-institutsional'nyy sintez D. Norty [Cognitive-institutional synthesis of D. North]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Public science and modernity]. 2011. N 5, pp. 154–166.
3. Devyatko I.F., Abramov R.N., Kozhanov A.A. O predelakh i prirode de-skriptivnogo obydenno go znaniya o sotsial'nom mire [On the limits and nature of descriptive everyday knowledge of the social world]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. 2010. N 9, pp. 3–17.
4. Kaz M.S. Pochemu v ekonomicheskikh issledovaniyakh neobkhodim kognitivnyy podkhod? [Why does economic research require a cognitive approach?]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy]. 2009. N 4, pp. 29–40.
5. Karmadonov O.A. Normy i empatiya kak faktory sotsial'nykh preobrazovaniy [Norms and empathy as factors of social transformations]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. 2012. N 4, pp. 17–25.
6. Karmadonov O.A. *Sotsiologiya simvola* [Sociology of the symbol]. M.: Academia, 2004. 352 p.

7. Karmadonov O.A., Nadol'naya A.A. *Sotsial'noye samochuvstviye i integratsiya obshchestva* [Social well-being and integration of society]. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2013. 179 p.
8. Moskovici S., Buchini F. Yavlyayutsya li predvzyatyye soobshcheniya boleye effektivnymi, chem soobshcheniya nepredvzyatyye? [Are pre-conceived messages more effective than messages unbiased?]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. 2000. V. 21, N 3, pp. 20–32.
9. Rychkova O.V., Kholmogorova A.B. Kontsepsiya «sotsial'nogo mozga» kak osnovy sotsial'nogo poznaniya i yego narusheniy pri psikhicheskoy pato-logii. Chast' I. Kontsepsiya «Sotsial'nyy mozg» – produkt sovremennoy neyronauki [The concept of the “social brain” as the basis of social cognition and its violations in mental pathology. Part I. The concept “Social Brain” – a product of modern neuroscience]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural and historical psychology]. 2012. N 3, pp. 86–94.
10. Shkurko A.V. Na puti k neyrosotsiologii [On the way to neurosociology]. *Novyye idei v sotsiologii* [New ideas in sociology]/ ed. ZH.T. Toshchenko. M.: YUNITI-DANA, 2013, pp. 184–200.
11. Bloch M. (2012) *Anthropology and the Cognitive Challenge*. Cambridge: Cambridge University Press. 234 p.
12. Casti J.L. (2010) *Mood Matters*. NY.: Springer Science+Business Media. 250 p.
13. Cicourel A. (1974) *Cognitive Sociology: Language and Meaning in Social Interaction*. New York: Free Press. 189 p.
14. Cohen A.P. (2000) *The Symbolic Construction of Community*. London: Routledge. 128 p.
15. *Culture in Mind: Toward a Sociology of Culture and Cognition* / Ed. by Karen A. Cerulo. London: Routledge, 2002. 308 p.
16. Deacon T.P. (1997) *The Symbolic Species: The Co-evolution of Language and the Brain*. New York: W.W. Norton & Company, Inc. 527 p.
17. Elliott R.N. (1994) *R.N. Elliott's Masterworks: the Definitive Collection*. Gainesville, GA: New Classics Library. 308 p.
18. Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P. (2007) Universal Dimensions of Social Cognition: Warmth and Competence. *Trends in Cognitive Sciences*. N 11, pp. 1050–1057.

19. Foster M.L. (1990) Analogy, Language, and the Symbolic Process, in Foster, M.L. and Botscharow, L.J. (eds.) *The Life of Symbols*. Boulder: Westview Press. 318 p.
20. Hutchins E. (1995) *Cognition in the Wild*. Cambridge, MA: MIT Press. 380 p.
21. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. (eds.) (1982) *Judgment under uncertainty: Heuristics and biases*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 452 p.
22. Keil, F.C. (2003) Folkscience: Coarse Interpretations of a Complex Reality. *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 7. N 8, pp. 368–373.
23. Lerner D. (2000) The Passing of Traditional Society, in: Roberts J.T., Hite A. (eds.) *From Modernization to Globalization: Perspectives on Development and Social Change*. Oxford: Blackwell Publishers, pp. 119–134.
24. Loftus E.F. (2004) Memories of Things Unseen. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 13, pp. 145–147.
25. Parmentier R.J. (1994) *Signs in Society: Studies in Semiotic Anthropology*. Bloomington: Indiana University Press. 174 p.
26. Prechter R.R. (1999) *The Wave Principle of Human Social Behavior and the New Science of Socionomics*. Gainesville: New Classic Library. 463 p.
27. Prinz W. Perception and Action Planning (1997). *European Journal of Cognitive Psychology*. N 9, pp. 129–154.
28. Rizzolatti G., Craighero L. (2004) The Mirror-Neuron System. *Annual Review of Neuroscience*. N 27, pp. 169–192.
29. Semendeferi K., Armstrong E., Schleicher A. et al. (2001) Prefrontal Cortex in Humans and Apes: a Comparative Study of Area 10. *American Journal of Physical Anthropology*. N 114, pp. 224–241.
30. Semendeferi K., Damasio H. (2000) The Brain and Its Main Anatomical Subdivisions in Living Hominoids Using Magnetic Resonance Imaging. *Journal of Human Evolution*. N 38, pp. 317–332.
31. Shore B. (1996) *Culture in Mind: Cognition, Culture, and the Problem of Meaning*. New York: Oxford University Press. 428 p.
32. Tyler S.A. (1969) *Cognitive Anthropology*. New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc. 179 p.

33. Whitehouse H., Laidlow J. (2007) Religion, Anthropology, and Cognitive Science. Durham: Carolina Academic Press. 260 p.
34. Wilson, M. (2002) Six Views of Embodied Cognition. *Psychonomic Bulletin & Review*. Vol. 9. N 4, pp. 625–636.
35. Xygalatas D., McCorkle W.W. (eds.) (2014) Mental Culture: Classical Social Theory and the Cognitive Science of Religion. London: Routledge. 268 p.
36. Zerubavel E. (1999) Social Mindscapes: an Invitation to Cognitive Sociology. Cambridge: Harvard University Press. 164 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ковригина Галина Дмитриевна, кандидат философских наук,
доцент
*ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский
технический университет»*
ул. Лермонтова, 83, Иркутск, Иркутская обл., 664074, Рос-
сийская Федерация
kovrigina.galina2017@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kovrigina Galina Dmitrievna, PhD, Associate Professor
Irkutsk National Research Technical University
83, Lermontov Str., Irkutsk, Irkutsk region, 664074, Russian Fede-
ration
kovrigina.galina2017@yandex.ru

UDC 30.304.2

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-364-376

THIRD GENERATION UNIVERSITY MISSION: CHALLENGES OF MODERN SOCIETY

Voinova A.A.

Purpose. *This article presents the concept of third generation universities being formed in new socio-cultural and economic conditions.*

Methodology. *The basis of the research are methods of theoretical generalizations, methods of classification, comparative and systemic methods.*

Results. *The article identifies the global challenges that oppose the world's system of higher education and classical universities as its basis. The article describes the processes of transformation of a university from a classical social institution into a subject of economy that provides scientific and educational services. The main approaches to definition of the concept of the "third mission of the university" and the underlying theories of entrepreneurial university are analyzed.*

Practical implications. *The results of the research can be applied in the field of socio-economic forecasting in the field of higher education.*

Keywords: *classical university; mission of the university; third generation university; entrepreneurial university; economy of knowledge.*

МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Воинова А.А.

Цель. *Статья посвящена рассмотрению и анализу концепции университета третьего поколения, формирующегося в новых социокультурных и экономических условиях.*

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования составляют методы теоретических обобщений, приемы классификации, компаративистский и системный методы.*

Результаты. *Обозначены глобальные вызовы, противостоящие мировой системе высшего образования и классическому университету как ее базису. Описаны процессы трансформации университета из классического социального института в субъект экономики, занимающийся производством научно-образовательных услуг. Проанализированы основные подходы к определению понятия «третья миссия университета» и лежащие в ее основе теории предпринимательского университета.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в сфере социально-экономического прогнозирования в области высшего образования.*

Ключевые слова: *классический университет; миссия университета; университет третьего поколения; предпринимательский университет; экономика знаний.*

In modern society the role of knowledge is steadily increasing: emphasis is placed on its production; it acts as an independent economic entity. More and more theoretical insights are applied in real sectors of economy, national research systems are transformed into international and transnational. This causes serious changes in the academic environment. Social institutions responsible for “production of knowledge”, namely, universities become the cementing core of society.

The new paradigm of economic development, based on knowledge and innovation, requires the entire system of higher education to be transformed in such a way that it is able to reproduce human capital with regard to technological and institutional changes [4].

Modernization of the system of higher education implies not only structural and organizational changes, but also changes in goals and values, as well as the overall mission of the university.

In this light, the issue of preserving the identity of universities becomes very relevant. Will universities preserve their classical functions, and if so, will they take their rightful place in the economic and political development of the state? To ensure its viability, a modern university should become an “effective” participant in knowledge society. It

should actively interact with various social institutions, maintain a high level of scientific research and development, and deliver finished products and services.

Today, more than ever, the global system of higher education and the classical university as its basis are facing multiple global challenges of a changing world.

The dominating role is played by an innovative type of social development that is focused on constant innovational activity that produces high-tech and sought-after products. This type of social development favours practice-oriented knowledge over abstract and fundamental knowledge. Constant variability, risk, unpredictability, uncertainty and randomness are the flip side of constant innovations. This discredits the effectiveness of methods and forms of knowledge dissemination used by classical universities [10].

The economic nature of social relations, when production and sale of knowledge become the determining factor in the reproduction of public goods, transforms higher education into capital, and expenses on it into investment in human capital.

Knowledge acts as an economic entity and has economic value. It becomes a competitive advantage and acts as a capital to be reproduced.

In these conditions a university transforms from a classical social institution into a subject of economy that provides scientific and educational services. The contractual basis of education and the use of economic criteria for assessment of university's effectiveness become distinctive markers of this transformation.

Such changes are very painful for a traditional classical university that assesses its effectivity in terms of public good and selfless service to society [9].

The place and role of the state in the system of higher education has changed. For a long time, especially in Russia, the state has been the commissioner, investor and performer of educational activity. The changes force it to reconsider the nature of its relationship with universities.

Total centralized state management proves ineffective: universities are financed unevenly, and the state is unable to upgrade and maintain

material and technical equipment of universities on a high level. This causes stagnation in small regional universities.

Higher education gradually leaves the state's control. This becomes a leading trend.

Prospects for further state participation in activity of higher education institutions are now linked to public-private partnership that creates conditions for an influx of non-state funds to universities.

For centuries, Russian universities have been state institutions, and destatization is perceived as a challenge that threatens their existence [9].

Another challenge is informatization and virtualization of social relations: social communications are gradually transferred from the real world into virtual.

Modern highly developed information technologies, actively implemented in universities, give access to numerous educational resources in the Internet.

This is an opportunity for more extensive development of the so-called delocalized distance education. The creation of virtual Global University that will be able to replace traditional classical universities becomes a defining trend in the development of higher education.

The formation of consumer society and the processes of globalization will also radically alter the fundamentals of functioning of universities. Universal education is now a means of reproduction of public goods. It is focused on training and retraining of single-subject specialists.

In these conditions, large transnational companies become full and independent subjects of education policy of the state. They establish their own corporate educational institutions and participate in creation of national educational systems.

Consumer society reduces the relationship between university and students to "producer-consumer" format. "Focused on mass consumer, consumerism leads to unjustified simplification of content of educational programs. It imposes surrogates of dubious quality in order to minimize learning efforts. It promotes the entertaining element of educational activity. It deprives education of its super value nature, reducing it to consumer goods and services" [6, p. 110]. This consumer attitude comes

into collision with academic values that are cultivated by the classical university.

In the 1990s many researchers began saying that modernization of the classical university is inevitable. A third generation university had to emerge, combining traditional functions with new ones that meet the demands of information society.

According to the established view, university history consists of three generations, which differ in their mission. The mission of the first generation universities that emerged in the European Middle Ages was education of small number of people by relaying cultural experience. The formation of the second generation of universities commenced in the beginning of the XIX century: the second mission of universities, which was combined with the first one, was production of scientific knowledge through research. The unity of educational and research missions was the most complete in the project of V. Humboldt.

Universities of both generations were a sort of ivory towers, protected from external observation and intervention. High culture, personal standards of education and inherent value of knowledge justified the self-sufficiency of their existence [1, p. 49]. The university community regarded its activity as the production of public good, without linking it directly to practical needs of society.

However, since the 1960s the inherent value of knowledge has been giving way to its social utility and social relevance. These are now becoming the defining criteria for the university's activity.

The university is being transformed into a socially engaged institution that has to react quickly and effectively to society's requests for goods it produces, which are of interest to this society.

Social engagement became the main reason of changes in the purpose of the university. The university was empowered to become a significant subject of social change and participate in the affairs of society in accordance with the specific historical principles of social order [4, p. 110]. In this case, it is the economy of knowledge where the university can interact with society only in terms of commodity-money exchange. This interaction is very diverse and as a whole constitutes the new, so-

called third mission of the university. Together with the two traditional, educational and scientific missions, it is an integral part of third generation universities.

What characterizes the development of universities in modern conditions? The university's functions now include not only production and transfer of knowledge, but also creation and implementation of innovative technologies, practice-oriented studies, application of results of scientific research, creation of "human capital" for the economy of knowledge. After all, what do "third generation university" and "third mission of the university" mean?

Many interpretations of third generation university are built on the theory of entrepreneurial university by B. Clark and the triple helix model by G. Itskovich.

The model of entrepreneurial university created by Clark [12, 13] is based on mass commercialization of knowledge. The author develops a concept of a university that is transformed into an innovative and entrepreneurial social institution while preserving classical values and functions.

Using the example of the world's leading universities, the author demonstrates how universities initiate changes in accordance with the new demands of economy and society.

According to Clark, commercialization of knowledge and the need to diversify funding sources are the main features of an entrepreneurial university. The administrators, managers and professors of such a university do not see commercialization as a direct threat to quality of university education and its academic traditions. An important factor in the process of transformation of a traditional university into entrepreneurial one is flexible style of management and active interaction with external environment.

In order to transform a classical university into an entrepreneurial one, the following elements are necessary, "stimulated heartland departments, the linking of new outreach units to the departments, the importance of certain kinds of managerial mechanisms, and the accumulation of a supporting culture" [12, p. 23].

We will describe this structure in greater detail.

The heartland departments include management, faculties and university departments. They have a difficult task: to maintain balance between traditional academic and new entrepreneurial values.

The entrepreneurial approach of the university's management gains ground among the academic staff whose professionalism and experience complement the overall strategy. Therefore, the creation of a clear vertical power structure and levers of governance among university units will ensure that the necessary balance is maintained.

In addition to management, the heartland departments also perform the important task of diversification and searching for additional sources of funding for the university. This, in turn, gives an opportunity to create additional innovative units in the university structure. These units perform more commercial functions. At that, the balance between the educational process, research and entrepreneurial activities can only be achieved if the correct administrative strategy is used [12].

Creation of new outreach units implies the organization of new contacts with various external structures. Such mutually beneficial cooperation is manifested in different forms: providing educational services to individuals and organizations; consulting; signing of contracts for scientific research; receiving various grants, including the ones with the participation of commercial and industrial enterprises; obtaining patents for intellectual property; maintaining close contacts with alumni, etc.

According to Clark, the diversified financial base of the entrepreneurial university should include government sources (funding from the state); private organized sources (funds received from private entities through commercialization of research results, contracts and patents) and charity support from professional associations, foundations and alumni donations.

Receiving sufficient funds, the university can independently determine the ways of further development, which can include attracting the best academic staff, expansion of scientific and technological base, creation of innovative infrastructure.

Adherence to the new entrepreneurial policy and acceptance of new values by academic staff (which constitutes the backbone of the univer-

sity) is a very important part of transformation of the classical university. Without the support of the academic staff that combines both traditional and new knowledge and values, the concept of an entrepreneurial university will have no sense. This academic backbone will gradually accept entrepreneurial culture of the central management core, and will prevent the university from becoming a purely economic entity. The university will retain its value and culture-forming functions.

According to Clark, properly formed entrepreneurial culture plays an important role in transformation of the university. Initially this culture emerges among individual employees of the university. Then it gradually permeates structural units and subsequently engulfs the whole institution.

Thus, the theory of entrepreneurial university by B. Clark is aimed primarily at development of the economic functions of the university, enhancement of its economic and financial capabilities, fusion with business community through joint research and development.

Another model of entrepreneurial university is created by Henry Itskovich. According to his concept, the university creates innovative products by means of active interaction with the state and business. This model is called the “triple helix” because the way of cooperation between the university, the state and business resembles the spiral structure of DNA [14].

According to the theory of Itskovich, the state and private business, on the one hand, function independently and are autonomous; on the other hand, in the new conditions of economy of knowledge their functions are largely the same. Thus, universities develop small innovation incubators within the institutional framework and therefore act as private business community. Private business, in its turn, organizes education of employees and conducts research on the basis of private or university laboratories, therefore performing the functions of the university. And the government finances new projects, acting as a business community.

The triple helix concept is based on the following key conditions:

1. Social institutions responsible for production and dissemination of knowledge in the new economy of knowledge, universities in particular, play a leading role in creation and development of innovations.

2. Transformation of a large industrial sector of economy: creation of small organizations and enterprises that are more mobile and able to respond quickly to changing conditions.
3. Transition to the model of entrepreneurial university, which would absorb both classical traditional educational values and entrepreneurial culture [13].

Despite the fact that the three elements of the helix – the state, the university and private business – cooperate closely on both the macro and micro levels, it is the university that plays the leading role and performs the generating function.

Possessing significant research potential, the entrepreneurial university is responsible for development of innovative products and their further commercialization. Also, the university can adequately assess the prospects for development of these new inventions or technologies.

Commercialization of research results and obtaining additional funding opens new opportunities for university staff, and this changes their attitude towards the results of their research. In the triple helix, the university develops a new entrepreneurial personality. Interaction of entrepreneurial universities with business community comes in different forms: providing educational services for employees, consulting, creating university business incubators, and providing high-tech equipment for research.

Thus, the academic ethos of the entrepreneurial university will combine educational, scientific and commercial functions aimed at further innovative development of society [10, p. 54].

Another important aspect of the entrepreneurial university is its openness and interaction with the external environment. Reduction of barriers between the state, the university and private business offers opportunities not only for highly specialized disciplinary studies, but also for joint projects of relevance and importance.

In an entrepreneurial university education, entrepreneurship and research, oriented toward social and innovative economic development, should complement each other.

Application and implementation of scientific commercialized products is one of the important features of an entrepreneurial university.

These organizational mechanisms are implemented in different ways around the world: patents for invention can be divided between their creator and the university; in other cases, the inventor has the exclusive rights to an invention.

A new effective form of commercialization of research results includes creation of small university enterprises and university incubators who receive all rights to inventions and are engaged in market promotion of said inventions.

Thus, the main business activities of the third generation university should be: training innovators, manufacture and transfer of innovative products to interested public entities on a fee-for-service basis, commercialization of educational products, attracting outside resources for university's development, creating objects of innovation infrastructure, formation of entrepreneurial culture of employees and students, etc.

The concept of third generation universities is the concept of scientific and educational centers open to the community and attuned to its needs. The most demanded of these centers will be those that are directly oriented on the values of economy of knowledge.

Will this concept be implemented? Is the system of higher education capable of undergoing such a large-scale transformation? Will higher education become nothing more than a market product? Are modern universities able to preserve their cultural functions? Will they preserve their role of the social institution that is responsible for the existence of creative and intellectual people? Perhaps, only time will tell.

References

1. Balmasova T.A. «Tret'ya missiya» universiteta – novyj vektor razvitiya? [The third mission of the university – a new development vector?]. *Vysshhee obrazovanie v Rossii*. 2016. № 8–9, pp. 48–55.
2. Golovko N.V. Universitet tret'ego pokoleniya: B. Klark [The 3rd generation university: B. Klark]. *Vysshhee obrazovanie v Rossii*. 2016. № 8–9, pp. 40–47.
3. Krasinskaya L.F. Modernizatsiya, optimizatsiya, byurokratizatsiya... Chto ozhidaet vysshuyu shkolu zavtra? [Modernization, optimization,

- bureaucratization... What is the school to expect tomorrow?]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2016. № 3, pp. 73–82.
4. Kusargasheva L.V., Muromceva A.K., Sabitova D.N. Rossijskaya vysshaya shkola na puti formirovaniya ehkonomiki znaniya: global'nyj aspekt [The Russian higher school on its way to form economy of knowledge]. *Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika*. 2013, №39 (318), pp. 51–58.
 5. Marhl M., Pausist A. Metodologiya ocenki tret'ej missii universitetov [The assessment methodology of the third mission of the university]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*. 2013. Issue 1. <http://11121.petsru.ru/journal/article.php?id=1949>.
 6. Nikolaeva E.M., Shchelkunov M.D., Ivshina O.YA. *Fenomenologiya potrebitel'stva. Lichnostnoe i institucional'noe izmereniya* [Consumerism phenomenology. Personality and institutional dimensions]. Kazan': Izd-vo Kazanskij un-t, 2014. 160 p.
 7. Pokrovskij N.E. O sovershenstvovanii prepodavaniya teoretiko-sociologicheskikh disciplin [On improving teaching theoretical-sociological academic subjects]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2005, № 10, pp. 69–76.
 8. Hagurov T.A. Vysshee obrazovanie: mezhdru sluzheniem i uslugoj [Higher education: education ministry vs service rendering]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2011. № 4, pp. 47–57.
 9. Shchelkunov M.D. Universitety novogo pokoleniya [The university of the new generation]. *Vestnik ehkonomiki, prava i sociologii*. 2017. №1, pp. 187–192.
 10. Shchelkunov M.D. Universitety pered litsom global'nyh vyzovov: rossijskij put' [The university in the light of the global challenges]. *Poisk. Al'ternativy. Vybor*. 2016. № 3, pp. 48–59.
 11. Barnett R. *Realizing the University in an Age of Supercomplexity*, Buckingham: SRHE and Open University Press, 2000. 200 p.
 12. Clark B.R. *Sustaining Change in Universities*. London: Open University Press, 2004. 210 p.
 13. Clark B.R. *Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation*, Issues in Higher Education, Oxford: Pergamon Press for International Association of Universities, 1998. 163 p.

14. Etkowitz H., Dzisah J. Rethinking development: circulation in the triple helix. *Technology Analysis & Strategic Management*, Vol. 20, #6. 2008, pp. 101–115.
15. Jongbloed B. Seven Indicators for mapping university-regional interactions. ENID-PRIME Indicators Conference in Oslo, 26-28 May 2008, 123 p.

Список литературы

1. Балмасова Т.А. «Третья миссия» университета – новый вектор развития? // *Высшее образование в России*. 2016. № 8-9. С. 48–55.
2. Головкин Н.В. Университет третьего поколения: Б. Кларк и Й. Уиссема / Н.В. Головкин, О.В. Зиневич, Е.А. Рузанкина // *Высшее образование в России*. 2016. № 8–9. С. 40–47.
3. Красинская, Л.Ф. Модернизация, оптимизация, бюрократизация... Что ожидает высшую школу завтра? // *Высшее образование в России*. 2016. № 3. С. 73–82.
4. Кусаргашева Л.В., Муромцева А.К., Сабитова Д.Н. Российская высшая школа на пути формирования экономики знания: глобальный аспект // *Региональная экономика: теория и практика*. 2013, №39 (318). С. 51–58.
5. Мархл М., Паусист А. Методология оценки третьей миссии университетов // *Непрерывное образование: XXI век*. 2013. Вып. 1. URL: <http://11121.petrstu.ru/journal/article.php?id=1949>.
6. Николаева Е.М., Щелкунов М.Д., Ившина О.Я. Феноменология потребительства. Личностное и институциональное измерения. Казань: Изд-во Казанский ун-т, 2014. 160 с.
7. Покровский Н.Е. О совершенствовании преподавания теоретико-социологических дисциплин // *Социологические исследования*. 2005, № 10. С. 69–76.
8. Хагуров Т.А. Высшее образование: между служением и услугой // *Высшее образование в России*. 2011. № 4. С. 47–57.
9. Щелкунов М.Д. Университеты нового поколения // *Вестник экономики, права и социологии*. 2017. №1. С. 187–192.
10. Щелкунов М.Д. Университеты перед лицом глобальных вызовов: российский путь // *Поиск. Альтернативы. Выбор*. 2016. № 3. С. 48–59.

11. Barnett R. Realizing the University in an Age of Supercomplexity, Buckingham, SRHE and Open University Press, 2000.
12. Clark B.R. Sustaining Change in Universities. Open University Press, 2004.
13. Clark B.R. Creating Entrepreneurial Universities: Organisational Pathways of Transformation, Issues in Higher Education, Oxford, Pergamon Press for International Association of Universities. 1998.
14. Etzkowitz H., Dzisah J. Rethinking development: circulation in the triple helix. Technology Analysis & Strategic Management, 2008. Vol. 20, #6.
15. Jongbloed B. Seven Indicator for mapping university-regional interactions. ENID-PRIME Indicators Conference in Oslo, 26–28 May 2008.

DATA ABOUT THE AUTHOR

Voinova Alena Aleksandrovna, PhD Student, Assistant of the Department of Sociology and Humanities
Dubna State University
19, Universitetskaya Str., Dubna, Moscow Region, 141980, Russian Federation
parizhanka1@rambler.ru

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Воинова Елена Александровна, ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук, аспирант
Государственный университет «Дубна»
ул. Университетская, 19, г. Дубна, Московская обл., 141980, Российская Федерация
parizhanka1@rambler.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

YOUNG SCIENTIST

УДК 94(470.56)

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-377-393

ГОЛОД 1932-1933 гг. НА ЮЖНОМ УРАЛЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Ажигулова А.И.

Цель. Целью данной статьи является изучение влияния голода 1932–1933 гг. на изменение численности населения Южного Урала.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования составляют историко-сравнительный, историко-системный, а также методы критического анализа, с помощью которых был изучен ряд исторических источников – статистические отчеты, докладные записки, специальные справки, которые содержат информацию о рассматриваемых событиях.

Результаты. Голод 1932–1933 гг. нанес отпечаток на несколько поколений людей, став причиной роста смертности среди населения Южного Урала. Автором доказано, что качество учета рождаемости и смертности того времени содержало ряд погрешностей. Это было связано с наличием территорий, где отсутствовали органы ЗАГС, а население не привыкло к регистрации рождений, смертей или браков в новой советской форме. Таким образом, вводя в оборот данные о естественном и механическом приросте за 1930-е гг., важно принимать во внимание все недочеты. Автор приходит к выводу, что наиболее высокий уровень смертности наблюдается среди детей до одного года, затем, чем больше возраст, тем меньше риск смерти. Динамика смертности по областям Юж-

ного Урала подробно представлена в численных и процентных показателях. Среди населения Южного Урала в 1930-е гг. самый высокий процент смертности наблюдается среди сельчан, что объясняется трудностями сельского уклада жизни, преобладанием в этот период аграрного сектора над индустриальным.

В результате исследования установлена специфика голода на разных территориях. В некоторых областях Южного Урала временные рамки голода выходили за общепринятые локально или эпизодически.

Важность изучения голода 1932–1933 гг. обусловлена еще и попыткой современной Украины представить эту трагедию, как политику геноцида. Автор придерживается точки зрения ряда ответственных историков о всеобщности трагедии голода 1932–1933 гг. без национальной специфики. Изучение региональной истории и специфики голода 1932–1933 гг. позволяет говорить о его всеобщности.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере социальной поддержки населения, при решении современных проблем демографии, в процессе преподавания истории.

Ключевые слова: Голод 1932–1933 гг.; численность населения; смертность; докладные записки; колхозы; Южный Урал.

THE FAMINE OF 1932-1933. IN THE SOUTHERN URALS AS ONE OF THE FACTORS OF CHANGE IN POPULATION

Azhigulova A.I.

Purpose. The purpose of this article is to study the impact of the famine of 1932–1933 years in the population change of the Southern Urals.

Methodology. Basis of research is historical and comparative, historical and systematic, methods of critical analysis, which examined a number of historical sources, statistical reports, memoranda, special certificates, which contain information about the events.

Results. *The famine of 1932–1933 years caused the mark on several generations of people, causing increased mortality among the population of the Southern Urals. The author has proved that the quality of records of births and deaths of that time contained a number of errors. This was due to the availability of land where there was no registrar, and the population is not accustomed to registering births, deaths or marriages in the new soviet form. Therefore, using turnover data on natural and mechanical growth during the 1930 years, it is important to take into account all the shortcomings. The author comes to the conclusion that the highest mortality is observed among children up to one year, then the more the age, the lower the risk of death. Dynamics of mortality by regions of the southern Urals are presented in detail in numerical and percentage terms. Among the population of the southern Urals in the 1930 years, the highest percentage of mortality observed among the villagers, due to the difficulties of rural lifestyle, dominated in this period, the agricultural sector over the industrial one.*

The study established the specificity of hunger in different areas. In some areas of the southern Urals time frame hunger went beyond generally accepted locally or episodically.

The importance of studying the famine of 1932–1933 years caused by a attempt of modern Ukraine to present this tragedy as genocide. The author takes the point of view of a number of local historians about the universality of the tragedy of the famine of 1932–1933 years without national specificity. The study of regional history and the specifics of the famine of 1932–1933 years allows us to speak of universality

Practical implications. *The results of the study can be applied in the sphere of social support of the population, the solution of modern problems of demography, in the process of teaching history.*

Keywords: *The famine of 1932–1933 years; population; mortality; memoranda; farms; Southern Urals.*

Важное место по количеству и сложности социально-экономических и политических процессов в российской истории занимают 1930-е гг.: форсированная индустриализация, сплошная коллекти-

визация с ее раскулачиванием и насильственным перемещением населения, голод 1932–1933 гг., массовые политические репрессии. Эти события существенно повлияли на демографическое развитие населения, изменив его численность и состав.

Особую роль в изменении численности населения в 1930-е гг. сыграл голод 1932–1933 гг. При рассмотрении темы голода нужно учитывать, что факторы и причины его могут быть самые разные – от уровня аграрного развития региона до продовольственного обеспечения населения. Из которых к субъективным относятся: методы и темпы коллективизации и заготовительных кампаний, объемы заготовок, раскулачивание. При этом следует учитывать объективные факторы – трудности сельского уклада жизни, а также природно-климатические условия.

Голод 1932–1933 гг., второй по счету в стране советов, по масштабу не уступает первому голоду, охватившему страну в 1921–1922 гг. В эпицентре оказались районы, традиционно специализировавшиеся на зерновом производстве, это Украина, Поволжье, Казахстан, Северный Кавказ, Западная Сибирь, Центрально-Черноземная область и Южный Урал. Региональная специфика голода была обусловлена его абсолютной формой, временными и территориальными границами и отличиями в последствиях для населения и экономики. Локальные эпизоды голода выходили за общепринятые хронологические рамки. На Урале продовольственные затруднения и единичные случаи голодания проявлялись еще в конце 1920-х гг., а последствия ощущались в 1934 г. [10, с. 385]. Это был первый в стране искусственный голод, когда политический фактор был решающим и доминировал над всеми другими. В основе голода лежали действия государственной власти, конкретные решения в экономической и политической области. В комплексе вызвавших его причин отсутствовал природный фактор, в 1932–1933 гг. не наблюдалось природных катаклизмов, подобных великим засухам 1891 и 1921 гг., хотя погода и не была идеальной для сельского хозяйства. Об этом свидетельствуют исследования, проведенные учеными Института сельскохозяйственной метеорологии. Исходя из достигнутого на

тот момент технического уровня и зафиксированных показателей температуры в период созревания урожая, было установлено, что в 1931–1933 гг. должен быть получен урожай, хотя и пониженный в ряде районов (до 30%), но вполне достаточный, чтобы не достигнуть массового голода [10, с. 300].

Негативные явления в демографическом развитии позволяют судить об истинных масштабах голода. Демографическая статистика дает возможность рассмотреть влияние голода на демографическое поведение, оценить потери населения вследствие данного социального бедствия.

Следует отметить, что качество учета рождаемости и смертности того времени было не на самом высоком уровне. Это было связано с наличием территорий, где отсутствовали ЗАГСы или еще не были сформированы сельские советы, а население не привыкло к новой советской форме регистрации рождений, смертей или браков, часть населения продолжала по привычке обращаться к церковнослужителям. Таким образом, данные о естественном и механическом приросте за 1930-е гг. нельзя назвать полными. Как следует из анализа годовых отчетов республиканских Управление народнохозяйственного учета (УНХУ) по механическому движению населения СССР с 1931 по 1934 гг., ни одно республиканское УНХУ сектора населения и здравоохранения не выдержало полностью сроков, кроме БССР по всем формам и УССР по форме № 1, больше того, в материалах, представленных УНХУ РСФСР, обнаружены ошибки [13, л. 13]. Например, процент охвата городов и населения учетом механического движения вычислен ко всем городам без учета городов с не налаженной работой адресных столов и городов, не имеющих адресных столов. Таким образом, понятно, что процент охвата механического движения населения понижен. К тому же в большей группе городов в 1934 г. производилась перепрописка населения, в течение которой текущего учета не было. Хуже всего процент охвата населения городов обстоял, в том числе, в Башкирской АССР, которая не приводит в отчетах даже 50% охвата населения учетом [13, л. 15]. В данном случае приводятся недочеты документов именно голодных

лет, сами работники УНХУ также страдали от голода; понятно, что работа по сбору информации о народонаселении велась в трудное время. В.В. Кондрашин, считает, что в период 1932–1933 гг. механическое движение населения особенно увеличилось, люди бежали из колхозов в города в поисках пищи.

По мнению Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской, в начале 1930-х гг. значительная часть демографических событий не была зарегистрирована. Для СССР в 1930–1933 гг. их поправка на неполноту учета составила 49,9% от всех зарегистрированных смертей и 10% от всех зарегистрированных рождений, а с учетом территорий, не охваченных систематической регистрацией, общий процент недоучета составлял 41,5% для рождений и 93,5% – для смертей [1, с. 84].

Оценивая дошедшие до сегодняшнего дня документы 1930-х гг., открытых для широкого круга исследователей, необходимо подчеркнуть отсутствие полного охвата данных. Особенно это касается статистических отчетов. Сам период 1930-х гг. наполнен целым спектром реформ, осуществление которых часто происходило в сжатые сроки, поэтому неудивительно, что на местах просто не успевали воспринять и исполнить все спускаемые сверху требования. Тем не менее, нужно отдать должное документам, дошедшим до нас и их составителям, ведь почти все отчеты писались в трудное время голода, раскулачивания, репрессий и других социально-политических процессов.

По мнению Е.Ю. Баранова, именно в постсоветской историографии сложилось критическое отношение к данным советской статистики о населении. Много говорится о ее ненадежности, недостоверности вследствие погрешностей регистрации, неполноты охвата населения статистическим учетом в тот период, а также вероятной сознательной фальсификации отдельных сведений. Однако однозначного ответа о достоверности данных советской статистики на сегодняшний день нет [2, с. 24]. Е.Ю. Баранов пишет о возможности использования нескорректированных данных по регистрируемому населению за отдельные периоды и подкрепляет это утверждение

словами историка-экономиста С. Уиткрофта, что «данные по регистрируемому населению СССР выглядят полными и правдоподобными» [2, с. 25]. Имеющиеся данные о демографических потерях позволяют говорить о важных предположительных цифрах жертв голода и хотя часть из них не вошла в официальные документы (по разным причинам), зная уровень погрешности, можно говорить о размерах и масштабах событий 1932–1933 гг.

Голод 1932–1933 гг. сопровождался массовой смертностью населения и унес жизни не менее 7 млн. человек. Из них 3–3,5 млн. в Украине, 2,5 млн. в РСФСР, 1,5 млн. в Казахстане. Это была трагедия всей советской деревни, голод не имел национальной специфики [10, с. 309].

Голод на Южном Урале имел свои специфические черты, так как отдельные случаи дали о себе знать уже в конце 1920-х гг. начале 1930 г. К примеру, в Бугурусланском районе Оренбургской области в 1930-м г. насчитывалось 36835 хозяйств (26,4%), которым необходимо было оказать продовольственную помощь из бедняцкого фонда [12, с. 16]. Как свидетельствует докладная записка заведующего Бугурусланским окружным торговделом С. Евсюкова секретарю Бугурусланского окружкома ВКП(б) Левитину «беднота за отсутствием хлеба, вынуждена питаться суррогатами. На почве этого имела место опухоль от недоедания» [15, л. 27]. Таким образом, ситуация в 1930 г. действительно была серьезная, поэтому и был создан бедняцкий фонд, для которого крайторгделом было отпущено 150000 пудов. С. Евсюков пишет, что если принять во внимание тот факт, что нуждающихся должны кормить пять месяцев (с 17 марта по 15 августа), то на одно хозяйство с пятью членами семьи приходится муки лишь 28,3 фунта. Такая норма недостаточна. Необходимо создать фонд бедноты не в 150000 пудов, а 528000, что в среднем выйдет на одно хозяйство в месяц 2,32 пуда, а на едока 300 грамм печёного хлеба в день. Только при отпуске этого количества хлеба представляется возможность с большой натяжкой удовлетворить острую потребность бедняцких хозяйств.

Такая ситуация не могла остаться без внимания. Было проведено специальное обследование по некоторым районам отдельных бед-

няцких хозяйств. Оно установило, что беднота за отсутствием хлеба вынуждена питаться суррогатами. На почве недоедания имела место опухоль от голода. Массовость подтверждают следующие результаты обследования. В селе Исайкино (Коровинского района): «... беднячка Федотова Анна, семья состоит из четырех человек, питается отходами от сортировки семян. Член сельсовета Ласкин, семья из 6 человек питается отходами, выдаваемыми сельсоветом, вынужден был резать лошадь. Беднячка Кузнецова Александра из Самаркинского сельсовета, семья состоит из семи человек, едят лебеду, отец с матерью выехали на сторону, оставив детей одних, дети имеют нездоровый вид, бледные, животы пухлые. Бедняк Точилев Николай, семья состоит из 6 человек, с ноября ест желуди, которые мешает с просом, жена и сам обессилили». Были случаи, когда колхозы в полном составе остро нуждались в пище: «Все члены колхоза «Красный родник» едят почки от орешника, которые толкут в ступах, после чего смешивают с настоящей мукой и пекут хлеб. Житель села «Узели» бедняк Прытков Александр имеет семью восемь человек, добавляет примеси к хлебу – толченую кору липы и вяза». Из документа видно, что отдельные эпизоды голода начались с ноября 1929 года. В помощи бедняцкого фонда в начале 1930-го года нуждалось чуть больше четверти хозяйств Оренбургской области. Свою записку С. Евсюков заканчивает словами: «... приведенные факты сводятся к одному: бедняцкие хозяйства остро нуждаются в хлебе и им требуется немедленно оказать продовольственную помощь» [12, с. 17].

Как уже говорилось выше, эпизодические случаи голода встречались в Оренбуржье и в 1935–1936 гг. Об этом пишут в Облисполком помощник начальника Управления народного комиссариата внутренних дел (УНКВД) Круковский и лейтенант государственной безопасности Троицкий. Оба приводят высказывания конюха колхоза Амельченко в апреле 1936 г. о колхозе: «Я имею 360 трудодней, расчета со мной до сих пор полностью не произведено, однако колхоз считает меня должником. Скорей удирать надо из колхоза, а то с голоду сдохнешь». Пишут, что Амельченко живет в плохой квартире, обуви и одежды не имеет, спит с семьей на голой соломе [4, л. 121].

Также в докладной записке Обкому ВКП (б) от начальника государственной безопасности УНКВД по Оренбургской области Буда представлена информация о том, что в приемник НКВД г. Оренбурга попал мальчик Шабанов Федор Васильевич, 15 лет, сын колхозницы Шабановой Соломонида колхоза «Красная Звезда»: «Изучение этого мальчика показало, что он не испорчен и всего лишь 20 дней, как ушел из колхоза в поисках куска хлеба» [4, л. 122].

Современная Челябинская область на момент голодных лет находилась в составе Уральской области. Из разных районов следовали докладные записки Уралколхозсоюза в обком ВКП(б) о тяжелом продовольственном положении в колхозах. Например, из Нагайбакского района в правление Уралколхозсоюза поступило ходатайство от 23 января 1932 г. об оказании помощи. В докладной записке председателя колхоза товарища Огнева, двадцатипятилетия, под заголовком «Строго секретно» говорится, что его колхоз при наличии 331 хозяйства с 1237 едоками при посеве 2586 га намолотил 242 центнера. Этим хлебом колхоз прожил 5,5 месяцев, обеспечивая питанием более 900 едоков. В настоящее время в колхозе имеется 5 детских яслей, 4 площадки, общественная столовая для детей, 139 школьников. Хлеба нет и это грозит развалом колхозу. Для своевременного закрепления колхоза товарищ Огнев просит срочно оказать помощь.

Подобная докладная записка поступила и от председателя Увельского района Орлова. В которой сообщается, что 1 января 1932 г. к нему прибыли делегаты – рядовые колхозники от коммуны им. Ильича и сельскохозяйственной артели «Красный Восток» и заявили, что они не доверяют своему правлению, и что вышестоящие организации не обращают внимания на продовольственный вопрос в тех колхозах, где имеется до тысячи голов скота. Зная, что вопросы животноводства имеют огромное значение, они потребовали продовольственной помощи. Больше месяца работают исключительно на одной картошке. В последний раз предупредили райколхозсоюз: «Если не дадите помощи – бросаем скот на произвол и уходим на производство». В этой же записке говорится, о не-

обходимости немедленной помощи хлебом, т.к. угроза разложения колхозов налицо: колхозники на работу не идут, некоторые колхозы больше месяца уже не получают хлеба, питаюсь исключительно картофелем, просом и суррогатами [12, с. 51]. Специальная справка секретно-политического отдела ОГПУ от 3 апреля 1933 г. содержит информацию об острых продовольственных затруднениях и голоде в разных районах Уральской области. Так в колхозе им. Сталина Михайловского сельсовета Троицкого района, который относится к Челябинской области, трупы павшего от сапа скота, залитые карболовым раствором, растаскивались колхозниками – нацменами и русскими из мест захоронения скота и употреблялись в пищу [12, с. 52].

Таким образом, голод 1932–1933 гг., в областях Южно-Уральского региона протекал по-разному, оставаясь при этом одинаково важным по степени угрозы. Голод приводил к росту числа таких заболеваний как туберкулез, брюшной и сыпной тиф, оспа, цинга и др. В ряде территорий он не закончился 1933-им г., а оставил отпечаток на рождаемости, преждевременной смертности от истощения, эпизодических случаях голодания.

Свидетельством последствий голода в первую очередь является уровень смертности. По мнению В.Б. Жиромской, в городах РСФСР с 1931 г. показатель смертности резко возрастает. Смертность в селе, оставаясь высокой все эти годы, таких резких скачков по показателям не испытывает, кроме 1933 г. Сведения о количестве населения Южного Урала дошли до нас из переписей, проведенных 17 декабря 1926 г. и 17 января 1939 г. Для сравнения общего числа населения с уровнем смертности приводится таблица 1.

Смертность на Южном Урале в начале 1930-х гг. в первую очередь свидетельствует о последствиях голода. За 1930 г. в Башкирской АССР умерло 44 521 человек, доля сельчан составляет 38 371 (86,2%) [6, л. 43]. Из них мужчин 23 390 (52,5%), а женщин 21 131 (47,5%), детей до одного года 16 393 (36,8%) [6, л. 41]. По национальному признаку на первом месте русские 22 524 (50,6%), на втором татары 9 186 (20,6%), на третьем башкиры 6 893 (15,5%) [6, л. 41].

Таблица 1.

Челябинская область	По переписи 1926 года					По переписи 1939 года				
	Муж.	%	Жен.	%	Всего	Муж.	%	Жен.	%	Всего
Все население	1105881	46,76	1258935	53,24	2364816	1312776	46,85	1489077	53,15	2801853
Городское население	183486	47,11	205961	52,89	389447	562122	47,55	620109	52,45	1182231
Чкаловская область	По переписи 1926 года					По переписи 1939 года				
	Муж.	%	Жен.	%	Всего	Муж.	%	Жен.	%	Всего
Все население	705926	47,08	793605	52,92	1499531	793051	47,30	883617	52,70	1676668
Городское население	98503	46,28	114325	53,72	212828	181578	47,79	198349	52,21	379927
Башкирская АССР	По переписи 1926 г.					По переписи 1939 г.				
	Муж.	%	Жен.	%	Всего	Муж.	%	Жен.	%	Всего
Все население	1202839	47,22	1344422	52,78	2547261	1493746	47,28	1665223	52,72	3158969
Городское население	108232	47,00	122048	53,00	230280	259795	48,08	280524	51,92	540319

Составлено по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сб. материалов / сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. С. 20, 180, 232.

Как уже упоминалось выше, документы тех лет и сохранившиеся в них данные нельзя назвать полными. Часто в одном фонде попадают дела с разными цифрами за один и тот же период. Скорее всего, это связано с тем, что сначала местные ЗАГСы отправляли имеющиеся данные, а затем дополнения к уже отправленным.

Так в Башкирии в 1931 г. умерло всего 56 532 человек, из них мужчин 29 713 (52,6%), женщин 26 819 (47,4%), детей до 1 года 19 450 (34,4%) [6, л. 56]. В другом деле этого же фонда приводятся несколько увеличенные данные за тот же 1931 г. Общее количество умерших 58 650, из них женщин 27 822 (47,4%), мужчин 30 828 (52,6%), детей до одного года 20 138 (34,3%) [6, л. 62]. Приведенные данные разнятся не на много и на общую картину демографической ситуации не влияют. По результатам статистических отчетов видно, что уже через год смертность среди населения возросла больше, чем на 10 000 человек, что является прямым результатом действия голода.

До середины 1930-х гг. в Оренбургской области происходило снижение численности сельского населения, обусловленное голодными годами. Например, в 1933 г. население области составляло 1 359 300 человека, а уже в 1936 г. 1 148 166, это на 211 134 человек меньше или на 8,4%. Особенно заметно изменение численности населения при сравнении коэффициентов прироста до 1933 г. (5,6%), к середине десятилетия (-15,2%) и к 1939 г. 12,9% [14, с. 107].

Таким образом, районы Южного Урала в 1930-е гг. пострадали от голода. Последствия этого бедствия можно оценить по статистическим данным местных архивов за 1939 г.

Самая высокая смертность в Оренбургской области в первой половине 1939 г. наблюдается в младенческом возрасте. Всего в начале 1939 г. умерло 2182 младенца, из них по городам – 23,5%, по сельской местности почти вдвое больше – 76,5%, в обоих случаях мужская смертность преобладает над женской [5, л. 51об]. В возрасте от рождения до четырех лет смертность не снижается, а увеличивается на 20,2%. Детская смертность в сельской местности была больше по сравнению с городской на 51,4% [5, л. 51об]. С пяти до девяти лет детская смертность заметно снизилась, в сельской местности 314 смертей, в городской – 63, разница на 66,5%. С десяти до девятнадцати лет показатели смертности продолжают снижаться, но деревня продолжает лидировать, затем от двадцати до тридцати девяти лет наблюдается некоторый рост, снижение общего количества смертей от сорока до шестидесяти лет [5, л. 51об]. Возраст между шестьюдесятью и семьюдесятью годами наиболее подвержен риску смерти, показатели увеличиваются с 45% до 55%, или на 10%. Всего за первую половину 1939 г. умерло 6 414 человек, из них из сельской местности – 76,6%, из городской – 23,4% [5, л. 51об].

Наиболее высокая смертность в Челябинской области за 1939 г. наблюдается в возрасте от рождения до четырех лет, это 51 045 детей. Всего в 1939 г. умерло 32 498, из них по городам 34% и почти в два раза больше по сельской местности – 66% [11, л. 75]. Наблюдается тенденция снижения количества смертей от года до четырех лет почти в два раза, в процентном отношении это 97,6% смертей в

возрасте младше одного года и 2,4% в возрасте 4 лет. С пяти до девяти лет уровень детской смертности заметно снизился: в сельской местности 145, в городской – 86 детей. С десяти до девятнадцати лет показатели смертности продолжают заметно уменьшаться с 209 до 145, затем с 21 до 31 года повышаются со 173 до 348 смертей. Наиболее подверженный риску смерти возраст от 60 до 70 лет составляет 4,2% от общего количества смертей [11, л. 75]. Всего за 1939 г. в Челябинской области умерло 73 075 человек, из них в городах 37%, в сельской местности 63%.

Таким образом, наиболее высокий уровень смертности на Южном Урале приходился на младенческий возраст, это объясняется недостаточностью или отсутствием медицинского обслуживания в деревне, тяжелым женским трудом, голодным истощением матери в первой половине 1930-х гг. Причем самые высокие показатели смертности наблюдались в начале жизни, чем больше ребенку лет, тем меньше становился риск смерти. От восьмидесяти до ста лет показатели смертности уменьшаются, но это не говорит о высокой продолжительности жизни, скорее всего до такого возраста доживало слишком малое количество людей, сказывался пережитый голод, многочасовые трудовые дни, низкий уровень жизни. Высокий уровень смертности в сельской местности объясняется преобладанием сельского населения над городским.

На территории Южного Урала в 1932–1933 гг., как и по всей стране, наблюдался голод. Трагедия этого события масштабна и не имеет национальной специфики, поэтому изучение его важно для подчеркивания всеобщей беды и избегания подобных явлений. Оценить масштабы и последствия голода помогают данные статистических отчетов тех лет, дошедшие до нас. Часть информации ускользала из поля зрения органов регистрации и учета населения по разным объективным и субъективным причинам. Тем не менее, изучение статистических отчетов необходимо для получения более конкретной информации о жертвах голода, что возможно, благодаря знанию погрешностей в данных учета. В областях Южного Урала временные рамки голода разнятся, что связано с отличиями

в хозяйственной специфике, уровнем плотности населения, своевременностью оказания помощи голодающим хозяйствам. Годы голода сказались на здоровье населения, росте смертности не только в этот период, но и в дальнейшем. Особенно уязвимой оказалась самая незащищенная часть населения – дети возрастом до одного года. Младенческая смертность была самой высокой из всех возрастных категорий в рассматриваемое время.

Статья издается при финансовой поддержке гранта Правительства Оренбургской области в сфере научной и научно-технической деятельности в 2017 г.

Список литературы

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза, 1922–1991 гг. М.: Наука, 1993. 143 с.
2. Баранов Е.Ю. Годовые таблицы статистических данных о естественном движении населения СССР в 1920-1930 гг.: оценка информативного потенциала истрического источника (на материалах Урала) // Российская деревня в XVIII – XXI веках: социокультурное измерение: сб. статей IX Междунар. науч.практич. конф./науч. ред. Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. С. 20-26.
3. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. материалов / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. 372 с.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 1014. Оп. 3. Д. 22.
5. ГАОО. Ф. 1003. Оп. 2. Д. 88.
6. Государственное казенное учреждение Национальный архив Республики Башкортостан (ГКУ НА РБ). Ф. 472. Оп 3. Д. 1259.
7. Демографический понятийный словарь/Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. 352 с.
8. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 280 с.

9. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих России, 2012. 320 с.
10. Кондрашин В.В. Три советских голода // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XIX вв. Проблемы источников и историографии: история и современность. Оренбург: ОГПУ, 2007. Ч. 2. С. 299–312.
11. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГА-ЧО). Ф. 485. Оп. 7. Д. 487.
12. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы. Т.2/ Под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Екатеринбург: Академкнига, 2000. 456 с.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 52.
14. Хисамутдинова Р.Р., Ажигулова А.И. Численность и состав сельского населения Оренбургского края в 1930-е годы [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014. № 1 (9). С. 105–111. URL: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/17_9_2014.pdf
15. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНЮО). Ф. 1258. Оп. 2. Д. 56.

References

1. Andreev E.M., Darsky L.E., Kharkov T.L. *Naselenie Sovetskogo Soyuza, 1922–1991 years* [The population of the Soviet Union, 1922–1991]. Moscow: Nauka, 1993. 143 p.
2. Baranov E.Y. *Godovye tablicy statisticheskikh dannyh o estestvennom dvizhenii naselenija SSSR v 1920–1930 gg.: ocenka informativnogo potenciala istricheskogo istochnika (na materialah Urala)* [The annual table of statistics on natural population of the USSR in the 1920s–1930s: assessing the informative potential of the historic source (on materials of the Urals)] *Rossiiskaia derevnya v XVIII–XXI vekah: sociokuturnoe izmerenie: sb. statei IX Mezhdunar. nauch.praktich. konf./nauch. red. G.E. Kornilov, V.A. Labuzov. – Orenburg: Izdatelskii centr OGAU*

- [The Russian village in the XVIII – XXI centuries: a social and cultural dimension: a collection of articles IX mezhdunar. scientific.practical. Conf.] /scientific. edited by G.E. Kornilov, V.A. Labusov. Orenburg: Publishing centre OGAU]. 2014, pp. 20–26.
3. Vsesojuznaya perepis naseleniya SSSR 1939 goda: Uralskiy region : sb. Materialov. sost. V. P. Motrevich. [The General census of the Soviet population in 1939: the Urals: sat. materials. V.P. Motrevich]. Ekaterinburg, 2002. 372 p.
 4. *GAOO*. F. 1014. Op. 3. D. 22.
 5. *GAOO*. F. 1003. Op. 2. D. 88.
 6. *GKU NA RB*. F. 472. Op 3. D. 1259.
 7. *Demograficheskij ponjatijnyj slovar pod red. prof. L.L. Rybakovskogo*. [Demographic conceptual dictionary. Under the editorship of Professor L.L. Rybakovsky]. Moscow: CSP, 2003. 352 p.
 8. Zhiromskaya V.B. Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzglyad v neizvestnoe [Demographic history of Russia in the 1930s. A sight into the unknown]. *Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya* [Russian political encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 280 p.
 9. Zhiromskaya V.B. *Osnovnye tendencii demograficheskogo razvitija Rossii v XX veke* [Main trends of demographic development of Russia in the XX century]. Moscow: Kuchkovo pole; the Union of families of servicemen of Russia, 2012. 80 p.
 10. Kondrashin V.V. Tri sovetskih goloda [Three Soviet famine]. *Agrarnoe razvitie i prodovol'stvennaja politika Rossii v XVIII–XIX vv. Problemy istochnikov i istoriografii: istorija i sovremennost. Orenburg: OGPU* [Agricultural development and food policy of Russia in XVIII–XIX centuries Problems of sources and historiography: history and modernity]. Orenburg: OGPU, 2007, pp. 299–312.
 11. *OGACHO*. F. 485. Op. 7. D. 487.
 12. *Prodovol'stvennaia bezopasnost Urala v XX veke. Dokumenty i materialy* [Food security of the Urals in the XX century. Documents and materials]. V. 2 / Under the editorship of G.E. Kornilov, V.V. Maslakova.] Ekaterinburg: Akademkniga, 2000. 456 p.
 13. *RGAE*. F. 1562. Op. 20. D. 52.

14. Hisamutdinova R.R., Azhigulova A.I. Chislennost' i sostav sel'skogo naselenija Orenburgskogo kraja v 1930-e gody [The size and composition of the rural population of Orenburg region in the 1930-ies]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg state pedagogical University]. 2014. № 1 (9), pp. 105–111. http://vestospu.ru/archive/2014/articles/17_9_2014.pdf
15. *CDNIOO*. F. 1258. Op. 2. D. 56.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Ажигулова Альбина Исламовна, аспирант кафедры Всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания
Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, 19, г. Оренбург, 460014, Российская Федерация
azhigylova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Albina Islamovna Azhigulova, Graduate Student of the Department of General History and Methodology of Teaching History and Social Studies
Orenburg State Pedagogical University
19, Sovetskaya Str., Orenburg, 460014, Russian Federation
azhigylova@mail.ru

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

SCHOLARLY DISCUSSIONS

УДК 165.12

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-394-415

СМЫСЛОВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПОЗИЦИЯХ
ИЗОБРЕТАТЕЛЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ*Лёвкина А.О.*

Цель. Целью является раскрытие фундаментальных смысловых противоречий в позициях изобретателя и предпринимателя в процессе инновационной деятельности и порождающих их причин. Предметом анализа выступают смыслы инновационной деятельности предпринимателя и изобретателя в контексте современной культуры.

Методология проведения работы. Исследование проведено в русле деятельностной парадигмы, опирается на социокультурный и антропосоциетальный подходы. Современные смысловые противоречия в позициях изобретателя и предпринимателя проанализированы с позиций гуманистического подхода с помощью логико-смыслового и ценностного анализа.

Результаты. Выделены фундаментальные противоречия в актуальной социально-экономической системе на общественном, организационном и личностном уровнях, отражающие разные ценностные позиции и конфликт интересов изобретателя и предпринимателя. Сделан вывод о необходимости развития механизмов инновационного сотрудничества на микроэкономическом уровне, основанного на общем фундаменте гуманистических ценностей и работающих на цели реализации инновационного развития гуманного общества в целом.

Область применения результатов. *Результаты исследования предназначены для развития социально-философского дискурса по проблемам социального проектирования инновационного развития гуманного общества.*

Ключевые слова: *инновации; изобретатель; предприниматель; смысловые противоречия; инновационное развитие общества.*

CONFLICT SENSES IN POSITIONS OF INVENTOR AND ENTREPRENEUR IN CONTEXT OF MODERN CIVILIZATION

Ljovkina A.O.

Purpose. *The purpose is to reveal basic sense conflict in positions of inventor and entrepreneur in process of innovation activity and the causes of this conflict. The subject of analysis is the sense of inventor's and entrepreneur's innovation activity in the context of modern culture.*

Methodology. *The basis of the research is activity paradigm, socio-cultural and anthroposocietal approaches. Sense conflict in position of inventor and entrepreneur is analyzed basing on humanistic approach and by means of logic-sense and value analysis.*

Results. *Author formulated fundamental problems in modern social-economic system on social, organizational and personal levels reflecting different value base of inventor and entrepreneur which cause conflict of interests between them. In conclusion author underlined that it is necessary to develop mechanisms of innovation collaboration on a microeconomic level basing on humane values and aimed for innovation development of humane society.*

Practical implications. *The results of the study serve for stimulating social-philosophical discourse on problems of social designing of humane society innovation development.*

Keywords: *innovations; inventor; entrepreneur; conflict of meanings; social innovation development.*

Введение

Прогрессивное инновационное развитие гуманного общества означает приоритет инноваций с высокой социальной значимостью – инноваций, способных решать значимые, актуальные для людей проблемы рационально, этично и осмысленно. К наиболее значимым, актуальным проблемам следует отнести проблемы обеспечения базовых потребностей в воздухе, воде, пище, безопасности, жилище, здоровье, затем – потребности в свободе передвижения, получения знаний и общении, далее – потребности в творчестве и саморазвитии, взаимопомощи, изменении мира к лучшему. Однако, далеко не всегда в нашей сегодняшней культуре энтузиаст-изобретатель, создавший прорывную социально значимую технологию «почивает на лаврах» или, как минимум, имеет возможность внедрить свое изобретение в социальную практику. Цель данного исследования – раскрыть смысловые противоречия в позициях изобретателя и предпринимателя в контексте современной цивилизации, создающие фундаментальные трудности для прогрессивного инновационного развития гуманного общества.

Примеры социально значимых инноваций

Одним из ярких примеров в области безопасного экологичного транспорта является самолет ЭКИП¹ (название – аббревиатура от «экология и прогресс»), созданный конструктором Л.Н. Щукиным (Саратовский авиазавод, Нижегородский ЦКБ имени Р.Е. Алексеева). ЭКИП спроектирован таким образом, что мог бы устранить 80% смертей в авиакатастрофах, поскольку не имеет шасси. Он не требует специально подготовленной взлетно-посадочной полосы – может приземлиться на любую относительно ровную поверхность и взлетать с нее. Длина разбега аппарата на любой поверхности – по воде, болотистой местности, песку, снегу не превышала 500–600 метров. При всех выключенных двигателях ЭКИП безопасно спланирует и приземлится, в то время как обычный самолет практиче-

¹ Официальную информацию об ЭКИП см. в «Доклады Академии наук», Том 377, Выпуски 1-3. Изд-во «Наука», 2001, с. 198.

ски камнем рухнет вниз. Кроме того, «ЭКИП» может осуществлять полет в режиме экраноплана вблизи поверхности земли или воды. Топливо самолета на 60% состоит из воды, при полете собирается конденсат и отправляется в топливную систему, фактически постоянно пополняя запасы топлива. Об аппарате ЭКИП сняты документальные фильмы, но «воз и ныне там», данный проект ждет своего финансирования еще с 1990-х годов [13].

Есть и другие, как старые, так и новые, направления развития технологий получения энергии, безопасного и экологичного транспорта, технологии создания материалов с уникальными свойствами, например, *холодный ядерный синтез* (Б.В. Болотов, Ю.Ф. Маллов, С. Понс, М. Флейшманн, А. Росси, и др.). Также в области создания магнитных двигателей и генераторов известны имена Джона Сёрла, Говарда Джонсона, Генри Мюррея, Габриэля Крона, Дона Максвелла, Лестера Дж. Хендершота и др. Широко известен изобретатель Стенли Мейер, создавший (в 1990-е гг.) реальный автомобиль на воде.

Продолжение исследований Н. Тесла в области холодного электричества (радиантной энергии) имеют длинную историю, на протяжении всего XX века и по наши дни (см. работы Л.И. Мандельштама, Н.Д. Папалекси, Э. Грея, А. Чернецкого, В.И. Бровина, Д. Уотсона, С. Маринова, Т. Бирдена, Д. Бедини, Т. Капанадзе, А.Н. Мишина и др.). В частности, широко известны передовые разработки ученых НИИ электрификации сельского хозяйства под руководством Д.С. Стребкова¹, воспроизводящих и развивающих наработки Н. Тесла, которые позволяют увеличить энергетическую и экологическую безопасность Земли без потери в качестве жизни: беспроводная зарядка электротранспорта, полуволновая передача энергии по однопроводным линиям, высоковольтные матричные солнечные модули, бесхлорное получение солнечного кремния, микрогазотурбина, вихревая ветроэнергетическая установка, ав-

¹ Подробнее см. страницу сайта НИИ, со ссылками на разработки: <http://viesh.ru/commercialize-dept>, также см. патент Д.А. Стребкова 2515884 по ссылке: http://www.freepatent.ru/images/img_patents/2/2515/2515884/patent-2515884.pdf

тономные энергетические системы для решения задач операторов мобильной связи, планарные солнечные модули.

К. Кэмпбелл, Д. Айк, А.Р. Уоллес, Т. Симончини, И.П. Неумывакин и многие другие ученые из области медицины в своих работах отмечают, что столкнулись с реальным наличием политики повышения доходности данной общественно-значимой сферы, не способствующей внедрению гуманистических открытий и распространению гуманистически ориентированных инноваций.

Ученые, взгляды которых расходятся с доминирующей научной позицией как и в древности подвергаются различным формам остракизма. В частности, врач-онколог Т. Симончини, обнаруживший некорректность в традиционном объяснении природы рака и предложивший простой и дешевый способ его лечения, оказался на три года заключенным в тюрьму¹. Доктор медицинских наук И.П. Неумывакин, основоположник космической и комплементарной медицины, 30 лет проработавший в Роскосмосе и пришедший к аналогичным выводам о том, что причиной многих заболеваний является нарушение рН среды организма, который может регулироваться питанием, содой или перекисью водорода говорит о том, что многие представители официальной медицины считают его сумасшедшим. Он же изобрел прибор позволяющий проводить операции, которые длятся до 8 часов, без анестезии с использованием наркотических средств, однако его серийное производство было запрещено².

М.С. Норбеков, известный автор нескольких уникальных методик самовосстановления человека, лично столкнулся с официальным объяснением экономических причин невозможности внедрения эффективной методики восстановления зрения в Японии. В ответе ему от японской стороны содержались благодарности за предоставленную методику и результаты исследований по ней:

¹ Подробнее см. в Lavinia, Gianvito (21 May 2006). "Medico condannato: omicidio colposo" [Doctor convicted: manslaughter]. Corriere della Sera (in Italian). Milan.

² Подробнее см. интервью с Неумывакиным И.П. по ссылке: <https://sobesednik.ru/zdorove/20150815-eks-glavvrach-roskosmosa-soday-mozhno-lechit-rak-i-diabet>

«Положительный результат составил свыше 80%. Но в данный момент японская экономика не готова воспринять такую нагрузку...» Далее следовало объяснение: «...Если 10% из почти шестидесяти миллионов плохо видящих японцев бросят очки, восстановив зрение, окажется 6 млн невостребованных очков. Это будет ощутимый удар по экономике, и мы считаем этот способ восстановления зрения преждевременным для Японии» [15, с. 25].

Кризис прогрессивного инновационного развития современной цивилизации

Технологии, способные на порядки поднять уровень жизни и благосостояние всего общества, уровень свободы его членов и сформировать новый культурный контекст, существуют уже достаточно давно, однако по факту внедряются лишь те, которые подходят под цели и формат существующей социально-экономической системы. Основной принцип современной экономики – потребитель не должен исчезнуть, а основной критерий инвестирования предпринимателем в инновации – это их способность приносить прибыль. Такие системные «фильтры» объективно не способствуют (а зачастую и препятствуют) внедрению многих необходимых гуманистических инноваций.

При этом угроза использования новых технологий в антигуманных целях в условиях социально-экономической системы, опирающейся на ценности капитала и власти в условиях конкуренции, со временем может только расти, так как *«резкий рост инструментальной оснащённости повышает возможности каждого влиять на окружающий мир при недостаточном понимании происходящего и рефлексии собственных действий»* [12]. Кризис современной культуры и, прежде всего, социально-экономической системы, неспособной обеспечить дальнейшее инновационное развитие гуманного общества, приводит к необходимости переосмысления роли фундаментальных ценностей и приоритетов развития общества.

Так, в последние десятилетия человечеству приходится переоценивать эффективность модели экономического роста, основанной на

постулате необходимости постоянного роста потребления. Следование данной модели приводит к быстрому истощению ресурсов и усугублению экологических проблем [6; 22; 23]. Также происходит переоценка приемлемости обособленных от социальной сферы рыночных законов и механизмов [8; 18], стимулирующих неестественную мотивацию получать безграничную прибыль в форме денег [1; 11; 18] и способствующих трансляции фиктивных ценностей [5; 9].

Современные отечественные и зарубежные философы (А.В. Павлов, Н.И. Лапин, В.С. Стёпин, Э. Тоффлер, С. Хантингтон, И. Пригожин, И. Стенгерс) говорят о текущем межцивилизационном периоде и становлении новой цивилизационной культуры. Межцивилизационный период – состояние культуры между двумя разными ее формами, определенными устойчивыми общественными соглашениями и принятыми нормами [16], в который происходит становление нового типа цивилизационного развития [19]. В «межцивилизационный период» изменяется парадигма общественного развития, происходит признание неэффективности существующих фундаментальных механизмов хозяйствования, осуществляется активный поиск новых более эффективных принципов и систем управления общественным развитием. В этот период огромное значение имеют фигуры изобретателя и предпринимателя.

Изобретение – это не что иное как результат новаторской, творческой деятельности изобретателя, направленной на решение определенных проблем, задач и поиск средств их решения (технологии, техники, метода, материала и пр.). Акт творчества, лежащий в основе инновационной деятельности рассматривается в гуманистической философии как акт свободной личности, выходящий из детерминированного ряда [3]. Тем не менее, чтобы стать инновацией, изобретение должно быть «социализировано», внедрено в широкую социальную практику. Этот этап значительно ускоряется, если изобретение получает поддержку предпринимателей – людей, умеющих объединять информационные потоки, организовывать производство, принимать управленческие решения и эффективно соединять факторы производства.

Таким образом и изобретатель, и предприниматель являются основными пассионарными фигурами изменения культуры и совершенствования социально-экономических механизмов хозяйствования в «межцивилизационный период». Однако в сегодняшней культуре обе стороны оказываются в ловушке необходимости выживания, втянутыми в постоянную конкурентную борьбу на всеобщем рынке и в конфликт интересов. Реализация потенциала сотрудничества изобретателей и предпринимателей требует, прежде всего, опоры на фундамент общих ценностей и смыслов для поиска общей позиции по отношению к инновационному развитию общества.

Трудности внедрения социально значимых инноваций

В актуальном социально-экономическом контексте процесс внедрения научно-технического новшества (технологии, продукта, материала, рационализаторского решения) неизбежно сталкивается со следующими трудностями:

1. Необходимость начальных вложений (время, материалы, деньги) в разработку и доведение изобретения до эксплуатации. Изобретатель, вынужденный выживать в настоящих условиях, обладает, как правило, весьма ограниченными ресурсами.

2. Хрематистический «фильтр» (ориентирование инвесторов при отборе инноваций к внедрению исключительно на показатели окупаемости, прибыли, рентабельности, конкурентоспособности, роста капитала)¹.

¹ По данным материалов сайтов, посвящённых практическим проблемам науки и инноваций, в том числе социально значимых (например, «Профессионалы. ru» <http://professional.ru>, «Глобальная волна» globalwave.ru) общим объяснением причин трудностей внедрения полезных, высокотехнологичных, экологических инноваций, со слов самих российских изобретателей, являются корыстные цели существующей системы. Отношение к прорывным социально значимым инновациям на практике проявляется как к «закрывающим технологиям», т.е. делающим непригодными определенные сегменты рынка, а значит ставящие под угрозу существующую схему распределения богатства. Примечателен тот факт, что, при этом, большинство предпринимателей в обсуждении вопросов внедрения полезных изобретений разделяют гуманистические ценности изобретателей и осознают разобщающее влияние базовых механизмов существующей системы хозяйствования.

3. Ограничивающая свободное внедрение и распространение социально значимых инноваций система патентов. Деструктивность системы патентов в актуальном социально-экономическом контексте проявляется, например, в таком феномене как «патентные войны», которые распространились в начале XX века и «тормозят» как совершенствование отдельных технологий, так и прогрессивное инновационное развитие гуманного общества.

Сегодня с развитием высоких технологий абсурдность «патентных войн» подтверждается следующими фактами:

- «Нагромождение патентов» в одном высокотехнологичном устройстве. По примерным подсчетам, в среднем, современный коммуникатор таит в себе около 110 000 патентов: 3 000 патентов на фотокамеру, 9 000 патентов на средства обработки изображений, 16 000 патентов на технологии передачи данных, 5000 патентов на управление питанием, 21 000 патентов на дисплеи, 6 000 патентов на доступ к данным, 20 000 патентов на телефонную связь, 29 000 патентов на операционные системы и др. [17].
- Наблюдается тенденция к неконструктивной, непроизводительной и тормозящей прогресс патентной «предпринимательской» активности. В последние десятилетия быстрыми темпами распространился феномен «патентного троллинга». Патентные тролли¹ предпочитают называть себя патентными холдингами или патентными дилерами (англ. *patent dealer*). ArsTechnica опубликовала результаты исследований профессора MIT К. Такер, согласно которым «патентные тролли» наносят основной ущерб не крупным ИТ-компаниям, а стартапам [25]. Иски и претензии таких обладателей патентов привели к потерям венчурного капитала в размере 22 млрд. долл. США за прошедшие 5 лет. В основном, «тролли» не только ничего не производят, но «паразитируют» на недо-

¹ Патентный тролль (англ. *patent troll*) – физическое или юридическое лицо, специализирующееся на предъявлении патентных исков, не ведущее самостоятельной производственной деятельности [21].

статках современного устройства общества. Так, например, патентные тяжбы в США стоят очень дорого, и даже если жертва выиграет, для неё дешевле будет отдать деньги «троллю», чем участвовать в суде. Например, Лаборатория Касперского дала отпор троллю, однако на суды пришлось потратить 2,5 млн. долл. США [10].

- Переход от «патентных войн» между крупными концернами к монополизации патентного портфеля, что приводит к «вымиранию» стартапов.
- Патентование идей в «общих формулировках». Например, Apple обладает патентом на перемещение ярлыков на дисплее и на определенный вид прокрутки списков на сенсорном экране, Amazon намеревается запатентовать покупку одним щелчком, а фирма Lodsys, которая специализируется на подобного рода патентах, владеет правами на кнопку обновления в приложениях, что «перекрывает кислород» для развития и внедрения инноваций, содержащих в себе данные технологии.
- Деятельность, связанная с приобретением патентов, по прибыльности уже конкурирует с собственно инновационной деятельностью. Так, например, компания Microsoft заключила лицензионные соглашения приблизительно с половиной производителей устройств на базе Android и зарабатывает на этом гораздо больше, чем на продаже своей ОС Windows Phone 7 [17].

Система патентования дает возможность выкупать патенты социально значимых изобретений с разными целями, в том числе с целью их сдерживания. Так, права на разработанные С. Ушинским батареи, позволяющие электромобиллю достигать скорости 100 миль в час (то есть значительно повышающие его привлекательность) были выкуплены General Motors. При этом, выпускаемые GM электромобили EV1 вышли с более слабыми батареями, обеспечивающими их скорость лишь до 60 миль в час, сопровождаемых также антимотивирующей к покупке рекламной компанией с

расчетом на угасание к ним интереса общественности. Целью таких действий производителя являлось сохранение монополии автомобилей, работающих на горючем топливе и приносящих большую прибыль, в основном, от продажи часто заменяемых запасных частей и топлива [24].

Таким образом, система патентования, имеющая свои относительные мотивационные плюсы для изобретателей и предпринимателей, оказывается малоэффективной для инновационного развития гуманного общества в целом со стратегической точки зрения.

На вышеперечисленные трудности «накладываются» также особенности психологических установок инвесторов, предпринимателей в части принятия управленческих решений в инновационной сфере, в большей части, обусловленные приоритетами и ценностями установившегося формата хозяйствования и поддерживаемой им культуры.

Приоритеты и ценности современной культуры

Общая атмосфера конкуренции, эгоизма, безответственности (перед собой, обществом, природой) заставляет предпринимателя «адаптировать» свою систему ценностей, задерживая его как человека на *преконвенциональном уровне или, максимум, на конвенциональном уровне развития нравственности*. Так называемые «ценности» современного общества подкрепляются у инвесторов и предпринимателей «чувством собственной правоты», которое стимулируется финансовым «положительным подкреплением» (прибылью) при внедрении инноваций, работающих, прежде всего, на развитие установившейся системы хозяйствования, а не напрямую на обеспечение качества жизни, здоровья и развития человека.

Постоянная замена гуманистических ценностей и смысла человеческой деятельности (конкуренция вместо сотрудничества, финансовые достижения вместо реальных социально-экономических эффектов и личного совершенствования) приводят либо к деградации внутреннего мира, либо к глубоким неявным экзистенциальным кризисам [4; 14].

Амбициозность, настороженность, стремление предпринимателя к исключительности владения правом на финансируемое изобретение обусловлено дефицитом доверия, характерным для антигуманистичной системы «ценностей» в современной социально-экономической системе. В сегодняшней ситуации любой риск для предпринимателя измеряется, прежде всего, деньгами, что порождает общую атмосферу недоверия (например, стремление обезопасить себя договором, обеспечивающим права собственности на результаты изобретений, выполнение сроков реализации и бюджета проекта).

Давление «груза» текущих и среднесрочных проблем по выживанию, обеспечение конкурентоспособности снижает интерес и мотивацию предпринимателя заботиться о прогрессивном развитии организации, об участии в решении социально-значимых проблем общества. Однако, отсутствие целостного подхода к проектированию стратегической жизнеспособности организации не обеспечивает стабильного интегрального позитивного социально-экономического и финансового эффектов. «Давление» текущих проблем переживается в команде более конструктивно и позитивно, когда происходит организационно-психологическая работа по решению их базовых причин и при интеграции ценностей и целей сотрудников организации в общей гуманистической концепции прогрессивного развития.

При этом, как правило, инвесторами, предпринимателями не учитывается риск стресса, эмоционального выгорания, психосоматических заболеваний от стиля жизни в «постоянном недоверии», в самоподчинении финансовой рациональности, в дефиците реализации личностного созидательного потенциала, а также в дефиците творчества и деятельности в сотрудничестве.

Со своей стороны, сами изобретатели, так или иначе, сталкиваясь со всеми вышеперечисленными проблемами, имеют ряд специфических трудностей ввиду особенностей склада творческой, свободной, не обусловленной социальными и научными догмами личности.

Трудности изобретателей

Необходимость «продвигать» изобретения по технологиям и принципам капиталистического товарного хозяйства, обосновывать финансовую прибыльность их применения при современном порядке хозяйствования является существенным «тормозом» для внедрения инноваций, нацеленных на решение социально значимых задач. Такие контекстные условия также являются демотивирующими для процессов творчества, реализующего гуманистические ценности. Кроме того, понимание изобретателями абсурдности финансовых критериев внедрения инноваций (по сравнению с гуманистическими и экологическими) подавляет мотивацию изобретателей к проявлению предпринимательских способностей, коммуникативных навыков в «деловой среде», к обеспечению представленности в бизнес сообществах, провоцирует отгороженность, достигающую порой степени социопатии, и прочие сходные с перечисленными особенности, снижающие возможности изобретателя в существующей капиталистической социальной системе. Безусловно, многие современные ученые научились продвигать продукты своего творчества, жертвуя бесценным временем труда высочайшей квалификации. Вместе с тем, нельзя отрицать, что это бесценное время ученые смогли бы потратить с неизмеримо большей общей пользой, если бы им не приходилось заниматься маркетингом и продажами.

Часто происходит «смешивание» разных явлений в контексте данной проблемы. Нередки случаи возникновения «псевдо-изобретателей», дискредитирующих смысл «изобретательства», «творческой личности» использованием данных понятий для маскировки инфантильности, «обоснования» профессиональных и личностных неудач, привлечения внимания к собственной персоне. В свою очередь, предприниматели, сталкиваясь с «псевдо-изобретателями» нередко переносят своё отношение к ним на понятие «изобретателя», «творчества», «инновации» в целом. Таким образом «чувство собственной правоты» предпринимателей укрепляется за счет «негативного подкрепления» от общения с

«псевдо-творцами» и «позитивного подкрепления» от внедрения «реальных» проектов (имеющих гарантированный финансовый и маркетинговый успех в краткосрочной перспективе). Такая ситуация способствует укреплению убеждений в правоте капиталистических ценностей в предпринимательской среде, в «дефиците стоящих инноваций» и в необходимости повышения предпринимательских способностей изобретателей. На уровне культуры – снижается социальная ответственность, нивелируется ценность осознанного подхода к созидательному смыслу человеческой деятельности.

Гуманистически настроенный изобретатель оказывается в ситуации противоречия с требованиями конкурентной, ориентированной на прибыль социально-экономической системы. Следствием такой ситуации зачастую становится низкая материальная обеспеченность изобретателя, отсутствие необходимых средств для работы над изобретением и для прохождения всей процедуры патентования и доведения изобретения до промышленной эксплуатации. Один из примеров – доведение самолета «ЭКИП» до промышленного образца Л.Н. Щукиным за счет собственных финансовых средств и финансовой поддержки сына [13].

Уровни противоречий и практических проблем внедрения новшеств

Ниже представлены уровни противоречий и практических проблем внедрения новшеств в условиях капиталистического формата товарного хозяйства, являющиеся причинами современных противоречий в позициях изобретателя и предпринимателя (инвестора).

В условиях установившейся системы хозяйствования внедрение изобретений с социально-экономической значимостью затруднено фундаментальными противоречиями гуманистического, социально-экономического смысла творчества, изобретательства и хрематистического смысла предпринимательской деятельности и инвестирования.

Таблица 1.

**Уровни противоречий и практических проблем
в современном инновационном процессе**

Уровень субъекта	Контекстные условия современной социально-экономической системы	Фундаментальные противоречия	Практические проблемы внедрения новшеств
Общество	Ориентация на прибыль и рост капитала, эгоизм, конкуренция, власть, потребление, низкий уровень сознания.	<p>Между:</p> <ul style="list-style-type: none"> - гуманистическим смыслом инновационной деятельности человека и приоритетами инновационной деятельности в текущей социально-экономической системе; - целями устойчивого развития общества, сформулированными в русле гуманистического подхода и хрестоматическими целями и средствами, обусловленными текущим социально-экономическим контекстом; - потребностями в инновационном развитии и сдерживанием инновационного потенциала и творческого ресурса. 	Экологические, нищета и голод, социальное неравенство, энергозависимость, войны, конфликты, долги.
Организация	Ориентация на прибыль, рост капитала, конкурентоспособность, увеличение доли рынка.	<p>Между:</p> <ul style="list-style-type: none"> - социально-экономическим смыслом человеческой деятельности и оценочной системой хрестоматических показателей эффективности труда и развития организаций; - миссией организации, сформулированной в русле гуманистического подхода, и хрестоматическими целями и средствами повышения конкурентоспособности организации; - потребностями в инновациях и дефицитом творческого ресурса. 	Организационно-психологические проблемы управления, сопротивления изменениям, низкая производительность, инициативность, низкий уровень сотрудничества, ответственности и пр.
Личность	Прибыль, рост капитала, окупаемость, минимизация финансовых рисков.	<p>Между:</p> <ul style="list-style-type: none"> - гуманистическим смыслом творчества, созидательной деятельности (позиция изобретателя) и антигуманистическими целями использования инновационного процесса в целях обогащения (во многом вынужденная позиция предпринимателя). 	Трудности реализации сотрудничества предпринимателей с изобретателями в системе противоречивых интересов. Сдерживание социально значимых инноваций.

Таким образом, предприниматели и изобретатели, как человеческие сущности, по сути с одинаковыми гуманистическими интересами и целями, разделены ценностями и целями искусственной организационной надстройки общества в виде рыночной экономики и капиталистического формата хозяйствования.

Возможности межцивилизационного периода для решения смысловых противоречий между предпринимателем и изобретателем

Выход из данной ситуации видится в осознании общих ценностей и целей инновационного развития гуманного общества, что предполагает, в первую очередь, разработку (со стороны изобретателя), поддержку (со стороны всего общества), производство и внедрение (со стороны предпринимателей) инноваций с высокой социальной значимостью, в том числе социальных.

Огромное значение в «межцивилизационный период» имеет внедрение в широкую социальную практику таких социальных инноваций, которые опираются на гуманистические ценности и способны изменить фундаментальные ценностные основы и механизмы социально-экономических систем хозяйствования и инновационного развития эволюционным способом (без насилия и потрясений). Примером таких инноваций являются технологии блокчейн и криптовалют, которые снимают необходимость в существовании банковской системы [7], эффективные эксперименты с «гезеллевскими деньгами» (в России – с. Шаймуратово, с. Колионово¹), развитие ТОСов (территориальных обществ самоуправления) и локальных экономик, в основе которых лежат малые производ-

¹ М. Шляпников выпустив в рамках краудфандинговой кампании ICO «Эко-система Колионово» токены под названием «колионы» (обеспеченные будущими сельскохозяйственными продуктами) села Колионово за один месяц собрал инвестиций на развитие сельского хозяйства на сумму более 500 тыс. долларов (URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1500485630021495&id=100001802183805). Летом 2017-го, спустя всего лишь два месяца с момента завершения ICO, «Колионово» уже выплатило первые дивиденды по криптовалютам (URL: <https://www.if24.ru/kolionovo-vyplatilo-dividendy/>).

ства, система коллективной поддержки и экономическая самостоятельность местных сообществ [20]. К гуманистическим социальным инновациям относятся также и образовательные инновации, направленные на глубокое понимание смысла опоры на гуманистические ценности в межличностных и межгрупповых отношениях, в ситуации принятия решений, а также культурные инновации, способствующие развитию стратегически и системно мыслящего творческого человека. Примером таких инноваций являются здоровьесберегающие, развивающие активное сознание образовательные технологии профессора В.Ф. Базарного [2].

Для реализации этого синергетического потенциала конструктивного инновационного развития общества изобретателю и предпринимателю необходимо развивать сотрудничество, опираясь на общий фундамент гуманистических ценностей и целей. На практике, в частности, могут развиваться эффективные механизмы прямого сотрудничества организаций с изобретателями в целях производства и внедрения полезных и общественно значимых изобретений при поддержке прямых общественных инвестиций, например, с использованием инновационной модели ICO на основе локальных криптовалют.

Успех конструктивных общественных преобразований также зависит и от масштабов общественной информированности о наличии новых технологий, их социальной значимости и от уровня общественной вовлеченности в определение приоритетов инновационного развития и направления инвестиций. На государственном уровне необходима активизация общественной социальной инновационной деятельности, в том числе, продвижение стратегических инициатив, нацеленных на решение фундаментальных проблем современного общества, а также развитие механизмов открытого общественного участия в определении ряда направлений инновационного развития и конкретных изобретений при принятии решений об инновационных грантах и других формах финансовой поддержки и общественного контроля внедрения социально значимых изобретений в широкую практику.

Заключение

Смысловые противоречия в позициях изобретателя и предпринимателя, обусловленные системными проблемами установившейся на сегодня системы хозяйствования, тормозят прогрессивное инновационное развитие общества. Тем не менее, именно творческий ресурс изобретателей и организационный ресурс предпринимателей в сотрудничестве представляют собой мощный формирующий инновационный потенциал, способный изменять культуру общества и базовые механизмы социально-экономической системы. Современный межцивилизационный период представляет большие возможности как для отдельной личности, так и целых групп влиять на систему общественных соглашений в процессе создания нового хозяйственного уклада, более адекватного для целей прогрессивного развития гуманного общества.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 268 с.
2. Базарный В.Ф. Школа возрождения или школа вырождения. М.: Самотека, 2012. 255 с.
3. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М.: ЛИГА, Искусство, 1994. 1052 с.
4. Богданова М. В., Доценко Е. Л. Саморегуляция личности: от защит к созданию. Тюмень: Мандр и К, 2010. 203 с.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, 2006. 272 с.
6. Вылегжанина А.О. Актуальные вопросы оценки инновационной деятельности, направленной на устойчивое развитие общества // Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2016. № 1(2 (21)). С. 78–86.
7. Греф Г. Блокчейн убьет банки. 01.09.2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-0z-4FQI30Q> (дата обращения: 01.08.2017).
8. Ильин А.А. Квалифицированный потребитель – цель системы образования? // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. № 4(6). С. 49–57.
9. Ильин А.Н. Консюмеризм как фактор антикультурной инновационности // Вопросы философии. 2016. № 4. С. 171–182.

10. Касперский Е. Kill the troll!!! 26.06.2012. URL: <http://eugene.kaspersky.ru/2012/06/26/kill-the-troll> (дата обращения: 22.09.2017 г.)
11. Катасонов В.Ю. История и идеология «денежной цивилизации». М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1075 с.
12. Котельников С.В., Рац М.В. Власть или управление? // Гуманитарные технологии: информационно-аналитический портал, 21 04 2014. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6775> (дата обращения: 10.07.2017).
13. Летающая тарелка России «ЭКИП». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VB6bdklGTtw> (дата обращения: 17.09.2017).
14. Лэнгле А. Экзистенциальный анализ синдрома эмоционального выгорания // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 2–16.
15. Норбеков М.В. Опыт дурака, или Ключ к прозрению. М.: АСТ, 2014. 320 с.
16. Павлов А.В. Цивилизация и межцивилизационная эпоха // Вестник Пермского университета. 2012. № 3(11). С. 17–26.
17. Патентные войны // Бизнеспатент. URL: <http://www.businesspatent.ru/article/article.603.6.html> (дата обращения: 17.09.2017).
18. Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // Thesis. 1993. № 2. С. 10–17.
19. Стёпин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего // Центр гуманитарных технологий, 18.05.2011. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5311> (дата обращения: 11.07.2017).
20. Тюрин Г.В., Тюрин В.Г. Как поднять нашу глубинку. Локальная экономика в России и в мире. СПб: Фонд развития местных сообществ “Инициатива”, 2016. 312 с.
21. Hemphill T.A. The Paradox of Patent Assertion Entities // American Enterprise Institute. URL: <http://www.aei.org/publication/the-paradox-of-patent-assertion-entities> (дата обращения: 11.08.2017).
22. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J. Limits to Growth: The 30-Year Update. Hartford: Chelsea Green Publishing Co, 2004. 338 p.
23. Merton R. Social Theory and Social Structure. New York: Free Press, 1968. 702 p.
24. Paine C. Who killed electric car? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=r75lqbA0uMM> (дата обращения: 17.16.2017).

25. Tucker C.E. The Effect of Patent Litigation and Patent Assertion Entities on Entrepreneurial Activity // Arstechnica.com, 15.05.2014. URL: <http://cdn.arstechnica.net/wp-content/uploads/2014/06/Tucker-Report-5.16.14.pdf> (дата обращения: 11.08.2017).

References

1. Aristotel'. *Sochinenija v 4-h tomah. T. 4* [Work in 4 volumes. Vol. 4.]. Moscow: Mysl', 1983. 268 p.
2. Bazarnyj V.F. *Shkola Vozrozhdenija ili Shkola Vyrozhdenija* [School of Regeneration or School of Degeneration]. Moscow: Samoteka, 2012. 255 p.
3. Berdjaev N.A. *Filosofija Tvorchestva, Kul'tury i Iskusstva* [Philosophy of Creativity, Culture and Art]. Moscow: LIGA, Iskusstvo, 1994. 1052 p.
4. Bogdanova M. V., Docenko E. L. *Samoreguljacija Lichnosti: ot Zashhit k Sozdaniju* [Personal Self-regulation: from Decencies to Creativity]. Tjumen': Mandr i K, 2010. 203 p.
5. Baudrillard J. *Obshhestvo Potreblenija* [Consumer Society]. Moscow: Respublika, 2006. 272 p.
6. Vylegzhanina A.O. *Sovremennye Fundamental'nye i Prikladnye Issledovanija* [Modern fundamental and practical researches], no 1(2 (21)) (2016): 78–86.
7. Gref G. *Blokchejn ub'et Banki* [Block chain will kill Banks]. <https://www.youtube.com/watch?v=-0z-4FQI30Q> (accessed Aughust 1, 2017).
8. Il'in A.A. *Filosofija i Gumanitarnye Nauki v Informacionnom Obshhestve* [Pholosophy and Humanitarian Sciences in Information Society], no 4(6) (2014): 49–57.
9. Il'in A.N. *Voprosy Filosofii* [Questions of Philosophy], no 4 (2016): 171–182.
10. Kasperskij E. *Kill the troll!!!* 26.06.2012. URL: <http://eugene.kaspersky.ru/2012/06/26/kill-the-troll> (accessed September 09, 2017)
11. Katasonov V.Ju. *Istorija i Ideologija «Denezhnoj Civilizacii»* [History and Ideology of the “Money Civilization”]. Moscow: Institut Russkoj Civilizacii, 2013. 1075 p.
12. Kotel'nikov S.V., Rac M.V. *Gumanitarnye Tehnologii: Informacionno-Analiticheskij Portal* [Humanitarian Technologies: Informa-

- tion-Analytical Portal]. <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6775> (accessed July 10, 2017).
13. Letajushhaja tarelka Rossii «JeKIP» [Russian flying saucer “ECAP”]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VB6bdkiGTtw> (accessed September 09, 2017)
 14. Ljengle A. Voprosy Psihologii [Questions of Psychology], no 2 (2008): 2–16.
 15. Norbekov M.V. *Opyt Duraka, ili Kljuch k Prozreniju* [Experience of Fool or Key to Insight]. Moscow: AST, 2014. 320 p.
 16. Pavlov A.V. *Vestnik Permskogo Universiteta* [Gerald of Perm University], no 3(11) (2012): 17–26.
 17. *Patentnye vojny* [Patent wars], <http://www.businesspatent.ru/article/article.603.6.html> (accessed September 17, 2017).
 18. Polan’i K. Thesis, no 2 (1993): 10–17.
 19. Stjopin V.S. Centr Gumanitarnyh Tehnologij [Center of Humanitarian Technologies]. <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5311> (accessed July 11, 2017).
 20. Tjurin G.V., Tjurin V.G. *Kak podnjat’ nashu Glubinku. Lokal’naja Jekonomika v Rossii i v Mire* [How to rise our Backwoods. Local Economy in Russia and in the Word]. Sankt-Petersburg: Fond Razvitija mestnyh soobshhestv “Iniciativa”, 2016. 312 p.
 21. Hemphill T.A. American Enterprise Institute. <http://www.aei.org/publication/the-paradox-of-patent-assertion-entities> (accessed July 11, 2017).
 22. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J. *Limits to Growth: The 30-Year Update*. Hartford: Chelsea Green Publishing Co, 2004. 338 p.
 23. Merton R. *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press, 1968. 702 p.
 24. Paine C. Who killed electric car? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=r75lqbA0uMM> (accessed September 17, 2017).
 25. Tucker C.E. Arstechnica.com. <http://cdn.arstechnica.net/wp-content/uploads/2014/06/Tucker-Report-5.16.14.pdf> (accessed July 11, 2017).

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Лёвкина Анастасия Олеговна, доцент кафедры математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике, кандидат экономических наук, доцент

*ФГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»
ул. Володарского, 6, г. Тюмень, 625003, Российская Федерация
anastasia@orgpsiholog.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ljovkina Anastasia Olegovna, Associate Professor, Department of
Math Method, Information Technologies and Management Sys-
tems in Economy

Tyumen State University

*6, Volodarsky Str., Tyumen, Tyumen Region, 625003, Russian Fed-
eration*

anastasia@orgpsiholog.com

SPIN-code: 9357-3653

ORCID: 0000-0002-9938-5822

ResearcherID: I-8455-2015

Scopus Author ID: 57192688931

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ**SCIENTIFIC REVIEWS AND REPORTS**

УДК 316.4.063.3

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-416-432

**СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ***Аносов С.С.*

***Цель.** Целью статьи является рассмотрение отдельных, наиболее влиятельных направлений теоретических исследований феномена социальной солидарности в современном обществознании.*

***Метод или методология проведения работы.** Используются методы сравнительного анализа, обобщения и типологизации.*

***Результаты.** В референции к работам классиков социальной науки, особенно – идеям О. Конта, рассмотрен ряд направлений теоретического исследования солидарности, включающих, прежде всего, наиболее влиятельные и проявленные в научной литературе темы, такие, как сущностные, фундирующие основания собственно феномена солидарности, изучение солидарности в контексте моральных аспектов и анализ процессуальных характеристик консолидации, как результата процесса социального взаимодействия и социальной коммуникации. Современные теоретические исследования феномена социальной солидарности характеризуются исключением тематики разделения труда и насилия, актуализацией роли сознательного формирования консолидации, и сохранением значения коллективных ценностей в виде моральных аспектов солидарности.*

***Область применения результатов.** Полученные результаты могут быть применены при обосновании как теоретических, так и прикладных исследований феномена социальной солидарности,*

послужить в качестве учебно-методических материалов по обществоведческим курсам в образовательной практике.

Ключевые слова: социальная солидарность; социальная теория; основания консолидации; моральные аспекты; процессуальный подход.

SOCIAL SOLIDARITY: A THEORETICAL RETHINKING IN CONTEMPORARY SOCIAL SCIENCE

Anosov S.S.

Purpose. *The purpose of the article is to examine the certain, most influential areas of theoretical research of the phenomenon of social solidarity in modern social science.*

Methodology. *Methods of comparative analysis, generalization and typologization are used.*

Results. *In reference to the works of the classics in social science, especially the ideas of O. Comte, several areas of the theoretical study of solidarity are examined. Those include, first of all, the most influential and manifested topics in the academic literature, such as the foundations of the solidarity itself, solidarity in the context of the moral aspects and analysis of the procedural characteristics of consolidation as a result of the process of social interaction and social communication. Modern theoretical studies of social solidarity are characterized by the exclusion of the division of labor and violence, the actualization of the role of conscious formation of consolidation, and the lasting significance of collective values in the form of moral aspects of solidarity.*

Practical implications. *The obtained results can be used to elaborate both the theoretical and applied research of the phenomenon of social solidarity, serve as teaching materials on general courses in educational practice in social sciences.*

Keywords: *social solidarity; social theory; grounds for consolidation; moral aspects; procedural approach.*

Тема социальной солидарности, механизмов и процессов, создающих социальное целое и поддерживающих его существование, является одной из традиционных для обществоведения. В классический период становления науки об обществе тон в изучении данной темы задал Огюст Конт, впервые поднявший вопросы об источниках социальной солидарности и их императивах. Особое внимание данной проблеме Конт уделил во втором томе своего фундаментального труда «Система позитивной политики», названном им «Социальная статика, или абстрактная теория человеческого порядка», до сих пор не переведенном, к сожалению, на русский язык.

Согласно Конту, всего существует три простейших средства солидарности, или единства с современниками – подчинение, союз и защита, так же, как три степени преемственности поколений, через наше единение с прошлым, настоящим и будущим. «Каждый из данных способов соответствует одному из трех наших альтруистических инстинктов – почитанию, привязанности, благожелательности. Полная защита может быть обеспечена только через постоянное сочетание этих трех ангелов-хранителей; там, где их не хватает в силу каких-то естественных причин, этот недостаток должен быть восполнен нашими сознательными усилиями» (здесь и далее наш перевод – С.А.) [8, с. 57].

Важность преемственности поколений для поддержания интегрированного состояния общества постоянно подчеркивается основателем позитивной науки, утверждавшим в пику социалистическим идеям его времени: «Предполагаемый антагонизм между индивидуальной свободой и социальным объединением происходит из незрелой попытки найти некое альтруистическое Единство, опирающееся только на одно ментальное и моральное основание. Эти социалистические фантазеры думают исключительно о солидарности ныне живущих, забывая о важности преемственности поколений» [8, с. 65].

Естественно, что в воспитании чувства социальности и преемственности поколений важнейшую роль играет семья. Впрочем, согласно Конту, именно семья является обеспечивающим ресурсом и

для реализации другого фактора солидарности – разделения труда. Конт обосновывает это следующим образом: «Всякая семья, покуда ограничена трудом, непосредственно удовлетворяющим только небольшую часть её собственных нужд, вынуждена будет однажды осознать важность для себя и других семей, равно как и собственную полезность для последних. Когда Чувства и Разум приходят в гармонию, благодаря этому осознанию, человеческое существование в какой-то момент развивает подлинный принцип своей природы – “Жить для других”» [8, с. 243]. Отметим, что здесь Контом вновь подчеркивается необходимость сознательных усилий при формировании солидарного сообщества, поскольку, на его взгляд, роль, которую играет распределение функций, может оказаться неуспешной, если не будет дополнена комбинацией усилий, спонтанной или целенаправленной.

Другой базовый институт, обеспечивающий единство общества, это – государство. По словам Конта, «стремление к кооперации, которое не может быть отделено от стремления к независимости, также должно находить регулярное удовлетворение, и находит оно таковое в этом первичном социальном институте, созданном для обеспечения совместного действия. ...Это – часть той сплачивающей общество силы, что повсеместно зовется *правительством*, делом которого является одновременно – соединять и направлять» [8, с. 243].

Таким образом, в формировании солидарного общества, согласно французскому мыслителю, принимают участие несколько факторов, включая воспитание «чувства социальности», преемственность поколений и разделение труда. Основными «проводниками» этого процесса являются семья и государственная власть. Важно подчеркнуть, что, по мысли Конта, солидарность общества – это то его состояние, которое должно поддерживаться вполне осознанными усилиями его членов, и которое нельзя предоставлять исключительно естественному течению событий.

Характерно, что последующие представители классической социальной науки, по сути, развивали линию, заданную Контом.

Эмиль Дюркгейм рассматривал увеличивающееся «распределение функций» в рамках трудовой деятельности как результат трансформации общественных связей и базовых оснований социальной интеграции. Как известно, Дюркгейм анализировал этот процесс в категориях смены механической солидарности солидарностью органической, где первая обнаруживается в архаичном обществе, а вторая – в современном, со всеми их специфическими и известными характеристиками – от гомогенности к гетерогенности, от монофункциональности к высокому уровню специализации. Причем, сознательные, и даже репрессивные усилия по поддержанию социальной целостности также рассматривались Дюркгеймом в качестве неотъемлемого условия данного состояния [2, с. 101].

К. Маркс и Ф. Энгельс, фиксируя в «Немецкой идеологии» важность феномена разделения труда, доказывают одновременно, что этот процесс, по сути, ведет к дальнейшему порабощению человека, поскольку «стихийно сложившееся общество» сохраняет разрыв между частным и общим интересом, в условиях которого даже имеющаяся солидарность выступает не более, чем результатом сознательного усилия власти по приданию собственным идеям и ценностям «статуса всеобщности», что должно гарантировать её господствующее положение [5, с. 40]. Тем самым, мы можем отметить и в марксистском подходе наличие фактора целенаправленных усилий при формировании консолидированного общества.

Легитимация политического порядка и экономическая активность лежат в основе всякой социальной консолидации, согласно Максу Веберу. В случае типов легитимного порядка (аффективного, ценностно-рационального, религиозного, целе-рационального) солидарность выступает результатом соответствующих содержательных для этих порядков характеристик – эмоциональных, основанных на ценностях, обусловленных религиозными догмами, определяемых общим интересом. В случае экономической деятельности, общность обычно формируется в качестве своего рода оборонительного единства перед лицом возможных и реальных конкурентов, когда «совместно действующие индивиды, продол-

жая конкурировать между собой, объединены по отношению ко всем остальным в общность по интересам, и у них естественным образом возникает желание создать на этой основе какое-то обобществление, регулируемое рациональным порядком» [1, с. 22]. Конкурентная борьба является выражением общего процесса постоянного сталкивания интересов и стремления доминирования, с одной стороны, и согласия, которого, по необходимости, должны достигать внутри себя противоборствующие группы, с другой. Тем самым, тема насилия при создании интегрированного сообщества звучит и у Вебера.

Общественное знание наших дней не разделено значительным временным лагом со своим «классическим» периодом (в отличие от, скажем, философии), в силу чего проблемы общественных отношений и общественного развития, которыми были озадачены классики, во многом свойственны и современному миру. Оставляя в стороне множество исследований практических аспектов социальной консолидации, связанных с полиэтничностью, многоукладностью и культурной разнородностью многих современных обществ, переживающих, к тому же, вызовы со стороны унифицирующих глобализационных процессов [см.: 15], рассмотрим несколько подходов, вносящих определенный вклад именно в теоретическое осмысление данного феномена. К таковым, на наш взгляд, относятся, прежде всего, исследования сущностных, фундирующих оснований самого феномена солидарности, изучение последней в контексте моральных аспектов, и анализ процессуальных характеристик консолидации.

Я. Капеллер и Ф. Уолкенстайн исследуют базовые принципы формирования социальной солидарности, прежде всего, указывая на известную размытость самого термина, который часто используется в качестве чего-то само собой разумеющегося, предполагающего свою изначальную позитивность и внекритичность. «Солидарность всегда связана со специфическими онтологическими и нормативными допущениями. ...Иногда её воспринимают в качестве простого риторического оборота. Но, в конце концов, если

солидарность может выполнять такие серьезные задачи, как усиление демократии, облегчение европейской интеграции и стабилизация Европы в эпоху кризиса, необходимо разобраться – что за нормативные и практические идеалы лежат в основе самого этого понятия?» [11, с. 477].

Исследователи утверждают, что существуют две мета-категории солидарности: 1) солидарность Просвещения, основанная на понятии свободы; и 2) солидарность контр-Просвещения, ограничивающая свободу во имя лояльности. Обосновывается такое видение следующим образом. Поскольку солидарность Просвещения основана на ценности свободы, логично установить виды последней, которых авторами выделено три: «негативная свобода», превалирующая в либерально-теоретических конструкциях англосаксонского типа; «социальная свобода», имеющая отношение, прежде всего, к континентальному (европейскому) образу мышления; и «рефлексивная свобода», обнаруживаемая в различных формах обеих указанных выше систем. Из этих типов мышления происходят четыре типа солидарности Просвещения. Негативная свобода соответствует (1) личностно-ориентированной солидарности, понимаемой как простое соглашение для обеспечения индивидуальных прав на легально-институциональном основании. Рефлексивная свобода относится к рефлексивной солидарности, основанной на (2) чувстве, или (3) разуме; и социальная свобода, предполагающая понятие (4) «распознающей (recognitive) солидарности», базирующейся на сильных межличностных связях.

С другой стороны, развивается концепция «контр-просвещенческой» солидарности, понимаемой как лояльность к определенной этнической, национальной, религиозной и т. д. группе. В отличие от солидарности Просвещения, свободе и разуму в этом направлении присваивается крайне малое значение, если присваивается вообще. Скорее, солидарность здесь идет рука об руку с лояльностью, апеллирует к самой архаичной преданности, и вытекает из связанных с нею обязательств. Призывая на помощь мифы о государственности, расе или религии, этот подход утверждает дихотомический прин-

цип «мы – они», направляющий, в свою очередь, индивидуальные решения и замещающий рефлексию. Императивы действия оправдываются на основании метафизического чувства принадлежности.

Капеллер и Уолкенстайн делают на основании этих посылок двойное заключение. «Во-первых, мы утверждаем, что существует континентальное разделение внутри типов солидарности Просвещения, где два первых понятия (1, 2) в большей степени склоняются в сторону англосаксонского типа мышления, в то время как два последних (3, 4) базируются на философских идеях, доминирующих в континентальной традиции. Во-вторых, мы подчеркиваем, что обозначенные идеальные типы солидарности несут в себе разные представления о сообществе» [11, с. 478].

Один из выводов, к которым приходят исследователи, заключается в том, что континентальная модель солидарности более требовательна, нежели её англосаксонский аналог. Последняя основывается на моральных предпочтениях личностного уровня, в то время как первая руководствуется весьма общими принципами. Континентальные варианты солидарности не просто предоставляют возможности для солидаристских действий, они – требуют таковых. В англосаксонском понимании солидарность – есть не более, чем сумма собственных частей, в то время как континентальная и «контр-просвещенческая» модели солидарности отражают взгляд на сообщество, как на нечто гораздо более сплоченное. В континентальной рефлексивной солидарности то, что связывает людей, основано на базовой предпосылке о равенстве, основанном на разуме и индивидуальной свободе. В «распознающей» солидарности определяющую роль для формирования сообщества играет зависимость индивида от социального окружения. Наконец, в «контр-просвещенческой» солидарности сплоченность «наших» основана на примордиальных причастностях и верности. В общем, «в то время как все эти три подхода к солидарности главное внимание уделяют сообществу, делают они это отчетливо разными способами» [11, с. 488].

Таким образом, Капеллер и Уолкенстайн выводят исследование феномена социальной солидарности на уровень метаисториче-

ского и этнокультурного анализа, наглядно демонстрируя, что тот или иной характер интегративных процессов в социуме всегда обусловлен конкретной спецификой последнего. Это ведет к важному выводу о том, что невозможно говорить о каком-то одном типе социальной солидарности, а унификация в этой сфере попросту не имеет оснований.

Э. Колерс рассматривает феномен солидарности с точки зрения лежащего в её основе социального действия и его направленности. По мнению исследователя, большая часть дискуссий о солидарности в современной науке так или иначе опирается на критику идеи *справедливости* по отношению к тем, кто эту солидарность переживает, но каждый раз заново встает проблема *справедливых целей* и *справедливых методов*, определенных субъектами, пришедшими относительно них к согласию и получившими таким образом возможность действовать в унисон, что является необходимым и достаточным для обоснования того или иного примера солидарности. По определению Колерса, «солидарность – это не чувство и не отношение, это тип действия: совместная работа на общие политические цели, как правило, в условиях не полностью разделяемых интересов» [13, с. 366]. Как считает исследователь, несмотря на наибольшую очевидность первой части этого определения (совместная работа), наибольшей важностью обладает, все-таки, его вторая часть – не полностью разделяемые интересы деятелей. Тем самым, в качестве базового условия всякой солидарности предполагается наличие неких *справедливых* целей, относительно которых членами группы достигнуто известное соглашение, и в направлении которых группа готова работать, поступаясь частью своих личных интересов в пользу общего дела.

Одновременно, солидарность носит, по Колерсу, агонистический характер, то есть, несет в себе изначально черты противостояния и противоречия, уже потому, что группа, действующая во имя неких своих интересов, как правило, действует в то же самое время против неких интересов другой группы. Помимо агонистичности, всякая солидарность обладает ещё двумя сущностными характеристика-

ми, это, во-первых, известная почтительность, благодаря которой индивид и оказывается способен поступиться своими личными интересами во имя интересов другой личности или коллективного целого, и, во-вторых, «как следствие, коллективное действие может считаться солидарным только в том случае, если проходит контрфактическую проверку на прочность и длительность, то есть, если это действие продолжает осуществляться, несмотря на возникающие рассогласования относительно целей и средств или расхождение интересов. Не то чтобы солидарность обязана преодолеть *любое* рассогласование, но она должна быть способна выдержать известное их число» [13, с. 367].

Тем самым, критерий прочности и длительности позволяет отличать солидарность как от стратегического поведения личности, так и от принудительного коллективного действия. В качестве примера (возможно, дискуссионного), Колерс приводит то суждение, что корпорации и другие бюрократические структуры создают формальные роли в офисах, и нанимают индивидов для исполнения этих ролей в течение рабочего дня. В отличие от солидарности, это формальное включение отдельных служащих не требует, чтобы индивид принимал цели корпорации как свои собственные, хотя, он, конечно, может просто преследовать цели структуры, рассматривая их как средство для достижения собственных целей (например, зарплата). В солидарности, однако, индивидуальный деятель не рассматривает коллективную цель как способ реализации своих личных целей, но добровольно принимает общую цель в качестве своей собственной, даже если он с ней не согласен. Тем самым, «если занятость и принуждение могут считаться достижением коллективного субъекта руками отдельных людей, солидарность есть достижение коллективного субъекта, благодаря индивидуальному субъекту» [13, с. 367].

Как считает Колерс, наибольшая привлекательность солидарности состоит в том, что она выступает средством, позволяющим утверждать принцип автономии, благодаря которому люди получают возможность свободно формулировать границы справедливости,

и брать на себя ответственность за ее осуществление. Тем самым, в подходе данного автора отчетливо звучит требование осознанности движения к солидарности и поддержания таковой. Те состояния общественных отношений, которые не отвечают критериям сознательности действий и долговечности, основанной на компромиссе личных и общественных интересов, не могут считаться солидарными.

Колерс продолжает исследование феномена социальной интеграции и в недавно вышедшей монографии «Моральная теория солидарности» (2016), где, как следует уже из названия, консолидационные процессы анализируются с точки зрения моральных факторов, сопутствующих им и обуславливающих их. Исследователь справедливо обращает внимание на то, что сам по себе термин *солидарность* достаточно расплывчат, и используется в разных контекстах. *Человеческая* солидарность очевидно лежит в основе любви ко всему человечеству, что влечет, в частности, поддержку мира и усилия по уменьшения бедности, невзирая на национальные границы. *Гражданская* солидарность должна склонять нас к поддержке наших сограждан, в том числе, через программы общественного благосостояния, несмотря на то, что мы одновременно находимся в состоянии экономической конкуренции с ними. *Классовая* солидарность должна, предположительно, сплачивать социальные классы, особенно – рабочий класс. *Расовая* и *этническая* солидарность должна склонять нас к особо заботливому отношению и поддержке представителей нашей этнической или расовой группы. Очевидно, что выделение этих солидарностей предполагает наличие определенного сообщества, на членов которого эта солидарность, основанная, скорее, на чувствах, нежели на разуме, распространяется. Неудивительно поэтому, – замечает Колерс, – что представители либеральной мысли относятся к солидарности весьма скептически, и различают социальную и политическую солидарность. Подход Колерса заключается в том, что «мы должны быть солидарны, несмотря на несогласие, на отсутствие доверия и взаимности, или симпатии. Тем самым, аргумент «за» солидарность может не принимать доводы нашего разума, даже без погружения в эмоции или чувства принадлежности к каким-то сообществам» [12,

с. 5]. Для Колерса это, прежде всего, солидарность с другими людьми в отношении бесправных или униженных членов общества. Он понимает солидарность как «политическое действие на условиях других людей», и именно поэтому утверждает, что «солидарность сама по себе уже является моральной ценностью» [12, с. 5–6].

Необходимо отметить, что моральные аспекты социальной солидарности привлекают все большее внимание исследователей. Кроме Колерса в этом направлении работает, в частности, А. Кёртон, по мнению которого, находиться в отношениях солидарности с другими – значит разделять с ними принципы общественной морали, выработанные в совместной жизнедеятельности, и являющиеся существенной характеристикой солидарности. Исследователь доказывает, что «коль скоро мы существуем в определенном типе солидарности с другими, объединенные созданными совместно общественными моральными установлениями, правила, которые мы произвели и поддерживаем, являются определяющей частью наших солидарных отношений друг с другом, это – часть бытия в данном типе солидарности с нашими товарищами, и именно требование соблюдения моральных установлений соединяет нас вместе» [9, с. 691].

С. Де Зубирия, в свою очередь, делает попытку переосмысления солидарности в качестве антитезы современному моральному фундаментализму, претендующему на универсальность. В качестве аналитической посылки Де Зубирия использует тезис Р. Рорти о том, что моральный прогресс в наше время может опираться исключительно на постмодернистский светский либерализм и солидарность локального, местного уровня [10].

Э. Гордийн, Н. Куденбург и Т. Постмес изучают солидарность в процессуальном контексте – как эффект социальных интеракций. Используя данные прикладного исследования, ученые демонстрируют, что решающее значение как для создания, так и для сохранения солидарного состояния имеет специфика социального взаимодействия. «Исследования показали, что субъективный опыт разговорного потока может привести к чувству принадлежности к «мы». ...Влияние потока на ощущение сопричастности и

разделяемое познание, по-видимому, происходит независимо от его содержания. Более того, похоже, что эти эффекты возникают автоматически, в том смысле, что осознание того, что поток коммуникации нарушен, не приводит к стремлению людей компенсировать пагубное психологическое воздействие нарушенного потока на чувство солидарности. Эти результаты подчеркивают преимущественную значимость для создания солидарности именно характеристик коммуникации, нежели её содержания» [14, с. 5]. Другими словами, если поток коммуникации часто обрывается, или слишком контролируется, солидарность сообщества становится неустойчивой. Верно и обратное – стабильная и полноценная коммуникация обеспечивает чувство причастности и общего взгляда на мир.

В отечественной науке преобладают исследования прикладных аспектов солидарности – политических, социально-экономических, этнокультурных и пр. [см.: 4; 6; 7]. Вместе с тем, имеющиеся теоретические разработки осуществлены именно в рамках процессуальной проблематики. В частности, О.А. Кармадонов и М.К. Зверев сформулировали концепцию «консолидационных потоков», согласно которой солидарное состояние общества достигается и поддерживается через два разнонаправленных вектора – вертикальной консолидации (общества и власти), и горизонтальной консолидации (между социальными группами, как структурными элементами общества). «В норме два консолидационных потока взаимно дополняют друг друга и, формируя консистентную солидарность, поддерживают равновесие в социальном образовании, придавая ему устойчивость и укрепляя его жизнеспособность. При ослаблении какого-то из потоков общество неизбежно входит до той или иной степени в разбалансированное состояние, при котором реальные консолидационные механизмы уже не действуют, но социальное целое может какое-то время оставаться таковым, в силу феномена социальной инерции» [3, с. 126]. По мнению исследователей, инерционность, как результат ослабления консолидационных потоков, может быть присуща как

государству, отказывающемуся, в силу каких-то причин, от роли активного субъекта социальной солидарности, так и обществу, где в горизонтальном потоке могут слабеть социальные связи и отношения, и где «последними бастионами» солидарности остаются примордиальные сущности – семья и профессиональная группа. В первую очередь, утверждают авторы, всегда слабеет именно вертикаль консолидации, требующая для своего формирования и поддержания гораздо больших энергозатрат, нежели более размеренные и устойчивые горизонтальные процессы.

Тем самым, современные теоретические исследования феномена социальной солидарности характеризуются тем, что из реестра объяснительных, эвристических моделей практически ушли тематики разделения труда и насилия, присущие практически всем мыслителям классического периода обществознания. Наряду с этим, актуализировано рефлексивное содержание, то есть, аспекты сознательного воздействия членов общества на уровень его консолидации, что также было обозначено в качестве важной характеристики солидарности уже классиками, и получило дополнительные теоретические обоснования в трудах наших современников. Наконец, коллективные ценности по-прежнему выступают одним из существенных аспектов социальной солидарности, в настоящее время преимущественно – в виде моральных аспектов. Таким образом, проблематика социальной солидарности продолжает оставаться актуальной и востребованной в науке об обществе, что, разумеется, связано с её актуальностью в реальной социальной повседневности.

Список литературы

1. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / Т. II. Общности. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 429 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
3. Кармадонов О.А., Зверев М.К. Консолидация российского общества: потоки и преграды. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 223 с.

4. Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы / Ред. О.А. Кармадонов, О.А. Полюшкевич. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 374 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (1 Глава «Немецкой идеологии») / Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 1. М.: Политиздат, 1985. С. 4–76.
6. Согласие в обществе как условие развития современной России (политические и социальные аспекты) / Отв. ред. О.М. Михайленок. М.: Ин-т социологии РАН, 2011. 335 с.
7. Условия и возможности консолидации российского общества. Сборник научных трудов СИ РАН / Отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. 280 с.
8. Comte A. (1875) *System of Positive Polity*. Vol. 2. *Social Statics, Or The Abstract Theory of Human Order*. London: Longmans, Green, And Co. 428 p. [Электронный ресурс: <https://archive.org/details/systemofpositive02comt>] (дата обращения: 11.10.2017).
9. Cureton A. (2012) *Solidarity and Social Moral Rules*. *Ethical Theory & Moral Practice*. Nov. Vol. 15. Issue 5, pp. 691–706.
10. De Zubiría S. (2013) *Hacia una visión no fundacionalista del concepto de solidaridad: liberalismo y solidaridad en Richard Rorty*. *Revista de Estudios Sociales*. may-ago. Issue 46, pp. 31–42.
11. Kapeller J., Wolkenstein F. (2013) *The grounds of solidarity: From liberty to loyalty*. *European Journal of Social Theory*. Nov. Vol. 16. Issue 4, pp. 476–491.
12. Kolers A. (2016) *A Moral Theory of Solidarity*. Oxford: Oxford University Press. 194 p.
13. Kolers A.H. (2012) *Dynamics of Solidarity*. *Journal of Political Philosophy*. Dec. Vol. 20. Issue 4, pp. 365–383.
14. Koudenburg N., Postmes T., Gordijn E.H. (2013) *Conversational Flow Promotes Solidarity* // *PLoS ONE*. Nov. Vol. 8. Issue 11, pp. 1–6.
15. *Solidarity and Prosocial Behavior. An Integration of Sociological and Psychological Perspectives* / Eds: D. Fetchenhauer, A. Flache. New York: Springer, 2006. 250 p.

References

1. Weber M. *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii* [Economics and Society: essays on understanding sociology] : In 4 v. / V. II. Moscow, 2017. 429 p.
2. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labor]. Moscow, 1996. 432 p.
3. Karmadonov O.A., Zverev M.K. *Konsolidatsiya rossiyskogo obshchestva: potoki i pregrady* [Consolidation of Russian Society: in Terms of Flows and Obstacles]. Irkutsk, 2012. 223 p.
4. *Konsolidatsiya rossiyskogo obshchestva: organizatsionnyye, obrazovatel'nyye i sotsiokul'turnyye resursy* [Consolidation of Russian society: organizational, educational and socio-cultural resources / Eds. O.A. Karmadonov, O.A. Polyushkevich]. Irkutsk, 2015. 374 p.
5. Marx K., Engels F. *Feuerbach. Protivopozhnost' materialisticheskogo i idealisticheskogo vozzreniy (1 Glava «Nemetskoj ideologii»)* [Feuerbach. The opposite of the materialistic and idealistic views (1 Chapter “German Ideology”)] / In 3 volumes. V. 1. Moscow, 1985, pp. 4–76.
6. *Soglasie v obshchestve kak usloviye razvitiya sovremennoy Rossii (politicheskiye i sotsial'nyye aspekty)* [Consent in society as a condition for the development of modern Russia (political and social aspects)] / ed. O.M. Mikhaylenok. Moscow, 2011. 335 p.
7. *Usloviya i vozmozhnosti konsolidatsii rossiyskogo obshchestva* [Conditions and opportunities for the consolidation of Russian society] / eds. A.V. Duka, I.I. Yeliseyeva. St Petersburg, 2010. 280 p.
8. Comte A. (1875) *System of Positive Polity*. Vol. 2. Social Statics, Or The Abstract Theory of Human Order. London: Longmans, Green, And Co. 428 p. <https://archive.org/details/systemofpositive02comt> (дата обращения: 11.10.2017).
9. Cureton A. (2012) Solidarity and Social Moral Rules. *Ethical Theory & Moral Practice*. Nov. Vol. 15. Issue 5, pp. 691–706.
10. De Zubiría S. (2013) Hacia una visión no fundacionalista del concepto de solidaridad: liberalismo y solidaridad en Richard Rorty. *Revista de Estudios Sociales*. may-ago. Issue 46, pp. 31–42.

11. Kapeller J., Wolkenstein, F. (2013) The grounds of solidarity: From liberty to loyalty. *European Journal of Social Theory*. Nov. Vol. 16 Issue 4, pp. 476–491.
12. Kolers A. (2016) *A Moral Theory of Solidarity*. Oxford: Oxford University Press. 194 p.
13. Kolers A.H. (2012) Dynamics of Solidarity. *Journal of Political Philosophy*. Dec. Vol. 20 Issue 4, pp. 365–383.
14. Koudenburg N., Postmes T., Gordijn E.H. (2013) Conversational Flow Promotes Solidarity. *PLoS ONE*. Nov. Vol. 8. Issue 11, pp. 1–6.
15. Solidarity and Prosocial Behavior. An Integration of Sociological and Psychological Perspectives / Eds: D. Fetchenhauer, A. Flache. New York: Springer, 2006. 250 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Аносов Сергей Сергеевич, председатель первичной профсоюзной организации студентов
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
ул. Лермонтова, 83, г. Иркутск, Иркутская обл., 664074, Российская Федерация
anosov_ss@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Anosov Sergey Sergeevich, Chairman of the Primary Trade Union Organization of Students
Irkutsk National Research Technological University
83, Lermontov Str., 83, Irkutsk, Irkutsk region, 664074, Russian Federation
anosov_ss@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950-1980-х гг. В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ Гущин А.А.	7
--	---

УЧАСТИЕ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ФОРМЫ (1990-е – 2010-е гг.) Мацневский Г.О.	22
---	----

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ. ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Н.М. ЯДРИНЦЕВ И АЛТАЙ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПУБЛИЦИСТА И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ АЛТАЙСКОЙ ПЕРИОДИКИ Антипова И.В.	56
--	----

ПЛЕМЕННОЕ ЖИВОТНОВОДСТВО ЗАУРАЛЬЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И НЭПА (1919–1928 гг.) Иваненко В.Е.	65
--	----

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ОРГАНОВ, СНАБЖАЮЩИХ АРМИЮ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ, В ПЕРИОД ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ) Субботина И.А.	78
---	----

МЛАДЕНЧЕСКАЯ СМЕРТНОСТЬ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1930-е гг. Хисамутдинова Р.Р., Ажигулова А.И.	92
--	----

**АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ**

- ЖЕНСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР «ЧУХТА»
И ЕГО РАЗНОВИДНОСТИ У АВАРЦЕВ
Мусаева М.К., Гимбатова М.Б. 107

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ,
НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ**

- ПРОБЛЕМА ТЕОДИЦЕИ И СВОБОДЫ ВОЛИ ЧЕЛОВЕКА В РАННЕЙ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ: ОТ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ К МЕТАФИЗИКЕ ВЕРЫ
Ерохин А.К. 119

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- ДИЛЕММА ЦЕЛЕЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИИ
Ерохин А.К., Власенко А.А. 132

**ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ.
ФОЛЬКЛОРИСТИКА**

- РЕЦЕПЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ГОРОДА В ПРОЗЕ Е.Д. АЙПИНА
(К ВОПРОСУ ОБ УРБАНИСТИЧЕСКОМ КОДЕ ХАНТЫЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ)
Косинцева Е.В. 145

- РОЛЬ СИМВОЛА «СУДЬБА» В РАСКРЫТИИ РОМАНТИЧЕСКОГО
ОБРАЗА ГЕРОЯ РОМАНА Г. РОБЕРТС «ШАНТАРАМ»
Кудинова О.А., Кудинова В.И. 160

- ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОМПОЗИЦИИ ПРОЗАИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ИДИОСТИЛЕ ПИСАТЕЛЯ
Маргазанов А.М. 171

ЖУРНАЛИСТИКА

ТИПОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ
СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКИХ МАСС-МЕДИА)

Гуськова С.В. 181

**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ
И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭМОЦИИ СТРАХА
В СЕРБСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Кабанова С.А. 198

**КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ**

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ
ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Жубасева О.С. 212

АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА
ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРА РОССИИ И НОРВЕГИИ

Кобцева С.А. 227

КОНЦЕПТ «ХЛЕБ» КАК ФРАГМЕНТ РУССКОГО
ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Макарова О.В. 248

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
ПРОКЛЯТИЙ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Мутаева С.И., Рабаданова С.М., Мишаева М.В. 256

ГЛАГОЛ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СТАТИЧЕСКОЙ
ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ШУРЫШКАРСКОГО ДИАЛЕКТА)

Нахрачева Г.Л. 266

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛА ОМЭСТӢ ‘СИДЕТЬ’
В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ШУРЫШКАРСКОГО ДИАЛЕКТА)
Нахрачева Г.Л. 275

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В АНГЛИЙСКИХ И ДАРГИНСКИХ
ПАРЕМИЯХ О ГЛУПОСТИ
Омарова П.М., Алибекова Д.М. 282

КОНЦЕПТ ‘ДОМ’ В ХАНТЫЙСКОМ
И НЕНЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
Потпот Р.М. 292

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПЕРЕДАЧИ
ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. 303

ЧАСТНЫЕ ВИДОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА
В ЗЕРКАЛЕ ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ
ПЕРЕВОДА «МЕРТВЫХ ДУШ» Н.В. ГОГОЛЯ)
Ташлыкова М. Б., Буй Тху Ха 312

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СРАВНЕНИЯ С ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. АБУ-БАКАРА
Алиомарова Г.И., Семиляк В.И., Магомедова Л.А. 334

КОГНИТИВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОВРЕМЕННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНО-ИНТЕГРАТИВНЫХ
ПРОЦЕССОВ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)
Ковригина Г.Д. 348

**МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ:
ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА****Воинова А.А.** 364**РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ****ГОЛОД 1932–1933 гг. НА ЮЖНОМ УРАЛЕ КАК ОДИН
ИЗ ФАКТОРОВ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ****Ажигулова А.И.** 377**НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ****СМЫСЛОВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПОЗИЦИЯХ
ИЗОБРЕТАТЕЛЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ****Лёвкина А.О.** 394**НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ****СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ****Аносов С.С.** 416**ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ** 433

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

HOUSING MAINTENANCE AND UTILITIES BOARD OF PENZA
REGION IN 1950–1980 FROM THE POPULATION’S VIEW
Gushchin A.A. 7

PART OF THE KUBAN COSSACKS IN ENSURING REGIONAL
SECURITY AND MAINTAINING PUBLIC ORDER: THE BASIC
STAGES AND FORMS (1990s – 2010s)
Matsievsky G.O. 22

REGIONAL AND LOCAL HISTORY. REGIONAL STUDIES THROUGH HISTORY

N.M. JADRINTSEV AND ALTAI: RESEARCH ACTIVITIES
OF THE PUBLICIST AND HIS ROLE IN THE DEVELOPMENT
OF ALTAI PERIODICALS
Antipova I.V. 56

LIVESTOCK BREEDING OF THE TRANSURALS REGION
IN THE YEARS OF THE CIVIL WAR AND THE NEW ECONOMIC
POLICY (1919-1928)
Ivanenko V.E. 65

WORK ORGANIZATION OF AUTHORITIES SUPPLYING RATIONS
FOR THE ARMY DURING THE PROVISIONAL GOVERNMENT
PERIOD (ON THE EXAMPLE OF NIZHNY NOVGOROD PROVINCE)
Subbotina I.A. 78

INFANT MORTALITY IN THE SOUTHERN URALS
IN THE 1930 YEARS
Khisamutdinova R.R., Azhigulova A.I. 92

**ARCHAEOLOGY, ETHNOLOGY, ETHNIC STUDIES
AND HISTORICAL ANTHROPOLOGY**

FEMALE HEAD-DRESS 'CHUKHTA' AND ITS KINDS
AMONG THE AVARS

Musaeva M.K., Gimbatova M.B. 107

**HISTORIOGRAPHY.
HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY.
SOURCE STUDIES**

PROBLEM OF THEODICY AND PERSONAL FREE WILL
IN THE EARLY MEDIEVAL PHILOSOPHY: FROM METAPHYSICAL
INTELLECTUALIZATION TO METAPHYSICS OF FAITH

Erokhin A.K. 119

SOCIAL PHILOSOPHY

DILEMMA OF OBJECTIVES OF HIGHER EDUCATION
IN PHILOSOPHICAL MEASUREMENT

Erokhin A.K., Vlasenko A.A. 132

LITERARY THEORY. TEXTOLGY. FOLKLORE STUDIES

RECEPTION OF THE EUROPEAN CITY IN THE PROSE BY E.D. AIPIN
(CONCERNING THE URBAN CODE OF THE KHANTY LITERATURE)

Kosintseva E.V. 145

ROLE OF THE SYMBOL "FATE" IN REVEALING
THE ROMANTIC IMAGE OF THE MAIN CHARACTER
IN SHANTARAM, THE NOVEL BY G.D. ROBERTS

Kudinova O.A., Kudinova V.I. 160

ON THE COMPOSITION PECULIARITIES OF THE WRITER'S
PROSE AND INDIVIDUAL STYLE

Martazanov A.M. 171

JOURNALISM

TYPOLOGY OF MODERN REGIONAL MASS MEDIA:
(THE CASE OF TAMBOV MASS MEDIA)

Gus'kova S.V. 181

COMPARATIVE-HISTORICAL, TYPOLOGICAL AND COMPARATIVE LINGUISTICS

THE WAY OF THE MANIFESTATION OF FEAR EMOTION
IN THE SERBIAN AND RUSSIAN LANGUAGES

Kabanova S.A. 198

COGNITIVE LINGUISTICS AND LINGUOCULTURAL STUDIES

COGNITIVE-COMMUNICATIVE PERSONALITY CATEGORY
IN THE KAZAKH LANGUAGE

Zhubaeva O.S. 212

ANALYSIS OF THE CONCEPTUAL WORLD VIEW
OF THE NORTH RUSSIA AND NORWAY INHABITANTS

Kobtseva S.A. 227

CONCEPT «BREAD» AS A FRAGMENT OF THE RUSSIAN
LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Makarova O.V. 248

NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF THE DARGWA
LANGUAGE CURSES

Mutayeva S.I., Rabadanova S.M., Mishayeva M.V. 256

VERB AS A MEANS OF STATIC SPATIAL LOCALIZATION
EXPRESSION IN THE KHANTY LANGUAGE
(AS BASED ON OF THE SHURYSHKAR DIALECT)

Nakhracheva G.L. 266

SEMANTIC STRUCTURE OF THE VERB OMĚSTĪ ‘TO SIT’ IN THE KHANTY LANGUAGE (AS BASED ON THE SHURYSHKAR DIALECT)	
Nakhracheva G.L.	275
CULTURE CODES IN ENGLISH AND DARGIN PAROEMIAS ABOUT FOOLISHNESS	
Omarova P.M., Alibekova D.M.	282
CONCEPT ‘DWELLING PLACE’ IN THE KHANTY AND NENETS LINGUISTIC CONSCIOUSNESS	
Potpot R.M.	292
LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES AND TRANSLATION STUDIES	
ONTOPICAL ISSUES OF CONVEYING THE ETHNO-SPECIFIC COMPONENT OF THE LITERARY TEXT TRANSLATION	
Parsieva L.K., Gatsalova L.B.	303
SPECIAL ASPECT MEANINGS OF THE RUSSIAN VERB IN THE VIETNAMESE LANGUAGE CONTEXT (BASED ON THE TRANSLATION OF DEAD SOULS BY N. GOGOL)	
Tashlykova M. B., Bui Thu Ha	312
INTERDISCIPLINARY RESEARCH	
COMPARISONS WITH ETHNOCULTURAL COMPONENT IN THE WORKS BY A. ABUBAKAR	
Aliomarova G.I., Semilyak V.I., Magomedova L.A.	334
COGNITIVE PROBLEM IN THE MODERN STUDIES OF SOCIO-INTEGRAL PROCESSES (TO A FIRST APPROXIMATION)	
Kovrigina G.D.	348

THIRD GENERATION UNIVERSITY MISSION:
CHALLENGES OF MODERN SOCIETY

Voinova A.A. 364

YOUNG SCIENTIST

THE FAMINE OF 1932–1933. IN THE SOUTHERN URALS
AS ONE OF THE FACTORS OF CHANGE IN POPULATION

Azhigulova A.I. 377

SCHOLARLY DISCUSSIONS

CONFLICT SENSES IN POSITIONS OF INVENTOR
AND ENTREPRENEUR IN CONTEXT OF MODERN CIVILIZATION

Ljovkina A.O. 394

SCIENTIFIC REVIEWS AND REPORTS

SOCIAL SOLIDARITY: A THEORETICAL RETHINKING
IN CONTEMPORARY SOCIAL SCIENCE

Anosov S.S. 416

RULES FOR AUTHORS 433

Подписано в печать 25.12.2017. Дата выхода в свет 16.01.2018. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 31,92. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP93/017. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.